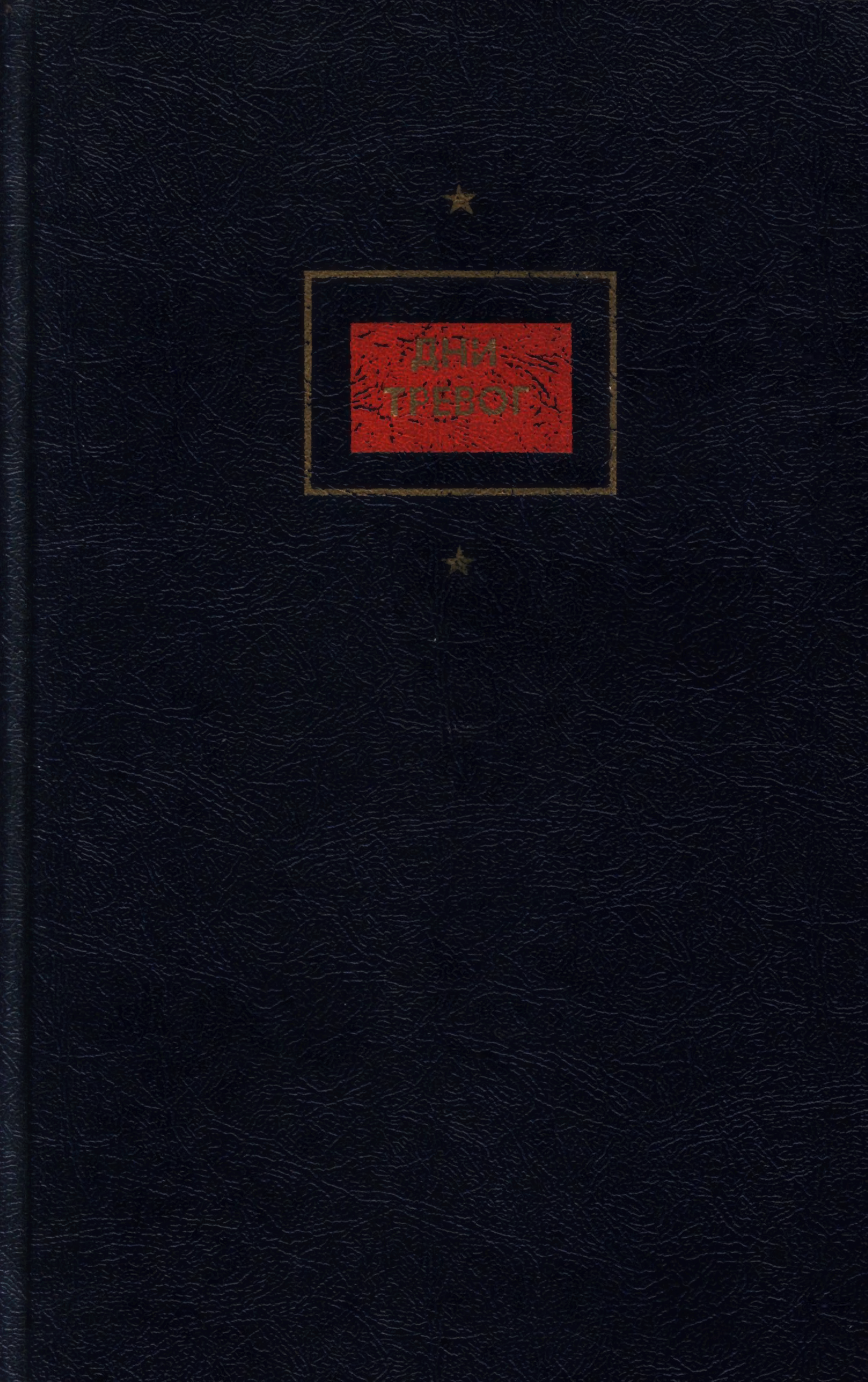

ДНИ
ТРЕВОГ

ДНИ ТРЕВОГ

Повести,
рассказы, очерки
о людях милиции

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1983

Составители:
Б. С. РЯБИНИН, А. И. ТРОФИМОВ

Рецензент
Е. С. ВОРОБЬЕВ,
полковник милиции

В подготовке сборника принимали участие работники управления внутренних дел Свердловского облисполкома Б. В. Виноградов, Е. С. Воробьев, А. М. Масалыкин, Л. П. Монетов, Н. И. Щекутова

Д $\frac{4702010200-061}{М158(03)-83}$ 52-83

СЛУЖИМ НАРОДУ

Советская милиция была создана на третий день после победы пролетарской революции в России. Новое государство, государство рабочих и крестьян, с его новой политической системой, нужно было защищать и укреплять. В те дни в ряды милиции пришли участники Октября, люди с огромным зарядом революционной энергии, с чувством высокой ответственности за порученное дело.

Одним из боевых отрядов советской милиции является милиция Среднего Урала. Вместе со всей страной милиция нашей области развивалась и совершенствовалась в огне гражданской войны, в борьбе с разрухой, в период социалистического строительства, в суровые годы Великой Отечественной войны и в напряженные послевоенные годы. На всех этапах революционной борьбы и труда она выполняла ответственные задачи по укреплению социалистического правопорядка.

В областном Музее истории милиции есть примечательный экспонат — фотография партийного билета первого начальника Екатеринбургской губернской милиции Петра Григорьевича Савотина. Сподвижником и соратником его был Савватей Архипович Борхаленко, командир 47-й милицейской бригады, разгромившей крупные банды в Ирбитском уезде. Из двадцатых годов дошли до нас имена Николая Михайловича Вотинова — начальника 8-го района милиции Нижнетагильского округа; Евгения Ивановича Рудакова, начальника милиции 3-го района Алапаевского уезда. Его имя стоит первым на мемориальной доске, установленной в областном Управлении внутренних дел в память о погибших на боевом посту. В период индустриализации и коллективизации сельского хозяйства в области сыщиком номер один назван Александр Иванович Кандазали, который раскрыл в то время немало сложных, запутанных преступлений.

Многие названные и не названные поименно солдаты правопорядка свердловской милиции пронесли сквозь годы свое высокое назначение. Их имена составляют честь и славу милиции всей страны.

Милиция наших дней развивает лучшие традиции, созданные предыдущими ее поколениями. В современных условиях главные свои усилия солдаты правопорядка направляют на предупреждение правонарушений, на то, чтобы никто не мог безнаказанно посягать на интересы государства и личности. Развернутая программа деятельности милиции определена в решениях XXVI съезда партии, в постановлении ЦК КПСС от 2 августа 1979 года «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями».

Совершенствуется ныне структура милицейских подразделений

и служб. Обнаружить следы преступника, разыскать и изобличить его инспектору уголовного розыска и следователю помогают теперь электронно-вычислительная техника и кинофотосъемки, магнитофонная запись и тончайшие методы физико-химического анализа. Служба охраны общественного порядка оснащена современным транспортом, средствами связи. Все это помогает органам милиции быстрее реагировать на заявления и сообщения граждан о происшествиях, вовремя предупреждать, пресекать преступления, раскрывать их по горячим следам. Во всей своей деятельности милиция опирается на помощь и поддержку населения, трудовых коллективов.

Многогранна деятельность милиции: борьба с детской безнадзорностью, работа ОБХСС, уголовный розыск, служба ГАИ... Об этом многообразии и рассказывают в сборнике «Дни тревог» писатели и журналисты. На страницах книги лицом к лицу встают преступник с его ущербной моралью и работники различных служб милиции, защищающие достоинство и интересы советского человека, человека с моралью высокой — социалистической.

Многое в книге осталось «за кадром» — работа народных дружин, оперативных комсомольских отрядов, нет захватывающих погонь за убегающими преступниками... Но есть работа будничная, ежедневная, порой незаметная глазу постороннего. Да, наверное, и немыслимо в одной книге рассказать обо всех чрезвычайно широких обязанностях и многочисленных милицейских делах, зачастую сопряженных с опасностями и риском для жизни, обо всех ее сотрудниках. Но и то немногое, о чем рассказывают участники сборника, поможет читателю составить более глубокое представление о сложности стоящих перед советской милицией и решаемых ею проблем, о людях, для которых главная задача — защита прав и интересов граждан нашей социалистической Родины.

Г. Князев, генерал-майор внутренней службы,
начальник управления внутренних дел
Свердловского облисполкома

ЛЕВ
СОРОКИН

НА ПОСТУ

Земля родная трудится и кормит.
Но беды
Ходят-бродят
И по ней,
И незнакомых в милицейской форме
Встречаем,
Как испытанных друзей.

Спокойно спят
Рабочие кварталы,
Но, если крик прорежет темноту,
От рядового и до генерала —
Милиция на вверенном посту.

Порой погоня
Выльется в мгновенья,
Порой идет
Через снега и зной.
А кто-то раскрывает преступленья
В тиши лаборатории ночной...

Ну а порой бросаться надо в пламя,
В засадах ночи проводить без сна.
Случается,
Посмертно орденами
За храбрость
Награждает их страна.

И плачут чьи-то девушки и вдовы,
Друзья без слов
Сжимают кулаки.
Друзья не испугаются
И снова
Рванутся на тревожные звонки.

И вновь, смахнув с лица
Росинки пота,
Под пулями ворвутся в чей-то дом.
И чем у них опаснее работа,
Тем все мы
Безопаснее живем.

А для земли,
Что трудится и кормит,
Они не пожалеют сил и дней.
Мы незнакомых в милицейской форме
Встречаем,
Как испытанных друзей.

АНАТОЛИЙ ТРОФИМОВ

В НАЧАЛЕ ПУТИ

Очерк

28 октября (10 ноября по новому стилю), на третий день свершения Великой Октябрьской социалистической революции, Народный комиссариат внутренних дел принял постановление «О рабочей милиции», которая должна находиться «...всецело и исключительно в ведении Советов рабочих и солдатских депутатов».

Екатеринбург был разбит на четыре района, в каждом районе создавалась Красная гвардия, которая наделялась функциями милиции. В четвертом районе (Верх-Исетский завод и спичечная фабрика) Красную гвардию, например, возглавлял член партии с 1906 года Петр Захарович Ермаков. Во главе центрального штаба Красной гвардии Екатеринбурга находился матрос-большевик Павел Данилович Хохряков. По решению III Уральской партийной конференции (24—29 января 1918 г.) красногвардейские отряды стали создаваться и в сельской местности.

Летом 1918 года вспыхнул мятеж белочехов, колчаковцы подступили к Екатеринбургу и взяли его.

Полностью Урал был освобожден от Колчака в июле 1919 года. В наследство от «правителя» остались разрушенные заводы и фабрики, вытоптанные поля, взорванные мосты и железные дороги. Эта обстановка вызвала неизбежный рост преступности — грабежей, убийств, насилий, спекуляции. Резко увеличилась беспризорность. Со всем этим надо было бороться милиции и органам государственной безопасности. При административном отделе Екатеринбургского губисполкома создается подотдел — управление рабоче-крестьянской милиции. Но для руководства им подходящей кандидатуры не находилось. Стоило подобрать энергичного товарища, как его тут же перебрасывали на «еще более ответственную» работу.

Да и не каждый охотно брался за очень хлопотное милицейское дело. В октябре 1919 года в Екатеринбург приехал Петр Григорьевич Савотин. В то время ему было 35 лет. Бывший закройщик-кожевенник, он успел пройти большую жизненную школу. С 1908 года служил в царской армии. В своей автобиографии Петр Григорьевич пишет: «Перед окончанием срока службы я был назначен с отдачей на год

в дисциплинарный батальон за революционную пропаганду».

В 1914 году Савотина отправили на русско-германский фронт. До самой революции он пробыл в окопах. Дважды ранен, контужен, травлен газами. Там, на фронте, сошелся с большевиками и сам стал большевиком.

Недавний рабочий и солдат, закончивший лишь земскую школу, он становится во главе милиции крупнейшей губернии. Исходя из административного деления, Савотин разрабатывает структуру губернского аппарата милиции. Вот что он докладывал в своем рапорте в Главное управление:

«Выработана схема организации советской милиции по каждому уезду губернии, т. е. установлены определенные (временные) штаты канцелярий управления и районов в городе и уездах. Определены штаты милиционеров путем начисления по количеству населения в городе и уезде... и произведено распределение милиции для несения постовой и резервной службы».

Руководил П. Г. Савотин губернской милицией по сентябрь 1923 года. Покинуть этот пост вынудили тяжелые болезни — последствие ранений и контузии.

Мне много приходилось писать о людях уральской милиции. Эта страница — о начальнике волостной милиции Алапаевского уезда Евгении Рудакове и его товарищах.

«Совместно с офицерами 1-го Самарского желбата сели на паровоз, готовясь к отступлению. В это время выбегают товарищи красные на перрон и с криком «Стой, сволочь!» начали обстреливать паровоз и вагоны. Не растерявшись, я выскочил из паровоза, ползком через пути пробрался...»

Читаю, вчитываюсь в карандашные строки гимназической тетради и мало-помалу разбираюсь, что к чему в этих записях. Оказывается, автор дневника ведет речь о событиях ночи с 13 на 14 декабря 1919 года, когда части Красной Армии, тесня колчаковцев, ворвались на станцию города Новониколаевска [1], где стоял под парами паровоз с пассажирскими и почтовыми вагонами. В почтовом вагоне под охраной роты 1-го Самарского железнодорожного батальона находились мешки с деньгами Барнаульского казначейства. Ротой охраны командовал прапорщик [2] Василий Андреевич Толмачев, которому и принадлежит заинтересовавший меня дневник.

Куда же пробирался «выскочивший из паровоза» и «нерастерявшийся» Василий Толмачев?

«Пробежав станционные пути, я укрылся в доме знакомого чиновника здешней дороги. Он снабдил меня питанием, переодел в солдатскую шинель без погон. Имея надежду догнать Верховного, я подался...»

---

[1] Новониколаевск — с 1925 года Новосибирск.

[2] В царской армии прапорщик — младший офицерский чин (только в военное время).

Пробрался, подался... Нет, никуда не пробрался в тот раз Толмачев, хотя и подался. В Нижнеудинске, как пишет он, его арестовали и переправили обратно в Новониколаевск.

[illegible] Писал он доверительно и несколько нелогично.

«В камере, рассчитанной на 75 человек, нас набили более двухсот. Это были лучшие сыны России, самые преданные ей офицеры. Я видел, как они грызлись меж собой из-за корки хлеба, как их, грязных и оборванных, грызли вши (какая тут логика! «Лучшие сыны» и вот так между собой из-за корки! — **А. Т.**)... Обсудив вопрос о бегстве вместе с коллегами, мы решили все разбежаться по разным сторонам, предпочитая лучше жить в лесах, чем в тюрьме, заранее зная, что оправдания быть не может».

Почему я листаю этот дневник? Что привлекло мое внимание?

Немалое значение имеет обостренное любопытство человека, который с малых лет стремится хоть краем глаза заглянуть в студеную зиму 1920 года, когда восставшие кулаки остервенело искололи вилами и бросили в колодец братьев моего отца тюменских коммунистов ветеринарного врача Андрея Трофимова и председателя Пятковской коммуны Николая Трофимова; заглянуть в ту зиму, когда ручьями лилась кровь сотен и тысяч других борцов за новую жизнь. Дневник колчаковского офицера Толмачева в какой-то степени позволял это сделать. Но была и другая цель.

Вернемся к дневнику и прочитаем еще несколько строк:

«Мне удалось бежать. В Новониколаевске перешел по льду Обь, на станции Кривощеково влез в товарный вагон и добрался до Барабинска, оттуда — в Омск, потом — в Тюмень. Выдавая себя то за спекулянта, то отпущенного по болезни красноармейца, я пробирался к себе домой в Топорковскую волость...»

Стоп! Запомним — Топорковская волость.

Теперь о второй, главной цели, которая толкнула меня порыться в архиве.

Мне нужны были материалы, касающиеся зарождения милиции на Урале: и той, что после Февральской революции сохраняла кадры царского режима, и той, которая родилась после завоеваний Октября, попутно и материалы о милиции, существовавшей при Колчаке.

Собирая материал, я наткнулся вначале на дневник колчаковца Василия Толмачева, а затем на небольшую корреспонденцию под названием «Страничка скорби», опубликованную в газете «Уральский рабочий» 28 июля 1920 года.

«9 июля в Алапаевске состоялись торжественные похоро-

ны начальника милиции 3-го района Е. И. Рудакова и его жены, зверски убитых скрывающимися в лесу бандитами.

Тов. Рудаков и его жена были схвачены по дороге к деревне, куда Рудаков ехал к месту службы. И только через несколько дней их трупы были найдены в страшно изуродованном виде. Некоторые части тела были совершенно отсечены сабельными ударами...»

Третий район... Листаю справочник: третий район[1] милиции Алапаевского уезда обслуживал Топорковскую волость.

Белогвардеец, пробирающийся в Топорковскую волость, и начальник милиции, убитый в этой волости...

Прежде всего хотелось разыскать личное дело Е. И. Рудакова, но, увы, его не было, зато в мои руки попал не менее ценный документ — рапорт начальника Екатеринбургской губернской милиции Петра Григорьевича Савотина:

«22 июня Рудаков Евгений Иванович приехал из района, который находится в Топорковской волости, в Алапаевск за получением инструкций, жалованья для третьего района и за женой. 24 июня 1920 года Рудаков выехал из Алапаевска в свой район. В 12 верстах от Верхней Синячихи он попал в засаду...»

Не пересеклись ли пути начальника милиции Топорковской волости коммуниста Евгения Ивановича Рудакова и уроженца этой волости колчаковского офицера Василия Толмачева? Там, в двенадцати верстах от Верхней Синячихи?

Прочитаем еще несколько строк из дневника прапорщика:

«В Туринске пришлось задержаться. Здесь я встретил капитана Тюнина Михаила Евгеньевича, под началом которого служил в Челябинске. Он говорил мне: «По лесам да хуторам скрываются сотни таких, коим Советская власть на мозоль наступила. Подбодрить, объединить в отряды, вооружить программой действий. Начать с малого: бить исподтишка комиссаров да комитетчиков, нагонять страху на других, а придет время — подняться всей неоглядной силой да так тряхнуть мужицкую власть, чтобы вся Россия застонала...»

Я представляю себе этот разговор в избе на окраине Туринска. Низкий потолок, керосиновая лампа, за жарко натопленной печкой шебаршат тараканы. Когда Тюнин поднимается и, прихрамывая, начинает расхаживать по неровным половицам, тень его, ломаясь в простенках, мрачно мечется. Его осевший голос, блеск пенсне, эта уродливая тень возбуждающе действуют на Толмачева, и он слышит гул лихих эскадронов, беспощадный свист своей офицерской шашки...

О кое-каких наставлениях Михаила Тюнина прапорщик Толмачев рассказывает в своем дневнике. В частности, Тю-

---

[1] В тот период аппарат милиции, согласно разработке П. Г. Савотина, представлял следующее: в центре — губернское управление, на местах — уездно-городские управления, которые, в свою очередь, были разбиты на районы, а каждый район — на 4 участка.

нин советовал разыскать Афанасия Мугайского, у которого должны быть подробные инструкции полковника Казагранди[1], в дела Мугайского не вмешиваться, начинать формирование нового отряда. Когда у Толмачева соберется сотни полторы, он должен сообщить об этом Тюнину через настоятельницу женского монастыря Евгению Гигину.

Как видим, предположения, что к трагедии, разыгравшейся по дороге в Верхнюю Синячиху, причастен и прапорщик Василий Толмачев, небезосновательны.

Только в апреле добрался Василий Толмачев до родного дома. Отец отпарил его в бане и той же ночью увел за реку Тагил в таежную глухомань, где в домовито оборудованных землянках и в скитах старообрядцев скрывались от призыва в Красную Армию сыновья местного кулачества и недавние верноподданные Колчака. На первых порах у Толмачева набралось сорок человек, его помощником стал Илья Берестнев, местный крестьянин, тоже колчаковец.

— Больше будет, Илья Семенович,— подбадривал Толмачев Берестнева и стучал себе ребром ладони ниже затылка.— Продразверстка вот где сидит у мужиков. Без нашей указки начинают вспарывать животы продотрядникам, а за это Советы не жалуют. Куда таким мужичкам деваться? Только к нам. Вот подсоберется больше — так тряхнем, что...

Говоря это, Толмачев верил, что придет время — тряхнут.

А силы действительно зрели. Земля Урала и Сибири не остыла от прокатившегося по ней огненного вала гражданской войны, подспудно шаяли еще угли под пеплом, раздувались остатками разбитых колчаковцев. Эсеровско-кулацкие мятежи под демагогическим лозунгом «Советы без коммунистов!», охватившие всю европейскую часть России и часть Урала и Западной Сибири, унесли еще тысячи жизней.

Толмачев не стал откладывать свою встречу с главарем соседней банды Мугайским до поры, когда установятся дороги. Ночью, увязая в ноздреватых, подточенных весенним теплом сугробах, пробрался он в лесничество тридцатидвухлетнего брата своего Александра Толмачева. Тот снарядил ему розвальни, дал в провожатые одиннадцатилетнего сына.

— Если наскочишь на кого из краснюков, прячься где-нито в кустах, а Ильюшка отбрешется. Тятька, мол, в Топорково послал,— растолковывал он брату.

Отряд Афанасия Мугайского обосновался на берегу реки Вязовки в охотничьих избушках. Афанасий — высокий, с пегой щетиной на длинном лице — встретил Толмачева с нескрываемой радостью. Выходит, не врал полковник Казагранди, что не одни мужики взялись за топоры и берданки. Вон уже боевые офицеры прибывают к ним на помощь.

О совместной борьбе договорились сразу. Бить продотряд-

[1] Колчаковский офицер, командовал группой войск.

ников, сжигать комбеды, грабить ссыпные пункты, всячески препятствовать объявленной мобилизации в Красную Армию.

Таким образом у Советской власти появилась новая проблема — борьба с дезертирством. Парни глухих деревень, запуганные кулачеством и духовенством, уходили в леса, пополняли ряды бандитских шаек.

В тот период и родились новые органы Советской власти — комиссии по борьбе с дезертирством. Они вели широкую пропагандистскую работу, а когда вынуждала обстановка, вместе с подразделениями ВЧК, милиции и Красной Армии брались за оружие.

Толмачев и Мугайский договорились слияние отрядов провести, как только подсохнут дороги, улучшится связь с деревнями, снабжение продовольствием, а пока решили действовать самостоятельно, в зависимости от обстановки.

Как они действовали, рассказывает вот этот документ — докладная записка старшего милиционера Г. Беленкова:

«Я, старший милиционер Топорковской волости, откомандировал трех милиционеров: Санина Гавриила, Михайлова Петра и Кислицина Константина, и с ними откомандировано три продармейца, которые находились на ссыпном пункте 19 апреля. Убиты 20 апреля в 12 верстах между деревень Кыскиной и Комельской в логу. 26 апреля туда поехал представитель из губернии товарищ Клементьев Михаил Иванович, который проводил собрание, и тоже убит...»

В этой же архивной папке другой документ, но датирован он не апрелем, а двумя месяцами позже — июлем 1920 года: рапорт начальника Алапаевской уездной милиции Аркадия Кононова. Он как бы дополнял то, о чем сообщала газета «Уральский рабочий» 28 июля 1920 года.

«Около городского дома РКП собралось 2500 человек... В 5 часов 30 минут 9 июля трупы (Рудаковых.— **А. Т.**) были направлены на братскую могилу для погребения...

На братской могиле много говорило ораторов (Из других источников известно, что выступали коммунисты Алапаевска Постников, Просолупов, Балакин, Подкорытов.— **А. Т.**), сделаны ружейные залпы. Арестованные мною бандиты стояли у гробов Рудаковых лицом к толпе».

К рапорту приложена фотография. Правда, она сделана не у братской могилы, а в лесу, на месте убийства. Останки Рудаковых убраны в обитые кумачом гробы. Гроб Евгения Ивановича Рудакова покоится на шестах, которые держат люди в шинелях, шесты с гробом Клавдии Николаевны в руках женщин, головы которых покрыты белыми косынками с красным крестом. Позади — скопление крестьян, от престарелых до мальчишек четырнадцати-пятнадцати лет. Над головами процессии натянутые на древки полотнища с лозунгами: «Да здравствует Советская Федеративная республика!», «Да здравствует Третий Интернационал!»

Впереди этой траурной колонны двое в гимнастерках, перетянутых ремнями с портупеей, с наганами на правом боку. Тот, что повыше,— Аркадий Кононов, начальник Алапаевской уездной милиции, второй, похоже, волостной военком Долганов.

Еще совсем недавно, сразу после первомайского митинга, начальник милиции Аркадий Кононов, расхаживая по скрипучим половицам своего кабинета, рассказывал круглолицему, с лихо закрученными усами Рудакову о положении в Топорковской волости. Убитые, о которых докладывает старший милиционер Белёнков, не первые жертвы бандитов, а, добраться до этих бандитов милиция пока не может.

— Ты же знаешь, какая буза охватила Топорковскую волость,— говорил Кононов.— Военком там Федот Долганов — мужик стоящий, но что он сделает, когда людей кот наплакал. И милиция сразу трех потеряла... Ваську Толмачева сыщите да Афоню Мугайского. Мои ребята сообщают, что в их бандах за четыре сотни перевалило. Надо разагитировать молодых и бородатых дураков, чтобы отлепились от них. Бедняков малосознательных в шайках много, обещай от имени Советской власти — карать не будем, простим. Ну а всяких Иконниковых да Берестневых, что с Колчаком ходили... Придется рубить — так руби до самой сидячки.

За окном голубое безоблачное небо, буйно зеленеет в палисаднике крыжовник, начинает и тополь расправлять маслянистые клейкие листочки... Сознавал Рудаков — надо ехать. Но как быть с дочкой? Восемь лет всего. Клава на последнем месяце беременности. Куда определить? Спросить Кононова? Он и так все знает, а посоветовать... Что он посоветует?

— Когда ехать? — поднялся Рудаков.

— А вот подпишу мандат, пришлепну печать — и в дорогу. Возьмешь с собой пятнадцать человек — милиционеров и красноармейцев из комиссии по борьбе с дезертирством. Весь мой конный резерв. Не расчихвостишь банду, загубишь людей, тогда... Сам понимаешь. До Алапаевска могут добраться.

Уже в десятых числах мая Рудаков выступил против банды, расположившейся вдоль реки Вязовки. Колчаковского унтера Афанасия Мугайского кто-то известил о прочесывании леса отрядом Рудакова, и тот готовился к встрече, но серьезного сопротивления оказать не мог. Рудакову удалось распылить главные силы банды. Часть крестьян — в основном молодые парни из окрестных деревень — побросали оружие, сдались на милость милиции. Афанасию Мугайскому удалось скрыться. Он добрался до деревни Берестнево, оттуда связные доставили его в расположение Василия Толмачева.

Рудаков с волостным военкомом Федором Долгановым еще несколько дней прочесывали Вязовский лес. То тут, то там обнаруживали поспешно брошенные землянки. Кто-то

увязался за Мугайским и перебрался в банду Толмачева, кто-то навострил лапти в родную деревню: пропади она пропадом, война эта. Вон уже трава до колен, сено косить надо, а там и до жатвы недалеко...

Оторвавшись от облавы, бродил одиноко по лесу обросший белым пухом, обовшивевший, неженатый еще мужик из деревни Комаровой — Федор Комаров. И в лесу оставаться, и в деревню к тятьке с мамкой идти — всего боялся Федор: расстреляют, не пощадят. Бухался на колени, крестил свою глупую башку, лепетал без особой надежды: «Святый боже, святый крепки, святый безмерны...» Забыв, что еще там, Федька доставал из-за пазухи клочок бумажки с накорябанной на нем молитвой, выскуливал: «...святый безмерны, помилуй нас от вечных мук ради пречистые крови твоя. Прости нам прегрешения наши ныне и присно и во веки веков...»

Этот клочок бумажки дошел до нас. Его изъяли у мертвого Комарова. Не собирались убивать его милиционеры Рудакова. Узнав парня из Комарова, кричали ему, называли по имени, уговаривали бросить винтовку, вернуться в деревню, сообщали, что ждет его там Тонька-зазноба. Не послушался. Залег за сосной, распаляя себя, стрелял, пока не убили.

Кроме молитвы нашли у Федора Комарова еще и недописанное письмо к родителям: «Теперь не знаю придется или нет вернуться домой простите и благословите дорогие родители наверно больше не видеться можно было бы жить еще так как жили но это лютей и можно замереть голодной смертью очень плохо нашему брату пожалел я своего имущества...»

Но вот наконец у меня в руках составленный заведующим губернским отделом юстиции Алексеем Федоровым «Обвинительный акт по делу ста тринадцати». Именно столько человек предстало перед Екатеринбургским военным трибуналом в связи со зверским убийством Евгения Ивановича Рудакова, его жены Клавдии Николаевны и многих других представителей местной власти. К этому же времени подоспело письмо из Алапаевска от старого большевика Владимира Алексеевича Спиридонова. Он писал: «В период пребывания колчаковцев Евгений Иванович Рудаков служил в комендантской части и доставал документы для коммунистов о их «благонадежности». Он очень многих спас».

Вот почему, интересуясь историей зарождения советской милиции на Урале, воссоздавая события, предшествовавшие гибели коммуниста Е. И. Рудакова, я искал и сведения о милиции, существовавшей при Колчаке. Дело в том, что осложнившаяся обстановка на Восточном фронте в 1918 году (и не только на фронте, но и во всей стране) требовала от ЦК партии принятия новых решительных мер борьбы с белогвардейщиной и интервенцией. Одной из таких мер явилась активизация большевистского подполья в тылу врага. В де-

кабре 1918 года ЦК постановил создать Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б), в которое вошли опытные большевики, умелые организаторы подпольной работы.

В Алапаевске подпольную группу возглавлял Ефим Андреевич Соловьев. Связанные с этой группой коммунисты сумели устроиться в железнодорожные мастерские, в пекарню, проникли в воинские учреждения, в колчаковскую милицию.

Последующие документы все же уточняли: Евгений Иванович Рудаков конспиративно работал не в колчаковской милиции, а в военной комендатуре. Но это не меняло дела. Процитирую несколько строк из воспоминаний старого большевика Алапаевска, члена партии с 1918 года Аркадия Павловича Селенина:

«Евгений Иванович Рудаков был при царском строе подпольщиком-большевиком, работал слесарем на... металлургическом заводе. Состоял в боевой дружине рабочих...»

Алапаевск славен революционными делами. Еще в 1903 году здесь был создан социал-демократический кружок, которым руководил Николай Коростелев. События 1905 года отмечены в Алапаевске крупнейшей забастовкой, которая завершилась созданием Совета рабочих и крестьянских депутатов. В гуще политических и революционных событий в то время был и молодой слесарь Евгений Рудаков.

А. П. Селенин пишет дальше:

«За изготовление бомб для борьбы с царским самодержавием в 1907 году Рудаков был арестован, сидел в тюрьме пять лет. С 1917 года с оружием в руках сражался красногвардейцем с белогвардейцами за Советскую власть».

Разве мог такой человек, прошедший испытания на крепость еще в годы первой революции, остаться в стороне от подпольной работы! Нет, Рудаков был одним из многих рядовых коммунистов, которые шли в самое пекло борьбы.

Вернемся к событиям лета 1920 года.

8 июня банда Василия Толмачева, несколько оправившись от ударов, нанесенных объединенным отрядом милиционеров и красноармейцев, собралась, чтобы определить дальнейшие свои действия. Присутствовал и капитан Михаил Тюнин, с которым Василий Толмачев встречался в Туринске. Любопытны показания одного из арестованных позже бандитов — Петра Берестнева, непосредственного участника убийства коммуниста Рудакова и его жены:

«На собраниях я был три раза. На одном был какой-то неизвестный мне мужчина, назвавший себя офицером. Он среднего роста, на глазах пенсне со шнурком, одет в кожаные с высоким подбором сапоги, черную поддевку, защитного цвета галифе, на ремне кобура с револьвером, на голове шляпа. Фамилию его не знаю, но брат называл его — Михаил Евгеньевич. На собрание в лес к нему приходила монашка. Имя ее Евгения Александровна... Она приносила Михаилу

Евгеньевичу сухари, сливочное масло, два огурца и остальное, что — не помню. Он ночевал в лесу. На собрании говорил: «Надо соединяться всем вместе, иметь связь, искать в лесу и деревнях дезертиров, и их организовывать. Я имею связь с Ирбитом, Алапаевском, Екатеринбургом, а другие, подобные мне, имеют связь и дальше, а когда все будет устроено, связь будет широка и глубока, мы устроим восстание, я вам оружие достану, патронов».

Утверждая все это, Михаил Тюнин не врал, не бахвалился. Достаточно хотя бы вспомнить Антонова, главаря восстания в Тамбовской губернии, которому удалось направить против Советской власти десятки тысяч обманутых крестьян.

Зрело крупнейшее восстание в Сибири и на Урале, которое войдет в историю как Ишимское восстание. Я пересмотрел десятки архивных дел, в которых то и дело встречались документы, от чтения которых прохватывало ознобом:

«Весьма срочно.

Начальнику Екатеринбургской уездн. сов. милиции.

9 августа 1920 года. Рапорт.

Уткинский волостной военный комиссар сообщил мне, что между станциями Кузино и Коуровка на жел. дорожном мосту ожидается нападение со стороны банды количеством около 400 человек, вооруженных будто бы даже и пулеметами. Нападение ожидается в ночь на сегодняшний день. Я с отрядом милиционеров сейчас выезжаю. Примите зависящие от вас меры немедленно. П. Рогозников».

Нельзя без волнения читать эти строки. Они — свидетельство высокого духа людей, защищавших завоевания Октября. Много ли мог поставить под ружье начальник милиции Рогозников? От силы 20—30 человек. Для волости в то время — уже хорошо. Но ведь в банде около полутысячи. Но Рогозников идет им навстречу с горсткой отважных милиционеров.

Несколько подробнее расскажу вот об этой телеграмме:

«17 марта разведка Вотинова имела столкновение с отрядом противника в 60 верстах севернее деревни Омелинской. После продолжительной перестрелки с нашей стороны убит начальник 1-го района Верхотурской милиции Салтыков, ранены милиционеры Медведев и Бушуев. У противника убито до 15 человек. Начальник уездгормилиции Верхотурья Корюков».

Впоследствии мне удалось найти поименный список отряда Верхотурской милиции, которым командовал Михаил Салтыков. Пламя Ишимского восстания плеснулось на север Тюменской и Екатеринбургской губернии. Пришлось браться за оружие тамошней милиции, в частности Верхотурской.

Деревня Омелинская — несколько ошибочное написание в телеграмме. Это деревня Омелино сегодняшнего Гаринского района Свердловской области. Посмотрите на карту, под-

нимитесь от Омелино на 60 километров севернее. Сплошные болота! Вот куда загнал белобандитов Михаил Салтыков, вот в каких условиях приходилось с ними сражаться!

Публикуя тогда очерки о прошлом уральской милиции, я упомянул и об этом эпизоде и не подозревал, что он привлечет чье-то внимание, глубоко тронет чьи-то души. Я получил письмо из поселка Мулымья Кондинского района Тюменской области. Оно было от директора средней школы Николая Григорьевича Лопарева. Николай Григорьевич сообщал, что год назад в их школе создан клуб «Искатель», главная задача которого — сбор материалов по истории становления Советской власти в их краю. Ходили в походы различной трудности. Даже до ста километров. Собрали массу материалов для школьного музея. Теперь вот заинтересовались судьбой начальника Верхотурской милиции Салтыкова, который бил белобандитов в тех местах. Решили пройти по пути Салтыкова, собрать материалы о нем, его боевых товарищах.

Одобряя затею «искателей», я даже не подозревал, во что она может вылиться. Какое-то время спустя после письма Лопарева (не помню — месяц или два) мне позвонили из свердловской школы № 62.

— Докладывает директор Мулымьинской средней школы, комиссар похода Лопарев: прошли пешком девятьсот километров. Сегодня прибыли в Свердловск.

Я поспешил в школу. После приветствий моим первым вопросом было: «Куда вас черти занесли, чего вам дома не сидится?» Девятиклассники и девятиклассницы хохочут. Смеются их наставники — директор школы Лопарев и учитель физики — начальник экспедиции Юрий Михайлович Малов.

— Девятьсот? Пешком? — продолжаю сомневаться.

— Девятьсот. Пешком. Ни разу не воспользовались ни попутной машиной, ни попутной подводой.

С самого утра зарядил дождь. Собрались в школе, провели короткое собрание.

Отправная точка — поселок Полушаим. Туда добрались на машине. Позже главный краевед экспедиции Коля Серебряков сделает в дневнике ироничную запись: «Некоторые родители рискнули ехать с нами».

Неподалеку от Полушаима свернули в лес, остановились. Ребята выскочили из-под тента машины, построились. Руководители дали подумать: может, вернется кто? Нет!

Зная, что ожидает ребят, родители еще задолго до похода вели свои бесхитростные атаки, соблазняя ребят путевками на Кавказ, покупками магнитофонов и других заманчивых вещей. Теперь все окончательно стало ясно: нет!

У памятника героям гражданской войны следопыты поклялись мужественно перенести все лишения, с честью пройти тот путь, по которому прошел милицейский отряд Салтыкова.

Впереди шестьдесят пять километров труднопроходимого

болота. Согласно плана на берегу остаются радисты Сергей Разманов, Саша Межецкий и Валя Буканов. С ними, пока форсируют болото (по расчетам — пять суток), будет поддерживать связь радист экспедиции Толя Соловьев. Это была благоразумная предосторожность настоящих следопытов. Болото есть болото. А там, выйдя на твердь, они дадут команду тройке радистов сниматься, вернуться в Мулымью. Успокаивать родителей и весь поселок, что живы-здоровы, будут телеграммами из населенных пунктов.

Первые километры были самыми трудными, изнурительными. Вода порой доходила до пояса. Тогда надевали надувные спасательные пояса и, как альпинисты, шли в связке. Отдыхали стоя, согнувшись под двадцатипятикилограммовыми рюкзаками. К исходу дня преодолели десять километров. Для ночевки нашли какой-то островок, пропитанный болотной жижей. Установили палатку. Спали на надувных матрацах.

Пять суток. Пять суток болотом, по которому местные жители ходят только зимой.

Первые населенные пункты: Ошмарьё, Еремино, Зыково... Разбиваются на группы, обходят старожилов, записывают их рассказы. Затем города Гари, Сосьва, Серов... В Гарях встретились с Леонидом Георгиевичем Кляковкиным, который работал с Салтыковым в Новой Ляле. Заполнялись блокноты, наматывались катушки магнитных пленок, тяжелее становились мешки с экспонатами. Показывали свою самодеятельность, педагоги выступали с беседами о развитии тюменского края. Узнав, что ребячья экспедиция прошла сотни километров, жители гостеприимно распахивали двери домов. Отказ. У них свой дом — палатки на берегу речки или ручья.

Только через тридцать суток экспедиция пришла в Свердловск. Двое суток комсомольцы работали в здешнем архиве, потом их приняли в областном УВД. Взволнованно рассказывали ребята о своих приключениях, находках, неудачах. Находок много. Теперь они знают Михаила Дмитриевича Салтыкова так, будто лично были знакомы, знают обо всей его короткой, но славной жизни (погиб Салтыков 32 лет).

Трогательный отзвук прошлого в сердцах молодежи.

Однако вернемся в леса под Алапаевском. Как выясняется из протоколов допроса обвиняемых в июне 1920 года, в банде было еще одно собрание. Вел его Василий Толмачев в лесничестве своего брата Александра. Цель собрания на этот раз была узкой: как организовать убийство начальника волостной милиции. Зная, что Рудаков выехал в Алапаевск по каким-то делам, Толмачев предложил устроить на Верхнесинячихинском тракте засаду.

23 июня двенадцать человек во главе с Афанасием Мугайским, переночевав в бане лесничества, двинулись в сторону Верхней Синячихи. Засаду, как рекомендовал оставшийся на лесной базе Василий Толмачев, устроили на Старухином бо-

лоте, где вплотную к дороге, устланной слегами, подступали заросли тальника.

На совещание в укоме партии собрался узкий круг коммунистов. Речь шла о циркуляре из Екатеринбургского губчека о массовом прочесывании лесов и ликвидации остатков банд в нескольких уездах губернии. Эта операция должна была начаться в середине июля. К тому времени в Алапаевск из Егоршино будет переброшено несколько красноармейских отрядов. Пока же необходимо продолжать разъяснительную работу в деревнях, пусть родичи передают своим попрятавшимся в тайге дурням, что тех, кто явится с повинной, Советская власть карать не будет.

После назначения в Топорковскую волость это был третий приезд Рудакова в Алапаевск. В те разы Клавдия Николаевна, понимая обстановку и не желая быть помехой мужу, даже не заикалась о своем переезде, жила у родителей. На этот раз не устояла. Стрельба, дескать, стихла, алапаевские бабы уже в лес ходят, на угревах эвон сколь земляники насобирывают. Вещи с собой не повезет, только баульчик с бельем да шитьем для маленького прихватит. Если опять что произойдет, соберется в одночасье и уедет из Топоркова.

Не устоял Евгений Иванович, взял с собой жену, но восьмилетнюю дочь Манефу, как та ни плакала, оставил с бабушкой.

Получив 60 тысяч рублей — жалованье для топорковских милиционеров — и прихватив на всякий случай еще одного вооруженного человека, рано утром 24 июня Рудаков выехал из Алапаевска. Да, пересеклись все же пути коммуниста Евгения Рудакова и колчаковского офицера Толмачева.

Засада встретила их верстах в десяти от деревни Мысы. Когда из кустов на бревенчатую гать выскочили давно не бритые люди с оголенными шашками в руках, пожилой возница из уездной милиции, направленный сопровождать Рудаковых, оставил винтовку в телеге и сиганул в кусты. Бандиты проводили его свистом и хохотом.

Из показаний на суде Александра Чупракова:

«Когда засели в засаду, нам Мугайский заявил, что без его команды не бросаться из засады, и когда проезжали Рудаковы, то их остановили сначала на дороге Богданов и Мугайский, а затем Берестнев скомандовал нам: «Выбегай, ребята!» По его команде мы и окружили экипаж».

Первым к Рудакову подступил длинный горбоносый мужик в расстегнутой шинели и мерлушковой шапке с рыжей опалиной — видно, прижег у костра. Евгений Иванович узнал в нем Терентия Богданова, одного из наиболее справных крестьян деревни Брехово. 19 апреля он участвовал в разграблении семенного зерна на ссыпном пункте. Есть предположение, что убийство продармейцев не обошлось без него. Справа, слева, сзади подходили другие. Рудаков разглядел Афанасия Мугайского, братьев Николая и Ивана Иконниковых,

Сашку Чупракова и понял — с этими мирного разговора не получится. Если даже сейчас, вопреки всему, они сложат оружие, сдадутся, никакой суд их не помилует. Нельзя простить их за десятки безвинно убитых людей. Мугайский и его сподручные тоже, как и Рудаков, сознавали это.

— Только жену не смейте,— с трудом выдавил Евгений Иванович.— Меня убивайте, а ее не смейте. Она на сносях. Не звери же вы...

Кольцо обросших людей молчало, сопело, сжималось. Рудаков рванул шашку из ножен...

Из протокола осмотра трупов 9 июля 1920 года:

«Рудаковы найдены в ста саженях вправо от тракта Синячиха — Мысы, на двенадцатой версте к дер. Мысы в лесу. Трупы обезображены. Рудаков имеет 14 сабельных и 4 штыковых, всего восемнадцать ран, у Рудаковой 17 сабельных ран».

Моих дядьев кололи вилами и еще живых — в колодец. Шашками рубили ни в чем не повинную беременную женщину. Вспарывали животы бойцам продовольственных отрядов и набивали зерном... Через муки, страдания, через нечеловечески угарное — неужели только через это? — шли люди к новой жизни. Неужели тот, 1920 год был сплошь залит человеческой кровью?

Листаю газеты, выходившие в дни этих трагических событий. Что ж, сообщений о бандитизме, о кулацких эксцессах предостаточно, но вслушайтесь в то, что сообщали газеты во второй половине июля 1920 года.

...К июлю в Екатеринбургской губернии земельным отделом организованы для крестьян 327 прокатных пунктов сельскохозяйственных машин, 11 из них — в Алапаевском уезде.

...За последнее время открыты рабочие политехникумы в Ирбите, Шадринске, Камышлове, Красноуфимске. Предполагается к открытию сельскохозяйственная школа в Тагиле.

...27 июля состоялось заседание комиссии по проведению «недели крестьянина». Учтено количество железа и обрезков, которое будет отпущено для ремонтных мастерских Екатеринбургской губернии.

...25 июля закончилась первая спортивная олимпиада Приуральского военного округа.

... Открыто девять общественных столовых с ежедневной пропускаемостью: 7180 обедов, 2370 ужинов, 4410 стаканов кофе.

... В бюро пролеткульта идет подготовительная работа по созданию научной студии.

... В сезоне 1920—1921 года будут открыты три показательных театра: оперный, драматический, балетный. Одновременно постановлено открыть в г. Екатеринбурге музыкальный университет, для каковой цели в данное время ремонтируется и приспосабливается дом Харитонова.

... В Алапаевске на субботнике 19 и 26 июля работало коммунистов 115, беспартийных 267, детей 49, женщин 106.

... Передовая статья «Изучайте природу!», извещение об открытии театральных курсов, о создании экскурсионного бюро, о лекциях и многом другом.

Живым — живое. Из руин и крови рождалась иная, невиданная доселе эпоха.

Но вернемся в Топорковскую волость.

Красноармейские отряды численностью в десять — пятнадцать человек прибыли в Алапаевск сразу после исчезновения Евгения Ивановича и Клавдии Николаевны Рудаковых. Уже второго июля они начали боевые действия против банд. Отряд в семь человек возглавлял красноармеец Деньгин. Узнав, что часть банды укрывается в деревне Долганово, он направился туда, надеясь захватить там и уроженца этой деревни прапорщика Толмачева. По дороге отряд встретил крестьянина из деревни Шипицино, который сказал, что в их деревне скрывается несколько вышедших из леса человек. Деньгин приказал отряду двигаться к месту назначения, а сам, прихватив красноармейца Григория Простолупова, отправился вверх по реке. На окраине деревни Петр Деньгин заметил одинокого всадника. Всадник встревожился, пришпорил коня, но на свороте в лес конь споткнулся, и всадник вылетел из седла. Поднявшись, человек перепрыгнул через прясло и стал уходить к опушке леса. Пустив лошадей галопом, Деньгин и Простолупов нагнали его, разоружили. Это был Афанасий Мугайский. Мугайский одет в плащ Евгения Рудакова, в кармане часы покойного и план расположения землянок за рекой Вязовкой. Но сплоховали в какой-то момент красноармейцы, не сумели доставить главаря банды живым. Вот что пишет Петр Деньгин в своей объяснительной записке:

«Во время обыска Мугайский пытался бежать, для чего бросился от нас. На крик «Стой!» он не остановился, и мы двумя выстрелами убили его».

Работая в архиве, я в то же время вел обширную переписку с ветеранами гражданской войны на Урале, с людьми, которые работали в то время в губернском управлении и уездных отделах милиции. Тогда и пришло письмо от А. Просолупова из Чимкента, который принимал непосредственное участие в судебном расследовании бандитских выступлений в Алапаевском уезде, лично знал Е. И. Рудакова. Не могу не процитировать несколько строк из его письма в связи с только что сказанным:

«П. Я. Деньгин был боевой парень, мне рассказывали, что будто он повстречался на лесной дорожке с Афонькой Мугайским и не то убил его, не то взял в плен. Эти дела, пожалуй, знает Андрей Скрябин, который живет в Алапаевске, сейчас он персональный пенсионер республиканского зна-

чения [1]. Красноармейца Григория Простолупова (а не Просолупова, Просолупов — моя фамилия) я хорошо знал. Это житель Алапаевска, вальцовщик прокатного цеха, высокий, широкоплечий, белокурый парень, немного глуховат. Человек благородной души, бесстрашный храбрец. Он был со мной в группе 13 человек, которые застряли в тылу белых в октябре месяце 1918 года после сдачи белым Верхотурья».

В архиве отыскался еще один документ — «Доклад о ликвидации остатков банд», губотдела милиции:

«113 человек предстали перед Екатеринбургским военным трибуналом. Суд всесторонне разобрался в степени вины каждого. К смертной казни приговорены десять человек, в их числе Василий Толмачев, Терентий Брехов, братья Иван и Николай Иконниковы, настоятельница женского монастыря Евгения Гигина и другие».

Был объявлен вне закона и заочно приговорен к расстрелу капитан Тюнин.

К докладу приложен акт губернского трибунала об исполнении приговора. Заканчивается он такими строчками:

«7 сентября 1920 года в 12 час. 30 мин. раздался залп возмездия, а в 12 час. 50 мин. была засыпана последним комом контрреволюционная могила».

Революция высоко оценила работу екатеринбургской милиции. 28 апреля 1921 года начальником милиции республики был подписан приказ № 77. Привожу его дословно:

«В борьбе с контрреволюцией и бандитскими выступлениями принимали участие как милиционеры, так и комсостав. Некоторые, выполняя боевые задания оперативного характера, пали жертвой ненавистных хищников пролетарской крови.

Отмечаю беспримерную стойкость за дело коммунизма и революции товарищей милиционеров, участвовавших в подавлении контрреволюционного и бандитского выступлений, а также начальника губмилиции тов. Савотина и командира 47-й милиционной бригады тов. Борхаленко. От лица рабоче-крестьянского правительства объявляю всем благодарность и надеюсь, что в трудную минуту для Советской власти товарищи сумеют постоять за дело революции и своим примером беззаветной преданности пролетариату еще раз послужат ... всей рабоче-крестьянской милиции».

При входе в управление внутренних дел Свердловского облисполкома оборудован мемориал, на мраморе которого скорбный список людей, погибших при исполнении служебных обязанностей. Первым в этом списке имя Евгения Ивановича Рудакова, убитого белобандитами 24 июня 1920 года.

---

[1] Я благодарен коммунисту А. А. Скрябину за обстоятельное письмо. Он хорошо знал Евгения Ивановича и теперь частый гость в школе, которая носит имя Рудакова.

ЛЕВ
СОРОКИН

ВЕТЕРАНЫ

Снова рядом встают ветераны,
Что служили всю жизнь в УВД.
Привыкали их руки к наганам,
Но сердца
Не привыкли к беде.

Как прожекторы
Блещут награды,
Освещают в скоплениях лет
Перестрелки,
Погони,
Засады
И глядящий в упор пистолет.

Сколько было их,
Сыщиков красных,
Что бросались в дожди и в буран?..
Жизнь твоя пронеслась не напрасно,
Если званье твое —
Ветеран.

Под ногой пусть педаль,
А не стремя,
И коней уже нету лихих.
В ветеранах живет
Подвиг-Время,
И на подвиг зовет молодых.

СТЕФАН
ЗАХАРОВ

КАВАЛЕРИЙСКИЙ ДИВИЗИОН

Из записок
старого
свердловчанина

В Свердловск Алексей Кулик приехал летом 1933 года после демобилизации. Военную службу он проходил в Минске. До нее в Белоруссии работал лесорубом. А сейчас решил попытать счастья на Урале, о котором слыхал много. Уралмашстрой, Магнитострой, Челябтракторстрой гремели тогда по всей стране. В Свердловске у Алексея жили родственники, у них он и остановился.

Город был в ту пору центром гигантской Уральской области, но только еще начинал расти. С нынешним не сравнишь. Юго-Западного жилого района, как и многих других — Эльмаша, Южного, Сортировочного, Химмаша, в те времена не существовало и в проектах. Только что построенные в сосновом лесу профессорские и студенческие корпуса Втузгородка считались далекой окраиной. На улицах уже звенели трамваи, но по булыжным мостовым грохотали колеса телег и лишь изредка проезжали одиночные грузовые и легковые автомобили.

Однако Алексею Кулику Свердловск понравился, он почувствовал: растет город. Выделялись недавно открытые вместительные гостиницы «Центральная» и «Большой Урал», новые многоэтажные жилые дома в центре. В день четырнадцатой годовщины освобождения края от белогвардейцев были пущены первые цехи Уралмашзавода, строились огромные здания школ.

В горкоме комсомола Алексею Кулику дали направление на электростанцию имени Куйбышева. За городом. Теперь эта электростанция на Малоконном полуострове Верх-Исетского пруда не действует: маломощна. А тогда она считалась в районе главной, снабжала и ВИЗ, где появились электропечи и осваивался выпуск трансформаторной стали — первой в СССР.

Осмотревшись, Алексей радовался: на электростанции были и общежитие, и вечерняя школа. Он считал, что его жизненный путь определился.

Но прошло месяца полтора — его вызвали в орготдел горкома комсомола. «Наверное, что-то хотят уточнить в личном

деле»,— подумал Алексей. Но оказалось, документы в полном порядке. Речь шла о другом:

— Ты ведь в кавалерии служил?

— В кавалерии,— гордо ответил Алексей.

— Укомплектовывается кавалерийский дивизион свердловской милиции. Как смотришь?

— Стать милиционером?

— Да, милиционером.

— Надо побывать в дивизионе,— неуверенно протянул Алексей.— Посмотреть... Потом подумать...

— Особенно думать времени нет.

— А до завтра можно?

— До завтра можно... В общем, горком тебя рекомендует...

В двадцатые годы конную милицию называли просто конным резервом. А в тридцатые стали формировать дивизионы, эскадроны — по принципу армейских кавалерийских частей. И служба милиционеров-конников приближалась к армейской.

Стремительно росло население промышленного города. Сосредоточение множества людей притягивало и разных проходимцев. Выступая на XII Уральской областной партконференции, делегат Уралмаша Владимиров говорил:

— В ноябре — декабре на Уралмашзаводе было семьдесят восемь случаев хулиганства, в результате которого люди обращались в поликлинику. В тринадцати случаях делали операции пострадавшим. Несколько дней назад изрезали председателя райпрофсовета, не так давно убили повара. Как вы думаете, это отражается на закреплении кадров, на освоении завода? По моему мнению, отражается, и отражается катастрофически... Имеем ли мы право игнорировать этот факт, можем ли мы сказать, что это дело второстепенное?..

Второстепенным это дело, конечно, не было. Чтобы навести порядок, милиция неустанно совершенствовала организацию наружной и постовой службы. В 1932 году в Свердловске действовало уже шестьдесят милицейских постов. По городу и прилегающим районам в вечернее и ночное время патрулировали конные пикеты по специально разработанному плану.

«Этот способ охраны общественного порядка,— говорилось в одном из тогдашних докладов начальника управления милиции,— один из лучших, чтоб не только обнаружить преступление и нарушение, но и предупредить их. А это основная обязанность органов милиции».

И конная милиция в ту пору стала значительной и весьма маневренной силой. Ведь в окружных, городских и районных управлениях имелось всего лишь пять стареньких автомобилей, два мотоцикла и тридцать четыре велосипеда. При тогдашних дорогах, особенно в распутицу, у конников были большие преимущества: для коня преграды нет.

В Свердловске конная милиция, носившая официальное

название 9-го отдельного кавалерийского дивизиона, базировалась со своими конюшнями на улице Детский городок. Ныне это улица Чапаева, и там находится автоинспекция.

Вот в этом дивизионе и подал заявление Кулик Алексей [illegible] прошу рассмотреть мое заявление и принять меня на службу в кавалерийский дивизион [illegible] гор. Свердловска, так как я желаю служить в органах милиции. Обязуюсь честно и добросовестно относиться к порученной мне работе. Служил в Красной Армии в кавалерийских частях».

Командир дивизиона Григорий Иванович Здановский расспросил Алексея о прежней жизни, об армейской службе. На серой форменной гимнастерке командира — орден Красного Знамени (воевал с белогвардейцами в составе Первой конной Буденного), сбоку, на ремне, — кобура с наганом. Беседовали недолго. Два кавалериста, они по достоинству оценили друг друга.

Вскоре пришел Чистяков, командир взвода, и Здановский представил ему нового милиционера... В тот же день Алексей Кулик получил обмундирование, винтовку, шашку, седло. Закрепили за ним рыженького коня по кличке Буравчик. Поселили в общежитии дивизиона.

В годы становления Советской власти бывало, что принятого в милицию направляли сразу на пост. Теперь человек проходил учебную подготовку. Правда, зачеты «по лошади» и «по вооружению» у Алексея приняли сразу. А вот специальными милицейскими знаниями пришлось овладевать. И заниматься помногу.

Почти все в дивизионе до милиции отслужили в кавалерийских частях Красной Армии. Поэтому каждому было ясно, что от ухода за лошадью зависело и ее поведение во время строевой и патрульной службы. Чуть ли не у каждого в «личном деле» были благодарности от командиров «за отличную чистоту коня», «за отличный уход за конем». За лошадьми наблюдал прикрепленный к дивизиону ветеринарный врач.

Здановский не успевал повторять:

— Конь любит ласку, любит уход. Вовремя не расчистишь ему копыта — выйдет из строя. Плохо седло положишь — спину собьешь. Если коня не любишь — ты не кавалерист!..

И в конюшнях был полный порядок. Над каждым просторным стойлом с затвором, где лошади стояли без привязи, висела табличка, на ней указывалась кличка, порода, год рождения, рост. Лошади, вычищенные до блеска, фыркали в теплом полумраке. Рядом — тщательно уложенное снаряжение.

Главным делом конной милиции была регулярная патрульно-постовая служба. Каждый вечер дежурный по дивизиону собирал очередные наряды, кратко инструктировал. Затем наряды разъезжались по районным отделениям милиции.

Там инструктаж был уже конкретный: за какими улицами усилить наблюдение, на какие места обратить особое внимание, случалось, сообщали приметы разыскиваемых преступников.

Патрулировали конники парами, не торопясь, зорко осматриваясь по сторонам. К двум часам ночи дежурства обычно заканчивались. Но если оперативная обстановка в районе была неспокойная, объезды продолжались и до утра.

«Стой!» — такой окрик раздавался, когда кто-нибудь на ночной улице почему-либо вызывал подозрение: идет, например, с узлом, или на руке перекинута шуба, или крадется вдоль забора с чемоданом. За приказом «стой!» следовало «документы!». Проверял их один конник, старший патруля. Напарник бдительно наблюдал за остановленным: благодушие или замешательство могло обернуться и непоправимой бедой. Правда, сопротивляться или бежать редко кто решался: вид у милиционеров с шашками и винтовками, верхом на конях был внушительным.

Разумеется, надо было уметь разбираться в людях, не в каждом же видеть преступника! Приглядывались к походке, к внешности и поведению ночных прохожих. Почему, скажем, у некоего мужчины неестественно лежит правая рука — не сгибается в локте? «Стой!» При проверке выясняется, что в рукаве пальто у задержанного спрятан ломик — «фомка».

Подозрительных конвоировали в отделение милиции. Там старший патруля рапортовал, в каком месте, при каких обстоятельствах и почему доставленный задержан.

Бывало, где-то раздаются испуганные крики или тревожные свистки — патруль моментально скачет туда. Часто помогали горожане — подбегут, обратятся к конникам: «Товарищи, там, у бараков, драка...» Или: «Проверьте, что в том дворе делается...» Или еще: «Третью ночь подряд по нашему переулку подозрительная подвода с мешками проезжает... Вон, за углом. Поинтересуйтесь!..» И задерживаются крупные спекулянты. Знали свердловчане: вышли в дозор милиционеры 9-го отдельного кавалерийского дивизиона — значит, хулиганам, дебоширам, бродягам и различным подозрительным личностям скрыться трудно. Пусть происшествие и будет на первый взгляд мелким, незначительным, конники все равно мимо не проедут...

Алексей Кулик после специальной подготовки и сдачи зачета выезжал в паре с товарищем, хорошо знавшим город. Когда освоился, стали назначать старшим. Буравчик с первых же дней почувствовал силу и опыт нового хозяина, чутко и послушно подчинялся ему.

Прошло всего три месяца, и в феврале 1934 года Алексей получил повышение: стал командиром отделения. В августе за бдительное несение патрульно-постовой службы был награжден именными часами.

В дни военных парадов и демонстраций работы у дивизио-

на прибавлялось. Вместе с другими милицейскими подразделениями конники следили за соблюдением общественного порядка, а когда парад или демонстрация трудящихся подходили к концу, стягивались к Дому обороны — и наступали самые ответственные, торжественные минуты. В военных парадах Свердловского гарнизона участвовали тогда лишь пехотные части и конная артиллерия. Позднее появились мотоциклы и автомашины, но кавалерии не было. И милицейский 9-й отдельный дивизион в конце последней колонны демонстрантов проходил на рысях по площади 1905 года.

К этому начинали готовиться за месяц. В своем дивизионном манеже под духовой оркестр милицейской школы занимались съездкой.

— Справа по три шагом ма-аррш! — нараспев, по-кавалерийски, командовал Здановский. И развернутая шеренга конников перестраивалась...

Упорным повторением добивались слаженности. Заключительные тренировки иногда проходили и на улицах города.

Мне однажды довелось видеть, как дивизион двигался по улице Розы Люксембург. Удивительно четко держали равнение кавалеристы в милицейской форме, в шлемах с голубыми звездами. Рослые лошади шли, как одна, чуть пританцовывая на мостовой. Полюбоваться красивым зрелищем сбегались все — и стар и млад — со всех ближайших кварталов.

И в дни октябрьских и первомайских торжеств, когда до праздничной площади начинал доноситься нарастающий цокот и сводный духовой оркестр гарнизона менял ритм, все смолкали, затаив дыхание.

Лихо гарцуя, показывались кони с начищенными бляхами на уздечках, сверкало на солнце оружие всадников, оркестр играл веселый и стремительный марш, приветливо махали с трибуны, с тротуаров зрители. Совсем как в марше конной милиции, написанном в теперешнее время композитором В. Соловьевым-Седым и поэтом М. Матусовским для кинофильма «Песня табунщика»:

...Взгляни, как по улице мы проезжаем,
Махни мне платком из окна поскорей,
Вздохни, в дорогу провожая,
Не напрасно горжусь я, родная,
Милицейскою службой своей...

В те годы, когда Алексей Кулик стал командиром отделения, обострилась международная обстановка. В Италии и Германии к власти пришли фашисты, Япония захватила Маньчжурию...

По всей нашей стране, и в органах милиции, усиленно развертывалась оборонно-спортивная работа. Особое внимание уделялось военно-прикладным видам спорта.

Повышать военную квалификацию, боевую и строевую подготовку подразделения свердловской милиции выходили

в летние лагеря. Там же занимался и 9-й отдельный кавалерийский дивизион. Это было неподалеку от Свердловска, на Гореловском кордоне[1].

В палаточном городке для конников были свои летняя столовая и клуб, навесы и коновязи для лошадей. На лето в лагерь присылались конные взводы из Перми, из Челябинска, даже из Кудымкара. Создавался второй кавалерийский дивизион, сводный, как его называли.

Командиром сводного дивизиона обычно назначали Семена Петровича Галунова, тоже участника гражданской войны, тоже кавалера ордена Красного Знамени. Сам из оренбургских казаков, он в царской армии дослужился до вахмистра. В 1918—1919 годах командовал Верхне-Уральским революционным казачьим полком и приказом по оренбургскому войску атамана Дутова «за измену» был приговорен к смертной казни. Воевал вместе с В. К. Блюхером (об этом он опубликовал воспоминания в журнале «Урал», затем в сборнике «Легендарный рейс»). До Свердловска работал начальником Ишимского отделения милиции, а здесь стал инспектором строевого отдела УРКМ (управление рабоче-крестьянской милиции), затем инспектором командного отдела.

Под руководством Здановского и Галунова конники в полевых условиях овладевали всеми видами кавалерийского дела. Занимались джигитовкой, вольтижировкой, учились менять аллюры, брать различные препятствия. Тренировались и в езде по звеньям, и в рубке лозы, с марша развертывались для атаки.

Особенно тщательно отрабатывалась техника удара при рубке лозы. Непросто опустить шашку в ту долю секунды, когда движение лошади и мышечная сила руки сливались воедино, рождая необходимый удар. Пропустишь это мгновение — проскачешь мимо, лоза останется невредимой, а вот ухо лошади может пострадать.

Дивизион и в пешем строю часто выходил на стрельбище: стреляли из винтовок, револьверов, пистолетов. Милиционеры изучали новейшие средства связи, военно-инженерное дело. Из областного управления, из уголовного розыска, из научно-технического отдела приезжали лекторы и преподаватели. Занятия по политическим и специальным дисциплинам следовали своим чередом, но продолжалось по специально составленному графику и патрулирование. Кавалеристы 9-го отдельного дивизиона могли ежедневно рапортовать свердловчанам о своей готовности, совсем как в песне:

Когда приходит полночь
И город тьмой покрыт,
Покой ваш охраняя,
Милиция не спит!

---

[1] В наши дни это территория Чкаловского района города Свердловска.

Мы служим по-солдатски
Отчизне дорогой
Под знойным солнцем юга,
Под снежною пургой...

«Отделение, которым командует А. А. Кулик,— писал в 1937 году Здановский,— по всем видам учебы и службы шло впереди других отделений. Конский состав, находящийся в отделении, всегда чистый и здоровый...»

Лошадей Алексей Кулик готовил к будущим боям и к спортивным состязаниям упорно, придерживался в тренировках главного правила: работать с лошадью спокойно, но настойчиво. Этого требовал и от своих подчиненных.

Как-то утром его вызвал к себе Здановский и, дав прочитать приказ, спросил, улыбаясь:

— Не загордишься?

Алексей назначался командиром взвода.

— Да нет! Не загоржусь,— последовал ответ.

— Четыре года назад я знал тебя совсем еще зеленым. Какое ты, бывший лесоруб, имел образование? Четыре класса?.. А теперь без отрыва от службы семилетку кончаешь... О чем это говорит? Об упорстве, настойчивости... Желаю тебе быть хорошим командиром...

В этот же день Алексей сменил на петлицах знаки отличия. Пожелание Здановского быть хорошим командиром он вскоре оправдал. На первом же конно-спортивном соревновании кавалеристы его взвода заняли первое место, а сам Алексей получил в награду малокалиберную винтовку и библиотечку...

Милиционеры-конники, избравшие эту нелегкую профессию, прекрасно знали, какое большое значение имеют для их службы лагерные тренировки: рабочие будни дивизиона требовали постоянного мужества и отваги.

Летом 1937 года в городах вокруг Свердловска неизвестные стали похищать коров и лошадей, произошло несколько убийств. Оперативники, тщательно проверив и отработав ряд версий, установили, что это дело одних и тех же лиц. Но города́, где были совершены преступления, от Свердловска в разных направлениях: Березовский, Первоуральск... Когда и где можно ожидать преступников? А появлялись преступники только ночью.

Решили перекрыть дороги, подступы к этим городам. Поручили это конному дивизиону. Устроили засады. Трое суток, замаскировав оседланных лошадей, милиционеры провели в придорожных лесах. Но вокруг было спокойно.

Шли четвертые сутки. Под утро на одной из дорог, в тумане, послышались голоса, а затем показались подозрительные, разношерстно одетые фигуры. Их силуэты хорошо просматривались из леса. Кавалеристы вскочили на коней, вылетели навстречу: «Стой!..» Выхватив оружие, неизвестные

пытались сопротивляться. Кто-то из них выстрелил. Алексей Кулик был ранен в плечо. Но у стрелявшего пистолет тут же выбили из рук. А минуты через три все кончилось: крепко связанные преступники лежали на дороге. Потом, на следствии, под тяжестью улик, они признались и в кражах скота, хотя сначала все отрицали. Потом было доказано, что и к недавним убийствам эта шайка имела самое прямое отношение...

Зимой этого же года несколько соединений дивизиона прибыли в Верхотурье. В городе и около него действовала вооруженная банда. Нужно было помочь местной милиции. Бандитов выследили. Но они заперлись в доме, который стоял на горе. Подступы к дому простреливались. Что делать?

По команде Здановского спешенные конники затеяли перебежку, усилили огонь из винтовок. Преступникам показалось, что милиционеры собираются в лобовую атаку. Поэтому все свое внимание сосредоточили на тех, кто «готовился к броску». На это и рассчитывал Здановский. Пока шла перестрелка, с тыла незаметно подползла небольшая группа милиционеров. Они подтянули пожарный рукав... и сильная струя ледяной воды ударила по дому, выбила все стекла в окнах. Бандиты, забаррикадировавшиеся в доме, не выдержали и сдались.

В Великую Отечественную войну две трети милицейского кавалерийского дивизиона сразу ушли на фронт. В том числе и Григорий Иванович Здановский, и фуражир Гредин, братья Михаил и Дмитрий Баталовы, командир отделения Даниил Дроздов и многие другие.

У Здановского еще на гражданской войне была перебита рука. И медицинская комиссия при военкомате, когда он заявил о своем желании вступить в ряды действующей армии, забраковала его для строевой службы. Но случилось, что Григорий Иванович встретил старого товарища, которого знал с далекого 1918 года. Теперь этот товарищ командовал кавалерийским соединением. Здановский рассказал ему о своей беде. И командир кавалерийского соединения, в нарушение всех медицинских правил, взял Григория Ивановича к себе. Вскоре в должности помощника командира полка по боевому обеспечению Здановский оказался на фронте.

Алексей Кулик в годы войны был назначен заместителем начальника милиции Верх-Исетского района Свердловска.

В 1946 году в Уфе он неожиданно повстречал Здановского и увидел на кителе бывшего милицейского командира рядом с орденом боевого Красного Знамени новые боевые награды, ордена Великой Отечественной войны и Красной Звезды. Вот, наверно, удивились бы врачи из той медицинской комиссии, вычеркнувшие его из строевых списков...

В Свердловске в военное время кавалерийского милицейского дивизиона уже не было, оставался лишь сводный взвод,

а дел у милиционеров-конников в ту пору резко прибавилось: народу в городе стало в несколько раз больше, чем во времена пуска Уралмаша. Война расширила масштабы работы милиции. Непрерывным потоком прибывали эшелоны эвакуированных с Запада. Одни ехали организованно, вместе со своими заводами и фабриками. Другие, из маленьких приграничных деревень и местечек, спасаясь от наступающего врага, добирались стихийно. Всех размещали по квартирам, устраивали с питанием. Сотрудники милиции вместе с другими организациями занимались этим помимо своих обязанностей по охране общественного порядка. За него, как и прежде, отвечала милиция. И в дни, когда солдаты Красной Армии сражались на фронтах против фашистов, солдаты милиции очищали тыл от воров, бандитов, хулиганов и прочей дряни. Свердловские конники по-прежнему выезжали патрулировать улицы, упругий стук копыт каждую ночь раздавался по городу.

...В отставку подполковник милиции Алексей Алексеевич Кулик — кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды — вышел в 1962 году с поста начальника Октябрьского районного отделения милиции Свердловска. Остались позади три десятилетия милицейской службы. Но те годы, когда он молодым гарцевал по улицам на Буравчике, милы его сердцу как самые дорогие, самые памятные.

Сейчас в Свердловске нет конной милиции. Последний взвод в послевоенные годы еще патрулировал ночами по городу, в дни футбольных матчей наблюдал за порядком около стадиона «Динамо». Теперь наша милиция автоматизирована, механизирована, оснащена радиосвязью, электроникой.

Милицейская конница, как и армейская, ушла в историю. Но слава армейской живет в нашем сознании по книгам, по кинофильмам и лихим песням. А слава милицейской? В ее былых кавалерийских буднях высокая отвага, мастерство, страстная преданность любимому делу — все то, что восторженно почитается в народе.

БОРИС РЯБИНИН

СЛЕД ВЗЯТ

Рассказы проводника служебной собаки

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ПАНОВ И ЕГО ДЕСЯТЬ ПОМОЩНИКОВ. «Преступника преследует Панов!» Почти четверть века в свердловском уголовном розыске это выглядело как самая лучшая аттестация, как надежная гарантия того, что правонарушитель не уйдет. Почти четверть века беспрерывных погонь, преследования, риска, нередко связанного с опасностью для жизни...

А десять помощников? Это Джильда, Рено, Пальма, Дежурный, Дикс, Найда... Четвероногие помощники, собаки-ищейки.

— Десять собак израсходовал,— говорит Андрей Николаевич.

«Израсходовал»... Звучит непривычно!

— А как же. Собака, она ведь тоже не железная. И срок жизни у ней совсем другой определен. Да и гибнут, случается. Наше дело — не цветочки собирать...

— Награды есть?

— А как же!

Это «как же!» звучит как удивление: какая служба без наград? Это значит, что не служишь, а отслуживаешь...

Грудь его украшают: орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» (получил ее в тылу, в военные годы), «За отличную охрану общественного порядка» — чисто милицейский знак, учрежденный для работников органов внутренних дел. Премия — малокалиберная винтовка. 28 денежных вознаграждений (больше, чем по разу в год!), благодарностей без счета.

В книге учета отмечено: только в 1963 году им раскрыто 18 преступлений. А всего? «Долго считать».

А поглядеть — совсем не богатырь.

Худощав. Среднего роста. Длинное узкое лицо, изрезанное глубокими рытвинами («Поработаешь в угрозыске — еще не то наживешь!»), часто освещается лукавой, задорной и доброжелательной улыбкой, глаза открытые, ясные, как у ребенка. Любит шутку-прибаутку. Про что бы ни начал рассказывать — обязательно с юморком.

Интересно отметить, самые мужественные люди при первом знакомстве нередко выглядят простаками, этакими невинными, простодушными взрослыми младенцами. Глядишь и думаешь: неужто и вправду это он провел столько удачных операций, раскрыл такие дела, которые иному и во сне не привидятся? Сметливости, проворству да профессиональному умению, быстроте ориентировки и какому-то особому чутью, точнее сказать — интуиции Панова, какая приходит лишь с опытом, могли позавидовать многие.

В ноябре 1932 года прибыл он, имея двадцать шесть лет от роду, из армии в милицию. До тридцать девятого был милиционером, потом изъявил желание поступить в школу проводников служебно-розыскных собак. Почему пошел туда, и сам толком не знает. «Кто желает?» — спросил командир. Ну, он и «пожелал»...

Учился в Свердловске, у Плишкина, Борисова. Многие старые собаководы помнят их. Толковые были люди и про собак все знали. Прошел шестимесячные курсы. Поскольку у него уже был стаж работы в милиции, требовалось только освоить спецслужбу — розыскную, с собакой. После стал проводником, два треугольника носил — сержант милиции (погоны появились позднее). Дослужился до старшего лейтенанта. Первая собака была Джильда, серая овчарка, похожая на волка. Сперва боялся подойти к ней: уж больно люта, никого не подпускала. Начал кормить, угощать, ходить — началось «закрепление связи», стала вилять хвостом при виде его... Потом и вовсе привыкла, привязалась. Лаской да вниманием кого не приручишь! Дружить стали. А уж когда вышли впервые на поимку вора — ох и поволновался он! Как-то сработает Джильда? Не осрамиться бы обоим...

Впрочем, предоставим слово самому Андрею Николаевичу.

ЧЕРНАЯ КОШКА ПЕРЕБЕЖАЛА. В ноябре тридцать девятого вышел я в первый раз с Джильдой на квартирную кражу. Расследовать, стало быть. Постараться найти и изловить взломщика-похитителя. Было страшно, понимаешь. Сам учил собаку — а как выучил? Вдруг плохо?

В доме на улице Красноармейской неизвестный проник через окно в квартиру и утащил носильные вещи. Костюм, пальто, еще кое-что. Вещи все добрые, ценные.

Хозяйка особенно за костюм переживала. «Только,— говорит,— мужу справила...» Ясно, жалко. Свое, нажитое.

И откуда только берутся они, эти жулики? Когда они переведутся? Что ему надо? Живи, трудись, как все... так нет! Проклятущая публика.

Чтобы собака взяла след, надо осмотреть все: местность, предмет взлома, не сохранилось ли там чего-нибудь такого, что может указать на запах преступника. Сделали наружный осмотр. Ничего нет. Зашли в квартиру. С оперуполномочен-

ным Завьяловым. Джильда впереди, тянет за поводок, я ее держу, сзади Завьялов.

Только, понимаешь, вошли, кошка черная с русской печи как шебырнется на собаку! Будто кто ее сбросил! Урчит, взъерошилась, когти выпустила. В морду Джильде метила, да промазала. С собаки — на оперуполномоченного, прямо ему на грудь, он только рукой лицо успел прикрыть; потом — в окно... Окно разбила.

Джильда, конечно, зарычала, закрутилась на месте как волчок. Рвется — еле удержал. Завьялов испугался. Сперва-то даже за револьвер схватился: думает, мало ли что. К кобуре руку приложил, потом опамятовался: в кого он стрелять будет? В кошку?! Да ее уж и нет.

Такая катавасия вышла!

Я, само собой, тоже растерялся. Идешь-ждешь, весь напряженный, а тут черт кошку бросил!.. Да еще черную! Плохая примета. Исстари так считали. А в такой момент всегда какая-нибудь ерунда в голову лезет. Тьфу ты, думаю, пропало все дело. Джильда отвлеклась. Хоть назад поворачивай.

Ну, все-таки скомандовал «фу!» — нельзя, значит.

Джильда была уравновешенная собака, сразу послушалась. Я ее успокоил, погладил. Вроде и сам успокоился.

В квартире ничего не обнаружили. Пошли в сад. В саду у окна — отпечатки ног. Глубоко вдавлены: прыгнул с подоконника. Как та проклятущая кошка. У меня даже под ложечкой екнуло. Неужели, думаю, найдем? Применил собаку: «Джильда, нюхай!» Она понюхала и пошла. Мы за ней.

Прошли огороды двух усадеб. А мне опять кошка черная мерещится. Время-то позднее. Ну, взяло ж ее! Тут, понимаешь, и не такое привидится с перепугу. Точит червячок...

Зашли в третий двор. Джильда стала лаять на дверь. Постучали. Один раз, пожалуй, только и стукнули. Дверь открылась. Парень лет двадцати пяти. Пьяный в стельку. «Чего надо?» А сам выговорить не может, еле на ногах держится.

Ну а Джильда спрашивать не стала. Сразу на него. Он отшатнулся, чуть не упал. Завьялов его за подлокотки. Я собаку попридержал. Она после в угол, тянет меня. А там все украденное лежит. И костюм, и пальто... Вор очухаться не успел. Закрылся в своей квартире, думал, не найдут. Стал запираться: «Это мое». Да какое же «мое»! Своя вещь висит в порядке, а тут брошено в углу. Пригласили пострадавших. Ну, они сразу опознали свои вещи. Тут и он признался.

Не помешала черная кошка...

ДЕЛО — ТАБАК. А это уж в войну было. У меня уже опыт был. Ночью кто-то совершил кражу из склада путем взлома замка. Вызвали меня с Джильдой. Прибыли мы на место. На Шейнкмана, 19, дом Востокостали. Большой жилой дом, знаете. В пристрое — склад.

В войну что прежде всего крали? Еду. Похитили шоколад-плитки, табак-махорку, конфеты. Продуктовый склад был.

Следы обнаружили на задах склада рано утром. Часа три или четыре было. А может, пять, запамятовал уж. Словом, светло. Весна, светает рано.

Собака прошла квартал, дальше нейдет. Затоптано? Рано, не должно быть...

Обычно в таких случаях берешь другие следы. Зайдешь с другой стороны, сделаешь петлю или обогнешь угол, пустишь собаку, и она опять потянула как по ниточке. Где-то же они должны быть, не по воздуху летал!

А тут ни в какую! Вот, понимаешь, какая незадача. Крутится на месте, тычется туда-сюда, как заводная, а дальше ни шагу. Отойдешь, пустишь — опять сюда подводит, и точка.

Опустился я сам на четвереньки, по-собачьи. А зелень уж была, травка небольшая. Смотрю: что-то желтое. Принюхался, взял в ладошку — табак! Махорка! Вор посыпал. Опытный жулик!

Что делать? Собака нейдет, острые запахи у нее чутье отбивают. Смотрит на меня виновато, хвостом виляет, будто говорит: «Извини, не могу. Уж не серчай...»

И впрямь табак дело получается. Слыхали такое выражение? Значит, в том смысле: хуже некуда.

Что делать? Не бросать же... Пришлось «своим чутьем», способом доводки. В трудную минуту и такой способ может пригодиться! Главное не растеряться. Сам прошел по табаку метров пятьдесят. Теперь я впереди, а Джильда за мной. Поменялись местами. А табак хорошо видно: желтая дорожка, сыпал, старался... Табак подвел к жилому дому. Метров пять — восемь только не досыпано. Но тут уже опять Джильда взялась за дело. От шоколада обертку нашла, в траве кинута. Ну, думаю, теперь не уйдешь.

К двери. Постучал — пустили. Эге, не спят, нас, что ли, дожидаются? Трое парней. Здоровые такие ребята. Лет по пятнадцать-шестнадцать. Опомниться не успели — Джильда уже обнаружила краденое, недалеко спрятано было. Ну, правда, вор был один, двое посторонних, ни в чем не виноваты и про дело не знали. Это уже потом выяснилось, на следствии. А тут я скомандовал им всем троим, Джильда проконвоировала до отделения милиции.

Растерялись они — беда! А почему вместе оказались в такую рань? Слышь, собирались на рыбалку идти. Снасть приготовлена. Вроде бы не врали. После проверили — сошлось.

Мы идем, а мать того, который украл, за нами бежит, причитает: «Отпусти, слышь. Один он у меня, отец на фронте...» — «А что же ты не досмотрела?» А что она скажет?

Ему говорю: «Ты что же это натворил? Думал, про тебя там положено... Гляди, мать как ревет!»

Она слезы льет, а он сопит, пыхтит, надулся, вот-вот тоже расплачется. Думал, небось, никто не узнает. Собачка научила порядок уважать. И парнишка вроде бы из себя ничего, белобрысенький такой, вихры во все стороны торчат... Мать все дни на работе, присмотреть некому, на ум наставить тоже некому... Делай что хочешь! Однако и спускать нельзя: пропадет окончательно.

Он потому и махорку сыпал, что еще несмышленыш, хоть и сообразил, что к чему. Махорка-то ему не нужна, курить еще не научился. А конфеты — за мое удовольствие. До дому не донес — уже распечатал. Ну, попробовал — в другой раз не захочет...

Выходит, помог табачок-то!

РАСПЛАТА — ЖИЗНЬ. В войну нашему брату пришлось трудненько. Развелось много всякого жулья. Ловить некому, бороться некому. Опытные оперативные работники ушли на фронт, в армию. Мастерам темных дел раздолье. В точности как волки: те тоже в военные годы расплодились по лесам... Охотников не стало!

Во время войны они почти все вооруженные были, бандиты. С фронта привозили чуть не до пулеметов. Едешь на задание, думаешь: вернешься — не вернешься... Других убивали. У меня даже ранения не было. Потому — Джильда всегда при мне. Личная охрана. Чует за версту.

Как-то, помню, выезжали мы с нею в Красноуфимск. Там целая банда сколотилась. Уголовный элемент. Брали ее. Ничего. Выполнили все как полагается и вернулись домой в целости.

К тому времени я уже приличный опыт имел. Собаку понимал, как самого себя, а может, и лучше (себя-то не всегда поймешь!). Проводник и его собака — правая рука оперативных работников, а собака — твоя правая рука...

«Джильда, ищи!» — и начинается очередная цепочка расследования. На одном конце ее мы с Джильдой, на другом — жулик или, может, даже несколько, целая компания... Кто хитрее? Кто смекалистее? Кто кого? Вопрос серьезный.

Раз позвонили по телефону: сторож лежит связанный. Соседи увидели и сообщили. Ночью. Преступления не любят света, черные дела всегда совершаются в темноте. Сторож и не слышал, как эти типы к нему подобрались, ударили по голове,— напугался, упал. После они взяли кусок материи из магазина, спеленали сторожа, как младенца новорожденного, примотали его к весам — ни рукой, ни ногой. Дали коробку папирос. Кури. В издевку, значит. Шутники!

Увезли продукты. Ящик масла, консервы.

След санок. Я дал понюхать Джильде. «Ищи!»

Повела она по направлению к горнозаводскому поселку. Дошли до улицы Тагильской. С полкилометра прошли. А

тут как раз ручей, мостик переброшен небольшой. Она под мост. Глядим, там ящики-то свалены, все кучкой лежат.

Со мной было два оперуполномоченных. Оба молодые. Я посоветовался с ними: продолжать проработку следа или засаду делать. За ящиками придут — мы и сцапаем голубчиков.

Не успели договориться, глядь, трое идут. Один — под мост. Я выскакиваю навстречу с собакой, даю выстрел. Они все трое бежать. Я пускаю собаку на задержание. «Фас!»

Джильда выбежала на взлобок, они все трое выстрелили. Ранили ее. Слышу, завизжала. Я еще: «Фас!» Она еще бросилась. Снова выстрелили. Упала. Они бежать. Я — к ней.

Оплошали оперуполномоченные. Говорю: молодые были. Когда я выбежал, им надо было за мной, а они остались около ящиков. Недоработка получилась. Жулики убежали, собаку ранили.

Я еще раз выстрелил, им вдогонку. А потом заело патрон. Позднее выяснилось, что попал одному в протезную руку. Инвалид он был, с искусственной рукой. А я еще подумал, что не должен промахнуться! Их задержали через полтора года, на другом «деле», тогда все и стало известно до точности.

Подбежал я к Джильде. А она лежит, голубушка. Голову подняла и опять опустила. Осветил фонарем, вижу, кровь. Вся в крови, и лужа подтекла. Встать не может. Взял я ее на руки, отвез на машине в больницу на улице Белинского. Тороплю: скорей, скорей! Врача с постели подняли. Вот не думал я тогда, что в последний раз иду с нею на задание...

Только тут дошло до ума: жизнь она мне спасла, а своей лишилась. Как они начали стрелять, она их атаковала; не будь ее, пули в меня бы попали. У нее было горло перебито. Другая пуля прошла насквозь, как иголка. Посмотрели под рентгеном, хотели делать операцию. А уже поздно. Не дожила...

Когда я ее привез, на столе лежала, как мертвая. Пойду — она переворачивается. Раз упала. Вот ведь какая привязчивая. Ты скажи, до самой последней минуты меня не выпускала из виду, до последней крайности. Сколько мы с нею вместе опасностей пережили, не сосчитать. Где еще такого друга возьмешь?

Вздохнула в последний раз — и прощай...

Долго я около нее стоял. На коленки встал, ухом приложился, еще теплая была, послушал: нет, не дышит...

Вышел я из больницы — ни людей, ни света не вижу. Реву, как маленький. Скрывать не буду. Иду, а слезы в три ручья, не могу унять. Люди на меня глядят, что, думают, такое случилось у мужика? В опасные минуты не дрейфил, а тут...

А все оперуполномоченные виноваты. Сплоховали. Не растеряйся они — и жуликов сразу бы поймали, и Джильда была бы жива.

Оплошал, расплата — жизнь. Если не твоя, так друга. Такая работа.

ДВОЕ С ОБРЕЗАМИ. Как-то весной, под вечер, еще светло было, директор магазина сообщает: вооруженное нападение на кассира. Бакалейный магазин на улице 8 Марта, 95.

Выехали. Кассир, женщина лет тридцати, ранена в руку. Деньги не взяты. Народу много было. Помешали. Говорит: двое подошли к кассе, наставили обрезы — деньги давай. Она шум подняла, они раз выстрелили и наутек. Побежали в город.

У меня тогда Пальма была. Черная как уголь. Тоже работала хорошо. Тоже спокойная, уравновешенная, исполнительная. Джильду напоминала, хотя характеры разные. Сколько я собак знаю — все разные, хотя одна на другую похожи.

Прошли мы с нею квартал. Вышли на улицу Белинского, к троллейбусной остановке. Обрыв следа...

Люди видели: бежали двое в нетрезвом виде. Добежали до остановки, сели, уехали.

Приехали мы в управление милиции. Через пять минут звонок: снова нападение на кассира, теперь на улице Бажова. Деньги опять не взяли, только угрожали. Сильно пьяные.

Мы с Пальмой туда. Пока в этом магазине разговаривали, подъехал таксист, говорит: «На улице Шевченко двое с обрезами, в сильном опьянении, стреляли в женщину с водой. Она с ведрами шла. Правда, не попали».

Мы в машину и туда. Доезжаем до улицы Шевченко, заворачиваем. Смотрим, двое с обрезами идут. Все еще тут, безобразничают, людей пугают. Мне начальник скомандовал:

— Панов!

Я уж знаю. Раз «Панов», значит, «действуй!».

Выпрыгнул, машина еще остановиться не успела. Собаке: «Фас!» Им кричу: «Стрелять буду!» Они остановились.

Патроны были еще, штуки по две, по три. Свободно могли убить. А как увидели собаку, оцепенели. Хоть сильно пьяные.

Тут наши подскочили. Одного собака держит, другого — они. Не убежишь. Постреляли — хватит.

Вот и вся история.

НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ. А тут дело было в овощесовхозе на Гореловском кордоне... Слыхали про такой? Бригадир жалуется директору: как ни придут рабочие на работу, опять огурцов не досчитываются. Подозрение на сторожа. Больше некому. Но у него ничего, никаких улик.

Решили применить собаку.

А что она искать будет? Доказательств никаких. Огурцы как огурцы, на грядке все одинаковые. Росписи он на них не оставил.

Утром, часов в десять, я приехал с Пальмой. Обследовали. С чего начинать — неизвестно...

Сторож лет пятидесяти, с бородой. Сытый такой. Глядит в глаза, не сморгнет. Ему что. Не пойман — не вор. А поди поймай. Никаких признаков. Ухватиться не за что.

Рабочие все тоже глядят, работу побросали. Интересно: ходит милиционер с собакой. Зрелище.

Вот, понимаешь, история. Осрамиться неохота.

Решил опять способом доводки.

При обследовании я нашел люк, через который можно проникнуть в теплицу, минуя дверь. Около люка — следы ног. Дай, думаю, применю выборку. Есть такой прием. Поставил всех в шеренгу. Сторожа тоже. Его или не его следы?.. Попытка не пытка!

Пальме говорю:

— Ищи!

Нарочно громко сказал, авторитетно.

Она стала всех по очереди нюхать. Сторож стоит и, вижу, вроде бы в лице начал меняться. Рот то закроет, то откроет, как чебак. Глаза выпучил. А я виду не подаю.

Только она до него дошла, потянулась, чтоб ему живот понюхать, он вдруг как заорет:

— Как она могла знать, что я сюда огурцы-то ложил?!

Не выдержал, стало быть. Бородой трясет. После рассказал все, как было. «Пока дежурю, приготовлю к утру: сорву — и на базар. Работаю через день, мне хватало».

Никогда не терялся. А тут растерялся. Все-таки совесть-то нечиста, свербит. Одним видом его собака допекла.

САМОЕ БЫСТРОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ. Звонит в управление женщина:

— У меня соседка была, пропали часы. Нельзя ли собачку вызвать? Я уверена, что это она взяла, соседка, больше некому...

Я как раз трубку взял. Говорю:

— Пожалуйста.

Записал адрес. Не успел собраться, снова звонок. Она же:

— Прошу извинить: соседка услышала, что я вызываю собаку, часы принесла...

ПОПУТНОЕ ДЕЛО, ИЛИ СЛУЧАЙ С САЙКАМИ. Я на огороде был. То ли землю вскапывал, то ли сажал что, теперь уже запамятовал. Огород у нас рядом с питомником был. Собаки жили в питомнике, наши, милицейские. Ежедневно приходишь, занимаешься с ними. Без тренировок ничего не получится, не будет никакой работы. А они уж тебя ждут... Там для них кухня, повара, все как полагается. Отзанимался — потом на огород идешь. Люблю ковыряться в земле.

Слышу: плач женский в лесу. Лес-то тоже рядом.

Пошел, поглядел. Женщина плачет. Шла из магазина с покупками. Мужчина на нее напал, с ножом, отобрал деньги, продукты. Сайки были в авоське — сайки тоже взял. Не побрезговал. Уходя, пригрозил: с места не сходи, закричишь — вернусь и прирежу. Она и молчала, пока он не скрылся из глаз.

Я сбегал на питомник. Вернулся с собакой. Тогда Дикс был, серый пес. Умный и злющий. Чистый зверь.

— Куда,— спрашиваю,— побежал?

— Да вот туда,— говорит. Показала в сторону Вторчермета.

Пошли с Диксом. Нашли сайки. Что они ему, лишние, что ли, показались? Шел и выкидывал. Иногда преступник делает необъяснимые поступки. А нам как раз это надо. Всегда ждешь, что он на чем-нибудь да себя окажет. Нам ведь много не надо — только бы за что зацепиться...

Дикс как сайки понюхал, так давай ходу! Бежит, почти и к земле перестал принюхиваться. Запах сильный, свежий.

В поселке Вторчермета догнали. Дикс бросился, свалил его. Тот, конечно, орать. Я сразу сделал обыск. Нож нашел. Тут же и деньги, которые он отобрал. Семь лет дали.

Попутное дело вышло. Ходил на огород — вернулся с уловом.

НАСТАВЛЕНИЕ МОЛОДЫМ. От других мне не раз приходилось слышать: не работает собака, ничего не получается. Вроде бы устарело это занятие... Не надо, слышь, и точка. Стали сокращать штат проводников, лишили офицерских званий. Теперь вернули. О чем это говорит?

Я считаю: нужно всячески поднимать авторитет собаки. Работник такой — пойди поищи! Что сам не сможешь, она сделает. Однако помни: собака не автомат, а живое существо. Ее уважать надо, понимать, чувствовать. Без этого ничего не получится.

Иной раз молодые обижаются: «Я образование имею хорошее!» А собаку не понимает. Откуда же будут результаты?!

Тут особое образование требуется.

Первое дело — внимательность. На собаку надейся, сам не плошай. Проводнику надо быть как артисту. Собака очень смотрит на проводника. Как он, так и она. Растерялся пес, потерял след, мечется — поговори с ним, подбодри. Не вздумай орать (делают ведь и так!). Собака должна чувствовать, что ты веришь ей, надеешься на нее.

Самое главное — контакт с животным. Надо, чтоб оно к тебе тянулось, ловило каждый твой вздох, взгляд. Язык у нас разный, а надо, чтоб был общий. Я столько литературы перечитал о собаках — и специальной, и художественной, везде об этом говорится. Сердце надо иметь. Оно в работе всегда необходимо.

Сам померзни, сам поголодай, а собаке дай, ее обогрей.

Уж не поскупись, а она в долгу не останется. Сколь ты ей, столько и она тебе. Даже больше. С процентами!

Ну, конечно, времена меняются. И преступники меняются. И милиция теперь другая. Прежде транспорта было меньше. А теперь и рации, и автомашины, всего, чего хочешь. Легче стоять на страже законности и порядка.

СЛЕД ВЗЯТ! В начале шестьдесят четвертого года проводили меня на пенсию. Говорят: поработал — пора и на покой. Провожали меня хорошо, грех обижаться. А все-таки попереживал. Главное — привычка, любимое дело тянет, нет-нет да и забежишь на старое место...

Сейчас у меня Найда. Молоденькая еще, год с небольшим. Учу ее. Пригодится, мало ли что бывает! Это моя первая личная собака. Вот грибы пойдут, посажу в мотоцикл — и айда в лес... С нею веселее. И вот, понимаешь, что недавно вышло.

В начале лета наведались мы с нею в лесок, нагулялись, надышались, я присел на пенек. Птицы поют. Хорошо. Вдруг из кустов трое выходят, с удочками. Молодые, лет по тридцати с небольшим. Найда зарычала, я ей: «Фу!» Они прошли, на нас поглядывают. Потом остановились, один ко мне подходит.

— А я вас узнал,— говорит.

— А я тебя нет.

— Вы в уголовном розыске работаете...

— Ну, допустим,— говорю. Не хочется признаваться, что теперь уже отставник, на постоянном отдыхе. Сам в него вглядываюсь. Блондинчик, вихрастый, плечи широкие. Где я его видел?

А он смеется:

— Вот там мы с вами встречались... Узнали теперь? Вернее, вы к нам домой с собакой приходили. Меня задерживать.

«Эге,— думаю,— вот оно что...» На всякий случай Найду к себе ближе подозвал. А она тоже глаз с него не спускает, будто понимает, о чем разговор. Инстинкт у них.

Только это я зря. Он и мысли такой не имел. Как объяснились мы, вовсе расцвел. И другие тоже заулыбались.

— Ну, что же,— говорит,— вам, конечно, труднее вспомнить. А я помню. И мать часто вас вспоминает. Спасибо вам говорит. Ведь если бы вы тогда меня не накрыли, я, может, дальше бы пошел, понравилось бы. Стал бы профессиональным вором... А теперь слесарь, ударник...

— А что тебя тогда толкнуло?

— Смешно сказать! Сладкого захотелось, в войну сладкого не хватало...

Все точно. Теперь и я его признал. Верно, он, как есть он. Конфеты тогда из склада унес, а меня табаком старался со следу сбить. Через сколько лет встретились! Вот как бывает.

Пожали мы друг другу руки. Очень вам, слышь, признателен — спасли вы меня. Я говорю: «Ты не меня должен благо-

дарить, а Джильду. Жаль, нет ее. Она тебя из беды выручила...» Он и про Джильду справился. Головой покачал, узнав, что уже давно она в земле. Найду хотел погладить, да говорит: «Боюсь, укусит. Серьезные они у вас...» На том и расстались.

А у меня на сердце тепло. Выходит, и в самом деле помог человеку. Вот она какая, наша служба! И Найда будто еще милей. Выходит, через собаку — спасение непутевому.

Иногда гляжу на нее, на Найду свою, и думаю: молодо-зелено. Много еще тебя надо учить, чтоб стала такой, как Джильда или Пальма. А сколько же надо, чтобы выучиться человеку?

Пусть молодые не брезгуют опытом стариков — дело пойдет быстрее. Хочется, чтоб каждый рапортовал: «След взят!»

И еще одно хочу сказать молодым: помни, какому делу служишь. Пусть тебе погоня за жуликами не затмевает глаза, не портит характера. Жуликов единицы, честных людей — тысячи, народ. У народа этого лучшая в мире власть — советская. А милиционер — представитель этой власти.

ВАСИЛИЙ МАШИН

РАЗГОВОР С ШЕРЛОКОМ ХОЛМСОМ

Н. Медянцеву
старшему лейтенанту
милиции
Среднеуральскому УВДТ

У меня друзей не меньше тыщи!
Радуюсь, что в обществе таком
Вы на первом месте, добрый сыщик —
Всем известный
Мистер Шерлок Холмс.

Временем
Под вами не расшатан
Конан Дойля книжный пьедестал.
Это вы, конечно, «виноваты»
В том, что я
Коллегой вашим
Стал.

Закурите трубку, сядьте в кресло
Около каминного огня.
Думается, будет интересно
Выслушать, как младшего,
Меня.

Дедуктивный метод ваш —
Цепочка
Или ключик в потайную дверь.
Только
Там,
Где ставили вы точку,
Ставлю запятую я теперь.

Или ту же мысль
Иначе можно...
Скажем, озорует некий тать.
Обезвредить татя нам не сложно,
Очень сложно
Пе-ре-вос-пи-тать.

На себя беру заботу эту
(Мистер Холмс, такое стоит свеч),
Чтобы не бродило
Зло
По свету,
Чтобы от него
Добро сберечь.

Чтобы подопечный мой,
Доныне
Плывший без руля и без ветрил,
Стал бы настоящим гражданином
И меня за то
Благодарил.

* *
*

Если ты мечтаешь в час досуга
О лихих погонях на заре,
О фанфарах в честь твоей заслуги
И тому подобной мишуре —
Не стремись в милицию, не надо:
Здесь не до романтики, ей-ей.
Здесь хлопот по горло.
А награда —
Тихое спасибо от людей.

ГЕРМАН ПОДКУПНЯК

СТОЛКНОВЕНИЕ

Повесть

Светлой памяти моей матери
Валентины Михайловны посвящаю

Глава 1

...Во втором часу ночи движение на трассе утихло. Перекресток, где встречались и расходились шоссе, освещался единственным светильником на ажурном столбе. Второй не работал, видимо, перегорел.

«Надо будет в понедельник аварийку вызвать,— отметил в уме Плотников и медленно зашагал к посту, над крышей которого привычно горело табло «ГАИ». Перешагнув порог, он расстегнул молнию куртки, снял фуражку и пригладил ладонью редкие взмокшие волосы. Потом сел за стол, положил жезл и с облегчением вытянул гудящие от усталости ноги.— Ну все, кончилась пятница. И вроде без приключений»,— удовлетворенно вздохнул он и включил чайник. Потом надел очки, хотел было почитать «Вечорку», но тут зазвонил телефон внутренней связи.

— Четвертый пост ГАИ. Старший лейтенант Плотников слушает.

— Это я, Антоныч,— Плотников узнал голос дежурного по отделу капитана Турбина.— Как обстановка?

— Нормальная обстановка,— ответил он.— Если что серьезное, доложил бы. А у вас какие новости, в городе?

— Дождь шел, дорога скользкая. Много столкновений, по счастью, без жертв.

— И то хорошо,— сказал Плотников.— Железо можно выправить или новое купить. Это тебе не ноги или, заметим, голова.

— Философом ты под старость стал, Антоныч,— хохотнул Турбин,— чешешь, что Спиноза.— И уже серьезно закончил: — Если что — звони. До смены еще далеко.

Через большие стекла в будку проник слабый отсвет фар. Плотников убрал остатки позднего ужина, надел фуражку и застегнул молнию. После чая и скромного, но все же уюта выходить на дорогу не очень-то хотелось.

Видавший виды «Урал» стоял возле поста, и старший лейтенант похлопал мотоцикл по щитку. Хотя и не человек, а все равно в ночи с ним как-то веселее.

По шоссе шла колонна груженых ЗИЛов, судя по номерам — армейских. Машины шли уверенно, четко соблюдая интервалы, и Плотников проводил колонну ласковым взглядом. К военной технике он питал слабость...

Перед рассветом усталость взяла свое, и Плотников слегка задремал, уронив голову на канцелярский стол. За окнами поста уныло моросил дождь...

В шесть утра Плотников был на ногах. Он неторопливо прохаживался по обочине и цепко оглядывал проносившиеся мимо машины. Движение только начало оживать. Потянулись передохнувшие за ночь транзитники, Кто поспал в небольшой дорожной гостинице, а большая часть — просто в кабинах. Плотников видел за ветровыми стеклами хмурые спросонья лица и ни разу никого не остановил — правил не нарушают, госномера на месте. Один, правда, на «Колхиде», сам остановился, сильно окая, спросил, где заправка и как ему дальше ехать. Плотников объяснил и ушел обратно... Надо до прибытия смены составить краткий отчет о дежурстве, чтобы потом не терять времени, а сразу ехать домой, в свою такую теперь пустую и постылую квартиру на девятом этаже. Воспоминания о жене нахлынули на Плотникова, к горлу подступил комок, но он пересилил себя и раскрыл книгу приема и сдачи дежурств.

Вдали послышался звук милицейской сирены. Плотников глянул на часы.

Из машины вышли двое. В первом Плотников узнал командира дивизиона Шабалина. Второй, с погонами сержанта, был ему незнаком. Шабалин, рослый блондин с детским румянцем на круглом лице, поздоровался за руку и весело сказал:

— Принимай пополнение, Павел Антонович! Готовь себе достойную смену. Поработает с тобой в паре — отличным инспектором станет.

Плотников устало козырнул.

— Вы, товарищ Савин,— обратился Шабалин к сержанту,— начинаете службу в ГАИ под руководством ветерана милиции, фронтовика, кавалера двух боевых орденов и трех медалей Павла Антоновича Плотникова.

Сержант вытянулся, как на смотру, и уши из-под фуражки торчат.

— Вольно,— буркнул Плотников и протянул сержанту руку.

— Понимаешь, Павел Антоныч,— озабоченно проговорил Шабалин,— Комарова ночью с аппендицитом увезли, и сменить тебя пока некому: отпуска, учеба, то да се. Ты уж извини, Павел Антоныч. Последний раз. Побудь с Савиным, поднатаскай его, а там и домой езжай. Парень он хваткий, недавно из армии. Выручай, Антоныч. Тем более вчера в управле-

нии намек был, что Скроцкий посты проверять собрался. Как бы не схлопотать сам знаешь чего.

— Ладно,— примирительно сказал Плотников.— Поднатаскаю.

— Тогда порядок,— быстро заключил Шабалин.— Вечерком я сюда подъеду, проверю, как Савин освоился, и дружинников подвезу. Бывай здоров, Павел Антоныч.

Майор сел за руль, лихо развернулся и помчался обратно в город.

Плотников проводил его взглядом и направился к сержанту.

— Как тебя звать-то? — спросил миролюбиво, сбивая фуражку на затылок.

— Сергеем,— ответил сержант, глянув чуть исподлобья.

— В каких войсках служил?

— В танковых. Механик-водитель. Имею удостоверение на право вождения автомобиля и мотоцикла.

— Это хорошо,— будто раздумывая, заметил Плотников.— Правда, пересесть с танка на мотоцикл — это вроде как со слона на пони, но это ничего, привыкнешь. Опять же в танке жестковато, трясет здорово... Или, может, сейчас диванов понаставили?

— Трясет, товарищ старший лейтенант. Еще как! — не сдержав улыбки, ответил Савин и посмотрел на Плотникова открытыми веселыми глазами.

— Ну и добро, сержант Сергей.— Плотников ухмыльнулся и похлопал жезлом по голенищу.— А я, следовательно, Павел Антоныч. Но это когда большого начальства вблизи не просматривается.

— Понял, товарищ старший лейтенант,— ответил Савин, и его молодое лицо стало совсем юным, даже веснушки на носу проступили.

— Ты мне скажи — завтракал? — спросил Плотников.

— Чайку стакан заглотил. Холодного, правда. Титан у нас в общежитии сломался.

— А я ночью бутерброды жевал,— сказал, морщась, старший лейтенант и глянул на часы.— Первое дело перед службой — горячим заправиться. Есть тут неподалеку, в поселке у химиков, хорошая столовая.

Плотников откинул тент коляски, сел в нее и протянул Сергею ключ зажигания.

— Заодно глянем, как ты на этой танкетке удержишься. Или, чего доброго, меня, старика, где-нибудь на повороте одним местом на дорогу посадишь?..

Савин засмеялся негромко, но, видно, еще робел и мотоцикл завел не сразу.

— Не суетись,— подсказал Плотников, наблюдая за действиями Сергея,— машина степенность любит, солидность.

«Урал» наконец фыркнул, выбросил из глушителей клу-

бы дыма, Савин выжал сцепление и уверенно включил передачу.

— Пока давай прямо,— сказал Плотников,— через три километра, у развилки, налево.

Крепко держа подрагивающий руль, Сергей возбужденно кивнул. Ветер со свистом обтекал плексигласовый щиток с дюралевой окантовкой. Доехали до столовой быстро и в раздевалке, сняв куртки, с удовольствием помыли руки горячей водой.

Полная, раскрасневшаяся от кухонного жара раздатчица с видимым удовольствием налила им щей доверху. Плотникова она знала давно и потому подкинула им в тарелки еще по доброму куску мяса.

— Наполняйтесь, горемыки дорожные. Пустых, не ровен час, ветер с тракта сдует. Кто тогда у меня в такую рань пробу будет снимать? — улыбаясь, говорила она.

— Не будь ты, Зинаида Зотовна, всегда на боевом посту, не пекись так о мужицком аппетите, здесь бы химкомбинат строить не стали. Да и сама ты вкус в еде знаешь.

— Скажете тоже, Павел Антоныч,— притворно обиделась раздатчица.— И вовсе не с еды я так раздалась.

— С чего же вдруг? — удобнее усаживаясь перед пышущей паром тарелкой, спросил Плотников.

— С тоски, Павел Антоныч,— хохотнула раздатчица.— Исключительно с женской тоски. Уж очень вы мужчина видный!

— А что,— шутливо посерьезнел старший лейтенант,— вполне вас понимаю, Зинаида Зотовна. В меня еще как влюбиться можно. Малость подкормить бы только.

— Об этом не беспокойтесь,— певуче протянула Зинаида.

— Ты бы у ней, Антоныч, ел бы да ел, а она бы тем временем на твоем мотоцикле гоняла,— вступила в разговор пожилая добродушная повариха.

— Ой, мамочка родная, приревновала меня Прасковья,— шутливо всплеснула руками раздатчица.

Хлопнула входная дверь — и ввалилась толпа строителей с ночной смены. Помещение столовой враз наполнилось гулом, звяканьем кассового аппарата, подносов, ложек и вилок.

— Правда, очень вкусно,— отодвигая пустую тарелку, сказал Сергей.— И недорого.

— С душой женщины работают,— согласился Плотников, все еще чему-то улыбавшийся,— как для домашних. Второе-то ешь, чего отставил?

— Наелся уже, Пал Антоныч. Не лезет.

— Ты что, миллионер? Неизвестно, когда еще сегодня перехватить удастся. Так что давай отставим разговорчики...

Когда они встали из-за стола, Плотников, уходя, помахал рукой Зинаиде, а та засмеялась, кивнула головой. Вышли на крыльцо, охотно закурили. Над еще не дымившимися трубами нового комбината занималось радостное весеннее солнце.

До полудня время пролетело быстро. Плотников учил Сергея правильно и тактично проверять водительские удостоверения, технические паспорта и путевые листы.

— Главное, Сергей, не просечку в талоне сделать. Главное — научить людей ездить безопасно для себя и для других. Это я называю основой нашей службы, хотя, может, и выражаюсь малость высокопарно. Вот такой линии и надо подчинять свою работу. Каждый шофер отдельного подхода требует. Одного водителя достаточно пожурить, второму — предупреждение сделать, а у иного надо права придержать, а самого направить на комиссию. Мы часто видим, так сказать, исход, результат нарушения, когда налицо разбитая техника или, того хуже, есть пострадавшие. А ведь основную массу нарушений не знаем, они совершаются без нас, дорог и улиц сотни, а автомобилей тысячи. Вот и рассуди. Если мы не привьем людям навыков правильной и безопасной езды, то вся эта идея нашей автомобилизации зайдет в тупик. Полетит вверх колесами. А теперь скажи: основную мысль понял?

Сержант повел плечами.

— Да что тут не понять, Павел Антоныч! Ребенку ясно.

Плотников насупился и долго смотрел куда-то вдаль. Сергей сообразил, что легкостью своего ответа обидел старшего лейтенанта. Потоптался смущенно, достал сигареты «Интер», протянул пачку Плотникову. Сигарету Павел Антоныч взял, но молча.

— Павел Антоныч, вы извините, а? Это у меня присказка такая. Еще со школы. А так вы все очень интересно рассказывали. Почти наглядно.

— Наглядно,— проворчал Плотников.— Тут, сержант, одним словом, знай, гляди да гляди в оба.

Подле поста остановился, ухарски завизжав тормозами, потрепанный дорогами и временем «газик».

— Здорово, инспекция! — высунувшись из кабины, заявил мордастый шофер в здоровенном кепи.— Плохие вести вам везу.

— Выкладывай, раз привез,— сказал Плотников и легонько пнул сапогом по заметно спустившему баллону «газика».— После новостей подкачать не забудь, а то на ободе поедешь.

— «Запорожец» в кювет на повороте вылетел. Километров пятнадцать отсюда. Переднюю подвеску вчистую разнес.

— Пострадавшие есть?

— Вроде нет,— ответил шофер «газика» и полез под сиденье за насосом.

— Ладно,— хмуро произнес Плотников.— Сами посмотрим.

Он сел за руль, а Савину показал на коляску. «Урал» резко взял с места, пошел по шоссе, набирая скорость.

День уже разгулялся, прогретый солнцем воздух был свеж

и сух. Сергей с удовольствием вытягивал навстречу ему лицо. Плотников угрюмо глядел на дорогу, стлавшуюся под колеса.

Сначала они увидели на фоне деревьев бежевую машину. «Запорожец», завалясь на нос, стоял за кюветом, неестественно выпятив в разные стороны передние колеса. Рядом на пне сидел человек, горестно обхватив руками голову. Возле него быстрыми шажками прохаживалась девочка лет тринадцати и что-то возбужденно говорила. Это было видно по ее отчаянной жестикуляции. Заслышав треск мотоцикла, мужчина отнял от лица руки, девочка повернула голову и умолкла.

Плотников выключил зажигание, соскочил с седла и не спеша подошел к ним.

— Старший инспектор дорожно-патрульной службы Плотников,— козырнул Павел Антонович.— Как получилось-то?

У водителя «Запорожца» скривились губы. Был он уже немолод, сутуловат.

— Сам не знаю. Шел под восемьдесят, перед поворотом тормознул, и вот — вынесло с дороги... Миг какой-то, я ничего и сообразить не успел, удар только почувствовал.

— Понятно,— сказал Плотников.— Давно ездите?

— Первый год,— вздохнул мужчина.— Машину-то недавно купили.

— Так-так,— протянул Плотников, ближе подходя к «Запорожцу», и спросил вдруг: — Дочка с вами, что ли?

— Дочка. В город ехали. За покупками,— совсем тяжело вздохнул водитель.

Плотников присел на корточки, оглядел подвеску, ощупал ее пальцами.

— Ну, конечно, придется менять,— резюмировал он, поднявшись,— а вообще легко отделались. Запросто могли и на крышу встать. Так что, дорогой товарищ, убиваться не следует. Можно сказать, в рубашке родились...

— Да чего там!.. Чуть дочку не угробил...

— А вот об этом вы правильно сейчас сказали,— жестко заметил Плотников, потому что вообще не любил такие запоздалые эмоции.— Только об этом раньше надо было думать. Зачем перед поворотом на акселератор жать? Знак «Поворот дороги» ведь видели? Для чего он там поставлен?!

Водитель виновато промолчал, глядя на дочь, а девочка с осторожным любопытством стояла уже около милицейского мотоцикла.

— Дайте, пожалуйста, ваше удостоверение,— сказал Плотников. Он занес в карточку данные водителя и оформил протокол.— Сейчас мне надо вас как-то отсюда эвакуировать вместе с машиной. Кран придется вызывать.

Плотников подозвал к себе Сергея и негромко бросил:

— Ты пока малость успокой потерпевшего, а я поеду технику пригоню. До меня никуда не отлучайся.

«Урал» взревел, и скоро Плотников скрылся за поворотом. Сергей стоял в нерешительности: честно говоря, он не знал,

что надо делать. Потоптался на месте и предложил пачку «Интера»:

— Может, закурите, товарищ?

Водитель сигарету взял и долго, неумело прикуривал от спички.

— Папочка,— подойдя, произнесла девочка, искоса глянув на Сергея,— давай поедим. Нам мама пирожков на дорогу положила.

Отец послушно достал из кабины сверток и расстелил его на пеньке. Девочка взяла пирожок и стала аккуратно жевать.

Сергей постоял немного подле них и пошел замерять тормозной путь. Рулетки с собой не было, и он начал вымерять черную полоску, перечеркнувшую шоссе, шагами.

— Дяденька,— вдруг услышал он за спиной голос девочки,— покушайте, пожалуйста. Очень вкусные.

Сергей обернулся, смущенно поблагодарил, но девочка глядела на него так искренне и просяще, что он взял пирожок из протянутой руки. Взять-то взял, но откусить не решился: неудобно как-то — все же он при исполнении служебных обязанностей. Так и держал до возвращения Плотникова.

— Ну, здесь все,— подытожил Плотников, когда ЗИЛ увез потерпевшего с дочкой в кабине, а беспомощный «Запорожец», поднятый автокраном,— в кузове.— Проедемся по трассе, посмотрим, что делается. Начало, будь оно неладно, положено.

Сергей вздохнул и забрался в коляску. На душе было пасмурно. Плотников, видимо, понял его состояние.

— Не дрейфь, Сережа. Привыкнешь. Эта аварийка, можно сказать, мелочь. Цветочки. Бывает куда хуже. Так, что дальше некуда...

Они медленно ехали по шоссе. День уже кончался, закат слабо высвечивал верхушки сосен. Пахло вечерней свежестью.

— Сейчас в отдел позвоним да по стакану чая выпьем. Продрог я что-то малость,— сказал Плотников, остановившись у поста.

Пока старший лейтенант докладывал по телефону обстановку, Сергей разглядывал его. Среднего роста, сухощавый, с задубленным на ветрах лицом. Большой прямой нос, густые нависшие брови придавали лицу несколько угрюмое выражение. Глаза не выцветшие, живые, но какие-то печальные, что ли.

Плотников опустил на рычаг трубку и посмотрел на Савина.

— Ты чего на меня засмотрелся? Чайник бы лучше включил. Я колбаски в автобазе купил. Дадим желудкам дотацию.

Он снял фуражку, разгладил проступившую на лбу красную полоску и принялся перочинным ножом мелко отсекать колбасные полукружья.

— Павел Антоныч, а вы где воевали? — неожиданно спросил Сергей.

— Да разве я воевал?! — вяло отмахнулся Плотников.— Из автомата всего два раза пальнул, да и то больше от испуга. Это когда немцы за мной на мотоциклах увязались. Да шалишь, Плотникова не догонишь!

— А все-таки? — не отставал Сергей.— Ордена за так не давали.

— Ну за что давать, а за что нет, это Михаил Иванович Калинин решал, а я, Сережа, просто шоферил. От звонка, как говорится, и до звонка. За баранкой всю войну просидел.

— На «катюше»? — восторженно спросил Савин.

— Нет, на «катюше» не довелось. Я комдива возил.

— А-а,— несколько разочарованно протянул сержант.

— Что «а»? — строго глянул из-под мохнатых бровей Плотников.— Я, скажу тебе, моего генерала из таких передряг на колесах выносил, что тебе и под старость не приснится. Закал, понимаешь ли!

— Да вы расскажите, Павел Антоныч. О «катюшах» я просто так спросил. Песню нашу ротную вспомнил.

— Чего рассказывать... Потом, в сорок третьем, нас командовать корпусом назначили. Ну, не меня, конечно, а генерала. Геройский человек и большая голова. Климашин фамилия. Дмитрий Андреевич. Сейчас в мемуарах его все маршалы вспоминают. А дальше, под самый почти конец войны, моему генералу армию дали.— Плотников отставил кружку в сторону и замолчал, мрачнея прямо на глазах.— И все, погиб он. Заехали мы на НП полка, а фрицы врезали из минометов. Под Кенигсбергом это стряслось. Меня тогда тоже осколком зацепило, но он, генерал то есть, сам почти без сознания, а приказывает: «Давай, Паша, если живой, жми в штаб. Военный совет на двадцать три назначен».

— И что?! — пересохшим голосом произнес Савин.

— И все, Сережа. Хотя и врачи в машине старались, не довезли мы Дмитрия Андреевича живым.

— А вы? Вас тоже ранило?

— Ранило, да что?! Полежал в санбате — и опять за баранку. Война ведь еще не кончилась. Генерала другого прислали.

Плотников решительно запрокинул кружку и выпил, как бы давая понять, что разговоров достаточно. От чая старший лейтенант слегка вспотел и, поднимаясь со стула, утер ладонью лоб.

— Ладно, дружок, пора, я уже с ног валюсь. Раньше, бывало, пару-тройку ночей не спишь — и хоть бы что тебе. Теперь приходится брать поправочку.

Савин молодцевато вскочил с места и затянул подбородочный ремешок фуражки. Его румяное даже при свете лампы лицо выражало боевую готовность. Плотников, застегивая на ходу куртку, отворил дверь. Пахнуло острым прелым

запахом леса. Неподалеку хлопотливо зашумело крыльями вспугнутое воронье. Плотников завел мотоцикл и закурил.

— Вот мы с тобой, Сережа, на сегодня и отработались,— хмыкнул он.— Если со стороны взглянуть, то вроде ничем толковым и не занимались. Так, между делом прокатились туда-сюда, озон вдыхали.

Савин молча пожал плечами.

— И слава богу, что этим твое первое дежурство закончилось,— немного философствуя, продолжал Плотников.— У нас прошлым летом один орел сразу показать себя решил и в ограждение на мосту врезался вместе с инструктором. Того из коляски выбросило. А орел ничего, легким испугом отделался. Сейчас в Росбакалее служит. Экспедитором.

— Чего вы меня, Павел Антонович, стращать начали? — удивившись такой перемене Плотникова, обиделся Савин.— Не гожусь — так прямо и скажите. Без всяких подходов. Не маленький, выдюжу.

— Сдай назад,— миролюбиво протянул Плотников.— Понять не можешь, что сплю на ходу, потому и ворчу. А уж если ты такой гордый, то объясни мне, будь ласков, что ты у нас в ГАИ забыл? Или тебе после армии податься было некуда? Механика-то везде с руками оторвут.

Сержант в недоумении покосился на Плотникова.

— Ты на меня не косись,— строго сказал старший лейтенант.— Сомнение у меня все одно есть, хотя парень ты вроде не из пустышек. Вот и скажи ты мне, чего тебя опять на службу потянуло? Или в своих танковых не наслужился, ночами по тревоге не вспрыгивал и по трое суток без сна не мотался?

Сергей отчаянно хотел что-то сказать, но Плотников остановил его жестом.

— Ты не спеши мне возражать! Ты просто сам задумайся. На заводе, на стройке, заметь, нормальный рабочий день. И там, конечно, бывает переработка, но за это заплатят. Сверхурочными или двойными отгулами. Потом лежи себе на тахте, повышай уровень образования или телевизор обозревай. Главное — нервы в порядке, над тобой не дует и не каплет...

Плотников вдруг умолк, соображая, не уносит ли его вбок от главной линии. Вроде как машину на левую сторону занесло, а там встречный транспорт, и разъехаться, хоть убей, негде.

— Вот такие дела, экипаж машины боевой,— хмуро произнес Павел Антонович.— А у нас та же служба: приказ начальника — закон для подчиненного.

Плотников сам уже сожалел, что затеял этот разговор. Сожалел даже, что от сильной усталости вдруг выперло из него это раздражение.

— Ладно,— выкипев, виновато обронил он.— Не обращай внимания — устал я. Но все же, коли ты к нам не случайным

ветром попал, кое-что наедине с собой обсуди. Старики вроде меня зря не скажут.

— Если уж совсем по правде, Павел Антоныч,— вдруг решительно произнес Сергей,— то вам я скажу. Но пока это тайна, никто не знает.

— Ну, валяй, если она, конечно, не государственная,— уже совсем миролюбиво дал разрешение Плотников.

— Женился я в армии, Пал Антоныч. На последнем году службы. Но неофициально, так сказать.

— Эка невидаль! — усмехнулся Плотников, прислушиваясь к размеренному дыханию двигателя.— В армии многие неофициально женятся. Парни вы молодые, физически развиты, нынешняя форма к тому же сильно вас украшает.

Савин с удивлением глянул на Плотникова. Вроде умный бы человек, пожилой к тому же... Разве его Наташа не обидится за такие слова?

— Совсем не поняли вы меня, Павел Антоныч,— тихо, с серьезной укоризной сказал Сергей.— Я люблю ее, и в положении она. На пятом месяце. Там пока осталась, в общежитии ткацкой фабрики. Мы от них километрах в пятидесяти стояли. Тут у нас все и получилось.

Плотников выключил зажигание и осторожно потрогал рукой цилиндры. Потом неопределенно и невесело хмыкнул.

— Это хорошо, что женился. Одобряю. Только чего же ты ее там оставил? Беременную-то? Родителям перепоручил? Или родственникам?

— Да нет у Наташи никого,— непонятно вздохнул Сергей, то ли огорчаясь этому обстоятельству, то ли радуясь,— детдомовская она. Утонули родители.

— Понятно,— протянул Плотников,— всякое случается.

— Вот поэтому я здесь,— пояснил Сергей,— а она пока там. У меня тут в деревне тетка живет. На пенсии. На первых порах с ребенком помочь обещалась. Мама у меня еще до армии умерла, а отца я и не помню — ушел он от нас давно...

— Вот вы какие подобрались друг другу муж и жена,— участливо произнес Плотников,— хорошо жить будете...

— Как-нибудь справимся,— горячо сказал верящий в свою удачу и свои силы Сергей.— Мне бы только скорее комнату получить! А там заживем! Наташа у меня чудо!

— Насчет угла я тебе постараюсь помочь,— помедлив, объявил Плотников.— Хотя с жильем в милиции тоже не сахар. Да замполит у нас толковый. Фронтовик.

— Нет, Павел Антонович,— строго сказал Савин,— не за этим я вам все рассказал. Комнатку для нас я и сам добьюсь. Службой.

— Сам с усам,— добродушно проворчал старший лейтенант. И включив зажигание, дернул каблуком кикстартер.— Там видно будет. Давай влезай, трассу на прощание посмотрим. Стемнело уже за разговорами...

Сергей с готовностью забрался в коляску, и Плотников плавно отпустил сцепление. Высоченные сосны вдоль шоссе понеслись назад. Плотников знал каждый метр дороги, и «Урал» быстро набирал скорость, оглушая лес ревом двигателя. Через полчаса езды на одном из пологих спусков Плотников притормозил. Стало совершенно тихо.

— Внимание, Сережа. Начинается, пожалуй, самый опасный участок. Впереди, метрах в ста пятидесяти, рулеткой не измерял, довольно крутой поворот на подъеме, а слева от дороги обрыв. Карьер выработанный. Сыграешь вниз — назад уже не вернешься. Учти.

Савин напряженно всматривался в темноту, но ничего особенного не увидел. Ехать с умом — дорога как дорога. Что спуск, что подъем. Разные дороги он повидал.

Навстречу из-за поворота показалась машина. Она шла не быстро, но без света. Горели одни подфарники.

— Что за чудак еще вылез? — недовольно бросил Плотников, когда сноп мотоциклетной фары неясно и слабо высветил лобовое стекло встречного «Москвича».— Спит он там, что ли? Так и сковырнуться недолго.

Сергей тоже увидел, что автомобиль, а точнее, его водитель, ведет себя странно. Машина явно не вписывалась в поворот, а брала все правее и правее. Прямо к карьеру.

— Выворачивай руль, парень! — заорал Плотников в предчувствии близкой, неотвратимой беды и привстал по-кавалерийски над седлом мотоцикла.— Выворачивай, дружок! Все тормоза!!

«Москвич» ударился бампером о заградительный столбик, но не впрямую, а вскользь и исчез из видимости. Плотников и Савин услышали только дребезжащие удары металла о твердый песчаник.

— Ах ты! — Плотников почти на ходу спрыгнул с мотоцикла.— Убьется ведь!

Снизу, со дна карьера, раздался несильный резкий хлопок.

— Все,— сразу обмякнув, угрюмо сказал Плотников.— Бензобак рванул.

Сергей молча смотрел на инспектора. Потерянный взгляд сержанта, казалось, вернул Плотникову силы.

— Давай вниз, Серега,— прохрипел он.— Спасать надо. Может, живой...

Глава 2

Подсвечивая путь фонариком, в спешке даже не страхуя друг друга, они спускались по осыпавшимся от времени уступам карьера.

— Ничего, Серега, держись помаленьку,— подбадривал сержанта Плотников.— На войне хуже бывало. А его, может,

машина спасла. Кузов на себя удары принял. Все бывает. Сколько угодно случаев...

Савин слышал, что говорил Плотников, но не улавливал смысла. Все существо Сергея было приковано к горевшей машине. Она, как ни странно, не перевернулась, стояла на колесах. Савин не отрывал глаз от шевелящихся жгутиков пламени. Встрепенулся от удара камня по железу: камень, сдвинутый ногой, брякнул о кузов машины. Звук был неожиданный, а потому просто жуткий в ночи.

— Какого черта?! — проворчал рядом Плотников.— Балерина, понимаешь... Прыгай сейчас! Тут невысоко. Приехали.

Савин прыгнул. Когда он выпрямился и огляделся, то увидел, как Плотников, тяжело топая сапогами, подбежал к пышущей жаром машине и рванул на себя дверцу водителя. О том, что металл накалился от огня, он в горячке не подумал, но крик, готовый вырваться от мгновенной боли, сдержал в себе и сдернул с головы фуражку. Однако и плотная ткань не спасла от жара, тем более что дверцу заклинило.

Плотников хрипло выругался, нашарил на земле камень и тут вдруг увидел, что лобового стекла нет совсем, оно рассыпалось крупинками, как и положено, на моделях этой марки. За смятой баранкой, неестественно скрючившись и откинув голову, сидел человек. Черное от крови лицо его было безжизненно.

— Давай сюда, Серега! — прохрипел Плотников.— Попробуем вытащить.

Они с трудом вытянули неподатливое тело и осторожно опустили на землю. Плотникову показалось, что водитель еле заметно двинул рукой, словно из последних сил призывая к себе. Тихий вздох коснулся Плотникова слабым, уходящим теплом. Губы водителя шевельнулись, сознание на миг вернулось к нему. Плотников увидел, что пострадавший открыл глаза.

— Я из ГАИ,— машинально произнес инспектор.— Что произошло?

Водитель напрягался, силясь поднять голову и что-то сказать.

Павел Антонович быстро наклонился к нему.

— Товарищ, потерпи чуток. Все обойдется, врачи дело знают,— как можно ласковее заговорил Плотников, понимая, что это неправда и что даже светила медицины здесь едва ли помогут.

Взгляд лежавшего человека стал вдруг осмысленным и наполнился страданием и мольбой. Водитель опять шевельнул губами, и Плотников почти припал к ним, но уловил, как ему показалось, только одно протяжно выдохнутое слово: «Убили».

Руки водителя тоже были в крови, но инспектор осторожно нащупал запястье и затаил дыхание. Он ждал слабых толчков минуту, две, три, но так и не дождался. Тогда он

бросился к машине, сорвал с себя куртку и начал сбивать пламя с багажника. Сергей понял, что для человека из «Москвича» все кончено. Он, как в нокдауне, побрел куда-то в сторону, но властный окрик Плотникова остановил его...

Плотников посмотрел на светящийся циферблат своих именных часов. Прошло минут тридцать, как он отправил Сергея на пост — звонить в город. Конечно, сам бы он сделал все это быстрее, но не хотелось оставлять Савина одного на месте происшествия. И так ему для первого раза хватило впечатлений.

Плотников подошел к сбитому «Москвичом» столбику ограждения и зачем-то тронул его носком сапога. Справа чернел карьер. Искореженную машину отсюда видно не было. Там он уже не мог помочь ничем. Главная его задача сейчас — быть здесь и сохранить на дороге все следы, что привели к такому финалу. Правда, из карьера он слышал, как по шоссе пронеслись с небольшим интервалом две машины. Обе в одну сторону, в город, и ни одна из них не остановилась. Вторая на какое-то время притормозила, но покатила дальше... А почему они должны были остановиться? «Урал» стоял на обочине, ближней к лесу. К тому же в темноте все кошки серы, и водители могли и не заметить, что это мотоцикл ГАИ.

«Другой раз такие любопытные, хоть отгоняй, а тут — на тебе, мимо проскочили. Все же это непонятно». Плотников вдруг ощутил растущее раздражение от этой шоферской беспечности и невнимательности, но заставил себя переключиться на анализ случившегося: у него должно быть свое мнение о происшествии. Как ни крути, они с Сергеем остались единственными свидетелями трагедии.

«Значит, так: мы катились под гору на нейтрали, но я притормаживал, и скорость была километров сорок. Я еще что-то Сергею объяснял. Потом вдруг «Москвич» навстречу вывернул из-за поворота. Включены одни подфарники, но скорость небольшая, меньше нашей. Что-то меня в тот момент удивило, дало какой-то толчок. Возможно, у него не работало освещение, и потому водитель ехал так осторожно. Тьфу! Ничего себе осторожность — в карьер сыграть! Нормальный водитель, обнаружив неисправность дальнего и ближнего света, должен был остановиться и устранить неполадки или ждать рассвета. Этот, видимо, решил дотянуть на авось. На знакомой дороге и в темноте направление угадываешь, к тому же был еще вечер, а не ночь. Дни-то теперь длиннее. И чего это я для него оправдание ищу?! Только потому, что его уже нет в живых и сам он ничего объяснить толком не может? Стареешь ты, Плотников, и к тому же устал. Не до анализа сейчас, надо черновую работу сделать, пока сухо, а то, чего доброго, опять дождь заладит».

Плотников, подсвечивая фонарем отметины протектора на

шоссе, зашагал по обочине в сторону подъема, но скоро оставил это занятие. Темно все-таки, и фонарь слабо помогает. Следы «Москвича» неясно пересекались со следами прошедших после автомобилей. Убедившись в бесполезности своих действий, старший лейтенант вернулся обратно, сдвинул на затылок фуражку, закурил, но дым «беломорины» показался каким-то сладким, неприятным, и Павел Антонович, погасив окурок, сунул его в пачку. Казалось бы, теперь можно расслабиться в ожидании: в конце концов, он не мальчик и смертей на своем веку перевидел всяких, однако спокойствие, пусть даже иллюзорное, не приходило.

Он вновь стал мысленно перебирать мгновения от внезапного появления автомобиля до его падения по откосу карьера.

«Спит он там, что ли?! — вроде бы вскрикнул я,— вспоминал Плотников,— но это первое, что приходит на ум, когда действия шофера необъяснимы, и я, наверно, подумал машинально, по привычке. Но все же меня что-то поразило, когда свет фары попал на лобовое стекло «Москвича». Как будто за рулем никого не было. Может, водитель спал, уронив голову на баранку? Утомился вконец, это бывает на длинных рейсах. А может, будь он неладен, пьяным за руль сел, его и сморило? А если мне все это с устатку померещилось — его последнее слово?»

Плотников уловил в тиши далекий рокот мотоцикла и поднял голову. Дыхание своего «Урала» старший лейтенант узнал бы из сотни двигателей, а тут тишина, никаких помех. Звук нарастал, с ним сливались голоса «волговских» моторов. Придорожные сосны высветились рассеянными лучами автомобильных фар.

Плотников поднялся на ноги, одернул куртку и мысленно сделал рапорт о случившемся. Короткий и четкий, чтобы прибывшие сразу могли войти в курс дела, а не вытягивать из инспектора, как, что да почему.

Савин на «Урале» проскочил чуть дальше Плотникова и остановился. Следом затормозили две «Волги» с маячками на крышах и фургон «скорой помощи». Повеяло теплом от работающих моторов. Из передней «Волги» вылез начальник отдела ГАИ Лозовой. Он был в плаще и глубоко надвинутой на лоб шляпе.

«Вылитый Габен»,— почему-то подумал Плотников и, подойдя, козырнул.

— Здорово, Паша,— сказал Лозовой, протягивая руку.— Что это у тебя стряслось?

Лозовой был на пять лет старше Плотникова, возраст, помимо долгой совместной службы, сближал их — полковника и старшего лейтенанта. Поэтому Лозовой и позволил себе слегка поворчать.

Пока Плотников докладывал полковнику, оперативно-следственная группа с ходу приступила к делу. Распоряжения следователя УВД Брайцева выполнялись четко. Легонько потрес-

кивали затворы фотоаппаратов, мигали «вспышки», и слышался негромкий говор специалистов, определявших необходимые объекты и точки съемки. «Скорой помощи» делать здесь было нечего. Судебно-медицинский эксперт при свете мощного фонаря осмотрел труп и задумался.

Когда Лозовой с Плотниковым спустились в карьер, погибшего водителя уже уложили на брезентовые носилки и накрыли простыней. Лозовой бросил на носилки мрачный взгляд и вопросительно посмотрел на Брайцева.

— Документов у водителя нет. От одежды, несмотря на запах гари, отдает спиртным, но наличие алкоголя в организме выявит только экспертиза,— сказал следователь.— Я возбуждаю уголовное дело.

Лозовой махнул рукой. Сотрудники обвязали носилки ремнями и понесли наверх, к шоссе.

— Прошу слова, товарищ капитан,— обратился Плотников к Брайцеву и скупо, без эмоций, доложил свои наблюдения и факты. С самого начала. С момента, когда они с Сергеем увидели идущий навстречу автомобиль с выключенными фарами.

— Походило бы на мистику,— помолчав, сказал следователь,— не знай я вас, Павел Антонович.

— Прямо, говоришь, на твоих глазах? — насупясь, полуутверждающе спросил Плотникова Лозовой.

— Прямо на глазах, Степан Иванович. Как в телевизоре,— вздохнул старший лейтенант.— А вот помешать не мог.

— Ты же не всемогущий. Если бы мы успевали во все вмешиваться,— мрачно обронил Лозовой, сунув руки в карманы.

Плотников пожал плечами.

— Номер нашли, товарищ полковник. С переднего бампера,— доложил подошедший офицер из оперативной группы.— Кронштейны вчистую срезало. Видимо, при ударе о столбик.

Лозовой взял в руки согнутую почти под прямым углом штампованную железную полоску, повертел ее так и сяк, отдал обратно.

— Сообщи, капитан, по рации. Пусть установят личность владельца. Выставьте на шоссе и в карьере посты и отправляйтесь в город. Повторный осмотр произвести с рассветом. Все. Поехали, Паша. Подброшу до дома. Поспишь маленько, завтра будешь нужен. Свежий и мыслящий.

Когда усаживались в машину, Плотников дружески помахал Сергею. Тот взял под козырек. Порядок, мол, товарищ старший лейтенант.

Мотор заурчал, и водитель мастерски взял с места. Лозовой, насупясь, молча смотрел в лобовое стекло. Молчал на заднем сиденье и Плотников. Только оказавшись в тепле и комфорте, он ощутил, что устал за эти двое суток до изнеможения и держался, можно сказать, на одних нервах. Сразу потянуло в сон, веки будто камнями привалило.

— Слушай, Паша,— раздался откуда-то издалека хрипловатый голос полковника.

— Слушаю,— с трудом возвращаясь из дремотного состояния, сказал Плотников.

— Без Вали-то плохо?

Плотников ответил не сразу. Чего это он вдруг? Да и что можно было ответить?

— Плохо.

— Никого не жалеет. Без выбора,— неожиданно мрачно заключил Лозовой, и Павел Антонович не сразу сообразил, что тот говорит о болезни, сгубившей жену. Плотников хотел что-то ответить, но полковник опередил:

— Дочь забегает? Не забыла отца?

— Конечно,— сказал Плотников,— как иначе?! Правда, особенно ей забегать некогда, двойня все же на руках.

Впереди показалась темная громада города, кое-где мигавшая светлячками фонарей и окон. Старшина сбросил газ, двигатель притих, сбавляя обороты, и шум обтекавшего ветра стал на полтона ниже. «Волга» мягко шелестела колесами по новой для города улице, справа и слева застроенной девятиэтажными домами.

— Завезем старшего лейтенанта,— бросил Лозовой водителю, но тот уже и так держал путь на дом, где жил Плотников.

Машина остановилась против подъезда.

— До свидания, товарищ полковник. Благодарю за доставку.

— Давай, давай, не теряй времени,— посоветовал Лозовой.— Завтра к семи пригоню за тобой транспорт, хоть и выходной. Толя Брайцев следователь энергичный и, уверен, уже сейчас пишет постановление о возбуждении дела...

«Волга» круто повернулась и умчалась.

Лифт, вопреки обыкновению, работал, и Плотников даже порадовался такому маленькому везению. Выйдя на аккуратненькую, чистую лестничную площадку, услышал за дверью своей квартиры телефонные звонки. В спешке не сразу открыл замок. Ладно, квартира была махонькая, и телефон стоял тут же в коридорчике, на холодильнике.

Плотников быстро схватил трубку и тут же успокоился: звонила дочь.

— Татьяна? Ты откуда так поздно?

— Из автомата,— нетерпеливо и сердито сказала дочь.— Куда ты подевался? Ты же должен был смениться еще утром. Я вся извелась, дорога страх какая скользкая. Папа,— дочь сразу перешла к делу, причем ее вопрос прозвучал утвердительно.— Ты поводишься завтра с Котькой? У него что-то животик расстроился, надо бы посидеть дома. Виктор уехал в командировку, а мне завтра обязательно надо быть на выездном семинаре. Выручишь, папочка? Тебе завтра все равно отдыхать.

— Ладно. А как Павлик?

— В порядке, в интернате. В общем, ждем к семи. Целуем. Пока.

— Пока,— произнес Плотников растерянно, держа трубку у самого уха. Он только сейчас сообразил, что с утра должен снова быть на месте аварии, а в телефоне уже раздавались короткие гудки.

«Вот досада,— подумал Павел Антонович,— совсем память прохудилась. Ну ладно, что-нибудь придумаем. Не из таких кюветов выскакивали».

Сейчас, после трудного дежурства, следовало в первую очередь помыться, а потом думать о чем другом. Плотников быстренько разделся, встал под душ. Теплые упругие струйки приятно массировали уставшее тело. Потом он облачился в еще женой подаренный мохнатый халат и улегся на раскладушку. Спать на их общей с Валей кровати было выше его сил. Он хотел еще почитать газету, но та выпала из рук, едва Плотников коснулся головой подушки. А спал он плохо, тревожно и видел летящий под откос автомобиль. И еще, то ли во сне, то ли наяву, думал о том, что в баке у «Москвича» оставалось мало бензина, потому и взрыв был несильный, похожий на хлопок. И хорошо, что они с Сергеем все-таки сумели загасить пламя... Но главным, что беспокоило его даже в забытьи, был последний взгляд водителя, полный немого укора...

Плотников, прижав к себе Котьку, давнул кнопку звонка. Послышалось шарканье шлепанцев, и дверь открылась без всяких расспросов: кто там да чего там.

— Заходи,— сказал Панков буднично, как будто только и делал, что ждал прихода Плотникова, да еще с ребенком на руках.— Привет.

Он был низенький, с заметно выпиравшим брюшком и сейчас, лысый, в несвежей рубахе и вылинявших галифе, явно проигрывал перед выбритым и подтянутым Плотниковым. Из спальни заинтересованно высунулась жена и почти пропела:

— Здравствуйте, Павел Антоныч, проходите. Василий, не срамись, мигом переодевайся. На службу скоро.

Панков что-то буркнул в ответ, но быстренько подался в другую комнату.

— Доброе утро, Клавдия Петровна, извините за ранний визит,— сказал Плотников.

Она уже стояла перед ним, полная, широкая телом, в аккуратном домашнем халате, и, улыбаясь, снимала с его рук еще не совсем проснувшегося Котьку.

— Что это вы, Павел Антоныч, мы вам завсегда рады, какие могут быть извинения. А это, конечно, ваш внук, Павлик или Костя?

— Котя! — солидно выпалил мальчуган. Он уже проснулся.

— Вот какая просьба, Клавдия Петровна,— смущенно

начал Плотников.— Мне внука сегодня оставить негде, дело есть одно. А у него еще с животом что-то, и дочь просила...

— Все понятно, Павел Антоныч. Ни о чем не беспокойтесь, где пятеро, там и шестеро,— рассмеялась Панкова.— Дадим мальчишке травки, и все как рукой. У меня опыт в этих делах имеется...

Вернулся Панков, выбритый, в форме, блестя в полумраке прихожей начищенными сапогами.

— Пошли, Антоныч, хлебнем чайку.

— Вчера сына провожали. Все сбережения спустили,— весело сказала Клавдия. И вдруг разом пригорюнилась, крепче обняла Костика.— Где сейчас наш Петенька? Уже небось везут, куда — неизвестно.

— Сказал же тебе, пока под городом они,— грубовато-нежно объявил Панков.— Курс молодого бойца будут проходить... Может, сумеем еще повидаться.

— Бойцы вы, бойцы,— вздохнула Клавдия, внимательно оглядев их обоих, мужа и Плотникова.— Не можете вы без этого. Нет чтобы дома сидеть.

— Что ты выдумываешь?! — сердито сказал Панков.— Долг же!

— Это понятно, что долг,— протяжно вздохнула Клавдия, и Плотников неожиданно подумал, что она своим особым женским чутьем предчувствует какую-то беду, и ему на миг стало нехорошо, но он отогнал эту мысль.

— Спасибо, хозяева, я и так уже припаздываю. Ты, Вась, к восьми будь на посту. Работенка есть.

— Ясно, товарищ старший лейтенант.

Глава 3

Невысокий, с поджарой боксерской фигурой в японской нейлоновой куртке с желтыми полосами, инспектор уголовного розыска Гостев медленно поднимался по лестнице. Обычно он ходил быстро, пружинисто, а сейчас ноги отяжелели. Может, от той вести, что нес он незнакомым еще вчера людям. Навстречу ему по ступенькам никто не спустился, но дом уже проснулся, кое-где за дверями слышались голоса, радио. Остановился подле нужной ему квартиры, одернул куртку и, глотнув воздуху, позвонил.

— Секундочку, Роман,— раздался за дверью мужской голос,— я уже почти готов.

Щелкнул замок, дверь отворилась, и открывший недоуменно уставился на пришельца, даже забыл вдеть руку в рукав почти надетого плаща.

— Вы к кому?

— Здесь проживает Сабинин Алексей Петрович? — негромко спросил инспектор.

— Да. Это я. В чем дело? — Недовольно бросил хозяин. Он был немолод, седоват, глаза скрывались за выпуклыми стеклами очков в массивной прямоугольной оправе.

— Инспектор уголовного розыска,— представился Гостев, открывая служебное удостоверение.— Разрешите войти?

— Да, да, пожалуйста,— с тем же недовольством в голосе произнес Сабинин, пропуская Гостева в прихожую.— Что привело вас сюда? Слава богу, за шестьдесят два года жизни я ни разу, как бы это выразиться, с милицией не общался. Во всяком случае по утрам мне визиты не наносили.

— Бывает,— невесело улыбнулся Гостев, прислушиваясь к звукам в квартире, но все было тихо, и он решил больше не тянуть.

— Вам принадлежит машина «Москвич-408» с госномером 22-16. Где она?

— То есть как где? Сейчас должна подойти. На ней ездит племянник. Разумеется, законно. По доверенности. Я, видите ли, староват для езды при теперешних потоках, зрение не то...

«Как уверен, что ни с ним, ни с его племянником, ни, в конце концов, с машиной ничего не может произойти. Завидное убеждение».

— Давайте сядем,— осторожно предложил Гостев, и тут до Сабинина наконец дошло, что просто так рано поутру милиция в квартиры не является.

Он схватил лейтенанта за руку, суетливо снял очки и почему-то стал искать, куда бы их пристроить. Лоб Сабинина покрылся испариной, и Гостев подвел его к стулу у вешалки.

— Ваша машина, Алексей Петрович, вчера поздно вечером потерпела аварию,— негромко сказал лейтенант, удерживая Сабинина за плечо.— К тому же, к глубокому сожалению, в машине погиб человек. Мужчина лет двадцати пяти. Но документов при нем не нашли. Ни прав, ни паспорта.

Сабинин оцепенело осел на стуле, и лицо его, недавно такое самоуверенное, стало беспомощным и жалким.

— Пожалуйста, успокойтесь,— сказал Гостев.— Возможно, ее просто угнали...

Сабинин отчаянно замотал головой, силясь что-то сказать, но не мог.

— Я вызову неотложку,— предложил лейтенант и поискал глазами телефон.

— А... а... дочь? — наконец выдохнул Сабинин и резко, испуганно повернулся на стуле.— Дочь тоже погибла?

— Какая дочь? — удивился Гостев.— Чья? В машине был один человек. Я участвовал в осмотре места происшествия.

Сабинин закрыл лицо руками. Гостев видел побелевшие суставы пальцев. Лейтенант достал из кармана стеклянный патрончик с валидолом.

Сабинин отнял от лица руки, близоруко глядя перед собой.

— Боже мой, боже мой! Как это могло случиться?.. Роман же повез Зою в аэропорт на ленинградский рейс...

Гостев прекрасно понимал состояние Сабинина, но опыт подсказывал, что лучше в таких случаях постараться переключить психику, отвлечь.

— Алексей Петрович, а зачем, если не секрет, ваша дочь собралась в Ленинград?

Сабинин поднял голову и недоуменно посмотрел на лейтенанта.

— У Зои с Романом там было какое-то дело. Кажется, она должна была что-то привезти оттуда. У нее оставалась неделя отпуска, и она воспользовалась этим.

— Понятно,— протянул Гостев.

По профессиональной привычке он хотел тут же поинтересоваться, какое именно дело повлекло Сабинину в Ленинград, но удержался. Сейчас инспектора волновало другое: надо было убедиться, что в машине погиб именно Роман. А для этого, увы, надлежало опознать труп. Обычно эта тягостная обязанность падает на плечи родственников, но не брать же с собой в городской морг этого человека. Он и так еле сидит, хотя и делает вид, что взял себя в руки...

— А где работа...ет ваш племянник? — Гостев деликатно не стал упоминать Романа в прошедшем времени.

— На строительстве химкомбината. Живет в общежитии.

«Туда я и поеду,— решил инспектор.— Приглашу для опознания кого-нибудь из ребят, хорошо знающих Романа Сабинина».

— Мне надо отлучиться на час-другой,— сказал Гостев.— А вас попрошу поискать водительские права племянника и паспорт на машину. Или подумать, где могут они находиться.

Сабинин кивнул и налил себе воды из графина. Инспектор чувствовал, что документы едва ли найдутся, но любое занятие, пусть даже ненужное, было сейчас полезно Алексею Петровичу...

Солнце уже расцветило веселыми бликами верхушки сосен и серую ленту шоссе. Но торжественная прелесть проснувшегося леса, шемящий запах весны плохо вязались с деловой суетой оперативной группы. Повторно осматривали и фотографировали место аварии.

Всеми действиями руководил, похоже, так и не сомкнувший глаз за ночь, сутуловатый следователь Брайцев. Он то и дело тер глаза тыльной стороной ладони.

Как печальное напоминание о случившемся лежал на обочине сбитый красно-белый столбик ограждения, на дне карьера блестел хромированными деталями разбитый автомобиль.

— ...Теперь, Василий, понял, что я от тебя хочу? — прислонясь плечом к дереву, устало сказал Плотников.— Предчувствие, или как там по науке — интуиция, в данный момент налицо, а вот реализовать ее в какой-нибудь полезный факт я сейчас не способен. Работал долго, а отоспаться не дали.

В голову будто клею влили, все впечатления сцепились в один ком, и расщепить их пока никак не могу.

— Понять-то понял,— в раздумье, без особого энтузиазма, ответил Панков.— Но сдается мне, что ты, того, сгущаешь обстановку. Мало ли алкашей за рулем видели? Помнишь случай на той неделе?

— Да брось ты! — вдруг рассердился Плотников.— Раз сомневаюсь, тем более свежий взгляд нужен. Теперь второе, следы других двух машин на шоссе ты и сам рассмотрел. Одна, похоже, «Жигуль-универсал», другая — ГАЗ-51 с изношенным протектором передних колес. И ни один водитель не остановился, хотя второй притормозил. Оба послали шоферскую взаимовыручку куда подальше. Почему?

— В темноте могли и не заметить аварии. Запросто.

— Я поначалу тоже так думал. Но когда на шоссе снова выбрался, убедился, что не могли не видеть. Не такой уж он глубокий, карьер. А вот не остановились. Опять же встает вопрос — почему? Нежелание попасть в «историю», лень или... пьяные сидели за баранкой?

— Ну, если и так, то все одно не пойму, с какого боку эти водители к «Москвичу» отношение имеют? Да и где их теперь найдешь?

— С какого боку, я и сам еще не знаю,— произнес Плотников,— может, и ни с какого. А все же с удовольствием с ними бы потолковал. «Москвичок»-то впереди них шел.

— Это ты правильно подметил,— неожиданно согласился Панков.— И, судя по времени, дистанция между ними была небольшая, а может, «Москвич» их и обогнал? Только где их теперь искать. Целая ночь прошла. Километров четыреста можно сделать...

— В том-то и суть, Вася, что найти можно,— уверенно сказал Плотников.— Я поутру запросил все наружные посты города. По предварительным данным, за вчерашний вечер и ночь ни один ВАЗ-2102 из города не выходил. Сейчас, само собой, каждый выезжающий за город «универсал» наши проверяют.

— А грузовик? — уже заинтересованно спросил Панков и зачем-то надвинул фуражку на лоб.

— Тут самый фокус, Вася. По нашему шоссе ГАЗ-51 в это время в город не проходил. На въездном посту эти сутки был Петр Показаньев. Ты его знаешь. Мужик такой: сказал — отрезано.

— Да...— озадаченно протянул старшина, а сам напрягся всем телом, будто все стало на свои места и осталось только одно — немедленно действовать.— Раз Петр заверил, так оно и есть. Этого гуся с грузовика я тебе, Паша, на разговор доставлю. Дорог здесь раз-два и обчелся: воинская часть, совхоз, стройка комбината...

— Целину еще не забудь,— обронил Плотников.— Эта машинка и без дороги выберется. Снег-то почти сходит.

— Не нагнетай, Антоныч,— сказал Панков.— Как-нибудь разберусь, откуда этот ГАЗ. Но сомневаюсь, будет ли толк.

Плотников пожал плечами. Честно говоря, старательный, но тяжелый на подъем Панков своим безразличием в начале разговора расстроил его, и он теперь слегка сожалел, что вообще затеял этот разговор. Тут, как назло, Панков снова подал голос:

— Паша, ты об этих моментах командиров в известность поставил? Как бы не получилось, что мы без их команды сыск разводим, самодельничаем.

— Ох, Вася,— только и развел руками Плотников.— Хитрая твоя душа. Где сядешь, там и слезешь. Конечно, поставил, но, само собой, не во всех деталях. У начальства забот и без нас достаточно. Ему не детали нужны, а результат.

Старшина внимательно посмотрел в лицо Плотникову, качнул головой, то ли в знак согласия, то ли сомнения, и буркнул:

— Ладно, я потопал. Пошукаю покамест поблизости. Осмотрю местность.

Плотников посмотрел в удаляющуюся сутуловатую спину низкорослого Панкова и досадливо поморщился. Досада, правда, скорее была не на старшину, а на самого себя. Какого черта? Неужели все думают, что он фантазирует?!

Из остановившейся попутки выбрался нахохлившийся Гостев в яркой полосатой куртке. Он потоптался на месте, поглядел в карьер на машину, которую вытаскивали краном, задумчиво прошелся по шоссе и, завидев Плотникова, перепрыгнул к нему через кювет. Они были давно знакомы.

— Приветствую, Павел Антоныч! Как здоровьишко?

— Здравствуйте, Юрий Васильевич,— все еще злясь на самого себя, вяло ответил Плотников.

— Чего это с вами? — удивленно воззрился лейтенант.— Замотались вконец? А я хочу вас в помощники просить.

Плотников махнул рукой: дескать, не обращай внимания. Бывает.

— Ладно, замнем для ясности,— сказал Гостев, предложил сигарету и задымил сам.— Личность погибшего я установил. Сабинин Роман. Двадцать восемь лет. Работал сварщиком на стройке химкомбината. Холост. Под вечер повез молоденькую родственницу в аэропорт к рейсу. Что произошло на обратном пути, вам известно. Какие есть соображения?

— Понимаешь, мне показалось,— после некоторого раздумья произнес Плотников,— что машина, по существу, была неуправляема. Может, этот Роман спал или был пьян — не знаю, но нормальный здоровый водитель так за рулем не сидит.

Гостев неопределенно кивнул. Наблюдения Плотникова были, бесспорно, интересны, но, увы, бездоказательны. Водитель мертв, машина разбита, а на одной интуиции далеко не уедешь.

Затем Павел Антонович скупо поведал, как они вытащили тело из горящего автомобиля и Роман, похоже, пытался чего-то сказать, объяснить... последнее слово.

— Если бы парня удалось спасти... Я почему-то уверен — это не обычная авария. Что-то здесь не так.

Подобной убежденности у Гостева пока не было, но и у него имелся вопрос, который повис без ответа: куда подевались документы водителя? Ни дома у Сабинина, ни в общежитии они не нашлись.

«Надо будет сесть и в спокойной обстановке разложить все по полочкам»,— подумал Гостев.

Наконец-то выговорившись, Плотников испытующе смотрел на инспектора, будто прикидывал, дошла до него суть или нет.

Тот, совсем как школьник у доски, почесал макушку.

— Да-а, преподнесли вы мне букетик. Спасибо, Павел Антоныч. И розыск машин правильно начали. Следователь уже дал задание...

Они вдруг услышали приглушенный расстоянием крик и увидели на вершине подъема человеческую фигуру. Человек возбужденно размахивал руками.

— Это же Панков,— признал старшину Плотников.— Чего он там?

— Похоже, нас кличет,— сказал Гостев. И поманил о чем-то задумавшегося Брайцева.— Посмотрим?

Когда они подошли, Панков уже прохаживался взад и вперед по обочине.

— Смотрите сюда,— загадочным тоном произнес он и показал на следы автомобильных протекторов, выходящих на шоссе из леса через кювет.— Опять ГАЗ-51. Его база.

Сосны росли здесь несколько реже и образовали неширокий коридор, по которому летом могли спокойно двигаться в глубь массива легковушки. Для грузовых машин коридор был тесноват.

Брайцев с Гостевым, Плотников и Панков неторопливо пошли вдоль колесного следа. Метрах в десяти за кюветом была полянка с примятым кустарником.

— Дальше ехать некуда,— бросил Панков,— здесь он, видимо, развернулся и выбрался обратно на шоссе.

На мягкой земле виднелись отчетливые отметины изношенных протекторов.

— Что водителю здесь могло понадобиться? — задумчиво произнес Гостев.— Дорогу искал?

— Весной в лесу?! Недолго и на брюхо сесть в какой-нибудь яме.— Плотников вдруг склонился над землей, потом встал на колено, всматриваясь в черное, расползшееся пятно, отливающее синевой.— Масло! — ковырнул он пальцем пятно. Понюхал.— Ей-богу масло. Прокладка старая, вот и подтекает. Значит, тут он стоял. И долгонько, раз на земле целый стакан набрался.

— Может, того, по надобности остановился? — усомнился Панков.

— Чтобы ради этого машину в лес гонять? — улыбнулся Брайцев.— Нет, его привело сюда что-то другое...

— Может, ремонтировался? — не унимался Панков.

— Для ремонта и обочины хватает. Ответ теперь Анатолий Ильич найдет.

А Брайцев стоял нахмуренный, засунув руки в карманы плаща. Он не слышал последних слов Плотникова. Правда, тот и произнес их без всякой задней мысли, просто хотел подчеркнуть главенствующую роль следователя.

— Выходит, вы, Павел Антоныч, правы. Если это тот самый ГАЗ-51,— экспертиза, я думаю, разберется,— странное получается совпадение. В двухстах метрах от карьера, в который падает «Москвич», находится за деревьями грузовик. Потом, когда вы пытаетесь спасти водителя, по шоссе опять же пролетает грузовик. А ведь вчера была суббота. Грузовые машины, кроме хлебных и продуктовых, в основном стоят на приколе.

— Эту машину я найду,— сказал Панков.— Кроме шуток.

Следователь глянул на него, кивнул. Со старшиной ему работать еще не приходилось, но раз ему доверяет Плотников, значит, Панков слов на ветер не бросает.

— Давайте побродим в округе,— предложил лейтенант.— Может, еще что-нибудь обнаружим.

— Вы, Юра, ступайте с капитаном на шоссе,— сказал Плотников, только сейчас заметив, что обуты офицеры в полуботиночки,— наших с Панковым сапог здесь достаточно. Что найдем — поделим.

Но больше никаких следов они не нашли, хотя и провели в поисках более двух часов.

Согласно графику дежурств, в понедельник с утра Плотников заступил на пост. С ним в паре, как обычно, Панков, а к обеду на попутке подъехал Савин. Командир дивизиона направил его к Плотникову для «продолжения практики». Павел Антонович искренне обрадовался Сергею, но заметил, что сержант как-то неуловимо изменился, посерьезнел, что ли.

— Ты что такой? Что-нибудь случилось?

— Что со мной может случиться? — махнул рукой Савин.— С тем вот парнем, Сабининым, случилось. Между прочим, на наших с вами глазах...

— Ну и дальше? — сказал Плотников, соображая, куда тот клонит.

— Как вы можете так спокойно говорить, Павел Антоныч? — почти выкрикнул Сергей.— Погиб человек, а вы... Привыкли, что ли? А я ни о чем другом думать не могу. Все время перед глазами тот карьер.

Плотников молчал. Он понимал Сергея. Было это и с ним, но давно, на войне, когда падали наземь такие же юные,

как он, солдаты в великоватых касках. Своей смерти Плотников не боялся — ее не увидишь. Страшна была чужая, но тогда шла война...

— Понимаешь, Сережа, если ты не научишься управлять своими чувствами, не работать тебе в милиции. К этому придется привыкать. Не буду объяснять, что на дорогах земного шара погибло уже больше людей, чем в первой мировой войне. Ты пришел работать в ГАИ и должен понимать...

Плотников умолк, глядя на притихшего сержанта.

«Не умею я по-человечески объяснять,— подумал огорченно,— он ко мне со своими горестями, а я его цифрами давлю».

В этот момент на посту требовательно зазвонил телефон, и старший лейтенант даже обрадовался этому: звонок разряжал неловкую ситуацию.

— ...А сочувствие, Сережа, чужой беде, конечно, никуда не денешь. Я тебя понимаю, на то мы и люди.

Дошли до Савина его слова или не дошли, Плотникову выяснять было некогда. Телефон просто надрывался. Старший лейтенант снял трубку, выслушал все, что ему сказали, и быстро вышел на шоссе.

— Меня в отдел срочно вызывают,— останавливая первую же машину, пояснил Савину,— останешься с Панковым.

Когда старший лейтенант поднимался по лестнице на второй этаж здания, его окликнул помощник дежурного и сказал, что надо явиться к начальнику.

Плотников кивнул, подошел к застекленной перегородке, за которой работала секретарь Лозового, и вопросительно глянул на нее.

— Полковник уже справлялся о вас. Проходите.

Начальник отдела читал сводку. Его крупное лицо, перечеркнутое резкими складками, в очках, казалось угрюмым. Плотников остановился у окна.

— Садись, Павел Антоныч, извини, сейчас закончу,— бросил Лозовой.

Потом он откинул в кресле свое массивное тело, снял очки и потер переносицу.

— Понимаешь, Паша, какая история... Звонил начальник Кировского райотдела. Просят подключить тебя к Гостеву. Работник он сильный, но дело, похоже, темное, а ты, так сказать, очевидец, да и в автомобилях будь здоров разбираешься. Может, вдвоем быстрее распутаете это происшествие. Данные экспертиз будут к вечеру. Возражений нет?

— Слушаюсь,— вставая, произнес Плотников.— Хотя едва ли из меня майор Пронин получится.

— Не прибедняйся, Паша,— хмыкнул Лозовой.— Старый конь борозды не портит.

Выйдя от полковника, Павел Антонович набрал телефон Гостева, но рокочущий басок сообщил, что лейтенант отбыл в управление к Брайцеву.

— Ладно,— сказал Плотников.— Вернется, скажите, что я жду в своем хозяйстве, у дежурного.

В дежурной части Павел Антонович уселся в сторонке, чтобы никому не мешать, и стал смотреть на светоплан города. План был во всю стену. Контуры районов и кварталов соединялись на нем сотнями нитей проспектов, улиц, переулков. На всех шоссе, ведущих из города, светились маленькими квадратиками стационарные посты ГАИ. Бегающие светлячки показывали место нахождения патрульных машин и мотоциклов. Плотников поискал глазами свой пост, но без очков не увидел и поэтому подошел к плану. Убедился, что квадратик горит нормально, и снова сел на стул.

За пультом капитан Турбин с помощником сноровисто переключали тумблеры каналов связи, запрашивали и выслушивали абонентов, тут же принимали решения и давали указания патрульным. Информации было хоть отбавляй. Турбин никак не успевал вынуть изо рта папиросину с угрожающим свалиться столбиком пепла. Руки были заняты. Плотников поднялся, взял ее у Турбина, ткнул в пепельницу. Взмокший капитан только благодарно мотнул головой и продолжал говорить в микрофон:

— Береза, Береза, я Курган, я Курган, на связь.

Павлу Антоновичу вдруг вспомнились осевшие от взрывов накаты блиндажей, черные лица командиров и орущих до хрипоты связистов... Но это было так, как бы застывшим мгновением. Память как вечная зарубка.

Плотников любил бывать в дежурной части отдела. Правда, тут было шумно от звонков, но именно здесь отчетливо прослушивался транспортный пульс большого города. Со всеми его сложностями, проблемами и неприятностями.

Вдруг все звонки разом прекратились. Турбин перевел дух и полез за новой папиросой.

— Бывает же так, Антоныч: то просто спасу нет, то тишина, как на рыбалке,— засмеялся он.— Как будто все машины хоп и... встали.

— Ну, на это нечего надеяться. Движение — процесс необратимый. Пока колеса вертятся.

— Не говори,— пыхнул дымом Турбин.— Лет через пять по дорогам такие потоки пойдут, что и десяток дежурных не обработает. Полностью на автоматику перейдем.

— Едва ли автоматика потянет,— возразил Плотников.— Баранки ведь не роботы будут крутить...

Турбин хотел ответить, но невидимые абоненты словно проснулись: ожили на пульте лампочки и затрещали звонки.

Когда наконец Гостев прибыл, они расположились в кабинете, и лейтенант развязал тесемочки тощей зеленоватой папки.

— Пока все копии материалов дела. Ознакомьтесь. Я пойду потороплю ребят с розыском «универсала».

Плотников кивнул, достал из футляра очки, поудобнее

уселся и стал читать заключение автотехнической экспертизы.

Поиск автомашины ГАЗ-51 Панков начал с совхоза. Оставив Савина на посту, он направился туда под вечер, рассчитав, что к концу дня все совхозные машины съедутся в гараж. Во-первых, в понедельник редко кто перерабатывает, во-вторых, до посевной еще далеко и особенно им разъезжать некуда. Совхозный гараж назывался гаражом чисто условно. Машины, огороженные покосившимся забором, стояли под открытым небом. В каменный добротный бокс на три места технику загоняли только для ремонта.

Двери бокса были растворены. Панков заглушил «Урал» и, стаскивая на ходу краги, вошел. Тускло светили под потолком маломощные лампы. Смотровые ямы занимали два автомобиля ГАЗ-51 и «Победа». Оба грузовика со снятыми колесами стояли мостами на деревянных брусьях, именуемых в просторечье «козлами». Подле машин, сидя на баллонах, перекуривали авторемонтники. Пахло бензином, маслом и ветошью.

—Бог в помощь, работники,— шутя сказал Панков.— А где завгар?

— До дому подался,— ответил пожилой худощавый слесарь в солдатской шапке.— Рабочий день кончается. Можно сбегать, коли надо.

— Ладно, отдыхайте,— махнул рукой Панков.— Хотел просто поинтересоваться, в каком состоянии техника. Техосмотр на носу.

— Это мы знаем, с самого утра подгонять зачинают. А техника вся тут.— Слесарь развел руки в стороны, словно пытаясь обнять двор.— Из-под снегу не утащат. Сами видите. А эти, значит, на профилактике. Хотя бы вы вмешались, намекнули дирекции, что негоже технику на зиму под небом бросать. Потом вот и мучаемся.

Панков промолчал. Да и что скажешь, если ГАИ каждый год делает представление дирекции совхоза с требованием построить гараж для автомашин. Ладно, за пять лет хоть этот бокс выстроили. Не спрашивают с совхоза за сохранность автопарка, вот дирекция и беззаботничает. Придет, мол, срок, все спишут. Панков старательно заглянул под картеры и убедился, что ни у одного из стоящих во дворе ГАЗов моторное масло не подтекает.

«И то хорошо,— сам себе сказал Панков, заводя мотоцикл.— Теперь осталось двое владельцев — воинская часть и химики».

По дороге на пост Панкову крупно повезло. Навстречу попался защитного цвета «газик» с широкой красной, отороченной белым полосой по бортам. ВАИ. Военная автоинспекция. Панков помигал светом фары, «газик» послушно принял вправо и остановился.

— Инспектор Панков,— подняв руку к козырьку, сказал старшина.

— Гвардии рядовой Петухов,— доложил молоденький водитель, улыбаясь во весь рот.

— Чему радуешься? — удивленно спросил Панков.

— А вы же у нас в части вождение принимали, товарищ старшина. Всех в пот вогнали.

— Я не принимал, я только в комиссии был,— добродушно проворчал Панков. Глядя на солдата, он опять подумал о сыне.— Выходит, мы с тобой теперь коллеги,— снисходительно сказал Панков.— Блюстители правил движения.— Он обошел «газик» и сел рядом с водителем.

— Ты там служишь, за сосновым бором? — спросил Панков.

— Так точно.

— Ну, раз мы с тобой соратники, скажу прямо: мы ищем автомашину марки ГАЗ-51.

— Наезд? Или авария? — бесхитростно полюбопытствовал водитель, но старшина на вопрос не ответил. Он и сам еще не знал, что сделал шофер грузовика. Может, и ничего.

— И что? Подозрение имеется, не наша ли? — усмехнулся солдат.— Отвечаю — нет. На таком старье не ездим. Осталось, верно, несколько учебных, но тем выезд из расположения части запрещен. Упражняются только на автодроме.

Панков понимающе кивнул и потом вдруг сообразил, что проверить это — пара пустяков. Достаточно посмотреть в журнал дежурств на КПП. Воинская часть — выезд за пределы городка только с разрешения командиров и с обязательной отметкой на КПП. Машину в «самоволку» через щель в заборе не угонишь...

Панков повеселел от такой простой мысли, простился с рядовым Петуховым и уселся за руль мотоцикла...

«Вот двух вероятных хозяев, считай, вычеркнули,— думал старшина, возвращаясь из воинской части.— Остался третий. Стройка химкомбината».

Глава 4

Заключения экспертов были изучены. Лейтенант Гостев вытряхнул в корзину переполненную пепельницу, встал в боксерскую стойку и провел несколько прямых левой и правой. Заметив недоуменный взгляд Плотникова, смущенно объяснил:

— Подобие разминки. Просто изнемогаю от долгого сидения в четырех стенах.— Подошел к открытой форточке и жадно вдохнул вечернюю прохладу.

— Да я и сам рад сейчас попрыгать,— хмыкнул Плотников.— Голова гудит. Пожалуй, домой пора. Привык смотреть

по телевизору программу «Время». Еще успею, а обмен мнениями завтра закончим.

— А чего нам до завтра тянуть? — неожиданно весело отозвался лейтенант.— В принципе, картина ясная. Наличие алкоголя в организме погибшего экспертиза подтвердила. Сел за руль в нетрезвом состоянии, то есть злостно нарушил пункт 14а «Правил движения», не вписался в поворот и сыграл в карьер. Наказал сам себя. Логично, а?

Плотников с удивлением пожал плечами: всего час назад Гостев тщательно изучал каждую строчку экспертиз, выслушивал Плотникова, спорил или соглашался, и вдруг на́ тебе, все ему стало предельно ясно.

— И экспертиза это подтвердила! — повторил лейтенант и выжидательно уставился на Плотникова.

Павлу Антоновичу возразить было нечего. Он вздохнул:

— Быстро ты, Юра, сдался. И ловко заключением экспертиз прикрылся. А сопутствующие факты — «Жигули», ГАЗ-51, следы грузовика в лесу — отбросил как случайные? Мол, мало ли что Плотникову могло померещиться? Верно? Но так просто, Юрий Васильевич, я этого дела не оставлю. Химичить не привык. Никому такая липовая раскрываемость не нужна. Не за этим Лозовой меня к тебе подключил...— Плотников досадливо махнул рукой, поднялся, снял с вешалки куртку и только сейчас заметил, что та в нескольких местах порвана и обгорела.

«Еще одна забота»,— подумал раздраженно, но дыры на куртке вернули его воображение в карьер, к горящей машине. Плотников опять увидел перед собой черное от крови лицо водителя, его беззвучно шевелящиеся губы. И взгляд, полный укора...

— Если бы ты видел, как он на меня посмотрел перед смертью. К тебе взывают о помощи, а ты бессилен.— Плотников надел куртку и решительно направился к двери. На пороге остановился.

— Ты, конечно, делай как знаешь, а я все равно доберусь до тех, с кем Сабинин пил.

— Пал Антоныч, извините мое пижонство. Я, грешным делом, своей «капитуляцией» вас распалял, а себя проверить хотел: убежден ли я на все сто, что обстоятельства этой аварии подозрительны, или мы навыдумывали невесть что. По правде говоря, у нас в угрозыске, как правило, многие происшествия понятны, никакой таинственности, а ведь тоже тянет покопаться в сложном деле, показать, чего стоим. Честолюбие в каждом из нас сидит. Разве нет, а? Что мы будем за сыщики без честолюбия?

Плотников кивнул, ожидая продолжения, а Гостев вдруг умолк, пораженный внезапной догадкой.

— А не покончил ли Сабинин с собой? — хриплым от волнения голосом произнес лейтенант.— Допустим, что оказался в безвыходной ситуации. Как вы на это смотрите?

Плотников помолчал.

— Допустим. Но чтобы направить машину в карьер, вовсе не обязательно пить водку. Решил — значит, решил.

— А если для храбрости? — не сдавался Гостев.

— Почему в таком случае он не оставил никакой записки? — не согласился Плотников.— Зачем же людям загадки загадывать, если он хотел что-то доказать своим поступком?

— По правде говоря, я тоже сомневаюсь, но поработать и в этом направлении придется.

Плотников согласился без энтузиазма. По его мнению, сначала следовало установить причину выпивки. Она должна быть исключительной, коли серьезный человек пошел на это, зная, что ему придется вести машину.

— Ладно, Юра, побереги силы, завтра что-нибудь надумаем.

Утром, стоя почти на одной ноге в переполненном автобусе, Плотников пожалел, что ему пришлось облачиться в утепленный темно-желтый плащ. Будь он в форме, остановил бы любую попутную машину и быстро добрался до райотдела.

Наконец он увидел в окно шпиль горсовета и начал протискиваться к выходу. Вышел, глянул на башенные часы и, досадуя на себя за опоздание, зашагал к отделу. Гостев в своей полосатой курточке стоял у подъезда с незнакомым Плотникову седоватым мужчиной в массивных прямоугольных очках. Завидев Плотникова, поднял руку в приветствии.

— Извините за опоздание,— сказал Плотников.

— Пустяки,— отмахнулся Гостев,— Алексей Петрович только что подошел. Знакомьтесь: Сабинин.

Они втроем прошли в кабинет Гостева.

Сабинин повесил пальто на вешалку и протер платком стекла очков. Лицо его было серым и угрюмым.

— Нам с товарищем Плотниковым поручено выяснение обстоятельств гибели вашего племянника,— сказал лейтенант, когда все уселись.— Мы надеемся с вашей помощью кое-что уточнить.

Сабинин пожал плечами — дескать, к чему эти формальности.

...После службы в армии Роман перепробовал несколько профессий, даже ходил на траулере в Тихий океан. Он мечтал стать журналистом и, когда ему удалось поступить на заочное отделение университета, переехал сюда. Машиной дяди Роман пользовался уже два года, сам ее обслуживал и ремонтировал. «Москвич» в основном всегда был на ходу: Роман относился к автомобилю бережно. Правда, несколько раз с ним случались дорожные неприятности, но все по мелочи: разбил стекло фары, погнул бампер. С кем этого не бывает.

Разумеется, Роман имел водительские права, и, почему их не оказалось ни в костюме, ни в машине, Сабинин не знал.

Племянник, по словам дяди, был собранный и аккуратный человек и вряд ли мог позволить себе сесть за руль без документов. Спиртного не употреблял совершенно, изредка только стакан сухого вина или пива, и считал, что выпивки — это пустая трата времени, здоровья и денег. Перед выездом в аэропорт они втроем, как говорится, посидели «на дорожку», Сабинин с дочерью распили бутылку «Рислинга», а Роман даже не пригубил. На вопрос, мог ли Роман позволить себе выпить с сестрой рюмку-другую в аэропорту, Сабинин ответил, что об этом лучше спросить его дочь. Дело в том, что в тот день она позвонила домой и сказала, что вылет задерживается и они с Романом коротают время в ресторане...

— Если ничего не произойдет с погодой, Зоя Алексеевна прибудет в аэропорт в двенадцать десять,— сказал Гостев, глянув на часы.

— Откуда вам это известно? — испуганно спросил Сабинин.— С ней ничего не случилось?

— Нет, что вы. Просто товарищи из ленинградской милиции по нашей просьбе навели справки в аэропорту. Алексей Петрович, нам бы хотелось побеседовать с вашей дочерью сразу по прибытии. Не откажитесь встретить ее вместе с нами: мы же Зою Алексеевну никогда не видели.

Сабинин кивнул и вытер платком вспотевшее лицо. Гостев откинулся на спинку, помолчал и вдруг спросил:

— Алексей Петрович, как по-вашему, у вашего племянника могли быть враги?

— Странный вопрос,— пробормотал Сабинин.— Недоброжелатели, пожалуй, были... У кого их нет. Но враги?..

Самолет из Ленинграда прибыл по расписанию. Плотников и Сабинин смотрели через застекленные двери на трап, медленно, словно неохотно, подъехавший к лайнеру. Через несколько минут по его ступенькам уже спускались пассажиры. Дежурная пыталась организовать из них дисциплинированный коллектив, чтобы во главе его чинно проследовать к аэровокзалу, но лайнер подрулил близко к стройно вытянутому по горизонтали зданию вокзала, и уставшие в полете пассажиры, конечно же, не хотели ждать. Плавно, будто извиняясь, они обтекали дежурную и бодро спешили к выходу. Плотников никогда не видел Зою Сабинину, но, заметив девушку, идущую с отчужденно-озабоченным выражением лица, решил, что это она и есть, и не ошибся. Зоя, шагая, смотрела прямо перед собой и даже не сразу увидела отца.

— Зоенька,— произнес Сабинин и шагнул наперерез.

Она сбросила оцепенение, приостановилась, и отец положил ей на плечо руку.

— Зачем ты приехал, папа? — изумилась она.

— Это товарищ Плотников,— вместо ответа буркнул Сабинин.— Ты должна кое-что объяснить милиции.

Зоя внимательно посмотрела на Плотникова и сухо кивнула.

— Но может быть, это лучше отложить на несколько дней? — сказала она.— Мне кажется, здесь не время и не место. Можно было бы и пощадить чужое горе...

— Видите ли,— прекрасно понимая ее состояние, начал Плотников,— я, конечно, прошу извинить, но мы как раз боимся упустить время. Нам надо точно знать, что Роман делал с момента приезда в аэропорт до вашего отлета? Рейс ведь был задержан.

— Правильно,— сказала Зоя.— Но вам какая разница?! Посидели, поговорили. Мало ли что. Мы родственники.

— Зоя! — сказал Сабинин.— Все не так просто, как ты полагаешь.

Она с удивлением вскинула брови.

— Давайте присядем где-нибудь,— предложил Плотников и, не дожидаясь ответа, пошел через зал ожидания. Сабинины двинулись следом. Павел Антонович нашел свободные кресла.

— Я слушаю вас,— прикрыв плащиком колени, сказала Зоя.

— Вы заходили перед отлетом в ресторан?

— Да. Решили выпить кофе с мороженым.

— Что-нибудь еще пили? Нас интересует Роман.

Она пожала плечами.

— Что это вы вдруг? Ничего больше не пили. Неужели подозреваете, что Роман выпил и сел за руль?

— Я не подозреваю,— ответил Плотников.— Я хочу выяснить обстоятельства.

Зоя вдруг открыла сумочку и принялась в ней что-то искать.

— Сейчас я вам докажу, если его не посеяла. Счет из ресторана. Роман просил передать привет приятелю в Ленинграде. Номер телефона я и записала на листочке счета. Больше под рукой ничего не оказалось. Куда же он задевался?

Она даже покраснела, суетливо роясь в сумочке, но счет не нашла и виновато пожала плечами.

— Не надо. Я верю,— сказал Плотников.— Вопрос второй: Роман встретил в порту какого-нибудь знакомого? Поймите, это очень важно.

— Нет,— не сразу ответила Зоя.— При мне нет.

— Понятно,— вздохнул Плотников.— А куда он собирался поехать, проводив вас? Были у него какие-нибудь планы?

— Точно не знаю. К Лидии, наверное. Суббота, может, собирались куда-нибудь выбраться...

Сабинин внимательно слушал разговор.

— А кто такая Лидия? — спросил он.

— Женщина, папа,— недовольно ответила Зоя.— Я потом тебе объясню...

— Вот я вас и нашел,— услышал Плотников голос Гостева и обрадовался приходу лейтенанта. Это собеседование уже тяготило его.

— Лейтенант Гостев,— представился инспектор Сабининой.— Юрий Васильевич.

— Зоя Алексеевна,— ответила Зоя.— Вы тоже будете задавать вопросы?

— Нет. Я поведу машину, которая отвезет всех нас в город. Прошу.

Гостев с Плотниковым пошли впереди.

— Есть какой просвет? — негромко спросил лейтенант.

— Пожалуй, нет. Она категорически утверждает, что Роман при ней не выпивал и ни с кем не встречался.

— Да,— протянул Гостев.— У меня та же история. Официантка их, конечно, запомнила и опознала Романа на фото.— Гостев не мог скрыть своего огорчения.

Поездку в аэропорт лейтенант затеял не без умысла. Зоя была последним известным им человеком, видевшим Сабинина живым и невредимым, и беседа с ней могла многое дать. К тому же, по словам отца, она должна была что-то привезти для Романа. И видимо, важное, раз не поленилась лететь в Ленинград...

Он предложил Зое место рядом с собой. Алексей Петрович с Плотниковым устроились на заднем сиденье. Ехали молча.

Гостев мастерски, как заправский шофер, вел по шоссе «Волгу». Зоя Сабинина отчужденно смотрела в ветровое стекло, ее отец уставил взгляд на потертую обшивку переднего сиденья. Километры дороги летели быстро, и Плотников вскоре увидел из-за спины Гостева хорошо знакомый ему опасный спуск. Слева темнел карьер. Лейтенант сбросил газ и, повернув лицо к Сабининой, буднично произнес:

— Это случилось здесь, Зоя Алексеевна. Посмотрите налево.

Девушка вздрогнула, подалась к стеклу, но машина уже закончила поворот и пошла на подъем.

— Боже, как жутко! — прошептала Зоя и закрыла лицо руками.

«Зачем это ему нужно? Мог бы и пощадить»,— неодобрительно подумал Плотников.

— Странный способ покончить с собой выбрал ваш родственник,— вроде бы размышляя, обронил лейтенант.

— Что за вздор пришел вам в голову! — негодующе возразила Сабинина.— Такую глупость Роман никогда бы не выкинул.

— Мало ли что с людьми бывает. Уверен, что вы не все знали о его жизни. У каждого человека бывают тайны, к которым он никого не допускает.

— Не спорю,— неожиданно согласилась девушка.— Когда мы ехали в аэропорт, Роман сказал, что наконец принял на днях очень важное для себя решение и от него уже не отступится. Какими бы неприятностями это ни грозило ему лично.

Лейтенант озадаченно покачал головой.

— Любопытно, но слишком общо. Может, вы что-нибудь знаете конкретное?

— Ничего,— чуть помедлив, ответила Зоя.— Он сказал, правда, что это решение поможет ему снова считать себя честным человеком. Но я как-то не придала этому значения. Тем более Рома был весел, шутил и обещал, что подробности расскажет, встретив меня из Ленинграда.

«Зачем Юра затеял этот жестокий разговор? Хочет проверить версию о самоубийстве? Конечно, всякое предположение надо проверять, хотя, на мой взгляд, тут что-то совсем другое»,— размышлял Плотников.

Между тем Гостев продолжал:

— А чем эта Лида занимается? Работала вместе с Романом?

— Нет. Она, кажется, учительница. Роман все собирался нас познакомить, но не получилось. Я видела ее только мельком...

— В каких они были отношениях? Собирались пожениться?

— Трудно сказать. Во всяком случае, Роман продолжал жить в общежитии, хотя у Лидии, по-моему, однокомнатная квартира.

— Адрес вам известен?

— Нет. Знаю только, что где-то в Юго-Западном районе.

— Как вы полагаете, эта женщина может что-нибудь знать о решении, принятом Романом?

Зоя неопределенно пожала плечами.

Занятый своими мыслями, Плотников теперь, видя только ее затылок с вздернутым пучком рыжеватых волос, пытался представить себе ее жизнь.

В двадцать два года инженер-экономист. Папина дочь. Внешность весьма привлекательна. Ухожена. Жить да радоваться.

— Приехали,— услышал Плотников голос лейтенанта.

Сабинины сухо простились и пошли к своему подъезду.

— Строптивая особа,— неопределенно произнес Гостев, разворачивая «Волгу».— Давайте навестим ваше хозяйство.

В отделе их ждала новость. Пока сотрудники, выявив по картотеке все «универсалы», проверяли личности их владельцев, участковый инспектор во время обхода обнаружил близ озера на окраине города брошенный автомобиль этой модели. «Универсал» стоял с разбитым ветровым стеклом и взломанным замком багажника. Поверхностно осмотрев машину и близлежащую местность, участковый позвонил в ГАИ. Вскоре подъехал сотрудник и, убедившись, что к машине в течение нескольких суток никто не подходил, отогнал ее в отдел. Там она сейчас и стояла, и Гостев сразу увидел ее. Лейтенант обошел машину и направился в дежурную часть.

— Заявления об угоне за эти дни были? — спросил он Турбина.

Тот полистал книгу регистрации и отрицательно покачал головой.

— То ли угонщики притихли, то ли владельцы еще не спохватились.

— Ладно,— бросил Гостев и только повернул было к двери, как в дежурную часть влетел всклокоченный, в застегнутом на перекос пальто мужчина лет пятидесяти. Губы у него дрожали.

— Это что делается, товарищ начальник? — чуть не плача, заявил он.— У меня машина пропала, а постовой внизу к вам не пускает. Кому же мне жаловаться? Десять лет деньги откладывал, на гараже три замка навесил и — на тебе! Час назад прихожу в гараж, вижу — двери прикрыты, а замков нет. Открываю — пусто.

— Я не начальник, а дежурный,— пробасил Турбин,— но вы успокойтесь. Найдется ваша машина. Модель и госномер автомобиля?

— ВАЗ-2102,— потерпевший протянул капитану документы и потерянно присел на краешек стула.

— Везучий вы, гражданин Потапов,— сказал Турбин, а Гостев невольно улыбнулся такой ситуации.— Нашлась ваша машина. У нас во дворе стоит.

Владелец поднялся со стула, потом сел обратно и снова вскочил. Видимо, в его голове никак не укладывалось то, что он еще, по сути дела, толком не заявил о случившемся, а машина уже находится на милицейском дворе. Вот дело поставлено! Он бросился к Турбину, обеими ладонями благодарственно потряс ему руку и, ожив на глазах, выбежал в дверь. Гостев пошел следом. Возле машины уже был и Плотников. Потерпевший глазами буквально ощупывал каждый сантиметр кузова и опять почернел лицом, завидев разбитое ветровое стекло.

— Откройте багажник,— посоветовал Гостев.— Видите, замок покорежен. Проверим, на месте ли содержимое.

Мужчина трясущейся рукой не сразу попал ключом, но все же сумел, и крышка багажника откинулась вверх.

— Запаски нет,— огорченно констатировал владелец.

Гостев и сам видел, что запасного колеса нет на месте, но заинтересовало лейтенанта другое. Сумка с инструментом была раскрыта, а на дне багажника лежал изогнутый лом.

— Ваш? — спросил Гостев.

— Господь с вами! — испуганно отшатнулся мужчина.— Зачем я буду с собой такое железо возить?

— Когда предположительно у вас угнали машину? — поинтересовался лейтенант.— Или, точнее, когда вы в последний раз поставили ее в гараж?

— В пятницу. В субботу утром у меня поднялась температура, и я провалялся несколько дней. Вирус, сами знаете.

В гараж, конечно, не заглядывал. От дома он не близко. На пустыре.

— А где вы живете?

— В поселке Авиатор. Работаю в багажном отделении аэропорта.

— Вам действительно повезло,— заметил Плотников.

Потерпевший вздохнул и глуповато улыбнулся.

— Давайте осмотрим салон,— предложил Гостев и, аккуратно сев на место водителя, осмотрелся. Видимых следов пальцев на баранке не было. В пепельнице лежали папиросные окурки.

— Вы курящий? — спросил владельца.

— Ясное дело,— с готовностью отозвался тот.— Предпочитаю «Беломор».

Лейтенант открыл крышку вещевого ящика. Там был идеальный порядок. На заднем сиденье тоже чисто. Гостев нагнулся и осмотрел нижние коврики: кое-где остались высохшие ошметки грязи. Там же он заметил бумажный клочок и осторожно взял его. На замусоленном, видимо от долгого ношения в кармане, квадратике бумаги размером в несколько сантиметров виднелся жирный след большого пальца, угадывался типографский оттиск с цифрой «0,5 литра» посредине.

— Спецжиры получаете? — поинтересовался Гостев.

— Нет,— ответил владелец.— А что?

Гостев завернул находку в платок и вылез из машины.

— Лом мы у вас изымаем как вещественное доказательство.

...Когда Плотников поднялся в кабинет, все формальности были уже закончены.

— Распишитесь, гражданин Потапов. Вот здесь и вот здесь.

— Спасибо, спасибо,— облегченно засуетился потерпевший.— Счастливо оставаться. Вот жена-то у меня обрадуется!

Дверь за Потаповым закрылась, и Гостев развернул на столе платок.

— Я кое-что нашел. Обрывок карточки на получение спецжиров. Молока. Да еще и пальчик на нем отпечатался. Направим в управление, пусть проверят. Чем черт не шутит, может, этот любитель покататься у нас уже зарегистрирован.

Глава 5

Старшина Панков сдержал слово. В гаражном боксе строящегося химкомбината он нашел ГАЗ-51, который, по всем признакам, стоял в ту злосчастную субботу в лесу. Панков хорошо запомнил эти полуизношенные протекторы передних колес: они отчетливо впечатались тогда в землю. И масло подтекает, дощатый пол от постоянного впитывания масляных капель почернел. Панков присел на корточки, нагнул-

ся и провел пальцем по черному пятну. На пальце остался грязновато-маслянистый след. Панков выпрямился, постоял, подумал и подошел к следующей машине. Осмотрел резину, заглянул под картер. На Панкова настороженно глазела группа ремонтников. Он для порядка поднял капот одной из машин и придирчиво долго оглядывал со всех сторон двигатель. Потом вытер ветошью руки и подошел к наблюдавшим за его действиями людям.

— Как живете-можете, удальцы мужчины? — пошутил Панков.

— Стараемся, можем, товарищ инспектор,— бодро ответили ему.

— Не вижу,— строго заметил старшина.— Резина старая, прокладки масло не держат, двигатели давно не мылись. Так?

Ремонтники и водители дружно промолчали.

— Техосмотр машинки в таком виде не пройдут. Не надейтесь. Это я вам обещаю. На что тогда жить будете, чем на хлеб зарабатывать?

— А мы на твердом тарифе. Проживем, товарищ старшина,— ухмыльнулся один из водителей.— Наши заработки впереди.

Это Панкову было понятно. Стройку химкомбината обеспечивало транспортом крупнейшее автохозяйство города, а эти полтора десятка машин разных марок стояли на балансе пока еще строящегося комбината... Дальновидное руководство будущего предприятия позаботилось, чтобы под рукой на всякий случай была и собственная техника. Так что зарплата комбинатовских шоферов пока от количества рейсов не зависела. Ездят — зарплата идет, стоят в гараже — те же деньги. Печали нету.

— Ох, хитрецы,— протянул Панков.— Соображаете, что сидеть легче, чем стоять. А где, удальцы, заведующий ваш? Познакомиться надо.

— Завгар в отпуске. Вместо него Ахлюстин Борис Федорович, механик. Так он в контору двинул. Совещание там. Нашего брата обсуждают.

— Ладно, время есть, подожду.— Старшина присел на чурбачок, достал пачку папирос и протянул угоститься. Двое ремонтников взяли по папиросе, остальные сказали спасибо.

Панков курил и думал, с кого же правильнее начать: с механика или прямо с шоферов? Если путевой лист в субботу выписан, то механик, понятно, может заявить, что все по закону. Выпустил автомобиль согласно указанию, и все дела. А суббота — день выходной. Он каждого водителя допоздна дожидаться не обязан. Не маленькие. Вот и получится, что механик скажет: шофер ездил, его и спрашивайте, а я в субботу дома сидел, смотрел телевизор. Да и что, собственно, механик знать может, когда мы и сами ничего толком не знаем. Ну, стоял автомобиль в лесу, ну, проехал мимо, когда в карьере горел «Москвич». И что? Ни-че-го.

В дверь бокса вошел длинный парень в картузике набекрень и промасленной телогрейке. Под левым глазом отливал синевой добрый синяк.

— Ну как, Шлындаков, прошел проработочку? — прогудел пожилой водитель, посмеиваясь.

— Прошел,— буркнул владелец синяка.— За ними не заржавеет. На месяц в подсобники перевели.

— В другой раз будешь наперед думать, прежде чем кулаками махать.

— Чудак ты, дядя,— горестно вздохнул Шлындаков.— Или невдомек, что я за правду пострадал?

— И Ахлюстин за тебя не заступился?

— Этот заступится,— снова вздохнул Шлындаков.— Сознательного, понимаешь, из себя строит... Прямо молись на него.

Он подошел к тому самому грузовику, посмотрел в боковое зеркало и заботливо потрогал пальцем отек под глазом. Увидев Панкова, изменился в лице:

— Вот и товарищ милиция здесь, опять насчет меня, что ли?

— В каком это смысле? — спросил старшина.— Или сам за собой грешок знаешь?

— Вам виднее,— протянул Шлындаков.— А только я полагал, что мне вашей бумаги из райотдела по горло хватит. Мигом в подсобники перевели, то есть ползарплаты не досчитаюсь.

— Не в деньгах счастье.

— Так оно, конечно, а все же деньги тоже не трава,— вяло ответил Шлындаков и, нагнувшись к скату, выковырнул несколько сухих листьев, застрявших в рисунке протектора.

Панков весь напрягся. На эти листья он сразу не обратил внимания и теперь мысленно укорил себя.

В горле старшины стало сухо, и он кашлянул.

— Твоя, что ли, машина? — как можно безразличнее спросил Панков.

— Моя,— пожал плечами Шлындаков.— А что?

— Масло у ней, дружок, бежит. Двигатель запорешь.

— Так это с ней недавно, все собираюсь прокладку сменить да гайки подтянуть. Ну и за уровнем я поглядываю, доливаю, если что.

— Все одно не дело. Не по-хозяйски это,— заметил Панков, раздумывая над тем, как повернуть разговор дальше.— Звать тебя как?

— Семен.

— Вот что, Семен. У меня на улице мотоцикл стоит. Зажигание барахлит. Пойдем, глянешь. Заодно проверю, что ты за специалист по двигателям внутреннего сгорания.

— Что ж не посмотреть,— весьма неохотно согласился Шлындаков.— Инструмент брать?

Они вышли во двор и направились к панковскому мотоциклу.

— Слушай меня внимательно, Семен Шлындаков, и отвечай честно,— приказным тоном сказал старшина.

Шлындаков с удивлением воззрился на Панкова.

— Ты куда катался в прошлую субботу в районе восьми вечера? И по какому делу?

— Никуда,— испуганно ответил Шлындаков.— Я в пять отработал, машину поставил и к себе в общежитие пошел.

— Потом что? Только не ври мне, друг Семен. Я с тобой не в бирюльки играю.

— Чего мне врать? Помылся в душе, переоделся и в город двинул.

— На машине? — резко спросил Панков.

— Да, на попутке. Приятель на кране подвез.

— Ладно. А что ты в городе собирался делать?

Шлындаков смущенно помялся.

— Да так, пивка выпить, кино посмотреть.

— И где же ты был?

— В милиции сидел,— вздохнул Шлындаков и потрогал синяк под глазом.

Панков присел на низенькую скамейку и махнул рукой парню, чтобы он тоже садился.

— Это за что же?

— За нанесение легких телесных повреждений.

— Кому?

— Одному гражданину. Мы с ним вместе за столиком в кафе сидели. Само собой, портвейн пили.

— Почему подрались?

— Бог его знает,— протянул Шлындаков.— Зло меня просто взяло. Этот гражданин в отпуск с Севера ехал. На юг. Денег полные карманы. Да я в милиции все уже объяснил. Из-за денег же и подрались. Он заявил, что с такими деньгами кого хочешь заимеет. Хоть докторшу, хоть артистку. А об официантках, мол, и говорить нечего. И любить, и кормить, и поить будут.

— Ну-ну,— задумчиво протянул Панков, соображая, что все это он сумеет проверить. Уж наверное Шлындаков говорит правду. Тогда что делать дальше? Искать другой ГАЗ-51! Не может же машина без водителя ездить.

— Тут, значит, он мне на Женечку показывает, молоденькая совсем. Славная очень.— Шлындаков замолчал.— Спорим, говорит, она сегодня куда хочешь со мной пойдет. Хоть к морю улетит. А у самого морда толстая, белесая, пузина что пивная бочка. И так мне обидно стало, хотя и не пошла бы она с ним никуда за эти деньги дерьмовые... Ну и это, врезал я ему пару раз. Правда, он меня тоже достал, но ему-то пока на юг точно спешить не стоит...

— Потом что?

— Известно что. Шум, дружинники подскочили. И мигом

нас в райотдел. Составили протокол. За драку в общественном месте ему на производство бумагу и мне тоже. Правда, пока этот тип на свой Север вернется, там все забудется, а мне уже сегодня выговор впечатали и в подсобники перевели. Вот тебе и справедливость. Просто коленчатые валы, да и только.

— Какие еще коленчатые валы? Что ты вдруг? — не понял Панков.

— Рассказ такой есть, писателя Шукшина. Недавно в роман-газете прочел. Про нас, про шоферов, человек рассказывает.

— Еще не читал,— словно извиняясь, произнес Панков.— Но кино Шукшина я смотрел. Даже два раза.

— Вот и все дела, товарищ старшина,— буднично сказал Семен.— Можете проверить. А между прочим, я так понял, что про зажигание вы для отвода глаз сказали. Случилось что?

— Случилось,— хмуро ответил Панков.— Похуже, чем у тебя.

— Бывает,— согласился Семен.— А я при чем?

Панков повернулся к парню и внимательно посмотрел тому в глаза. Взгляд у Семена был серьезен, да и лицо, открытое, мужское, не портила даже синева под глазом. В расстегнутом вороте рубашки виднелись голубые полоски тельняшки.

— Флотский?

— Так точно. Дважды Краснознаменный Балтийский. Служба артиллериста. На гражданке второй год.

Панков кивнул, достал пачку папирос, предложил Семену, но тот отказался.

— Спасибо. Сроду в рот не брал. Выпить могу, а в этой копоти мой организм не нуждается.

— Семен, ты знал сварщика Сабинина? — спросил старшина.

— Это который с машиной в карьер полетел? Нет, не знал. Я и на корабле не всех знал, а на стройке народу побольше. Слыхать об этом случае слышал. Авария есть авария. Никто не застрахован. А вообще, этот парень, Сабинин, заметки пописывал про разные наши непорядки. Ничего, хлестко писал. Комсомольская газета у нас на стройке есть. «Бич» называется.

— Чудное название,— протянул старшина.

— Да они и сами там, в газете, чудаки. Каждые три дня — новый номер. И это, заметьте, в свободное от основной работы время. Плюс — бесплатно. Много у нас сейчас таких?

— Много немного, а, видно, есть. Такими товарищами гордиться надо, а не ехидничать,— назидательно сказал Панков.— Сам-то ты почему такой безактивный?

— Мне что, больше всех надо? — ухмыльнулся Шлындаков.

— Заладил, понимаешь! — старшина в сердцах сплюнул.— А я еще тебе довериться в одном деле собирался.

— Ну вот, сразу и в расход,— обиделся Семен.— Я ведь это по привычке. Люблю потрепаться.

Панков встал. Шлындаков тоже поднялся.

— Ладно,— сказал Панков.— Проверю тебя.

— Весь внимание,— ответил Семен и тут же спохватился, добавил на полном серьезе: — Слушаю.

— Семен, твой ГАЗ-51 в субботний вечер в гараже не стоял. На нем ездили. Вопрос: кто, куда и зачем?

Шлындакова даже в пот бросило от изумления.

— Номер, что ли, кто-нибудь видел? С чего это вы взяли?

— Всего сказать тебе пока не могу, но по всем признакам была твоя машина,— ответил Панков.

— Сядем,— попросил Семен, и они снова сели.— Это вы, товарищ старшина, верно засекли. У меня и у самого такая догадка имелась. Пришел я в понедельник в гараж, сел в кабину и чувствую — что-то в кабине не так. Вроде как хозяйничал кто-то. Во-первых, я сам некурящий, табачный дух сразу чувствую. Прет в кабине застарелым дымом, и только. Ладно. Во-вторых, я в гараже машину на ручной тормоз никогда не ставлю. Чего зря пружину тянуть. Включаю первую передачу, и все дела. А тут у меня задний ход поставлен. Никогда такой привычки не имел.

— А спидометр? Километраж? — быстро спросил Панков.

— То-то и оно,— протянул Семен,— что показания спидометра те же, что и в субботу были, когда я из рейса вернулся. Ну, думаю, Семен, бокс в кафе тебе даром не обошелся, раз память заклинило. Вылез я из кабины, хотел уже ворота открывать, смотрю, из кузова сломанная ветка торчит. На скатах жухлые листики налипли. Будто я в субботу где-то по лесу катался. А я на самом деле на цементный завод гонял. Там кустиков нету. Одна вредная пыль.

— Интересно,— протянул Панков.— Ты кому-нибудь говорил об этом?

— Нет. Я же в понедельник на работу уже с этой наградой заявился.— Семен притронулся к синяку.— Чтобы меня на смех подняли?! Допился, мол, Шлындаков до галлюцинаций.

— Может, это и к лучшему,— задумчиво сказал старшина.— Сейчас тем более помалкивай. Гараж у вас надежно запирается? Сторож есть?

— Само собой. Только не сторож, а сторожиха. Живет неподалеку. Но конечно, она всю ночь у гаража не сидит. Наведается пару раз и дальше спит.

— Ладно, Семен, спасибо за информацию. Будем разбираться с этими привидениями. А ты сам что думаешь? Кому могла твоя машина понадобиться? И зачем?

— Чего не знаю, того не знаю,— пожал плечами Шлындаков.— Может, кому нужно было «левую» ездку сделать,

подхалтурить. Может, своровали какой дефицит на стройке и ночью перевезли. Кто их знает... Но я теперь понаблюдаю. Мне такие фокусы совсем не нужны... Доказывай потом, что ты не верблюд.

Через двор шел сутуловатый мужчина в меховой безрукавке. Завидев Панкова и Семена, он свернул и подошел к ним.

— Приветствую вас, товарищ старшина. Ахлюстин, механик гаража,— приветливо улыбнувшись, сказал мужчина. Передние зубы у него оказались вставленными, из нержавейки.— Вы, конечно, по поводу этого хулигана.— Он презрительно глянул на Шлындакова.— Не беспокойтесь. Мы его примерно наказали. В следующий раз будет знать, как нарушать нормы нашего правопорядка.

— Борис Федорович,— обиженно протянул Шлындаков,— может, уже хватит?

— Нет, Шлындаков, не хватит,— резко оборвал его механик.— Если хочешь знать, мне из-за тебя объявили выговор за ослабление воспитательной работы.

— Я по другому делу, товарищ Ахлюстин,— миролюбиво заметил Панков.— Зажигание что-то барахлит. Заезжал проконсультироваться.

— Ну, этот «специалист» вам едва ли поможет,— ядовито бросил Ахлюстин, кивнул и направился к раскрытым воротам гаража.

— Суровый мужик,— уныло произнес Шлындаков.— А в последнее время вообще с цепи сорвался. Лучше поперек дороги не попадайся. Обязательно к чему-нибудь придерется.

— Бывает, не обращай внимания,— успокоил его Панков.— А где он зубы-то растерял?

— Кто его знает... Поговаривали, что в аварии побывал, о приборную панель ударился.

— Ну ладно,— вздохнул старшина.— Пожалуй, я трогать буду. Ты через пару дней найди меня на посту у развилки. Может, у меня какие новые данные появятся, может, у тебя. Обсудим. Со сторожем аккуратненько потолкуй.

— Понятно,— ответил Шлындаков.

— Давай, исправляйся.— Панков пожал ему руку.— И, будь другом, присмотри, много ли посторонних бывает у вас в гараже и к кому в основном ходят. Сдается мне, моряк, неприятность в вашем гараже зреет...

Поутру помощник дежурного по райотделу положил перед Гостевым листок с машинописным текстом.

«На ваш запрос 19/241 от 20/IV сообщаем: по данным дактилоучета, присланный вами отпечаток (копии оттисков прилагаем) принадлежит гр-ну Чмырину Михаилу Петровичу, 1935 года рождения (фото прилагаем). До взятия под

стражу в 1965 году и отбытия срока наказания по статье 144, часть вторая УК РСФСР гр-н Чмырин М. П. проживал в г. Камышино нашей области».

Гостев еще раз пробежал глазами текст и удовлетворенно откинулся на спинку стула. Это была удача. Мало того что ответ пришел быстро, но еще содержал информацию о личности предполагаемого преступника.

«Вы уже у меня на крючке, гражданин Чмырин,— весело думал лейтенант, набирая номер адресного бюро,— так просто вам с него не сорваться».

Дозвонившись, Гостев назвал анкетные данные Чмырина, его попросили подождать у трубки пару минут. Ради такого случая он мог ждать и дольше, но в адресном работали обязательные люди. Две минуты еще не истекли, а Гостев уже записывал адрес. Еще пара минут понадобилась, чтобы сесть в дежурную машину и вырулить за ворота. Лейтенант, правда, пожалел, что с ним нет Плотникова. Павел Антонович еще вчера отправился на свой пост у развилки.

— Проветриться надо, Юра,— сказал он.— Посмотрю, как мой подшефный Савин службу несет.

Они договорились встретиться в отделе после обеда, и сейчас Гостев сожалел, что старый инспектор еще не знает, как круто повернулся ход розыска.

Однако на деле все оказалось сложнее.

— Чмырин тут уже сто лет не проживает,— объявила Гостеву комендант домоуправления.— И слава богу. Боремся за звание «Дом образцового быта», а от таких, как Чмырин, одни минусовые показатели. Мать его здесь живет, это верно, а Мишка только прописан.

— Где же он может жить? — спросил лейтенант.

— А кто его знает... Поговаривали, что вроде женился он, видимо, там и живет.

— А мать его дома?

— Уехала в деревню к родне. Пенсионерка, куда захочет, туда и едет. Без забот.— Комендант была бдительным работником и знала все.

— Понятно,— протянул Гостев.— А вы случайно не помните, у Чмырина был какой-нибудь транспорт? Ну, мотоцикл, мопед...

— Какой-то драндулет вроде есть,— сказала она.— Я в этой технике не очень разбираюсь. Но Мишка прикатывал к матери несколько раз, весь двор загазовал.

Чмырину было сорок лет, но строгая комендантша упорно называла его Мишкой. Видимо, так его именовали все.

— Спасибо,— встав со стула, произнес Гостев.— Вы очень нам помогли.

Комендантша взглянула на настенные часы, давая понять, что при должности и у нее по горло более важных занятий.

«Вот дамочка,— подумал Гостев, шагая от домоуправления к дому, где не проживал, но был прописан некто Чмы-

рин Михаил Петрович.— Все у ней по полочкам разложено. Тут плюсы, тут минусы».

В глубине двора за мусорными контейнерами стояло несколько железных коробок-гаражей. Ворота одного были растворены.

Гостев поначалу намеревался расспросить соседей матери Чмырина: может, им что известно, но передумал. Соседи в многоквартирных домах мало знают друг о друге, чего не скажешь о братстве автомотолюбителей. Лейтенант подошел к гаражу, поздоровался. Рослый детина, разложив на тряпочке инструмент, возился с мотоциклом.

— Здорово, коли не шутишь,— басом отозвался детина.— Свечи, случайно, не продаешь?

— Нет,— улыбнулся Гостев.— Я приятеля ищу. Мишку Чмырина. Знаешь такого?

— Кто же этого балаболку не знает? Только здесь ты его навряд ли найдешь. Редко бывает.

— Жаль,— огорченно вздохнул Гостев.— Я тут проездом, а Мишка мне денег должен...

— Не смеши, отдаст он тебе долг, как же,— хохотнул детина.— Он мне второй год насос отдает, а взял на полчасика, колеса качнуть.

Гостев за компанию тоже рассмеялся.

— Бог с ними, с деньгами, хоть повидаться.

— Я сам его давненько не видел, да и охоты особой нету, но найти его можно, раз тебе надо. Дорогу к «Космосу» знаешь?

— Знаю.

— Вот за «Космосом» и ищи. Там на задах еще деревянные домишки стоят и десяток гаражей. Один из них Мишкин. Из автолавки сделан, узнаешь. Он в нем свою таратайку держит. Да передай: пусть насос волокет...

Гараж Гостев нашел сразу. Когда-то давно это был фургон автолавки, а теперь покосившаяся будка стала хранилищем частного мототранспорта, с висячим замком на засове. В дужку замка была воткнута бумажная трубочка. Гостев извлек ее и развернул. По бумажке кривыми строчками шел текст:

«Мишка, вечером сиди тут. Я нашел покупателя. Пойдем в пельменную. Леха». Под подписью стояло сегодняшнее число.

Гостев свернул бумажку и всунул ее обратно. До вечера оставалось достаточно времени, и лейтенант вернулся в отдел. Следовало еще раз продумать предстоящий разговор с Чмыриным: в записке может говориться о продаже запасного колеса из машины Потапова...

Когда Панков закончил свой рассказ о визите в гараж стройки и разговоре с Семеном Шлындаковым, Плотников только недоверчиво покачал головой.

— Ты, часом, не фантазируешь вместе со своим Семеном? А, Василий? Приведений-то не бывает...

— Видать, бывают,— ответил старшина.— Только за ногу ухватить надо.

Плотников молчал. Он, конечно, верил Панкову и сомневался больше для вида, потому что немного растерялся в этой истории, а показывать растерянность не хотел.

— Шлындаков, по-твоему, надежный парень?

— Кто его знает,— отозвался Панков.— Поживем — посмотрим.

— А как ты связь с ним держать собираешься? — спросил Плотников.— В гараже тебя уже знают. Если там что нечисто, сразу же подозрение: чего это вдруг инспектор с шофером-пьяницей дружбу завел, встречаются, шушукаются.

— Внебрачным сыном он мне может быть? — нашелся Панков.

— Не остри, Вася. Если все, что ты рассказал, правда, то, похоже, в этом гараже не все чисто. Надо разобраться.

— Украсть там нечего! — уверенно сказал Панков, но тут же спохватился.— А может, они на государственный счет «левые» перевозки делают?

— Все может быть, только данных у нас пока нету. Знаем мы мало. Сначала попробуем выяснить, что грузовик тогда в лесу делал, чего выжидал? И есть ли тут какая-нибудь связь с «Москвичом».

В раздумье Плотников машинально глянул в окно и увидел Сергея. Сержант в это время остановил «уазик» и что-то объяснял водителю. Тот отчаянно жестикулировал и даже, показалось Плотникову, помахивал какой-то книжицей в красненькой обложке. Старший лейтенант узнал водителя: это был Яша Соловейчик, их с Панковым давний знакомый. Кишиневский таксист, Яша бросил свой солнечный край из-за одной местной красавицы. В надежде на скорое получение квартиры устроился Яша шофером в управление химкомбината и темпераментно рисовал своей симпатии яркие фрагменты будущей совместной жизни, но та неожиданно вышла замуж. Потрясенный таким вероломством, Яша, не находя разумного этому объяснения, проклинал на всех перекрестках женское коварство и так гонял на своем «уазике», что Плотников после двух просечек в талоне был вынужден направить его на комиссию. После этого урока Яша поостыл к лихой езде и направил свою энергию на активизацию работы дружин в автохозяйствах. На этой стезе Плотников познакомился с Яшей поближе, и парень понравился ему своей горячностью и убежденностью в необходимости дела, которым он занимается на общественных началах. Правда, Плотников понял и то, что Яша не забыл своей неудавшейся женитьбы и сделает все, чтобы доказать легкомысленной Светлане неосмотрительность ее решения и то, что такими рыцарями, как он, в наш век не бросаются. Смуглый, стройный,

чрезвычайно подвижный, Соловейчик был маленького роста и, судя по всему, это обстоятельство сыграло свою решающую роль в выборе незнакомой Плотникову Светланы. Видимо, Яша понимал это и сам и поэтому иногда бывал так грустен и светел, что лик его просился прямо на икону. А вскоре произошло и другое. Давно оплакивала бы мать в далекой Молдавии своего красавца сына, не окажись поблизости Плотников с Панковым.

На исходе дня к нему в машину, тараторя, что опаздывают на свадьбу (везло же Яше!), напросилась четверка парней и одна девица. Откуда ему было знать, что это залетное жулье, которому понадобилась машина, чтобы перевезти краденое. Полузадушенный, он из последних сил цеплялся за баранку и давил на сигнал. Тут-то и подоспели Плотников с Панковым. Схватка получилась нешуточная; девица сильно мешала, но взяли всю пятерку. Плотников, правда, потом долго прихрамывал, а Панков с Яшей, проведя две недели в больничной палате, заметно сдружились.

— Слушай, Василий,— Плотникову пришла в голову мысль,— давай привлечем к делу Якова. Парень он смышленый и по сравнению с тобой имеет большой плюс. К нему все привыкли, в глаза бросаться не будет.

— Так оно, конечно,— согласился Панков.— Ему что — начальство возит туда да обратно, «Фигаро здесь — Фигаро там», за гаражиком приглядывать проще простого. Шофер шоферу всегда друг и брат. С Шлындаковым его сведу. А мы с Сергеем изредка туда наведываться будем, будто нечаянно и по дороге.

«Хороший мужик Панков. Какую работу проделал, похоже, на след вышел, а не обиделся, что вроде на вторые роли надо переходить,— думал Плотников, глядя на озабоченное лицо старшины.— Понимает, что для пользы дела так правильнее».

— Но ты, имей в виду, осуществляешь, так сказать, общее руководство,— объявил Плотников.— Яков по неопытности может что-нибудь упустить.

— Да ладно тебе учить-то, Антоныч,— буркнул Панков.— Что я, новичок? Двадцать лет в органах...

Гостев с Плотниковым подъехали к «Космосу» без четверти шесть и отпустили машину. Обогнув концертный зал, они поднялись по узенькой улочке и сели на скамейку у забора. С этой точки хорошо просматривалась чмыринская будка. На ней по-прежнему висел замок с запиской.

Чмырин явился минут через сорок. Он был невысок ростом, полноват. Его экипировка — помятая широкополая шляпа, дождевик и сапоги — наводили на мысль, что Чмырин собрался в поездку. Он прочел записку, сунул в карман, открыл гараж и исчез в нем. Затем вышел, но мотоцикл не выкатил. Под мышкой у Чмырина была зажата стек-

лянная банка. Притворив дверь будки, он немного постоял в нерешительности и направился вниз, к «Космосу».

— Вы оставайтесь здесь,— сказал Гостев,— а я присмотрю за ним.

Лейтенант поднялся со скамейки, но, усмехнувшись, уселся снова. Чмырин держал путь на цистерну с надписью «Пиво». Очередь была небольшая, и вскоре он вернулся, бережно неся обеими руками полную банку.

— Будем ждать Леху с покупателем? — спросил Плотников.

— Пожалуй, не стоит.

Когда они заглянули в будку, Чмырин, сидя на баллоне колеса, пил пиво прямо из банки.

— Как пиво, Миша? — с улыбкой поинтересовался Гостев.

Чмырин оторвался от банки и безразлично оглядел инспектора белесыми глазами.

— Проходи дальше. Здесь не подают,— буркнул он.

Гостев достал из кармана удостоверение в красной обложке:

— Встань-ка с колесика, я на номер покрышки погляжу.

Чмырин оторопело поднялся, но банку из рук не выпустил. Гостев поставил колесо, нашел номер. Тот совпал с номером покрышки, взятой из машины Потапова.

— Зачем тебе это колесико, Миша? — почти ласково произнес Гостев.— Оно же к твоему драндулету никак не подходит.

— Не подходит,— машинально повторил владелец гаража, держа перед собой банку с пивом, и поморгал редкими ресницами.

— Судили ведь тебя уже, Миша,— грустно сказал лейтенант.— Неужели мало́ показалось?

Чмырин прямо на глазах взмок от пота. Он вдруг засуетился, ища, куда бы наконец поставить банку.

— Вы присаживайтесь, товарищи,— буркнул он, хотя сесть можно было только на грязный пол будки,— я... это, пиво уберу.

— Где работаешь сейчас? — спросил Гостев.

— Где? На заводе. Формовщиком в литейном цехе.

— Спецжиры небось получаешь?

— А как же? — подтвердил Чмырин.— Положено. За вредность...

— Вредность тебя, Миша, и подвела,— протянул Гостев, но Чмырин не понял, куда тот клонит.— Колесо от «Жигулей» каким образом в твоем гараже оказалось?

— Купил,— выдавил из себя Чмырин.— На базаре.

— Молодец, Миша,— сказал Гостев.— Ответ что надо.

Чмырин и сам сообразил, что сморозил глупость, и густо покраснел.

— Кто такой Леха? — Гостев показал Чмырину на карман, куда тот убрал записку.

— Брательник мой,— вздохнул Чмырин.— Двоюродный. Скоро придет.

— Вместе с покупателем?

— Может, и вместе.— Чмырин обреченно пожал плечами.— Колесо сейчас вещь дефицитная.

— Вот из-за этого дефицита ты, Миша, снова попался. И покупатель ваш неприятность получит за то, что краденые колеса скупает,— жестко бросил лейтенант.— Каждый получит свое, если за тобой чего похуже нет. К примеру, взлома гаража и угона автомобиля...

Чмырин загнанно посмотрел на лейтенанта и дрожащими пальцами размял сигарету «Прима».

— Давай, давай, Миша, смелее. Зачем машину угонял?

— Сдуру. Из форсу,— почти шепотом выдохнул Чмырин.— По пьяни.— И замолчал.

Плотников не принимал участия в разговоре. Он только смотрел на сырого от пота Чмырина и испытывал чувство стыда за него. Чмырин был жалок, беспомощен и, прижатый к стене, готов был сам из себя вить веревки: может, пожалеют.

Гостев тоже брезгливо поморщился. Он уже понял, что Чмырин никакого отношения к трагедии Романа Сабинина иметь не может.

— Ну, поведайте о своих подвигах, Михаил Петрович, пока ваш покупатель еще не явился,— предложил лейтенант.

Чмырин вытер ладонью губы и с грустью посмотрел на колесо.

В прошлую субботу они провожали дружка на курорт. Путевку дружку дали льготную, и он на радостях устроил шумные проводы. Выпили, конечно, изрядно. Потанцевали. Потом скучно стало. Тут одна из девиц возжелала с ветерком прокатиться и многозначительно поглядела на Чмырина: знала, что у него есть мотоцикл. Но Михаил сидел за столом, а его мотоцикл был далеко, стоял в этой самой будке. Однако водка, призывные взгляды девицы сделали свое дело, и Чмырин направился искать такси. По дороге он вспомнил, что денег у него, как говорится, ровно рубль с копейками, а с такой суммой на такси едва ли досыта накатаешься. Но Чмырин был упрямый человек. К тому же девица ему понравилась. Не долго раздумывая, он направил стопы к дружку в сарай. Дружок оказался хозяйственным, в сарае всякого добра хватало. Чмырин взял лом и пошел на пустырь. То, что там стояли гаражи, Михаил приметил давно, когда раньше бывал у приятеля. Дальше было и совсем просто. Чмырин сорвал замки, распахнул дверь и увидел «Жигули». Он завел машину, бросил в багажник лом и подъехал к

дому дружка. Вошел и гордо объявил, что «карета» подана. Парни уже вконец осоловели за столом, а девицы не поверили, захихикали. Однако, выскочив на улицу и увидев «Жигули», кое-что, видимо, сообразили и бочком, бочком — дали ходу. Чмырин остался один с чужой машиной. Даже злость его разобрала — старался, рисковал, и все впустую. Он плюнул, сел за руль и, решив хоть до своего дома с ветерком добраться, выехал из поселка. Близ города машину, конечно, бросил. Достал из багажника запасное колесо и спрятал в лесу. Наутро сел на свой мотоцикл и перевез колесо в гараж...

Закончив рассказ, Чмырин насупился. А у Гостева желваки ходили на скулах.

— Спуск у карьера знаешь? — спросил он.

— Знаю.

— Теперь припоминай: перед тобой, когда ехал в город, шла какая-нибудь машина?

— Нет. Я бы все одно обогнал. А вот за мной какой-то грузовик пилил, похоже, с проселка выехал.

— А когда мимо карьера ехал, видел что-нибудь?

— Да нет,— подумав, ответил Чмырин.— Хотя... Вроде в карьере что-то горело. Я решил — мусор жгут.

Снаружи послышались шаги, и в открытых дверях возникли две фигуры: длинная и приземистая, коренастая.

— Здорово, Мишка, где тут завалялось наше колесико? — лихо начал длинный парень, придерживая спутника за локоть, но, завидев посторонних, осекся. Потом заметил потускневшее лицо брата и увял сам.

— Вот все граждане и в сборе,— по-хозяйски резюмировал Гостев.— Только вместо пельменной придется в райотдел поехать. Там с каждым отдельно разберемся.

Глава 6

— Что сегодня будем делать, Юра? — спросил Плотников.

— Толком еще не знаю, Павел Антоныч,— озабоченно вздохнул лейтенант.— Попробуем последовать совету французов — искать женщину.

Гостев достал записную книжку, полистал, нашел нужную страницу. Потом снял с аппарата трубку и набрал номер.

Телефон в квартире Сабининых ответил не сразу. Затем после щелчка послышался хрипловатый женский голос:

— Да, я слушаю.

— Здравствуйте, Зоя Алексеевна, как хорошо, что вы дома,— бодро заговорил лейтенант.— Вас Гостев беспокоит, из милиции.

— Я помню,— сухо сказала Сабинина.— Вы хорошо водите машину. А я на больничном.

— Простите, если поднял вас с постели,— произнес Го-

стев.— И пожалуйста, скажите: Лида, о которой вы упоминали, была на похоронах?

— Да, была.

— Вы с ней разговаривали?

— Нет. Хотела подойти к ней, но она бросила на меня такой взгляд, что я не решилась.

— Почему вдруг?

— Трудно сказать. Наверное, думает, что это я виновата в его смерти. Ведь если бы Роман не повез меня тогда в аэропорт, ничего бы не случилось. Может она так думать?

— Может, конечно, хотя смысла здесь не видно,— ответил Гостев.

— Вы плохо знаете женскую логику.

— Возможно, не спорю,— согласился лейтенант.— И в смысле ее адреса тоже ничего не прояснилось?

— Нет. Но я вспомнила другое. Роман говорил, что она преподает историю. Полагаю, что имени и профессии вам достаточно, чтобы найти человека.

— Разумеется, Зоя Алексеевна, мы ее найдем. Это лишь вопрос времени,— вежливо произнес инспектор.— Поправляйтесь.

— Спасибо,— сухо ответила девушка и повесила трубку.

Гостев поднялся из-за стола и подошел к окну, постоял с минуту, размышляя.

— Пойдемте-ка, Павел Антоныч, в общежитие, где жил Роман Сабинин.

В продолговатой комнате на четвертом этаже общежития стояли четыре кровати, четыре тумбочки, стулья и квадратный стол. На одной из коек лежал кудрявый парень и листал «Русско-немецкий словарь». Остальные койки были пусты.

— Приветствуем вас,— сказал Гостев.— Будем знакомы. Мы из милиции.

Кудрявый удивленно сел на кровати и опустил ноги на пол.

— Сидоров Евгений, монтажник.

— Интересуетесь языком? — кивнул лейтенант на словарь.— Или учитесь?

— Для самообразования. Слыхал, что к нам приедут специалисты из ГДР монтировать оборудование. Вот и готовлюсь маленько.

— Понятно,— протянул Гостев, усаживаясь.— Мы, собственно, вот по какому делу. Роман Сабинин с вами в комнате долго жил?

— С полгода.

— Что он был за человек? Хотя бы в общих чертах.

— Человек как человек.— Парень пожал плечами.— Работал, учился, отдыхал мало. То читал, то что-то писал для стенгазеты. Вот только водку не пил. Мы, бывало, соберемся

отметить какое-то событие, так он с нами за столом сидит, но в рот ее — ни-ни... Сначала удивлялись, а потом ничего, привыкли.

— Роман часто не ночевал в общежитии? — спросил Плотников.

— Бывало, конечно.— Парень слегка смутился.— Но не больше, чем все другие. Сами понимаете, холостяки мы.

— Где сейчас его личные вещи? — Инспектор бросил взгляд на тумбочку.

— Подруга его забрала. Лидой звать. Да какие там особенно вещи? Чемоданчик с бельем и бритвой, учебники, плащ, выходной костюм.

— Вы все ей сами отдали?

— Чего же не отдать? Мы же ее знали. Они пожениться собирались. Потом еще сестра его приходила, интересовалась, где вещи. Мы ей объяснили, она кивнула и ушла. Вот и все. Жалко, конечно, погиб человек, да что делать. С каждым может случиться. И на стройке можно с лесов упасть...

— Лида здесь часто бывала?

— Нет, раза два всего. Они сравнительно недавно знакомы.

— Что вы можете о ней сказать?

— Ничего женщина, симпатичная. Брюнетка. Глаза вроде серые. Улыбка очень приятная, но немного печальная, что ли. Ну, я, понятно, специально не приглядывался. Могу и напридумывать.

— О сестре Роман когда-нибудь говорил? Как он к ней относился? — поинтересовался Плотников.

— Нормально. Сестра, она и есть сестра. Деньжат ей, бывало, подбрасывал. На безделушки, наряды всякие. У нас хорошо зарабатывают.

— Вы не обратили внимания, Роман в последнее время не был чем-нибудь озабочен?

— Кто же без забот живет?

— Близкие друзья у Романа есть?

— Как вам сказать,— замялся парень.— Приятелей много. Ну а друг — ведь это много больше. У меня вот, к примеру, такого друга нет пока.

Все замолчали, каждый думал о своем. В окно доносился многозвучный шум стройки.

— Евгений,— после паузы спросил Гостев,— а где Роман хранил водительское удостоверение?

— Когда на смену выходил, то оставлял в тумбочке. А так с собой носил, в кармане.

— Вы после случившегося его права не находили?

— Нет. Может, в костюме остались, который Лида унесла?

— Возможно,— вздохнул Гостев, поднимаясь.— А где Лида живет или работает, не знаете случайно?

— Понятия не имею.

Ответ на последний вопрос не слишком огорчил лейтенан-

та. Женщину они найдут сами. Но для этого надо потратить день-другой, а времени в обрез. Какое-то чувство подсказывало Гостеву, что с дознанием надо очень и очень спешить.

Весь следующий день ушел на выяснение личности знакомой Романа. В отделе кадров гороно инспектора из множества папок выписали фамилии всех преподавательниц истории по имени Лидия. Затем ограничились возрастным потолком до тридцати пяти лет. В списке остались шесть женщин, и каждая из них могла оказаться той самой, которую они искали. Учительницы работали в разных школах. Осталось объехать и найти единственную из шести.

— А можно по школам и не ездить,— сказал Гостев,— а пригласить сюда этого паренька из общежития. Он узнает Лиду даже по таким плохоньким фотографиям. Можно попросить и Зою Сабинину, но раз она больна, то обойдемся без нее.

— Сегодня уже не успеем.— Плотников посмотрел на часы, потом на начальника отдела кадров гороно.— Тем более паренек работает во вторую смену. В общежитии его уже нет.

В годах, но худощавая, в спортивной блузке, женщина тоже глянула на свои часы и любезно предложила:

— Какой разговор, товарищи! Если это срочно, я могу задержаться.

— Спасибо,— ответил лейтенант и позвонил в отдел.

— Дежурный? Привет! Гостев беспокоит. Будь другом, подошли машину к зданию горсовета.

— Машину я пришлю,— пробасил в ответ дежурный.— Но тебя тут давненько дожидаются.

— По какому делу? Как фамилия?

— Сейчас гляну. Сабинина.

— Понял,— уверенно произнес лейтенант, хотя вовсе не ожидал такого ответа.— Где она сейчас?

— Как где? Сидит у дверей твоего кабинета.

Гостев помедлил. Приход Сабининой в милицию без вызова был для него полной неожиданностью. Ведь если она явилась сама после вчерашнего достаточно иронического разговора по телефону, значит, что-то стряслось.

— Володя, позови ее к телефону,— сказал Гостев.

После паузы он уловил в трубке хрипловатое, с легким покашливанием дыхание.

— Зоя Алексеевна, здравствуйте. Я прошу вас приехать. Дежурный даст машину.

Зоя Сабинина без колебаний показала на фотографию в личном деле Лидии Владимировны Грековой.

Когда они сели в машину, Гостев вопросительно и прямо спросил:

— Какая забота привела вас сегодня к нам?

— В аэропорту я вам не сказала об одной вещи. Вернее,

в тот момент я о ней просто забыла. Да и сейчас это может оказаться чистейшим вздором. Дело в том, что, когда Роман провожал меня, мне показалось, что на нас пристально кто-то смотрит, наблюдает, что ли. Я быстро оглянулась и встретилась глазами с неизвестным мне парнем лет тридцати. Понимаете, я решила, что обязана этим собственному обаянию.

— Это естественно,— дружелюбно сказал лейтенант.

Сабинина помолчала, облизнула сухие губы.

— Конечно, Роману я ничего не сказала. Рома забыл, что мне давно не шестнадцать лет, и заботился о моей нравственности...

Плотников, глядя через стекло на серую ленту дороги, громко кашлянул, и Зоя вздрогнула.

— Я говорю вздор? Простите...

— Что вы, бога ради, рассказывайте,— повернул к ней голову смущенный Плотников.— У меня просто в горле запершило.

— В общем, я решила посмотреть, как этот парень поведет себя дальше, проявит ли смелость, сделает ли попытку познакомиться,— продолжала Сабинина.— В конце концов, назойливости я не опасалась, даже когда Роман уйдет: я ведь улетала. Потом объявили посадку, мы с Романом простились, и он направился к выходу. А я вместе с толпой прождала еще минут двадцать, пока нас пригласили в самолет. Но этот парень больше не появлялся. Мне даже чуточку досадно стало. Как только я осталась в одиночестве и мне стало скучно — он испарился. Правда, я сразу же об этом забыла. А сегодня вдруг вспомнила, и мне стало не по себе...

— А почему вспомнили именно сегодня?

На улице давно наступил вечер, в салоне «Волги» свет не был включен, и Сабининой с ее воспоминаниями стало немного неуютно. Она зябко поежилась и вздохнула.

— Может, мне все это померещилось,— произнесла Зоя,— когда болеешь и сидишь целыми днями дома одна в пустой квартире, становится не по себе...

Гостев был удивлен, что эта замкнутая и надменная особа вдруг так разговорилась.

— Сегодня я вновь встретила того парня. Я возвращалась от врача, уже подходила к дому. Заметив меня, он отвернулся. Как-то очень резко, даже испуганно. У меня почему-то стало нехорошо на душе.

Зоя умолкла, видимо, собираясь с мыслями. Гостев смотрел на ее профиль и думал, что, с одной стороны, ее рассказ мог быть результатом типичной женской мнительности, но отмахиваться от него не следовало.

— Почему вдруг? — нарушила молчание Зоя.— С какой стати?

— Любопытно,— после некоторой паузы задумчиво произнес лейтенант.— Действительно, чего ради ему вас бояться-

ся? Странно, очень странно... Зоя Алексеевна, а как он выглядит?

— Ну, я его особенно не разглядывала. Пожалуй, выше вас ростом, лицо хорошее, даже мужественное. Плащ был кремового цвета. Что еще? Да, брови густые, с красивым изломом.

— А вы наблюдательны,— заметил Гостев.

Сабинина пожала плечами.

— Не больше, чем любая женщина.

— Останови здесь,— сказал Гостев водителю, когда «Волга» поравнялась с домом Сабининых.

— До свиданья, Зоя Алексеевна,— простился лейтенант, открывая дверцу машины и помогая девушке выйти.— Нам, можно сказать, повезло, что вы на больничном. Были бы на работе — могли и не повстречаться с «мистером Икс».

Сабинина шутки не оценила, и Гостев слегка покраснел, а она, стуча каблуками элегантных сапожек, вошла в подъезд. Лейтенант проводил ее взглядом и сел в машину. Тронул Плотникова за плечо. Задремавший было инспектор встрепенулся и смущенно потер рукой затылок.

— Куда сейчас? — спросил он.

— По домам, Павел Антоныч. Завтра ваша основная забота — Лида Грекова. Сначала присмотритесь к ней, потом идите на прямой разговор. Если в школе Грековой не окажется, узнайте адрес и поезжайте домой. И в первом и во втором случаях позвоните дежурному — тогда я буду знать, где вас найти. Договорились? Я с утра поеду на стройку комбината, потолкую с приятелями Сабинина.

Плотников кивнул. Ему не очень хотелось первым говорить с Грековой. Он еще не забыл недовольства Зои Сабининой в аэропорту. Но поручение есть поручение. Надо выполнять.

Накинув плащ на руку, Плотников стоял возле окна в школьном коридоре. Началась перемена, вечный школьный шум, гвалт. Грекова прошла мимо него в учительскую и закрыла за собой дверь. Инспектор сразу узнал ее по фотографии, виденной в гороно, но на всякий случай спросил у пробегавшей мимо девчушки:

— Будьте любезны, где мне найти учительницу Лидию Владимировну Грекову?

— Да вон же она прошла! С картами и указкой.

Инспектору не хотелось подходить к Грековой при учителях, и он деликатно ждал, когда раздастся звонок и Лидия Владимировна либо направится на урок, либо останется в учительской. На Плотникова никто не обращал внимания: мало ли родителей бывает в школе. Тем более что он стоял с грустным видом отца завзятого двоечника.

Грекова почему-то сразу понравилась ему. Коротко стриженные, без замысловатых зачесов темные волосы, большие, чуть печальные глаза, худенькая фигурка. Во всем ее облике

чувствовалась какая-то беззащитность, неспособность противостоять житейским водоворотам. Плотников тяжело вздохнул при мысли, что ему придется бередить воспоминания учительницы. Предстоящий разговор он не обдумывал. «Как пойдет, так пускай и идет»,— решил он.

После звонка Грекова вышла из учительской и медленно пошла по длинному коридору. Плотников двинулся следом, догнал ее и негромко сказал:

— Извините, Лидия Владимировна. У меня к вам есть деликатный разговор.

— Слушаю вас,— ответила она, разглядывая инспектора и виновато пытаясь вспомнить, чей же он папа.— Только достаточно времени я вам сейчас уделить не могу. У меня урок...

— Понимаю,— с готовностью кивнул инспектор.— Тогда давайте условимся, когда мы сможем поговорить. Я старший лейтенант милиции Плотников. Мы расследуем обстоятельства гибели Романа Сабинина.

Грекова тихо ахнула.

— Как хорошо, что вы пришли,— прошептала она.— Я уже не знала, что мне одной со всем этим делать... Подождите меня, пожалуйста, сорок пять минут. Сегодня у меня больше нет уроков. Этот последний...

Спустя час они ехали в автобусе к ней домой, и Лида рассказала о своей первой встрече с Романом.

...С мужем она разошлась несколько лет назад, жила вдвоем с дочкой. 23 февраля был праздничный вечер, окончился поздно. На улице холодина, свободного такси, как водится, не было, и Лида голосовала всем машинам подряд. Наконец одна притормозила. За рулем сидел молодой человек. Она попросила подвезти до дому и протянула два рубля, но водитель, улыбнувшись, денег не взял.

В машине было тепло, уютно. Мало-помалу они разговорились. Лида и не заметила, как к дому приехала.

— Хотите, я завтра за вами к школе подъеду? — предложил Роман.

— Спасибо, но завтра обычный день. Не праздник. Я прекрасно доберусь автобусом. Мне это привычнее.

Поблагодарив, Лида пошла к подъезду.

— Тогда до завтра! — крикнул он вдогонку.— Буду ждать с двенадцати.

Конечно, она не придала этим словам никакого значения, но наутро, во время урока, случайно подойдя к окну, увидела стоящий напротив школы знакомый «Москвич». Лидия не была сторонницей легких знакомств и в этот раз ушла из школы через другой выход. Но и на следующий день ровно в двенадцать «Москвич» стоял на том же месте, а Роман ходил подле машины и всматривался в школьные окна. Это смутило учительницу. В школе всегда есть ученики, которые вместо

классной доски глазеют на улицу, и ни к чему было давать им повода для размышлений. На перемене Лида вынуждена была выйти и прямо заявить об этом Роману.

— Раз мое присутствие здесь непедагогично,— серьезно сказал он,— может, мы посетим сегодня театр? У меня как раз есть два билета.

— Нет,— твердо ответила Лида.— Я замужем.

— Неправда,— так же твердо сказал он.— Вы не замужем. И я очень прошу вас пойти со мной в театр.

— ...Вот так мы и встретились,— задумчиво произнесла Лида, и Плотникову показалось, что она сейчас заплачет.— Потом было много встреч, много радости. Дочь очень привязалась к Роману, и две недели назад он предложил подать заявление в загс. А я попросила его еще раз хорошенько все обдумать, поскольку я старше его на целых пять лет. Мне тридцать два. Но об этом после, мы уже приехали...

Они направились к пятиэтажному дому в ряду других таких же, которыми лет десять назад обозначился новый городской район. Лида шла чуть впереди, и они почти не разговаривали. Плотников хорошо понимал состояние женщины: видимо, у нее не было ни сестры, ни близкой подруги, кому она могла бы излить чувства от потрясения, обрушившегося именно тогда, когда все так благополучно складывалось. Но ведь его задача в том, чтобы не упустить, найти в воспоминаниях убитой горем женщины след, ведущий к раскрытию обстоятельств катастрофы. Если, конечно, он есть, этот след. А если нет? Тогда, по крайней мере, Плотников даст ей выговориться, постарается найти искренние слова утешения. Он много взрослее Лиды, опытнее и повидал на своем веку всякого-разного предостаточно...

Они вошли в квартиру, однокомнатную, как и у Плотникова, и этот факт почему-то еще больше увеличил его симпатию к учительнице.

— Располагайтесь, Павел Антонович. Разговор у нас, видимо, будет долгий,— сказала Лида.— Дочка придет нескоро, она на «продленке». Я поставлю чай.

Пока она хлопотала на кухоньке, инспектор осмотрелся. В стандартном убранстве комнаты ничего лишнего. Тахта, стол, стулья, телевизор. На стене небольшая фотография улыбающегося молодого человека. Того самого, которого Плотников вытаскивал из горящей машины. К фотографии снизу приколота свежая еловая веточка.

— В прихожей висит Ромин костюм,— раздался из кухни голос хозяйки.— Наверное, вещи по закону должны были забрать родственники, но мне хотелось оставить себе что-нибудь на память. Можете, если вам надо, посмотреть в карманах, но там одни пустяки: платок, расческа, пачка сигарет.

— А документов там случайно нет? Водительских прав,

паспорта? — спросил инспектор, помня, что при погибшем ничего не нашли.

— Документы здесь не ищите. Это же выходной костюм, Роман его носил редко.— Лида поставила на журнальный столик две чашки с запашистым чаем и села сама.

— Вот я почти готова,— сказала она, строго и печально глянув на Плотникова.— Вас, наверное, интересует что-нибудь конкретное, так спрашивайте, а то я могу говорить часами.

— И да, и нет,— помедлив, ответил Плотников.— Давайте сначала хлебнем чайку.

— Тогда я скажу вам то, что думаю: Роман попал в аварию не случайно. Аварию подстроили.

— Кто? — почти машинально спросил он. Они с Гостевым ведь думали так же.

— Я не знаю,— вздохнула Лида.— Но с тех пор, как я услышала от него те слова, я сердцем чувствовала, что Роман в опасности.

— Какие слова? — Плотников насторожился.— Только, пожалуйста, точнее. Как бы чего не упустить.

...Это произошло в первых числах апреля. Их отношения стали близкими, и Лида с Романом встречались почти ежедневно. На улице потеплело, они подолгу гуляли, мечтая о совместной жизни. Лида видела, что Роман в последние дни чем-то расстроен, даже подавлен.

Почему она это заметила? Как-то Роман остался у нее ночевать, хотя обычно не делал этого из-за Леночки. Среди ночи Лида проснулась и увидела, что он сидит на кухне и курит.

— В чем дело, Рома?

Роман встал, подошел, сел у изголовья, погладил Лидины волосы.

— Все в порядке, Лидуш, просто что-то не спится.

В другой вечер они во время прогулки очутились возле здания милиции. Роман вдруг остановился у стенда «Их разыскивает милиция» и стал разглядывать листки с фотоснимками и приметами преступников. Вот тут он и сказал:

— Как ты полагаешь, Лида, что может чувствовать человек, лицо которого отпечатано в типографии на таком вот бланке? То есть преступник, негодяй, которого ищут, но еще не нашли? Может, он и к стенду приходит полюбоваться на себя, заодно посмеяться над сыщиками, ищущими не там, где надо?

— Откуда мне знать,— ответила Лида.— Что это тебя вдруг на детективщину потянуло?

— Я серьезно, Лида. С одним из таких вот людей меня когда-то столкнула судьба. Он меня, правда, в глаза не видел, но я его запомнил.

Лида посмотрела на фотографии, потом на Романа.

— Пойдем отсюда, хватит выдумывать.— Потянула его за рукав.

— Пойдем,— согласился он.— Лидуш, раз мы собираемся жить вместе, ты должна знать... В моей жизни был один неприятный случай. В поезде, где я ехал, погиб под колесами молодой парень. По-моему, произошло преступление, а я даже не поделился с милицией своими подозрениями. Торопился домой и не хотел терять времени... Думал, что и без меня разберутся, тем более что мои подозрения были весьма субъективными.

— Понимаю,— сказала Лида.— Но в конце концов, если это тебя заботит — обратись в милицию.

— Честно говоря, стыдно. Столько лет помалкивать... Вот если я точно установлю, что человек, которого я подозреваю, и один тип, который мне недавно встретился на стройке,— одна и та же личность. Но я должен быть полностью убежден, что не будет никакой ошибки. А он очень изменился.

Лидии стало страшно, и она вцепилась в плечо Романа.

— Зачем тебе нужны эти игры? Есть следственные органы, ты сообщи о своих подозрениях, а они уж разберутся.

— Я так и сделаю, но мне нужно точно удостовериться.

Эта история была так непонятна, что Лида решила: Роман дал волю фантазии.

— Давай, давай, придумывай,— засмеялась она.— Может, обойдешь Сименона на повороте.

— Если бы,— обронил он, обняв ее за плечи.— Да ты, Лидуш, не принимай это близко к сердцу. Возможно, мне действительно померещилось.

Теперь она поняла, что тот давнишний случай тяготил его. Роман был открытый и честный человек. У многих из нас в прошлом можно отыскать ситуацию, в которой мы выглядели, мягко говоря, не слишком красиво. Но многих ли это беспокоит?

Потом Роман проводил Лиду до автобусной остановки.

— Ты не волнуйся, Лидуш,— ласково произнес он, притянув ее к себе.— Все будет в норме.

— Почему ты мне не сказал, как фамилия того злодея или, правильней сказать, под какой фамилией напечатано его фото? — решила схитрить она, правда, еще не зная зачем.

— На стенде нет его фотографии, Лидуш,— невесело усмехнулся Роман.— Наверно, его и не ищут, ведь прошло несколько лет. А может, давно уже поймали, и все, что я тебе говорил, бред чистейшей воды.

...Плотников вдумывался в Лидин рассказ и машинально тянул папиросу.

«Значит, мы с Гостевым не ошибались: эта авария не случайна. Вот и еще один следок. Правда, очень неясный».

Как издалека, до инспектора донесся голос Грековой:

— Это поможет вам найти ключ к разгадке гибели Романа? И к отмщению...

— К чему еще, Лидия Владимировна? — переспросил Плотников.

— К отмщению,— твердо повторила она.

— Закон не мстит,— негромко произнес инспектор.— Закон наказывает. Это разные понятия.

Грекова устало повела плечами.

— Не все ли равно, как это называть. Ромы нет в живых — это для меня самое главное. И за это должны ответить.

Инспектору вдруг пришло в голову, что Роман наверняка чего-то недоговаривал. Любимых щадят. А может быть, Сабинин делился своими заботами с кем-то еще...

— Лидия Владимировна,— спросил Плотников,— у Романа были друзья в городе?

— По-моему, нет,— подумав, ответила Грекова.— Знакомые, приятели, конечно, были. Но друзья едва ли. Во всяком случае, мне о них ничего не известно. А вот в Ленинграде у Ромы есть друг, Вадим. Мы собирались летом погостить у него. Совершить, как говорится, свадебное путешествие...

При последних словах глаза учительницы повлажнели, и Плотников снова подумал, что работка ему досталась сложная.

— Адрес вы знаете?

— Нет,— сказала Лида.

В этот день с утра неожиданно выпал снег, но скоро подтаял под лучами апрельского солнца. Грязь, натасканная на дорогу сотнями автомобильных колес, делала шоссе скользким, и Гостев вел машину осторожно.

Поездка на комбинат, беседа с людьми, знавшими Романа Сабинина, еще раз подтвердила, что он был отличным парнем. И дело не в том, что об умерших плохо не говорят. Гостев чувствовал: сварщики, работавшие рядом с ним, не стали бы деликатничать, окажись Роман им не по нутру.

Однако эти грубовато-откровенные ребята ни слова не добавили к тому, что помогло бы раскрыть причину катастрофы.

Остановив «Жигули» на желтый сигнал светофора, лейтенант увидел Зою Сабинину. Она шла быстро, придерживая рукой меховой воротник утепленного плаща.

— Зоя Алексеевна,— приоткрыл дверцу лейтенант,— садитесь, подвезу.

Она быстро обернулась, узнала инспектора и, секунду помедлив, подошла к машине.

— Спасибо, а то я уже вся вымерзла. Надо же быть такой пижонкой: пошла без шарфа.

— Бывает,— улыбнулся Гостев.— Какой маршрут?

— Домой, если вас это не затруднит.

Приехали быстро. Инспектор обошел вокруг машины, открыл дверцу, помогая Зое выйти, и попрощался.

— Сейчас поеду к Лиде Грековой. Там меня Павел Антоныч ждет.

Зоя кивнула и вдруг попросила:

— Подождите минутку. Я пошлю с вами письмо.

Она побежала к подъезду и вскоре вернулась с пухлым конвертом.

— А на словах что передать? — поинтересовался инспектор.

— Ничего,— ответила она.— Там все написано.

Когда в прихожей раздался звук колокольчика, Плотников понял, что наконец прибыла подмога. Гостев скорее разберется, что к чему, а ему бы побыть сейчас пару часов подле своего поста на развилке и глотнуть воздуху. Хоть в слякоть, хоть в мороз.

— Это мой товарищ,— с чувством облегчения произнес инспектор.— Лейтенант Гостев работает по нашему делу.

Учительница поднялась из-за стола, но Плотников опередил ее и сам направился к двери.

У порога действительно стоял лейтенант.

— Снимай свой скафандр,— радушно предложил Плотников.— Здесь не дует. Есть любопытные новости.

Лейтенант прошел в комнату.

— Здравствуйте, Лидия Владимировна. Прошу извинить за вторжение, но у меня есть маленькое оправдание: привез вам письмо от Зои Алексеевны Сабининой. Вот оно.

Лида, недоуменно помедлив, взяла конверт. Повертела в руках и положила на телевизор.

— Спасибо,— сказала она.— Вы, пожалуйста, располагайтесь, я сейчас чай подогрею.

Гостев, конечно, не надеялся, что учительница жадно выхватит письмо из рук, но такого безразличия совсем не ожидал.

— Подключайся к нашему столу, Юра,— устало произнес Плотников, протягивая лейтенанту листок с заметками, сделанными им во время беседы с Грековой.— Сейчас дам пояснения.— На свою память Павел Антонович не слишком полагался, а просить учительницу повторить рассказ было неловко.

Пока Лида хлопотала над чаем для Гостева, Плотников коротко передал ему все, что узнал. Лейтенант озадаченно кивал головой. Лида, войдя в комнату, не вмешивалась в разговор. Она взяла с телевизора конверт, присланный Сабининой. Вскрыла письмо, прочла раз, другой. С минуту сидела, опустив плечи, затем извлекла из конверта несколько пятидесятирублевок.

— Прямо не знаю, что и думать,— с некоторым раздражением произнесла она.— Неожиданно стала обладательницей трехсот рублей. Зачем они мне?

— Откуда они появились? — полюбопытствовал лейтенант.

— Вы же мне их сами привезли. В письме.

Гостев машинально кивнул. Лицо его выражало растерянность.

— А почему она послала их вам? Отдает долг? — поинтересовался он.

— Если хотите, можете прочесть письмо,— вдруг произнесла Грекова.— Правда, там есть некоторые интимные моменты, но вы хоть разберетесь в наших отношениях.

Гостев взял письмо.

«Уважаемая Лидия! Я очень сожалею, что наши взаимоотношения так и не сложились ни при жизни Ромы, ни теперь, после его гибели. Я, наверное, не права, но вы женщина и должны понять меня. Я была настроена против вашего брака с Романом потому, что Рома нравился моей близкой подруге. К тому же (не обижайтесь) она моложе Ромы и в отличие от вас в замужестве не состояла. Теперь о деньгах. В день отлета Рома вручил мне шестьсот рублей на покупку в Ленинграде двух модерновых курточек. Вам — подарок к свадьбе. Мне, очевидно, в утешение. На всякий случай Рома дал мне телефон своего друга в Ленинграде. Он мог помочь мне достать эти самые курточки, но в тот день ничего не вышло! А когда я вернулась в гостиницу, меня уже ждала страшная телеграмма отца. Сейчас, после всего, что случилось, я решила вашу долю послать вам. При случае позвоните мне, встретимся и поговорим. Зоя».

— Спасибо, Лидия Владимировна.— Гостев вытер платком взмокший от смущения лоб.— А сейчас вам пора отдыхать, уже поздно.

Простившись с хозяйкой, они вышли на лестничную клетку. Гостев вздохнул:

— Славная женщина. Жаль, что ей так не повезло.

Плотников ничего не ответил.

— По-моему, вы говорили мне, что Сабинина искала в сумочке счет из ресторана. На нем был записан номер телефона ленинградского друга. Очень было бы любопытно ему позвонить. Может, он прольет какой-нибудь свет на эту историю.

— Я думал об этом,— ответил Плотников.— Но ведь счет она не нашла.

— Ну и что? А вдруг запомнила номер.

Гостев осмотрелся и направился к телефонной будке.

Сабинина сразу сняла трубку. Увы, счет она так и не нашла, а в номере телефона помнила только последние две цифры. Зато она заявила, что при встрече на Невском друг Романа был в морской форме. И зовут его Вадим Галунов.

— В принципе, данных для официального запроса достаточно,— протянул Павел Антонович.— Такой шанс упускать нельзя.

— Конечно, но на запросы и ответы мы потеряем уйму времени. Здесь, по-моему, перспективнее личный контакт. Буду

просить разрешения на командировку в Ленинград. Думаю, что Брайцев меня поддержит.

Глава 7

Безоглядно влюбленный в технику, Сергей Савин тем не менее не представлял будущей жизни без трудного, но красивого четкостью армейского порядка. Конечно, он мог остаться в войсках на сверхсрочную — ему предлагали. Но женитьба все переменила, и решили они с Наташей: после того как Сергей уволится в запас, перебраться в город.

Сергей приехал пока один, но ни в механики, ни в шоферы не подался. Любил Сергей аккуратность, подтянутость служивых людей, готовность мгновенно подняться по тревоге, чтобы быть там, где ты в данный момент до крайности нужен. Что ни говори, а «военная косточка» — понятие не пустое. Потому Сергей и остановил свой выбор на службе в ГАИ. Техника здесь по последнему слову, почти военная дисциплина, многие сотрудники — вчерашние солдаты. И яркая, издалека заметная форма тоже нравилась ему... Однако только теперь, после гибели на его глазах человека и всего, что за этим последовало, Сергей понял, что службу он себе выбрал не из простых и одной исполнительности здесь маловато. Надо уметь размышлять, глубже всматриваться в людей и их жизнь. Тут и голова нужна ясная, и знания. Сергей стал всерьез подумывать об учебе, а когда Плотников сказал Савину, что он будет помогать ему выполнять «особое задание», сержант малость возгордился. Правда, поручение, которое дал ему старший лейтенант — «держать связь», показалось поначалу пресным и скучным, но Сергей не подал виду. Надо так надо.

Савин познакомился с Яшей, и они сразу прониклись друг к другу симпатией. С морячком все оказалось сложнее. Бойкий на язык, ничуть не стыдившийся отека под глазом, Шлындаков даже как-то потянулся к Сергею. Завидовал: парень одних с ним лет, а жизнь у него идет четко рассчитанным курсом. Есть жена, скоро будет ребенок, потом — в юридический на вечернее отделение. Шлындаков определиться в жизни, поставить перед собой какую-то цель все еще не мог и в душе страдал из-за этого.

Он быстро уловил, что поручение тяготит Сергея, и однажды полушутя спросил:

— Что киснешь-то, Шерлок Холмс?

— Скажешь тоже — Холмс,— протянул Сергей.— Он преступников изобличал, а тут свои кругом.

— Вроде свои,— философски-назидательным тоном произнес Шлындаков.— А на моей машине неизвестно куда гонять и ни слова — это как, по-твоему, по-свойски? Может, они человека задавили и надо мной уже срок зреет, а? Кто будет с этим разбираться? Местком?

Сегодня у сержанта был выходной, и он, тоскуя по далекой жене, не усидел в общежитии, решил попроведать Шлындакова. Как-никак, знакомый, да и общее дело есть.

Солнце, затянутое прозрачными облаками, как полиэтиленовой пленкой, склонялось к западу. День истекал.

Сергей стоял с Семеном у гаражных ворот.

— Ну, я пошел, Сеня,— сказал Сергей, протянув Шлындакову руку.— Тебе работать надо.

— Давай,— согласился Семен.— Приходи после, сходим пивка пропустим.

Проводив Сергея, Шлындаков вернулся в бокс и полез было в смотровую яму, но тут его окликнул неожиданно подошедший Ахлюстин:

— Почему посторонние в гараже, Шлындаков? Пьянки в рабочее время устраиваешь?

— Да вы что, Борис Федорович! — возмутился Семен.— Это дружок мой. На строительство устраивается. Вы-то ведь его не взяли бы, поскольку мою рекомендацию малость недооцениваете...

— Трепач ты, Шлындаков,— бросил механик.— Смотри, что пропадет из запчастей — вычтем у тебя из зарплаты до копеечки.

— Да не пропало же еще ничего! — возмутился Семен.

— Не пропало — значит, пропадет,— категорически заявил Ахлюстин.— Без этого ты, Шлындаков, не проживешь. Насквозь тебя вижу.

— За что вы, Борис Федорович, меня так невзлюбили? — уныло сказал Семен.— Хоть увольняйся.

— Раз менять поведение не желаешь — пожалуйста, на все четыре стороны. Не держим.

— Спасибо, Борис Федорович. Очень тронут, но прошу дать время на размышление. Шутка ли — такой решительный шаг...

— Трепло,— уже беззлобно, скорее с досадой, повторил механик.— Завтра будь любезен с этой коробкой передач закончить.

— Да здесь еще работы на целую неделю,— взмолился Шлындаков, но Ахлюстин только раздраженно махнул рукой и направился в свою каптерку.

Семен огорченно сплюнул. До этих дней он не чувствовал к механику неприязни. Да и Ахлюстин относился к нему нормально. Но после скандала в кафе Ахлюстина словно подменили. Он стал придирчив и резок. Семену, конечно, это надоело.

«Ну, не нравлюсь, так наше вам с кисточкой,— размышлял он, обтирая замасленные руки.— Как-нибудь уж найдем место, где начальство по каждому пустяку воспитательную философию не разводит».

Он бросил ветошь и, решив все же объясниться, направился к Ахлюстину. Сколько можно нервы трепать!

Подойдя к каптерке механика, Шлындаков услышал за дверью возбужденные голоса. Механик распекал кого-то.

«Вот некстати,— подумал Семен.— Кто это ему опять под руку попался?»

В нерешительности он взялся за ручку и слегка припал ухом к двери.

Стук инструмента ремонтников и плотно прикрытая фанерная дверь затрудняли слышимость, но все же обрывки разговора Семен уловил.

— ...предупреждал, чтобы ты не смел сюда являться,— свирепел механик.

— ...не могу ждать. В пять поезд уходит. Срочная командировка. Надо ехать, или будут неприятности, уволят еще.

— И увольняйся! Может, ты зарабатываешь там большие деньги? — язвительно засмеялся Ахлюстин.— Похоже, ты, милочка, решил смыться!

— ...клянусь, что в командировку. И деньжат у вас хотел одолжить, чтобы маленько расслабиться в Перми.

— ...это ты умеешь. Деньжат потянуть, расслабиться,— с презрением повторил механик.

Шлындаков услышал шаги, скрип половиц в каптерке и, метнувшись за машину, присел. Сердце отчаянно колотилось.

Дверь каптерки чуть приоткрылась и закрылась вновь. Вторично подойти к двери Семен уже не решился.

«Надо срочно найти Яшку»,— даже вспотев от волнения, соображал он, сожалея, что Сергей, как назло, уехал.

В том, что в каптерке происходил разговор, связанный с какой-то не слишком порядочной историей, у Шлындакова сомнений не было. Чего-чего, а детективов он в свое время прочел предостаточно. «Вот вы, оказывается, на поверочку какой чистенький, дорогой товарищ механик,— ехидно усмехаясь, думал он, размашисто шагая в сторону штаба стройки.— Разговорчики водите темные, моя машина у вас сама ездит, а я неприятности из-за вас хлебаю».

Ему повезло. Соловейчик сидел, покуривая, на скамейке возле конторы и сосредоточенно изучал «Правила дорожного движения».

— Ха,— облегченно выдохнул Шлындаков и уселся рядом.— Ну и попереживал же я. Тут такое, понимаешь, приключение, а тебя, как назло, нет... К Ахлюстину явился один типчик...

Яков озабоченно смотрел на ворота гаража и размышлял. Рассказ Шлындакова заслуживал внимания. Надо сейчас же связаться с Плотниковым или Панковым. Телефоны, правда, были только в помещении конторы, но Яша надеялся, что сумеет переговорить без свидетелей и получить дальнейшие инструкции. В этот момент из гаража вышел парень в светлом плаще, и Шлындаков, цокнув языком, выразительно поглядел на Якова. Парень, помахивая портфелем, деловито

направился к воротам. Яша понял, что бежать звонить Плотникову уже поздно.

— Сеня, посмотри за механиком,— почему-то шепотом сказал он, хотя неизвестный был довольно далеко.— Я попробую узнать, кто он такой, а там видно будет.

Шлындаков залихватски метнул окурок и снисходительно пожал плечами, как бы говоря: «Я свое дело сделал, а теперь ты сам соображай, что к чему». Яков дружески тронул Семена за руку и решительно зашагал к дороге.

Парень с портфелем стоял на автобусной остановке и, задрав голову, изучал расписание на прибитой к столбу табличке. Других ожидающих на остановке пока не было. Это усложняло задачу: не хватало еще, чтобы парень обнаружил «наблюдателя», и Яков стал развязывать шнурок на ботинке. Мало-помалу у остановки собрался народ. Когда автобус показался из-за поворота, Яша вялой походкой двинулся к остановке. Посадка в переполненную машину была бурной, но Яша все-таки встал одной ногой на ступеньку. Протискиваясь вперед, вскоре оказался в середине салона. Парень в плаще, ухватившись за поручень, безразлично смотрел в окно. Автобус вкатил в городские кварталы и ехал теперь медленнее. Наступил час «пик».

План Соловейчика был предельно прост. Главный момент — встретить по пути работника милиции и попросить как-то проверить у парня документы. Только бы посмотреть и запомнить данные. Если этот тип собрался в поездку, то документы при нем должны быть обязательно.

Автобус ехал в сторону вокзала.

«Хуже, конечно, если он выйдет прямо на вокзале и поспешит к поезду,— подумал Яков, но тут же себя успокоил: — Может, к лучшему. На вокзале и милиция скорее найдется».

Автобус остановился на привокзальной площади.

— Конечная,— объявил водитель.

Пассажиры двинулись к выходу. Вышел и Яков. Парень в плаще направился к зданию вокзала. Там его, судя по всему, уже ждали трое мужчин. Они обменялись рукопожатиями и, переговариваясь на ходу, пошли под арку, над которой висел указатель — «К поездам».

Мужчины вышли на платформу. Там стоял поезд и царила обычная предотъездная суета. Четверка не спеша двинулась вдоль состава. Остановившись у нужного им вагона, все четверо закурили.

— Отправление скоро? — спросил Яков у проводницы.

— Пятнадцать тридцать одна. Надо слушать объявления,— наставительно ответила она.

— А время московское? — зачем-то уточнил Яша, но проводница не удостоила его ответом.

И в этот момент Яша увидел среди головных уборов две милицейские фуражки. Сердце забилось так, что, казалось, окружающие должны были услышать. Едва сдерживая шаг,

он направился навстречу форменным фуражкам. Это были курсанты милицейской школы, судя по нашивкам на рукавах — первокурсники. Они чинно прохаживались по перрону с милой девушкой в пуховом платке. Очевидно, провожали в путь-дорогу. Вот остановились, девушка, смеясь, протянула им руки.

Четверка мужчин стояла неподалеку, с усмешкой наблюдая сцену прощания. А Яков теперь смотрел на портфель, которым помахивал парень в плаще. Портфель притягивал к себе мысли Соловейчика, как единственный в эти минуты шанс.

Прозвучавшее по радио объявление об отправлении поезда стало для Якова сигналом к действию. Яша кинулся к парню в плаще и с силой рванул портфель. Парень буквально опешил от такой наглости, покорно отпустил его. Соловейчик метнулся назад и врезался в курсантов. Только теперь раздались вопль потерпевшего и брань его приятелей.

Курсанты тоже на миг растерялись, но учеба в милицейской школе не прошла даром. Яша зажмурился, уткнувшись лицом в начищенную пуговицу, едва не упал, но упасть ему не дали. Один из курсантов аккуратно, но жестко зажал его руку вместе с портфелем, полагая, что тот хочет избавиться от улики. Другой курсант овладел левой рукой.

Наскочившую с кулаками четверку курсанты резво осадили.

— Не сметь! Без рук! — фальцетом скомандовал курсант.— Разберемся!

Девушка в платке хлопала ресницами и чуть не плакала, а из ближайших вагонов, рискуя отстать от поезда, повыскакивали любопытные. Зашелся трелью милицейский свисток.

Парень в плаще нервно бегал вокруг, не зная, что предпринять, но тут подоспел наряд милиции и все пошло как положено... Свидетели называли свои фамилии и адреса, а любопытные быстро вернулись в вагоны.

— Вам придется пройти с нами в милицию для составления протокола,— объявил «потерпевшему» старший наряда.— Ваши сослуживцы пусть едут и не беспокоятся. Вас мы отправим другим поездом. Долго не задержим.

Парень уныло кивнул, тоскливо глядя в спины коллег. Несмотря на нелепость и унизительность своего положения, Соловейчик благодарно посмотрел на курсантов и едва сдержал предательскую улыбку.

В дежурке отдела Якова препроводили за барьер, где он сидел сейчас в компании с двумя краснолицыми забулдыгами. «Потерпевшего» и курсантов направили на второй этаж. Якова, конечно, обыскали, сняли поясной ремень. Однако Соловейчик понимал, что дело может зайти далеко. Он попросился выйти по надобности.

— Со страху прижало,— засмеялся дежурный и сказал помощнику: — Петрович, проводи в туалет.

Когда они вышли в коридор, Яков вкратце изложил суть дела. Тот недоуменно выслушал и не поверил, но пообещал тут же доложить дежурному.

Вернувшись, старшина пошептался с капитаном. У того вытянулось лицо, и он увел Якова в отдельную комнату. Затем его вернули за барьер, а капитан побежал наверх к следователю. Вскоре по лестнице спускались курсанты и «потерпевший». Парень в плаще был снова со своим злополучным портфелем. Потом вернулся капитан и велел Якову подняться в тринадцатый кабинет. В кабинете сидел румяный крепыш в гражданском костюме. Не здороваясь, он напустился на Якова.

— Умней ничего не мог придумать! Благодари судьбу, что я уважаю Плотникова, и он подтвердил твои байки и твою личность!

— Не видел другого выхода,— оправдывался Соловейчик.— Очень извиняюсь. Хотел, чтобы все натурально получилось.

Следователь развел руками, но уже стало заметно, что он крут, да отходчив.

— Ладно, так и быть, раз состава преступления и умысла нет, на первый раз прощаю для пользы дела,— проворчал он.— Вот полные анкетные данные «потерпевшего». Он едет в командировку. Курсантов я поблагодарил.

— Правильно,— сказал Яша.— Они же нормально действовали. Согласно обстановке.

— Грамотный ты очень,— улыбнулся крепыш.— Сейчас твоя задача — больше «потерпевшему» на глаза не попадаться. А то он живо на меня жалобу настрочит: почему, дескать, у нас явные преступники на свободе разгуливают? Понял, товарищ Соловейчик? Тогда давай пять, счастливо тебе.

В Ленинграде Гостев сразу же направился к своим коллегам, объяснил цель командировки.

— Погуляй пока,— посоветовал дежурный по управлению,— а часика через три позвони.

Лейтенант поблагодарил и скоро уже стоял на залитой весенним солнцем Дворцовой площади. Он бывал в Ленинграде давно, в детстве, и с радостью побродил бы сейчас по знакомым местам, но забота мешала наслаждаться красотой города.

«А вдруг моряк ни о чем понятия не имеет,— думал Гостев.— Следовательно, командировка пустая и они с Плотниковым опять в тупике...»

Гостев позвонил дежурному раньше срока.

— Все в ажуре, лейтенант,— довольным баском отозвался тот,— Галунов работает в Северо-Западном речном пароходстве. Записывай номер служебного телефона и домашний адрес...

Поскольку они предварительно созвонились, Галунов, отпросившись со службы, уже ждал Гостева. Мужчины прошли длинным, как в музее, коридором огромной квартиры в комнату, где жил штурман. Расположились у журнального столика.

Галунов, несмотря на свой возраст, был склонен к полноте, но пока излишки веса скрывала форма. Начищенные до блеска пуговицы кителя невольно притягивали взгляд. Лицо обрамляла аккуратно подстриженная бородка. Серые глаза смотрели на лейтенанта невозмутимо-спокойно. Судя по размеренным, даже ленивым движениям, Галунов был уверенным в себе человеком.

— Вы знали Романа Сабинина? — без предисловий сказал лейтенант.— Так вот: он погиб.

Галунов резко вскинул голову и отстранился от Гостева, словно не желая понимать неожиданную новость. Потом, помолчав, спросил:

— При каких обстоятельствах?

Лейтенант ответил, что в автомобильной катастрофе. Но есть подозрения, что катастрофа эта подстроена. Скрывать от Галунова смысла не было, и Гостев рассказал штурману обо всем, что ему было известно.

Галунов сидел в кресле, вперив мрачный взгляд в одну точку, и со стороны казалось, что он совсем не слышит того, что говорит Гостев. Но это было не так. Штурман отыскивал в памяти то, что могло пригодиться инспектору, подтвердить либо рассеять возникшие подозрения. Потом он подошел к двухтумбовому столу, выдвинул ящик.

— В наше время письма, как правило, выбрасывают, а я вот храню. Прочтите. Это письмо от Романа я получил недели три назад. Обратите внимание на последний абзац, а я пока соберусь с мыслями.

Гостев развернул листок.

«...Ты помнишь, Вадя, тот давний случай на станции Юрга? Мне кажется, здесь, на стройке, я встретил типа, который крутился в кассе возле парня, попавшего под колеса. Можешь не верить, но давняя история снова не дает мне покоя. Напрасно я тогда дал себя уговорить не вмешиваться не в свои дела. По крайней мере, если бы мои опасения не подтвердились, я бы давно выкинул это все из головы. А так меня что-то постоянно тревожит. Понял? Наверное, я попробую поговорить с этим типом. Может, все станет на свое место...»

Лейтенант перечитал абзац еще раз и вопросительно глянул на штурмана. Тот стал рассказывать...

Они с Романом служили в Томске, возвращались домой после увольнения в запас. Галунов всю дорогу спал, а Роман то читал, то глядел в окно. В Юрге Роман сбегал на вокзал, купил пива и бутербродов. Растолкал Вадима, и они сели перекусить. Километре на тринадцатом за Юргой поезд вне-

запно затормозил. По вагону пробежали начальник поезда и бригадир. Роман заинтересовался, в чем дело, и отправился следом за ними. Отсутствовал долго. Галунов, потягивая пиво, увидел за окном проезжающую милицейскую машину. Наконец поезд тронулся и вернулся Роман, бледный и растерянный.

— Что там стряслось? — спросил Вадим.

— Человек попал под колеса. Сразу насмерть.

— Печальный факт,— протянул Галунов.— Пьяный?

Роман не ответил, вышел в коридор. Галунов немного посидел один, потом пошел к другу.

— Чего ты так нервничаешь? Кто он тебе? В жизни, знаешь, всякое случается. Если за всех переживать...

— Я этого парня видел в Юрге на вокзале. По куртке его запомнил, грудь в значках. Я очередь в буфете занял, а он в кассу стоял, деньгами хвастался. Большой пачкой. Выпил, очевидно, не в меру. Мужчина с ним был постарше, вроде уговаривал. Вышкари, наверное, с буровых едут. Денег куча, а ум на отдыхе теряют.

— Наработались ребята и загуляли. Что тут особенного?

— Потом я видел, как они в поезд садились... И знаешь еще что? Там, на месте, когда это случилось, того приятеля не было. Любопытных, конечно, толпа, но его я не видел. Исчез куда-то. И денег при парне тоже не оказалось...

— Все понятно,— заключил Вадим.— Еще поддали, в ресторан понесло... Между вагонами и сорвался. Долго ли пьяному. А провожающий, может, в Юрге остался. Или глотнул лишнего и дрыхнет на полке.

Роман покачал головой.

— Не знаю... Наверное, мне милиции об этом мужике сказать надо было. Они интересовались, с кем парень был, о чем толковал, но из пассажиров никто ничего не знает. Он в купе даже не заходил. В тамбуре, видно, стоял. Вот мне и подумалось вдруг: а не сбросил ли его тот дружок под колеса?

— Пойдем пиво допивать, без тебя разберутся. Милиция и не такие происшествия распутывает, а у тебя, скорей всего, воображение разыгралось.

Они вернулись в купе, но Галунов видел, что мысли о гибели парня не оставляют Романа...

Под вечер поезд остановился на узком мосту. Вскоре несколько солдат с автоматами прошли по вагону, заглядывая в каждое купе. У двух пассажиров проверили документы и, извинившись, направились в другой вагон. Роман поинтересовался у проводницы, что происходит.

— Сказывают, преступник сбежал. Ищут...

— Теперь ты вовсе не уснешь,— насмешливо бросил Вадим.— Или увидишь во сне того типа с Юргинского вокзала.

Роман ничего не ответил...

— Вот такие дела,— сумрачно заключил Галунов.— Теперь, когда Роман погиб, я начинаю понимать, что он был прав. Ведь не исключено, что подгулявшего нефтяника действительно сбросили под колеса. Может, из-за денег, может, в результате дикой ссоры. Народ в Сибирь за заработками едет разный, подонков тоже хватает.

— А до последнего письма Роман когда-нибудь вспоминал этот случай? При ваших встречах или переписке?

— Нет. Я и думать о нем забыл. А вот видите, как все вышло...— Штурман сцепил руки на колене и стал покачиваться в кресле, будто желая отвлечься от неприятных воспоминаний.

— Ладно,— сказал Гостев,— казниться поздно, Романа не вернешь. К тому же еще ничего толком не ясно, но эту версию мы проверим досконально.

— Не поехать ли мне с вами, я бы взял отпуск,— предложил штурман неожиданно.— Вдруг я найду того типа.

— Каким образом? — усмехнулся лейтенант.— Что вы о нем знаете? Видел-то его Роман. Сейчас это уже наша забота. А вы сделайте для себя кое-какие выводы. На будущее. Не всегда молчание золото.

Вечером Гостев, отметив командировку, вылетел домой. Он так устал за последние двое суток, что мгновенно уснул, даже не отстегнув привязных ремней.

— Час от часу не легче,— недовольно бросил начальник райотдела, выслушав доклад Гостева о результатах командировки.

Полковник понял, что цепочка следов, правда, весьма тощая, тянется в Кемеровскую область, на станцию Юрга. Хорошо бы получить подробную информацию об обстоятельствах гибели неизвестного парня. Надо срочно телеграфировать кемеровчанам...

Глава 8

У дверей кабинета Гостева с Плотниковым ждал Соловейчик. Глаза его возбужденно блестели.

— Не мог вас раньше найти, товарищ старший лейтенант!

Яков закончил подробный рассказ о своих злоключениях и положил на стол листок с данными на парня с портфелем. Гостев развел руками.

— Ай да Яша! Теперь мы с Павлом Антоновичем можем без угрызений совести менять специальность. Смена идет надежная, даже отчаянная. Только такую самодеятельность разводить не надо.

Соловейчик не сразу понял, шутит лейтенант или говорит серьезно, но ему вовремя подмигнул Плотников. Дескать, ты сделал нужное дело, а на будущее учтешь.

— «Заремский Александр Яковлевич, 1950 года рождения, проживает по улице Парашютистов, 12, квартира 32,— начал читать Гостев.— Холост, работает наладчиком на инструментальном заводе. Имеет на руках командировочное предписание (№ такой-то) в город Пермь сроком на десять суток...» Прекрасно! Опиши-ка нам, Яков, его внешность.

Выслушав описание, инспектор сказал без раздумий:

— Почти на все сто это тот самый парень, которого Зоя Сабинина видела в аэропорту. Занятное совпадение. Сейчас организуем звонок нашим пермским коллегам: пусть посмотрят, чем этот бойкий мальчик там занимается. А местную информацию на него соберем завтра. Теперь остается еще один вопрос, причем наиболее темный: при чем здесь механик Ахлюстин?

Утро следующего дня прошло в беспокойном ожидании. К обеду поступила первая телефонограмма из Кемерово. Гостев с жадностью прочел наклеенные на лист бумаги узкие телеграфные полоски.

«...На ваш запрос сообщаем: ...на тридцать пятом километре железнодорожной ветки Юрга — Новосибирск под колесами поезда «Томск — Москва» был обнаружен труп неизвестного мужчины. Документов и наличных денег при нем не найдено. Предположительно было установлено, что погибший мог выпасть из вагона в результате сильного опьянения. Данных, свидетельствующих о наличии других причин гибели, на месте происшествия не выявлено. Проведенное расследование установило личность погибшего: Терентьев Виктор Сергеевич, 1950 года рождения, рабочий экспедиции нефтебуровой разведки. Находясь в очередном отпуске, Терентьев два дня провел в селе Покровка, а затем намеревался выехать в Москву. До станции Юрга его подвез на грузовике колхозный шофер, который тут же отбыл обратно в Покровку. Терентьева никто не провожал. Он имел при себе около тысячи рублей денег. Опрос работников станции подтвердил, что Терентьев купил один билет до Москвы. Буфетчица Мохова показала, что с Терентьевым находился мужчина, с которым они беседовали и выпивали у стойки. Однако других свидетельств об этом знакомом погибшего выявить не удалось.

Со слов Моховой, некоторые приметы знакомого совпали с приметами разыскиваемого Томским УВД преступника Сазонова А. Б. Поскольку Сазонов А. Б. до настоящего времени не задержан, доказать его причастность к гибели Терентьева В. С. не представилось возможным. Дело производством приостановлено...»

Гостев протянул телефонограмму Плотникову, а сам заходил по кабинету.

— Значит, Роман не фантазировал! Какие мы с вами молодцы, дорогой Павел Антоныч! Докопались все-таки!

Плотников, хотя и не разделял восторгов лейтенанта, состояние его понимал. Ведь именно Юра зацепил в Ленинграде эту ниточку, но, умудренный житейским опытом, Плотников знал, что минутное довольство Гостева мигом пройдет, как только он задумается над вопросом: что же делать дальше?

Будто угадав мысли Плотникова, инспектор прекратил бег по кабинету.

— Ладно, радоваться еще нечему. Но тип, которого Роман заподозрил в Юрге, видимо, бродит где-то здесь. Судя по всему, именно с ним Сабинин и столкнулся снова.

— Я тоже так думаю,— живо откликнулся инспектор.— Нам бы только этот призрак быстрее материализовать, а там мы для опознания и буфетчицу Мохову сюда доставим.

Плотников кивнул и снял с вешалки плащ.

— Я, пожалуй, с Яшей повидаюсь: посмотрю, как он там себя чувствует после схватки. А потом гляну на Ахлюстина.

— Добро,— кивнул Гостев.— Только позвоните после.

Проезжая мимо своего родного поста, Павел Антонович увидел Панкова. Тот что-то внушал проштрафившемуся водителю, и Плотников не стал останавливать машину.

Почти доехав до строительства, Плотников поблагодарил водителя попутного «Москвича» и направился в контору стройуправления, чтобы знакомый кадровик подсказал, где ему поскорее разыскать Соловейчика. Но нужда в этом отпала: Яша стоял возле крыльца вместе с разбитным на вид парнем. Плотников догадался, что это и есть Шлындаков, и, подойдя, поздоровался.

Шлындаков настороженно глянул, но Яков легонько ткнул его в бок. Дескать, человек свой, можешь не опасаться. Инспектор видел, что Яша рад его появлению. И сам обрадовался, отметив мысленно, что у него вполне мог бы быть такой взрослый и славный сын. Татьяна — любимая и единственная дочь, но она женщина, и у нее свои заботы...

— Новостей пока никаких,— бойко сказал Шлындаков.— Лично я жду появления дорогого товарища механика. Он в конторе запчасти выписывает, а я потом с требованиями на склад побегу. То есть буду выполнять грубую, малоквалифицированную работу. В смысле — таскать запчасти на своем горбу.

— Будет тебе,— смущенно сказал Яков.

— Почему будет? — наигранно возмутился Семен.— Пусть все знают, до чего довели нормального человека, к тому же шофера третьего класса.

Плотников уже слышал, что в общем-то у неглупого бывшего морячка язык «без костей», и поэтому снисходительно улыбнулся.

— Ну, коли так, то продолжайте ждать, а я пойду прогуляюсь, посмотрю, как возводят гигант химии.

Плотников сообразил, что ребята сговорились по возмож-

ности не оставлять Ахлюстина без присмотра. Уйдет на склад Шлындаков — на месте останется Яков. Что собой представляет этот механик, пока неизвестно, однако его фамилия уже фигурирует в деле, и с ним надо знакомиться основательно. Интересно, заметил Ахлюстин, что ребята с него глаз не спускают? Человек немолодой, наверное, бывалый... А впрочем, если за ним никакой вины нет, он на это и внимания не обратит. А вот если грешок есть, то может занервничать и допустить промашку. Яков-то для него «темная лошадка». Начальство возит.

Плотников наблюдал, как лихо кран поднимает ввысь огромные балки. Только подумать, как бежит время: куда ни глянь — всюду строят.

Дверь хлопнула, выскочил парень в спецовке, что-то сказал Шлындакову и побежал к строящемуся корпусу.

На крыльцо вышел мужчина в меховой безрукавке, протянул Шлындакову листки и стал что-то объяснять. Семен старательно кивал, изображая сплошное внимание.

Плотников медленно, будто нехотя, зашагал к двери стройуправления. Поднялся на крыльцо. Ахлюстин и Шлындаков слегка посторонились, давая дорогу. Механик бросил на Плотникова беглый взгляд. Инспектор тоже мельком посмотрел на Ахлюстина, прошел в комнату, где работал кадровик, позвонил в отдел и сказал Гостеву, что здесь пока новостей нет, а ребята свое дело знают.

— Тогда возвращайтесь,— произнес лейтенант многозначительно.— Есть о чем поговорить.

«Не иначе, опять что-то откопал,— подумал Павел Антонович.— Сюрприз готовит».

Когда Плотников вышел из конторы, ни механика, ни Шлындакова уже не было. Не увидел он поблизости и Соловейчика. Павел Антонович хотел найти Якова, но потом решил, что не стоит. Если бы у Яши было что сообщить, он бы обязательно дождался. Плотников встал на дороге, голосуя идущим в город порожним панелевозам, и один остановился. Плотников сел в кабину, и тяжелая громада двинулась. Водитель сидел за рулем напряженно (такая махина — не малолитражка) и не разговаривал. Когда они проезжали мимо поста ГАИ, Плотников увидел, что Панкова и знакомого мотоцикла уже нет на месте, и пожалел, что не остановился, когда направлялся на стройку. Накрапывал нудный дождь, и закрытая будка поста выглядела как-то сиротливо.

Когда Плотников, пригладив ладонью волосы, присел к столу, лейтенант придвинул к нему текст второй телефонограммы.

— Эта пришла из Томска,— сказал он и вздохнул.— Сколько мы с вами людей на ноги подняли.

«...Сообщаем: ...во время лесоповалочных работ в квадрате 432, использовав оплошность конвоя, совершил побег Са-

зонов Анатолий Борисович, 1927 года рождения, осужденный по ст. 92 часть 3. Захватив в отсутствие водителя автомобиль ЗИЛ-130, принадлежащий леспромхозу, Сазонов выехал за пределы охраняемого квадрата. Проведение чрезвычайных мероприятий по розыску преступника в нашей зоне результата не принесло. Два дня спустя в лесном массиве, расположенном в тридцати километрах северо-западнее Томска, вертолетно-пожарной службой был найден ЗИЛ-130, угнанный преступником. Сазонов не обнаружен. Предположительно — он сумел добраться до ветки рабочего поезда № 12, отбыл в поселок Угрюм, откуда и скрылся в неизвестном направлении. По неуточненным данным УВД Кемеровской области, Сазоновым вблизи станции Юрга было совершено преступление, связанное с гибелью рабочего Терентьева. В отношении Сазонова объявлен всесоюзный розыск. Если вы располагаете какими-либо сведениями относительно вероятного местопребывания Сазонова, просим принять все оперативные меры по установлению и задержанию преступника...»

Когда Павел Антонович закончил чтение, Гостев сказал, что это еще не все. С час назад приходил участковый инспектор, в ведении которого находится улица Парашютистов. На Заремского участковый располагал кое-какими материалами.

В свое время Александр приехал в город из сельской местности, где воспитывался у мачехи, поступил на завод, жил в общежитии. Зарабатывал рублей полтораста, но вечно был в долгах, ибо слишком много тратил на модные тряпки и развлечения. Примерно с год назад он неожиданно для всех приобрел однокомнатную кооперативную квартиру на улице Парашютистов и обставил ее добротной мебелью. На вопросы бывших приятелей по общежитию, где он раздобыл такую кучу денег, отвечал, что выиграл по трехпроцентному займу. Никто и никогда у него никаких облигаций не видел (а в общежитии вообще трудно что-нибудь утаить), но с расспросами от него мало-помалу отстали. Повезло человеку, ну и пусть живет себе на здоровье, в гости приглашает. Однако Заремский к прежним приятелям быстро охладел, стал держаться замкнуто, рестораны забросил. У одного из бывших друзей Александра приятельница работает в сберкассе. Он как-то рассказал ей о счастливом выигрыше Заремского. Та оказалась дамочкой любопытной и решила выяснить, какую конкретную сумму заполучил этот счастливчик. Каково же было ее удивление, когда она узнала, что в последних тиражах трехпроцентного займа крупные выигрыши по области не зарегистрированы. Вот и выходит, что «счастливчик» Саша попросту надул своих друзей. Как-то на работе этот приятель высказал все Заремскому. Александр, не моргнув глазом, ответил, что он, разумеется, пошутил, поскольку деньги выиграл в Спортлото. Друг понял, что его опять водят за нос, и больше на эту тему разговор не заводил. Только в компании посетовал, что с таких «дурных» денег Заремский должен был

ящик коньяку выставить, а он и бутылки пожалел. Приятели поязвили вместе с ним, а потом о Заремском пополз слушок и докатился до участкового инспектора. Тот, конечно, взял Заремского на заметку. Но, должен сказать, что в последнее время Александр ведет примерный образ жизни, в ресторанах не бывает, музыку в квартире ночами не крутит. Навещает Заремского, и то изредка, какой-то пожилой мужчина, возможно родственник. Другими сведениями участковый не располагал, но пообещал, что по возвращении Александра из командировки внимание к нему удвоит.

— Как вам это все нравится? — в заключение произнес Гостев.— Откуда у Заремского взялась такая сумма?

— Трудно сказать,— не сразу ответил Плотников.— Не забывай, что деньги появились с год назад.

— Ладно, Заремского пока оставим, он под контролем и никуда не денется,— принял решение Гостев.— Будем искать Сазонова. То, что именно он убил рабочего Терентьева, лично у меня сомнений почти не вызывает. И он же, видимо, причастен к гибели Романа Сабинина. Тот случайно опознал его на стройке.

— Согласен,— сказал Плотников.— Над этим я тоже думал.

— Второе, что, на мой взгляд, тоже не вызывает сомнений,— Сазонов в городе, и что-то его здесь держит. Иначе ему не было смысла убивать Романа. Уехал бы незаметно, и все, бегать ему не в новинку.

Глава 9

Старшина Панков с женой возвращались из воинской части после свидания с сыном. Панков вел мотоцикл и то и дело любовно посматривал на сидевшую в коляске Клавдию, и ему хотелось так наддать газку, чтобы «Урал» не мчался по шоссе, а летел. И чтобы Клава, в заботах о детишках теперь редко покидавшая дом, увидела, как прекрасна весенняя земля и эта бесконечная лента дороги. Панков любил дорогу, отдал ей двадцать лет службы. Для него дорога была не просто участком с асфальтовым или бетонным покрытием, а нитью жизни, связанной с сотнями других нитей, необходимых людям. И ему хотелось, чтобы это понимала жена. Но сейчас мысли ее были заняты сыном.

Сын походил на отца. Стриженный наголо, он стоял перед родителями уже не как строптивый юнец, а как сознающий свой долг мужчина. И говорил, что служить можно, и даже интересно. От всех этих мыслей Клавдии было и счастливо, и грустно...

— А Петька-то наш! Солдат! — прокричал Василий, перекрывая свист ветра.— Месяца не прошло, а можно хоть сейчас на парад выставлять. Гвардеец, да и только.

Укрытая от воздушного потока ветровым стеклом, Клава тихо улыбалась. Из-за ветра и рева двигателя она слышала не каждое слово мужа — это скрытое признание в любви к ней и детям.

Панков подкатил к подъезду, помог жене выбраться из коляски.

— Забеги чайку выпить, продрог небось.

— Что ты! — разворачивая мотоцикл, отозвался Панков.— И так почти полдня проездили, на службу надо. Где-нибудь перехвачу, не беспокойся. Целуй малышню. Соседка от них, наверное, уже на весь дом плачет.

Клавдия улыбнулась, а Василий включил сцепление, и «Урал» рванул с места.

В одиннадцать утра он уже был на посту. Мимо, как обычно, шли машины, правил никто не нарушал, и день был солнечный, весенний. Настроение у старшины было приподнятое, стоять на одном месте не хотелось. Он снова завел мотоцикл, решил проехать по шоссе. Поездил Панков с часок, одним своим присутствием сдерживая любителей рискованных обгонов, а потом надумал все же слегда перекусить. Еще неизвестно, как дальше смена сложится, а до вечера долгонько. Самой близкой была столовая строящегося комбината, и Панков завернул туда. В зале посетителей было мало, пахло щами и дымком. На раздаче стояла знакомая работница.

— Что же вы один, Василий Матвеевич? — заулыбалась она.— А где моя симпатия товарищ Плотников? Неужели голодным по дорогам мотается?

— Временно его на другую службу перевели,— ответил старшина, машинально разглядывая обедающих. Лицо одного из них показалось Панкову знакомым.

— Ну ничего, я вас за двоих накормлю...

Панков вспомнил. Это был механик гаража Ахлюстин. Тот почувствовал на себе взгляд, поднял голову и приветливо кивнул. Панков тоже поздоровался. Раздатчица желчно произнесла:

— А вот этого, которого вы поприветствовали, я бы вовсе не кормила.

— Это почему же? — удивился Панков.

— Да ну его,— отмахнулась Зинаида.— Не перевариваю таких. Мне недавно надо было к дочери кровать перевезти. Так этот отказался, хотя и был на грузовике: не имею, говорит, права использовать государственный транспорт для личных целей. А небось и сам не для государства старался. В субботу-то.

Панков, приняв из рук Зинаиды тарелку со щами, насторожился. Опять суббота, опять грузовик и... Механик того самого гаража, где машина Шлындакова «сама по себе» ездила...

— А вы не обознались, Зинаида Зотовна, он ли был? — понизив голос, спросил Панков.

— Чего я обознаюсь-то? Еще в своем уме.

— А в какую субботу это было? И где?

— Да недели две прошло... У них в аккурат колесо спустило, он и менял, а я подошла. В субботу вечером машин не густо.

Панков поставил на поднос тарелку с бифштексом.

— Спасибо тебе, красавица,— произнес громко,— в кино я тебя в другой раз приглашу. Нынче служба замотала.

Ахлюстин покончил с едой, утер губы бумажной салфеткой, но встать из-за стола медлил. Будто над чем-то размышлял.

Панков уселся за столик. Ахлюстин, казалось, ни на что не обращал внимания и едва ли догадывался, что речь шла о нем. Наконец механик поднялся, шумно отодвинул стул и вышел.

Панкову кусок не лез в горло. Он раздумывал над словами раздатчицы. Потом лукаво поманил ее к себе. Зинаида подошла, села напротив, опустив руки на колени.

— Слушай, кормилица дорогая,— сказал Панков.— Ты вот мне сказала: «У них колесо спустило». Он что, не один был?

— Парень с ним еще возился. Помоложе вроде.

— Молодец, Зинаида Зотовна, ай да молодец! — обрадованно сказал Панков.— Вот порадовала!

— Чем же я молодец? — возразила раздатчица.— Отвез бы он тогда кровать, получил трояк, разве я без благодарности?

— Ладно, не будем мелочными. Раз хвалю — значит, заслужила. Еще попрошу: будь добра, повидай дочь и уточни число-то, когда к ней гости приехали.

В отдел ГАИ старшина примчался за рекордное время, сел за телефон и начал искать Плотникова или Гостева.

Не найдя, старшина зашел в дежурную часть и сел писать Плотникову записку.

Часа полтора Брайцев повторно анализировал материалы дела. Изредка задавал вопросы. Уточнял детали. Затем снял очки и на минуту прикрыл рукой уставшие глаза. Гостев с Плотниковым ждали, что он скажет.

— В принципе все ясно,— после некоторой паузы произнес следователь.— Потрудились вы толково. Остается продумать один вопрос — где поставить последнюю точку. Пока мы не знаем, каким способом была подстроена Сабинину катастрофа. Ясно одно: преступник знал, что Сабинин собирается провожать родственницу, и воспользовался этим обстоятельством. Значит, Сазонова — теперь я не сомневаюсь, что мы имеем дело с ним,— следует искать среди работников строительства. Все сходится. И Сабинин в письме другу сообщает, что «встретил того типа на стройке». Таким образом, сектор

поиска заметно сужается. Согласны со мной? Что-то вы оба загадочно помалкиваете...

— Ноги от сидения затекли,— усмехнулся Плотников.— А рассуждаете вы, Анатолий Ильич, правильно.

— Пока от моих рассуждений проку мало — преступник разгуливает на свободе. И давненько,— с иронией произнес капитан.— Ладно, раз у вас особых замечаний нет, поедем дальше. От вашего паренька в гараже есть какие новости?

Гостев посмотрел на Павла Антоновича, а тот покачал головой.

— Поездку и стоянку грузовика неподалеку от шоссе давно надо было прояснить. Мне эти совпадения совсем не нравятся,— сказал Брайцев.— И пора знакомиться с работниками гаража лично. Предлог, я думаю, найдем, чтобы не распугать рыбу раньше времени.

— Это проще простого,— заметил Гостев.— Мы можем инсценировать дознание по поводу наезда на человека.

— Согласен,— кивнул капитан. Составьте к утру план, тонкости завтра обсудим. Теперь о Заремском. Надо бы показать его Зое Сабининой. Тот это человек, которого она видела в порту, или нет? Придется взять его фотографию в отделе кадров завода. Сам же запрошу из колонии снимок Сазонова по фототелеграфу. С показаниями Моховой сопоставим... И раздатчицы из столовой Зинаиды Зотовны. Конечно, внешность такие матерые преступники ухитряются изменить, но это лучше, чем ничего.

...Лифт стоял на очередной профилактике. Уверенный в том, что дело теперь в надежных руках и он наконец не сегодня-завтра вернется на свой пост, Плотников бодро одолел лестничные марши.

Он еще стаскивал плащ, когда слабым звонком подал о себе знать телефон.

— Ты где это пропал, великий сыщик? Я который раз звоню,— узнал инспектор басок дежурного по отделу.— Мы уже тут гадаем, не за кордон ли тебя послали...

— Да будет, Володя, говори суть. Я спать собрался.

— Днем заезжал Панков и оставил тебе записку. Сказал, что очень важно. Слушай текст.

Выслушав дежурного, сам удивляясь возникшему в нем азарту, Плотников прошел на кухню и заварил чай.

«Молодец, Вася,— думал он, побрякивая ложкой в стакане.— Если Зина ничего не напутала, может, это как раз то, что нам надо...»

Уточнив с Зинаидой дату, Плотников сразу поехал в управление.

— Сейчас явится товарищ лейтенант, и мы наши прения продолжим,— поздоровавшись, шутливо сказал Брайцев.— План составили?

Плотников кивнул, рассказал о разговоре с раздатчицей. Тут подошел и Гостев.

Брайцев молчал, задумчиво посмотрел на офицеров, потом встал и, попросив подождать, вышел.

Вернулся он с пачкой фотографий, бросил их на стол, сказал:

— Можете полюбоваться. Преступник матерый, осужден за хищение государственного имущества в крупных размерах.

Со снимка на Плотникова глянуло бритое хмурое лицо со взглядом исподлобья. Овал лица был заметно вытянут по вертикали. Что-то знакомое показалось Павлу Антоновичу в этой физиономии. У него даже зачастил пульс от напряжения.

Снимок был сделан несколько лет назад. Об этом предупреждала дата в углу фотографии, а годы могут заметно изменить внешность человека. Но все же Плотников вспомнил.

— Что, Павел Антонович? — не укрылось от капитана состояние инспектора.— Он вам кого-нибудь напоминает?

— По-моему, это... Ахлюстин! — выдохнул Плотников.— Я вчера его видел. Точно — он!

Плотникову стало душно, и он расстегнул ворот рубашки. Следователь глянул на часы и дал команду по телефону:

— Срочно установить местожительство Ахлюстина Бориса Федоровича, механика гаража строящегося химкомбината, и направить по адресу засаду. При задержании соблюдать осторожность, преступник может быть вооружен.

Глава 10

Ахлюстин нервничал, не находил себе места в каптерке. Еще в обед, выходя со склада, он заметил, как за угол котельной юркнул человек. Мгновения хватило Ахлюстину, чтобы узнать в нем шлындаковского дружка Соловейчика.

«А ведь он, похоже, следит за мной,— со злостью подумал механик, все последние дни чувствовавший смутное беспокойство оттого, что этот парень, а то и Шлындаков вроде бы ненароком частенько попадаются ему.— Неужели я наследил? Где и когда?»

Конечно, история с Сабининым вывела его из равновесия, но какой дьявол толкнул этого сварщика заниматься разоблачением? Жил бы себе, помалкивая в тряпочку, и не мешал жить другим. Особенно теперь, спустя столько лет после побега, когда, казалось, он сам обо всем забыл. Однако сварщика они убрали чисто, с этой стороны к нему подхода нет. Авария, она и есть авария. Мало ли людей гибнет на дорогах. Была, правда, маленькая осечка. Когда они на обратном пути были почти у гаража, лопнул баллон и привязалась со своей дурацкой кроватью эта баба из столовой. Но то мелочь.

Что же, в конце концов, он, как механик, машину не мог взять? Мало ли какие могут возникнуть у человека обстоятельства. Ну, прознают — объявят выговор за самовольное использование транспорта, премии лишат. На это ему глубоко наплевать. Деньги у него еще есть. Не было бы опасно, так до конца дней можно не работать. Надежно он их тогда, перед арестом, спрятал.

Ахлюстин, услышав чьи-то шаги, перестал ходить взад-вперед по комнате и чуть приоткрыл дверь.

На пороге стоял Заремский. Он был бледен, губы подрагивали. Оглянувшись, юркнул в каптерку, толкнул хозяина плечом.

— Что случилось? — раздраженно спросил Ахлюстин.— Я тебе запретил здесь появляться.

Заремский сел на табуретку и обреченно махнул рукой. Пытаясь перевести дух, он то и дело затравленно косился на дверь.

— Хватит дергаться,— Ахлюстин повысил голос.— Говори толком, что стряслось? Почему удрал из Перми?

— Боязно стало. Не нравится мне та история на вокзале. Оставил записку, тетка будто серьезно заболела, и бегом на проходящий.

— Сам ты тетка, трус! — бросил механик.

У самого на душе кошки скребут, а тут еще этот хиляк со своими переживаниями.

— ...и парня, который у меня портфель рванул, я сейчас в вашем гараже увидел,— продолжал Заремский.

— Постой, постой,— насторожился Ахлюстин.— Какого еще парня? Какая история?

Александр сбивчиво, но с подробностями рассказал о происшествии на вокзале.

Механика мигом прошиб ледяной пот. Он понял все.

— Парень сейчас тебя заметил, узнал?

— Нет, я сразу за колесо присел. Но почему он тут разгуливает, его же должны были посадить?

— Взяли, наверное, подписку о невыезде,— медленно усмехнулся Ахлюстин, раздумывая, как теперь отделаться от этого пижона, растерянно моргающего редкими ресницами. Дальше Заремский будет только помехой...

— Ты уверен, что за тобой не следили по дороге сюда?

Заремский недоуменно нахмурил густые брови.

— Конечно. Я на такси приехал.

— Ладно,— сказал механик.— Беспокоиться не о чем. Навести свою родственницу и отправляйся обратно в Пермь. Если тебя вдруг задержат и начнут справляться обо мне — ничего не знаешь. Мы познакомились случайно в ресторане: я поинтересовался дефицитным инструментом и дал тебе взаймы червонец. Понял?

Заремский кивнул.

— Теперь уходи,— бросил Ахлюстин, поднимаясь с табу-

рета.— Постарайся этому южанину снова не попасться на глаза.

Выждав пару минут, Ахлюстин тоже вышел из каптерки. Ни Шлындакова, ни Соловейчика видно не было. Он услыхал прерывистое чихание мотора: очевидно, кто-то пробовал заводить машину, а она не поддавалась.

— Резче крути, Серега! Резче! — Ахлюстин узнал хрипловатый голос Шлындакова.— Чуешь, уже схватывает.

Сергей, свободный от дежурства, с утра приехал в гараж по просьбе Плотникова. Так, на всякий случай. Мало ли какие обстоятельства возникнут. А то эти «горячие головы», Яша с Семеном, опять могут выкинуть номер вроде портфеля.

Автомобили в гараже стояли радиаторами к воротам боксов. Механик обошел машины сзади и остановился у той, которую ремонтировал и теперь пытался завести Шлындаков. Его дружок, замеченный недели две назад Ахлюстиным, крутил вал заводной ручкой. В гараже было пусто, слесари куда-то разошлись.

— Ну как ты крутишь, салага! —беззлобно ворчал Семен.— Не обедал сегодня, что ли...

Сергей опять крутанул вал, двигатель чихнул, и все.

— Нет, с тобой, видно, каши не сваришь,— бросил Шлындаков, спрыгнул на землю и захлопнул дверцу.

— Да у тебя зажигание неправильно выставлено,— возразил Сергей.— Так мы до утра можем заводить.

— Много ты понимаешь,— протянул Семен.— Ладно, перекур. Я в гальюн сбегаю, а ты пока посматривай, как бы наш дорогой начальник куда не смылся.

«Еще один! Значит, уже засекли меня... Я «хвоста» на улице опасаюсь, а они вот, в гараже ко мне прилипли,— механик лихорадочно соображал, что делать.— Где же я ошибся? Когда?»

Впрочем, искать ошибку уже поздно. Пока есть возможность, надо уходить. В таких делах он не новичок, а надежные документы давно припасены. Уедет отсюда, и снова концы в воду. Хорошо, что все хранится в надежном тайнике за городом. Дома появляться опасно. Там уже могут ждать.

Мысли прыгали с одного на другое, а Ахлюстину стоило большого труда взять себя в руки. Потом он подумал, что незаметно выйти из гаража вряд ли удастся, да уходить пешком — потеряет много времени. Крайний ЗИЛ-130 заправлен под завязку и прогрет: пока хватятся, он будет уже далеко, ищи-свищи. Ахлюстин небрежно вышел из-за машины и встретился взглядом с Савиным. Сергей смотрел безразлично, без всякого интереса.

«Хитрит сопляк,— с ненавистью подумал механик,— да я хитрее».

Он побрел к ЗИЛу, заглянул в кабину. Ключ с брелочком торчал в замке. Механик по-хозяйски открыл ворота бокса,

потом постоял в раздумье и, сделав несколько шагов к Савину, добродушно улыбнулся.

— Что, не хочет заводиться? Садись в кабину, я крутану. У меня опыта побольше.

Он потянул за рукоятку, и Сергей отдал ее.

— Давай, давай, залезай в кабину,— торопил Ахлюстин, как бы примериваясь, чтобы половчее зацепить вал.

Савин повернулся к нему спиной, направляясь к кабине, и механик, мгновенно выпрямившись, ударил его железной ручкой по затылку. Сержант повалился назад. Ахлюстин руками толкнул его в смотровую яму. Савин упал мешком. Механик бросил на него валявшуюся поодаль телогрейку и вскочил в кабину. В то же мгновение он услышал топот, отчаянный крик, увидел яростное лицо бегущего Шлындакова...

Двигатель послушно взревел, и машина рванулась из бокса, едва не ударив крылом чудом увернувшегося парня. Морячок взвился вверх, ухватился за капот автомобиля и навалился телом на стекло. Рубашка и майка при прыжке выбились из брюк, и Ахлюстин видел перед собой голый живот Шлындакова. Механик выругался, резко затормозил, но морячок удержался, царапая ногтями гладкую крышу кабины. Механик рывком бросил машину вперед, и Шлындаков стал медленно сползать.

Во двор въехала бежевая «Волга». Распахнулись дверки. По выражению лица мужчины, уверенно вышедшего первым из машины, Ахлюстин понял, что это приехали за ним, и направил ЗИЛ к выездным воротам. Терять уже было нечего. Таран так таран.

Гостев выхватил пистолет и, бросившись к грузовику, выстрелил сначала по переднему, потом по заднему баллону. Зашипел, вырываясь из пулевых отверстий, воздух, автомобиль грузно оседал набок, но продолжал медленно двигаться.

Гостев прыгнул на подножку, протянул руку, пытаясь вырвать ключ зажигания. С другой стороны вскочил на подножку Плотников и потянул на себя дверцу. Вмиг обессилевший механик отвалился на спинку сиденья.

Семен, соскочив с капота, бросился в гараж.

— Сергей!

Павел Антонович, чувствуя, как холодеет сердце, побежал за ним. Шлындаков прыгнул в смотровую яму, сбросил с сержанта промасленную телогрейку, низко нагнулся. Потом поднял голову:

— Дышит!

Пока не приехала «скорая», Плотников не мог найти себе места, с болью глядя на распластанное тело Сергея. На угрюмо стоящего поодаль Сазонова старался не смотреть.

— Все обойдется, Павел Антоныч,— успокаивал его Гостев.— Организм молодой, выдержит. Меня однажды так стукнули, что все уже на тот свет проводили, а я сейчас стометровку на первый разряд бегаю.

Плотников хмуро кивнул, но ничего не ответил.

Из фургона с красным крестом выскочили санитары с носилками, внесли Сергея в машину.

— Я поеду с ним,— сказал Плотников.— Тебе Шлындаков поможет.

Гостев, секунду подумав, понимающе коснулся плеча инспектора, и они вдвоем повели матерого преступника к «Волге».

У Сазонова дергалось веко, и он ничего не мог с этим поделать. Он говорил много, бессвязно, перескакивая с одного на другое. Не хитрил, не изворачивался. Видно, в нем что-то надломилось.

После побега из колонии Сазонову удалось затаиться. Он набрел в тайге на домик охотников-промысловиков и отсиделся там, сменил одежду. Потом решил идти дальше и попал в Юргу. Здесь случай свел его с парнем, ехавшим в отпуск. Это была неслыханная удача: вышкарь был навеселе и по-детски доверчив. А Сазонову так кстати была пухлая пачка купюр. Все остальное было делом техники, парень ничего и осознать не успел. А Сазонов спрыгнул с поезда и ушел в тайгу, держась, однако, вблизи железной дороги, чтобы не заблудиться. Спустя двое суток он залез в товарный состав, идущий на запад... Добравшись до города, где был осужден, Сазонов забрал припрятанные до ареста деньги, в поезде выкрал у соседа по купе документы и два года ездил по стране, выдавая себя за командированного. Нигде подолгу не останавливался, выжидал, когда о нем мало-помалу забудут. Наконец решил осесть и жить, как все нормальные люди. Работу он нашел в гараже строящегося химкомбината и там же устроился в общежитие. Со временем рассчитывал найти себе подходящую дамочку с жилплощадью и жениться. О своем прошлом Сазонов старался не вспоминать и постепенно убедил себя в том, что никакого бежавшего преступника Сазонова никогда не существовало, а есть только механик Ахлюстин. Однако страх разоблачения нет-нет да и заставлял его вскакивать ночью с койки. Да и натура давала себя знать, как ни пытался забыть все. Однажды в кафе он оказался за одним столиком с молодым парнем. Тот пил портвейн и жаловался на нудную работу и вечную нехватку денег. Уже в тот вечер Сазонов подумал о том, что без сообщника ему не обойтись. Мало ли каким боком повернется жизнь в дальнейшем. На крайний случай были нужны партнер и квартира вне подозрений. Мелкую, жадную натуру Заремского Сазонов раскусил сразу и потихоньку приручил парня к себе денежными подачками. Говорил, что очень одинок, жена его бросила и уехала вместе с сыном. Глуповатый наладчик клюнул на приманку и изредка называл Сазонова батей. Со временем Заремский назанимал у новоявленного родственника столько денег, что с ужасом думал о том дне, когда «батя» его вдруг разлюбит и потребует долг. Вместо

этого механик предложил Заремскому купить кооперативную квартиру. Узнав, что в одном из домов освобождается квартира, механик обнаружил жуликоватого члена правления и дал взятку. Так Заремский стал владельцем однокомнатной квартиры, а когда в ней развлекался «батя», наладчик ночевал у случайных подружек. Квартира была нужна Сазонову не только для свиданий. Под этой крышей в случае опасности механик мог какое-то время скрываться, поэтому он пользовался ею крайне осторожно.

...Угроза возникла неожиданно. Сазонов несколько раз в коридорах общежития сталкивался с парнем, который его слишком пристально разглядывал. Парень был совершенно незнаком механику. Сазонов подумал, не отбывали ли они срок в одной колонии, и деликатно навел справки. Предположение не подтвердилось — Сабинин в заключении не был. Вскоре все разъяснилось. Сварщик сам подошел к нему и сказал, что есть разговор. Без свидетелей. Сабинин объяснил механику, что подозревает его, описал давнюю историю в Юрге и сказал, что придется дать милиции объяснения. Пусть в милиции разберутся, кто виноват в гибели парня...

Ошеломленный Сазонов сказал, что Роман чокнулся и, хотя, «видит бог, он ни в чем не виноват», готов дать показания в милиции. На том и расстались...

В том, что возникшего свидетеля необходимо уничтожить, Сазонов не сомневался ни секунды. Явка с повинной обрекала его на длительное пребывание в колонии. Снова удариться в бега — значит, признать убийство вышкаря и дать милиции свежий след. Применение ножа или молотка Сазонов отверг сразу: такие преступления распутывались быстро. Тем более Сабинин наверняка настороже, врасплох его не застанешь. Механик остановил свой выбор на «несчастном» случае. Но организовать такое на стройке трудновато: много народу. Сазонов узнал, что Роман ездит на «Москвиче», и это навело его на мысль об аварии.

Через несколько дней он случайно услышал, что Роман должен к четырем часам дня везти сестру в аэропорт. Такую возможность нельзя было упускать, и он поехал к Заремскому. Он не стал объяснять тому суть дела. Только сказал, что хочет малость проучить одного человека. Александр сразу сообразил, что моральные издержки «батя» ему неплохо возместит, записал номер сабининской машины и заверил, что сделает все, как договорились. Ему следовало в аэропорту отрекомендоваться Роману корреспондентом московской газеты и напроситься в попутчики. На горке перед спуском к карьеру Заремский должен сделать вид, что ему стало плохо, остановить машину у километровой отметки и выйти. Что будет дальше, не его забота... Если же Заремскому не удастся сесть в машину к Роману или тот будет не один, Александр наймет такси, обгонит Сабинина и предупредит «батю». Тот будет ждать за деревьями у километрового столба...

Гаражная сторожиха болела уже несколько дней, а ключи у механика были свои. В субботу около трех Сазонов пришел в гараж, завел ГАЗ-51, отцепил тросик спидометра и отправился к условленному месту. Потом загнал машину в лес и стал ждать. Ждать пришлось долго, и он несколько раз запускал двигатель, чтобы согреться. Когда стемнело, вдали наконец показались габаритные огни «Москвича». Подъехав к столбу, машина остановилась на обочине. Из машины вылез Заремский, подошел к кювету, схватился за живот и нагнулся. Следом вышел Сабинин, не зная, как помочь попутчику. Механик, подскочив к Сабинину со спины, ударил его кастетом по голове. Оглушенный Сабинин покачнулся, но не упал, и механик втолкнул его в кабину. Потом Сазонов посмотрел в заднее стекло. На шоссе было пусто. Он достал из кармана четвертинку водки, запрокинул Сабинину голову, раздвинул горлышком зубы и влил водку. Подождал, пока тот сделал судорожный глоток, затем обыскал карманы, забрал водительские права и техпаспорт на машину, решил, что могут пригодиться. Сабинин сидел за рулем, безжизненно опустив голову.

Трясущийся от ужаса Заремский хотел что-то сказать, но механик прикрикнул на него, велел подойти, и тот покорно подчинился. Они толкнули неуправляемый «Москвич» с оглушенным водителем под гору, к повороту у карьера...

Потом выждали, пока пройдет идущий в сторону города автомобиль, и вырулили из леса...

Последние дни мая выдались на редкость жаркими. С самого утра начинало парить так, что люди с надеждой всматривались в небо: вот-вот загремит и прорвется на иссохшую землю желанный дождь. Но дождя все не было, стояла упорная, всем опостылевшая жара...

Плотников, сдвинув на затылок фуражку, то и дело промокал лоб платком. Влажная от пота майка противно прилипала к лопаткам, но Павел Антонович так и не решился расстегнуть верхнюю пуговицу форменной рубашки. Ничего не поделаешь, приходится терпеть — порядок есть порядок. И внешний вид инспектора должен дисциплинировать водителей.

Старший лейтенант стоял подле будки и по-хозяйски посматривал на пролетавшие мимо автомобили. Машины вспарывали висевший тугой завесой зной, создавая ощущение легкого ветерка, но зато оставляли после себя угарный запах отработанного бензина.

Инспектор посмотрел на циферблат часов и отметил про себя, что, если поезд не запаздывает, Сергей с минуты на минуту должен встретить свою Наталью и привезти ее на квартиру к нему, Плотникову. Павел Антонович сам настоял на том, чтобы Сергей, выйдя из больницы, вызвал жену. Поживут пока у него. Стеснить не стеснят, а втроем будет веселее...

Скрипнули тормоза. Из кабины высунулся водитель.

— Салют, инспектор! — крикнул он.— На тридцатом километре «Жигуль» за кюветом на крышу встал.

— Пострадавшие есть? — хмурясь, спросил Плотников.

— Нет. Ремни спасли. Он на обгон пошел, а навстречу самосвал. Деваться некуда, в поле и прыгнул.

— Ладно, что столкновения избежал,— вздохнул старший лейтенант и завел мотоцикл.

Синенькие «Жигули» беспомощно стояли вверх колесами. Выпавшее переднее стекло с паутиной трещин поблескивало в траве. Длинный парень в ковбойке разглядывал с убитым видом свой автомобиль. На локте у него багровела ссадина. Блондинка с растрепанными волосами, возбужденно жестикулируя, что-то отчаянно ему выговаривала.

Плотников подрулил к ним.

— Прижгите йодом,— бросил он водителю, показывая на локоть, и внимательно посмотрел на женщину. Она умолкла, скрестив руки на груди, отвернулась.

«Так-то лучше,— подумал инспектор.— Чего сейчас без дела шуметь? Парню и так тошно, хотя и повреждения вроде небольшие. Ошибся в расчете, не оценил дистанцию и наказал сам себя. Повезло еще, что не покалечились».

Плотников вздохнул. И когда же люди наконец научатся владеть машинами? В современном автомобиле все продумано до тонкостей, умей только правильно пользоваться, держи его в руках.

Составив протокол, Плотников остановил куда-то неспешно и одиноко идущий автокран и вернулся к водителю «Жигулей».

— Хватит переживать,— посоветовал старший лейтенант.— Сейчас мы твой автомобиль на ноги поставим. Только давай договоримся — больше на крышу не приземляться.

Поставив машину, Плотников отпустил кран, сел в кабину «Жигулей» и, выехав на шоссе, тормознул. Машина была послушна.

— Все в порядке,— заключил Плотников, вручая ключи владельцу.— Сам поедешь на экспертизу или руки дрожат?

Парень неуверенно пожал плечами.

— Доберешься! — веско произнес Плотников.— Сейчас уже опыт есть. Попусту рисковать не будешь. Я впереди буду.

Синенькие «Жигули», выпустив белое облачко дыма, осторожно побежали по шоссе.

Холодная капля коснулась лица инспектора, и Плотников удивленно вскинул голову. Прямо над ним зависла огромная туча, воздух сразу посвежел, запахло мокрой травой и листьями. Дождь постепенно разогнался, щедро промывая пыльное шоссе. Плотников с наслаждением вздохнул полной грудью и обернулся. «Жигули» шли следом. «Урал» нес своего хозяина к горизонту, туда, где, казалось, кончается извилистая лента трассы. Но Плотников знал: конца у этой дороги нет...

ВЛАДИМИР ПЕЧЕНКИН

ЮВЕЛИРНАЯ РАБОТА

Повесть

1

— Вставайте, Женя, десятый час уже.

— А? Ну и что? Я же в отпуске, Вера Игнатьевна, могу спать, спать...

— Женечка, так весь отпуск проспите.

— Нет, это я только в поезде. Вот приеду на Черное море, заведу себе бессонницу. Днем буду купаться, загорать. А ночью сидеть на берегу — знаете, где-нибудь на скале, смотреть на морские дали под луной, слушать прибой, соловья...

— И нежный шепот?

— А что? — улыбнулась Женя лукаво.— Незамужним можно.

Она сладко потянулась, приподнялась на локте и посмотрела в окно. Скорый № 13 «Хабаровск — Москва» мчался по сибирским просторам. На неподвижном голубом фоне июльского неба сливались в сплошную полосу солнечно-зеленые вершины сосен.

— До Байкала далеко еще?

— Ну, до Байкала вам все равно не доспать. Вставайте, чай принесли, остынет.

— Пусть, я горячий не люблю.

Она еще зевнула, потянулась и рывком села в постели.

— Встаю, уговорили. Умываться все еще очередь?

— Давно все умылись.

Женя нащупала ногами босоножки. Вскинув тонкие бровки, приоткрыв рот, посмотрелась в дверное зеркало.

— Ой, какая встрепанная! — Запахнула пижаму и озабоченно глянула на верхние полки: — Попутчики наши где?

— Завтракать ушли в ресторан.

Девушка нагнулась, придерживая одной рукой длинные черные волосы, вытащила из-под сиденья большую хозяйственную сумку, расстегнула замок «молнию». На смятые простыни выложила полотенце, коричневую дамскую сумочку, потрепанную книжку, мыльницу, недовязанный коричневый шарф с пластмассовыми спицами.

— Какая красота у нас! — глядя в окно, сказала Вера Иг-

натьевна.— Всю жизнь вижу — и не могу наглядеться. Посмотрите, Женя, вон там ручеек в зарослях...

— У нас, в Магадане, природа не хуже,— ответила девушка, отыскивая что-то в сумке.— У нас знаете как... И куда я подевала зубную щетку?

Вера Игнатьевна повернула к ней седеющую русую голову.

— Сразу видно, Женечка, вы патриотка Магадана — захватили на южный берег горсть северной магаданской земли.

— Какой земли?

— Да вот же,— Вера Игнатьевна собрала с простыни щепотку песка.— Интересный какой песок. Это у вас такой речной? Или у моря?

Женя замерла над ее ладонью.

— Это же золото, россыпное золото! Откуда оно у вас, Вера Игнатьевна?

— У меня? У вас, Женя, с вашего вязанья просыпалось на простынь. Такое вот оно и есть, золото? Вот никогда бы не подумала. В самом деле, откуда оно у вас?

— Н-не знаю... Честное слово, не знаю! Я его видела, только когда на экскурсию ездила, на прииск, нам показывали.

— Но оно из вашей сумки,— голос Веры Игнатьевны утратил добродушные нотки.

— Клянусь вам, не знаю, как оно туда...— Девушка испуганно смотрела, как Вера Игнатьевна приподняла недовязанный шарф — с него упало еще несколько тяжелых рыжих песчинок.

— Странно. Так вы работаете на прииске?

— Нет же, нет, в самом городе, в Магадане, медсестрой в поликлинике! В городе нет приисков! Вера Игнатьевна, голубушка, не говорите никому, пожалуйста...

— Наоборот, вы должны немедленно заявить об этой находке.

— Ой, что вы! Знаете, как с этим строго!

— Тем более. Идите сейчас к начальнику поезда.

— Но я, Вера Игнатьевна, в самом деле ничего не знаю, не брала никакого золота! Представляете, начнут разбираться, задержат, ой... И тогда пропала моя путевка, в другой раз ведь не дадут на юг. Нет, я же не виновата!

Вера Игнатьевна аккуратно завернула щепотку песка в газетный обрывок.

— Как знаете, Женя. Я сама пойду.

— Подождите... Ой, ну надо же! Откуда? Вы думаете, я украла?

— Если не виноваты, так чего же боитесь?

Они притворили дверь купе и пошли по коридору, впереди Вера Игнатьевна, за ней удрученная Женя. У поднятых окон стояли и курили мужчины, украдкой поглядывая им вслед.

Рыженькая девчонка-проводница насупилась:

— Зачем вам начальник поезда? Плохо вас обслужили, да?

— Хорошо обслужили. Мы не собираемся жаловаться. Но дело очень важное. В каком вагоне едет начальник?

Теперь уже в девчонке заговорило любопытство.

— Какое важное дело? Насчет чего?

Вера Игнатьевна сдвинула строго брови. Девчонка хмыкнула, пожала узкими плечиками: «Ну и не надо. Подумаешь, секреты!», и пошла с ними искать начальство.

Нашли. Пожилой усач пил чай в служебном купе девятого вагона.

— Тут вас пассажирки спрашивают,— скромно доложила рыженькая. Усатый отставил недопитый чай и надел форменную железнодорожную фуражку.

— Слушаю вас, гражданочки.

Вера Игнатьевна выжидающе молчала. Усатый уловил в ее молчании значительность дела, кивнул проводнице, чтоб вышла.

— Пож-жалуйста,— вздернула та плечики и удалилась.

— Так я вас слушаю, гражданочки.

Слушал и теребил усы.

— Так, понятно. Только я ничего не понимаю. Оно, это... не ваше, стало быть?

— Ну честное слово!

— Успокойтесь, гражданочка. Идите себе в купе, и никому ничего... Пакетик пока у меня оставьте, сохранно будет, не беспокойтесь. Так не ваше оно? М-да...

2

— Вас приглашают к начальнику поезда,— заглянула в купе проводница. Женя вздрогнула.— И ту, другую, тоже. Может, скажете, что у вас случилось? Ну-ну, молчу.

В купе начальника их встретили двое — молодой мужчина в голубой открытой рубашке и худощавая пышноволосая блондинка в синем простеньком платье. Обыкновенные такие мужчина и женщина. Поздоровались, сообщили, что они работники милиции. Паспорта полистали. Расспрашивают, как же, мол, вышло, что в сумке хозяйственной такое месторождение открылось.

— Вы, Ивлева, подумайте, вспомните, давали вы кому-нибудь сумку, ну хоть просто подержать? Не давали. Ваше предположение? Откуда могло взяться золото? — Мужчина тронул пальцем стоящую на столике сумку. Вынутые из нее вещи лежали рядом с газетным обрывком, на котором желтели песчинки. Женя молчала, спрятав лицо в ладони. Вера Игнатьевна все порывалась что-то сказать Жене, но не решалась, вздыхала только.

— Не знаю, надо ли об этом...— Женя подняла наконец

голову и посмотрела на пышноволосую. Та кивнула: надо.

— Может, я ошиблась, не он это...

— Кто?

— Один кавказец.

В аэропорт Женя Ивлева приехала за целый час до регистрации билетов. Ну как же: путевка в сочинский пансионат! Ведь никогда не бывала на юге, не видела Черного моря. Только Охотское. Конечно, оно тоже очень красивое, но не юг.

Вот она и примчалась на такси. И сидела в зале. Пыталась читать — не читается. Вязать шарф — не вяжется. На часы все посматривала — скоро ли. Тут и подсел к ней кавказец. Грузин? Может, и грузин. Шутил, смеялся, хвалил Кавказ, море, пугал нелетной погодой — в тот день стояли над Магаданом тучи и дождик побрызгивал. Кавказец прилетал к другу, но разминулся — друг как раз получил отпуск и улетел домой на Кавказ. Женя смеялась его шуткам, забавному акценту, веселым полуслучаям-полуанекдотам. И время пробежало легко, незаметно. Если вылет в самом деле не отменят, скоро должны объявить регистрацию билетов. Когда Женя об этом вспомнила и сказала, веселый кавказец спохватился, что ему ведь надо еще чемодан в камере хранения получить. Пошел было за чемоданом, но сразу вернулся и попросил Женю положить пока в ее сумку небольшой сверток — «понимаешь, рыбу купил. На Кавказе все есть — такой рыбы нет. Магазин «Океан» в Сочи знаешь? Не знаешь? Там все есть — такой рыбы нет. Купил, хорошая закуска! Кавказское вино, магаданская закуска — совсем хорошо будет! Таскать надоело, клади себе, пожалуйста». Женя улыбнулась, расстегнула «молнию» сумки, и кавказец сам сунул туда свой матерчатый сверток и сам застегнул «молнию».

Тут объявили ее рейс, и Женя встала в очередь на регистрацию. Уж она сдала свой чемодан в багаж, уж посадку объявили, когда прибежал кавказец. В самолете место Жени было в хвостовом салоне, а кавказец сидел она не видела где. За свертком не подошел. Забыл, наверное. Только в Хабаровске, когда все вышли из аэропорта на автобусную остановку, он появился перед Женей — «совсем забыл, давай мою рыбу, пожалуйста!».

А потом она приехала на железнодорожный вокзал, оставила вещи в автоматической камере хранения и долго гуляла, смотрела Хабаровск. Ну а потом села в вагон, поехала. В сумку, кажется, не заглядывала до сегодняшнего утра. Ой нет, открывала — доставала сумочку, вот эту, коричневую, дамскую, в ней деньги. Но вязанья не трогала. Вот и все.

— Кавказец назвал имя?

— Сказал, что зовут Гришей.

— Где вы расстались? В хабаровском аэропорту? Он тоже ехал в автобусе?

— Нет, пошел в здание аэровокзала.

— Больше его не видели?
— Нет. Хотя мне показалось...
— Что?
— Когда садилась в поезд, будто он мелькнул на перроне. Но может быть, показалось только, совсем другой то был кавказец, не Гриша. Народу много было.
Женя рассказывала и смотрела на пышноволосую женщину. А та кивала ей: так, понимаю, продолжайте. И все записывала.
— Вы полагаете, Ивлева, что золото в вашей сумке из того свертка?
— Право, я не знаю... Откуда-то оно все же взялось.
— Каков из себя ваш случайный знакомый?
— Ну, черный он, брюнет. Веселый такой. Смуглый. Словом, кавказец. Грузин или...
— И это все, что вы запомнили?
— Я же не знала, что... Вы мне не верите, да?
Пышноволосая сказала:
— Поймите, Евгения Викторовна, никто из нас не видел ведь Гришу, видели только вы. Вы и постарайтесь как можно точнее вспомнить приметы. Рост, приблизительный возраст, в чем одет, особые приметы.
— Рост? Немножко он меня выше. Правда, у меня еще каблуки. Лет, я думаю, около тридцати. Вежливый. Костюм... светло-серый, сшит хорошо. Галстук тоже серый, скромный. Кольцо? Не заметила. Татуировки тоже. Не присматривалась, не знала, что надо будет. Сидит, смешно говорит, ну и все.
— Как же вы согласились взять на хранение у незнакомого человека неизвестно что? — это опять мужчина спросил.
— Он сказал, что там какая-то рыба, так отчего ж... И не на хранение. Он сказал — надоело таскать в руках.
— Что можете добавить к сказанному?
— Н-ничего. Я правду вам, честное слово! Подписать? Хорошо. Где? Нам можно идти? Да-да, понимаю, никому ничего.

3

— Что скажешь, Чепраков?
— Скажу, что на это золото нас сам черт нанес. Тихомирно ехали в глубинную заготконтору разбираться в хищениях разных там овощей — и вдруг такой фрукт! Воздушная золотоискательница! Оно все бы ничего, да фрукт-то не наш: передадут дело магаданским коллегам. Жаль даже. Приходилось изымать кольца, серьги, часы, но в таком невзрачном виде золото в первый раз встречаю. А что думает старший следователь Юленкова?
— Думаю, во-первых, что раз овощное дело закончено, так почему бы не заняться «южным фруктом»? Во-вторых,

хоть дело и передадут магаданцам, но начинаем-то мы. Так что, Алеша, давай не вообще, а по сути.

— Ты полагаешь, что кавказец Гриша на самом деле существует?

— А ты не веришь? Вот и проверил бы.

— М-м... Что ж, можно. Пойду по вагонам прогуляюсь.

— Состав длинный — до вечера гулять будешь.

— Для первой прогулки купейных и мягких достаточно. Если есть Гриша, то у него есть деньги, и зачем ему маяться такую даль в общем вагоне? Это если Гриша существует и едет в этом поезде, а не воспользовался, например, услугами Аэрофлота.

— О, Аэрофлот — это сервис! Быстро и удобно. Одна нехорошая черта — пишет фамилии на билетах. Не каждый Гриша любит оставлять следы...

— Тем более если Гриша вообще существует.

— Ты сомневаешься в его существовании?

— А ты не сомневаешься в правдивости Ивлевой?

— Все может быть. Но Ивлева сама заявила.

— Не очень сама, попутчица заставила. Но все может быть, как сказала только что старший следователь Юленкова. Так я пойду пройдусь.

Час спустя начальник поезда сурово отчитывал проводницу шестого вагона:

— Сведения о свободных местах дали сами, так почему не можете разместить?

Проводница оправдывалась:

— Их размещаешь, а им все не ладно! Не нравится — пускай идет в другой вагон. В этом купе все места заняты, вы же сами видите.

Из-за спины начальника в купе заглядывал пассажир, которому и требовалось место. А еще за ним скромно жалась к стенке и теребила складной зонтик пассажирка в курортной шляпе с обвисшими полями.

— Нет так нет,— миролюбиво сказал пассажир.— Поищем в другом вагоне.

Начальник развел руками: сами видите, некуда здесь. Проводница ворчала им вслед:

— Диспетчера напутают, а мы отвечай! Вечно мы в ответе!

Трое обитателей купе равнодушно отвернулись, а четвертый, жгучий брюнет с горбатым носом, посоветовал:

— Не нужно сердиться, дэвушка, цвэт лица портится, характер портится.

Проводница ответила, что на такой работе не то что цвет лица — голову потерять можно.

Подобная дорожная неувязка повторилась в соседнем вагоне, где тоже, между прочим, ехал черноволосый мужчина в сером костюме. Потом все снова еще в одном купе, где

вообще-то было свободное место, но пассажир закапризничал, не захотел лезть на верхнюю полку.

Зато в вагоне номер десять, только подошли к раскрытому настежь купе, пассажирка тихо ахнула. Начальник стал было распекать очередную проводницу, но его вежливо перебил пассажир:

— Вот же свободная полка.

— Да-да, располагайтесь,— подхватил начальник поезда, глянув мельком на очередного кавказца, который сидел с картами в руках, и увел недовольную проводницу, объясняя ей вполголоса, что данный пассажир из начальства, едет по служебному литеру и что спорить с ним лучше не надо.

— Вы не ошиблись? — шепотом спросил Чепраков за дверью купе. Женя покачала головой.— Хорошо, идите к себе.

— Приветствую моих искусственных спутников! — улыбнулся Чепраков, входя в купе и забрасывая чемодан на багажную полку.— Знаете, есть такой анекдот. Наш спутник-лунник подлетает к Луне, направляет телескопы и говорит: «Вы позволите с вами познакомиться?» А Луна ему: «Настоящий мужчина при лунном свете лишних вопросов не задает».

Анекдот получился не ахти какой, притом явно устаревший. Лысый толстяк вообще не расслышал. Моложавый представительный товарищ изобразил улыбку. Но кавказцу про настоящего мужчину понравилось.

— Хорошо сказал! При лунном свете, да? Садись, дорогой, четвертым будешь, со мной партнером будешь.

Рассказывали анекдоты. Спорили, какая в Москве самая «удачливая» гостиница — где бывают места. Доспорились, что все гостиницы в Москве «удачливые» и мест нигде нет. Снова уселись за «подкидного».

Алексей с хлестом покрыл тузом короля.

— Таких у вас больше нет? Тогда мой ход. Получайте очередное звание! — Он пришлепнул на плечи противников по карте «восьмерке». Моложавый товарищ огорченно улыбался, толстяк сердился и тер покрасневшую лысину. Кавказец темпераментно хохотал.

— Слуш, до Москвы генералом сделаем! Молодец, Альоша! Ну, дорогой, сдавай карты!

— Хватит,— сказал Чепраков.

— Почему хватит, слуш?

— Видишь, они сдавать утомились. Пойду курить. А то в купе дыму — как в заводской трубе.

Он щелкнул портсигаром и вышел. В конце коридора скучающе смотрела в окно Юленкова. Алексей прикурил, состроил на лице улыбочку дорожного ухажера и этаким мелким бесом подсыпался к ней.

— Скучаете, девушка?

— Скучаю. А тебе, оказывается, в карты везет.

— Толковый партнер попался, ходы запоминает и жульничает аккуратно.

— А еще чем хорош твой партнер?

— Больше ничего существенного. Зовут не Гриша, а Гурам. Похоже, что едет один, за полдня никто к нему не подходил. Едет на Кавказ, а откуда — помалкивает. Чемодан его на багажной полке слева, на виду, желтый, фибровый, потертый. Утром в ресторан ходили сначала его попутчики, он вызвался постеречь купе. Двое других сели в поезд ночью, в Облучье. Наташа, что, если дать ему возможность передать «груз»? Мы с ним почти приятели...

Юленкова сердито сдвинула тонкие брови, отодвинулась.

— Твой партнер соскучился...— Из купе высунулась черная голова Гурама.— Иди играй. Желаю тебе козырных тузов.

— Мерси, но я предпочитаю козырных дам. Вы какая дама? Бубновая? Мне всегда везет на буби-козыри.

— Ах, отвяжитесь! Нахал! — Юленкова оттолкнула руки Алеши, фыркнула и демонстративно удалилась в другой вагон. Гурам белозубо ухмылялся, подмигивал.

— Слуш, кому в карты везет, тому с девушками не везет. Цх, какой хороший девушка ушла! В каком вагоне едет? Хочешь, я с ней поговору?

— Я сам не глухонемой.

Алеша юркнул в тамбур за Юленковой. Она ждала.

— Я успела связаться с Читой в Ушумуне, там десять минут стоянка. Объяснила, что есть преступление. Возбуждено уголовное дело. Санкцию на обыск дали, и нам навстречу едет Кравченко, сядет в поезд завтра на станции Карымской. Обыск проведем к дому ближе, перед самой Читой, чтобы пассажиров не будоражить. В Чите будем в 14.30, наши встретят. Иди играй. За Ивлевой я присмотрю.

4

Кравченко вошел, неторопливо задвинул дверь, повернул защелку и обвел взглядом удивленных его вторжением игроков. Круглолицый, с ленивыми карими глазами, с выгоревшим русым чубом из-под мятой шляпы, похож Федор Кравченко на колхозного бригадира. Буднично, словно в сельсовет пришел, поздоровался:

— Здравствуйте, граждане.

— Вы же видите, здесь все места заняты,— недовольно проворчал лысый толстяк.

— Это ничего. Я, видите ли, инспектор уголовного розыска. Вот удостоверение. А теперь ваши документы предъявите.

Появление инспектора угрозыска было столь внезапным, что игроки так и сидели с картами в руках еще некоторое время. Первым зашевелился, замахал руками Гурам:

— Слуш, зачем? В подкидного нельзя играть, да?

— Пожалуйста. Но сначала документы прошу.

— На, смотри скорей, играть не мешай! — Гурам потянулся к висевшему над его полкой серому пиджаку.

— Минуточку,— отстранил его Кравченко. Сам проверил карманы пиджака, достал бумажник, а из него паспорт.

— Что делаешь! — закричал Гурам.— Почему карман лезешь!

— Минуточку.— Кравченко полистал паспорт, вписал фамилию в постановление на обыск.— Гражданин Адамия, вы подозреваетесь в незаконной перевозке ценностей. Советую отдать их добровольно.

— Слуш, какие ценности! Что хочешь? Зачем такие слова говоришь?

— Не желаете? Тогда ознакомьтесь с постановлением на обыск и распишитесь. А вас, граждане, прошу поприсутствовать в качестве понятых.

Моложавый привстал:

— Позвольте, но я не умею... Впрочем, если необходимо...

Толстяк молча кивнул.

Гурам больше не спорил. Лицо побледнело под загаром, черные глаза сузились и заблестели.

— Которые вещи ваши, Адамия?

— Пиджак ты щупал, чемодан там, ищи...

Кравченко снял и положил на столик желтый чемодан Гурама. Но тут в купе постучали. Кравченко высунул голову в коридор, а потом и совсем вышел, прикрыв дверь.

— Почему! — вскочил Гурам.— Что хочет? Что ищет?

Понятые опустили глаза и завздыхали.

— Мда, странно, знаете ли...— промямлил моложавый.

Алексей шепнул кавказцу:

— Может, наркотик везешь? Давай мне, пока...

— Слуш, какой наркотик! Полотенце везу, грязный трусы везу, больше ничего не везу! Пусть смотрит трусы, мне не жалко. Но почему?

Вернулся Кравченко и с ним сотрудник в штатском.

— Не шумите, Адамия,— сказал Кравченко.— Вы бы сели, а то мешаете тут.

— Пож-жалуйста!

Кравченко начал обыск с внешнего осмотра чемодана. Тем временем его сотрудник вполголоса разъяснял понятым их обязанности и права, а понятые рассеянно кивали, наблюдая за действиями Кравченко.

Уловка Чепракова успеха не имела — Гурам ничего не хотел передать. Или нечего? Негодует вполне естественно. Алексей подумал, что и сам, если бы явились его, невиновного, обыскивать, кричал бы то же самое.

Кравченко работал деловито и неторопливо. Словно бы это его чемодан, и он проверяет, все ли взял в дорогу. Вынимал и раскладывал на сиденье полотенце, две нейлоновых белых рубашки, мыльницу с начатым бруском туалетного мыла, упомянутые Гурамом грязные трусы...

— Где ваш галстук, Адамия?

— Зачем нужен? Нет галстук, жарко.

— Да ведь он у вас был. Серый такой, под костюм. Потеряли? А для чего вам губная помада?

— Какой помада? Ты помаду искал, да? В Хабаровске купил, жене везу.

— С рук купили?

— Зачем с рук? В магазине.

— Почему же она до половины использована? И вот еще пудреница.

Гурам покрутил головой.

— Цх! Слуш, ты мужчина, я мужчина. В командировку ты ездил? Женщин немножко встречал? Сам понимаешь, дорогой...

Да, ничего подозрительного в чемодане не нашлось. Разве помада вот да пудреница. Но и им дал Гурам объяснение, хотя и несколько аморальное, но и не уголовно наказуемое. Ошибка, что ли, насчет Гурама? Ивлева-то что же думала, давая показания, опознав его? Время хотела оттянуть? И сейчас ее уже нет в поезде? Вот был бы номер. Нет, там Наташа Юленкова начеку. Ладно, поглядим.

Гурам съязвил:

— Другой пиджак нет, другой чемодан нет, что будешь делать?

Кравченко ничего на это не сказал, словно не слышал. Так же невозмутимо и деловито осмотрел постель Гурама, прощупал матрац и подушку. И опять ничего не обнаружил. Положил подушку на место. Поправил одеяло и облокотился на полку, словно хотел отдохнуть, поднял мечтательно взгляд куда-то вверх, будто небо голубое над собой видит.

И тут Чепраков не заметил, а точно кожей, интуитивно почувствовал, как напряглось тело Гурама. Нет, не дрогнул, позу не изменил. А что-то в нем обострилось, встревожилось. Неизвестно, уловил ли это напряжение Кравченко. Но вынул он отвертку из кармана и полез на самый верх купе, к плафону электроосвещения. Понятые задрали головы. Гурам отвернулся и стал смотреть в окно, где бежала и бежала зеленая полоса под голубизной неба. Кравченко копался возле старомодного плафона и тихо сквозь зубы что-то такое насвистывал.

— О! — кто-то из понятых.

Из плафона Кравченко извлек матерчатый сверток, перевязанный крест-накрест серой широкой тесьмой. По тому, как прочно ухватилась его рука, можно было догадаться, что сверток довольно тяжел. Чепраков еле удержался, чтобы не вскочить, не принять «груз». Сделал это сотрудник в штатском.

— Тут у вас что? — лениво спросил Кравченко.

— Откуда знаю!

— Это ваше?

— Нет, конечно!

Кравченко спрыгнул вниз.

— Понятые, прошу вас подойти ближе.

Оказалось, это не тесьма, а галстук. Им была стянута желтая шелковая майка. Под майкой холщовый плотный мешочек. Когда Кравченко перевернул его, из маленького неровного разрыва рыжей струйкой пролились песчинки...

— Отдали бы уж сразу, Адамия. А то лазал я, лазал...

— При чем я! Много людей в купе ездил, теперь я еду, почему отвечать?

— Галстук ваш, Адамия. Не узнаете? И майка. Трусы в чемодане, майка в плафоне. Откуда золотишко?

— Не знаю никакой золото! Не хочу с вами говорить!

— Верно, вам теперь со следователем надо. Коля, поторопись с протоколом, скоро приедем.

5

— Понимаешь, Алеша, надо еще немножко поработать, некогда сейчас отдыхать, не время. Пока преступник не опомнился, не сочинил легенду сообразно условиям.

— Ты зачем так стараешься? Кажется, я и не заикнулся об отдыхе.

— Разве? Ну извини. Я не тебя — я себя уговариваю: домой хочется. Муж заждался, с Витюшкой замаялся...

— Минуточку, как говорит Кравченко. Давай так: я займусь этим клондайком, а ты иди домой. Все ж твое дело женское.

— Правильно, мое дело женское, поэтому я займусь Ивлевой. Ты бери на допрос своего партнера по картам. Потребуется — устроим очную ставку.

— Слушаюсь, товарищ старший следователь. А может, сбегаешь домой, Наташа? Гляди, запросит муж развод.

— Не запросит, он у меня умница. Начнем, Алеша.

Чепраков умылся холодной водой, съел бутерброд в буфете, запил горячим чаем. Поразмыслив, переоделся в форму — она висела в стенном шкафу кабинета. Позвонил, чтобы привели задержанного.

Адамия вошел и остановился понуро у самых дверей. Прошло не больше часа, как он был задержан, но исчез в нем прежний веселый кавказец Гурам, перед Чепраковым стоял подозреваемый Адамия, удрученный свалившейся внезапно бедой. Волосы взлохмачены, щеки успели пошершаветь иссиня-черной небритостью, как будто сутки провел он в камере.

— Подойдите, Адамия, садитесь.

— О! Альоша!

— Нет, Алексей Николаевич Чепраков, инспектор ОБХСС. Садитесь. Можете курить, вот сигареты. И давайте начнем.

— Слуш, я не виноват, ошибка получилась!

— Давайте по порядку. Назовите вашу настоящую фамилию. Имя, отчество, год и место рождения.

— Паспорт у вас, там все настоящее. Ну, Адамия Гурам Дмитриевич. 1940 года рождения. Не виноват я, товарищ... как нужно говорить?.. гражданин инспектор. Не виноват!

— Ну как же, Гурам Дмитриевич. В купе, где вы ехали, найдено один килограмм восемьсот тридцать два грамма промышленного золота. Оно содержалось в холщовом, порванном в одном месте мешке, завернутом в вашу, Гурам Дмитриевич, майку, перевязанном вашим галстуком. Понимаете, что при таких уликах отрицать вину бессмысленно? Ничего не остается, как давать правдивые показания.

— Конечно, дорогой... гражданин инспектор! Правдивые показания — я немножко виноват, совсем мало виноват. Мой майка, мой галстук, я честно говорю. Золото не мой! Откуда мог брать столько? Цх, я один, я два дня был в Магадане! Честно все расскажу.

Абхазец Гурам Адамия родился под несчастливой звездой. В жизни мало было удач, много неудач. Отец был хороший человек, уважаемый человек, очень честный. Он послал сына Гурама в Сухуми, сказал: «Ты молодой, тебе надо учиться». Гурам учился в институте. Но отец умер. Все родные плакали, знакомые плакали. Гурам очень горевал. Он ушел из института, стал работать. Потом умерла мать, и Гурам еще больше горевал. Ему стало тяжело в городе, где все напоминало об умерших. Он ездил в командировки в другие города. Зачем ездил? Немножко торговал колхозными фруктами. Колхозникам некогда торговать, они работают. Гурам не умеет работать в колхозе, он умеет хорошо продать урожай, честно торговать. Гурам женился и очень любил свою жену, красавицу жену. Но она плохо относилась к мужу, потому что Гурам честный человек, работал честно, зарабатывал совсем мало. Тогда он захотел уехать на Север, в Магадан, где, он слышал, платят много денег. Хотел привезти жене тысячу, две тысячи, три тысячи — смотри, какой хороший человек твой муж, он для тебя все сделает. В Магадан потому хотел, что там работал один знакомый, Махас Григорян. Полетел на Север. Но Махаса не нашел, потому что он получил отпуск и поехал домой отдыхать. Еще узнал, что на прииске тяжелая работа, зима страшная и можно заболеть и умереть. Гурам не хотел болеть и умирать. И вот он полетел домой, к жене. Будет жить дома, работать. Не надо ему больших денег. Зачем нужно деньги, если замерзнешь, умрешь на Севере!

— Где может быть сейчас Григорян?

— Откуда знаю? В отпуске, наверно. Деньги есть, хоть куда можно ехать.

— Адрес Григоряна, Адамия. Адрес.

— Как могу помнить? Знаю, в Гудауте, адрес не помню.

— Итак, Адамия, на Север вы ехали работать. Почему же нет при вас трудовой книжки?

— Книжка что такое? Бумага! Бумагу можно получать по почте.

— Хорошо, давайте ближе к делу. То есть ближе к золоту. Откуда оно у вас?

— Сейчас, сейчас, я расскажу.

В аэропорту Магадана он встретил красивую девушку, очень красивую девушку. Нет, Гурам любит свою жену. Но он мужчина... Он не может отказать, если его просит такая красивая девушка. Она просила провезти — как по-русски? — мешок, маленький такой мешок, тяжелый. Говорит: «Дам тебе сто рублей. Дам двести рублей. Вези, пожалуйста, до Москвы маленький такой мешок. Я девушка, я боюсь». Гурам честный человек. Но он добрый человек. Он сказал: «Давай твой мешок». Она сказала: «В Москве встречу». Гурам не знает, где сейчас эта девушка.

— Гурам Дмитриевич, в вашем бумажнике четыреста семьдесят рублей. Кроме истраченных на дорогу. Откуда такие деньги?

— Как буду без денег? В далеком таком месте, родных нет, знакомых нет, как буду без денег? Долго копил, кушал один хлеб, пил одну воду. Потом поехал.

— Девушка отдала вам обещанные деньги?

— Нет, слуш, нет! Сказала: «В Москве все отдам».

— Раньше возили краденое золото?

— Нет? Что такое везу — не знал. Думал, чепуха женская, побрякушки.

— Однако в плафон спрятали вполне квалифицированно.

— Испугался... В вагоне открыл чемодан, смотрел — мешок рваный, желтое в нем... Думал, куда прятать? Что делать? Плафон увидел, прятал. Испугался, гражданин инспектор.

— Откуда и когда вылетели в Магадан?

— Из Адлера, 9 июня.

— Где была пересадка?

— В Минводах посадка, в Магнитогорске.

— Где еще? Не можете вспомнить? Хорошо, напомню. В Красноярске?

— Слуш, как могу все помнить? Может, в Красноярске.

Алексей задал еще несколько вопросов, дал подозреваемому протокол на подпись и отправил Адамию в камеру.

Юленкова звонила по телефону. Положила трубку.

— Занято, занято...

— Домой звонила?

— Нет, в гостиницу. Надо где-то устроить Ивлеву.

— Ну что она?

— Да все то же: «груз» положил в сумку кавказец Гриша. А у тебя?

— Все наоборот: «груз» просила провезти очень красивая девушка. По-видимому, имеется в виду Ивлева. В общем, для очной ставки самое подходящее время. Надо же им разобраться, кто из них прохвост, или оба вместе.

— Ты дал запросы на Ивлеву и Адамию? Молодец.

— Шла бы ты домой, Наталья. Раз я молодец, то и без тебя справлюсь на очной ставке.

— Мой домашний телефон не отвечает. Значит, муж на работе, сын в детсадике, все в порядке, и маме можно поработать. Итак, очная ставка.

— Отвечать только на мои вопросы. Ясно? Адамия, знаете вы эту гражданку?

Гурам горестно кивает несколько раз.

— Ивлева, знаете вы этого гражданина?

— Это же тот самый, который... Гриша это...

— Адамия, где вы впервые познакомились с этой женщиной?

— В Магаданском аэропорту.

— Ивлева, где вы познакомились?

— Правильно, в Магаданском аэропорту, я сидела, ожидала, а он рядом сел...

— Ясно. Адамия, вы дали показания, что вас попросила перевезти золото девушка. Узнаете ли вы в присутствующей здесь Ивлевой эту девушку?

— Да, она.

— Ивлева, вы подтверждаете показания Адамии?

Но Ивлева смотрела на кавказца, высоко подняв брови.

— Как вам не стыдно!..— прошептала она.— Вы... вы бессовестный человек!

— Девушка, ты видишь, все нашли. Хотел тебе помочь, деньги хотел иметь — в тюрьму за тебя не хочу.

— Вы... как вы можете лгать!

— Прекратите спор! Повторяю, отвечать только на мои вопросы.

— Но как он может?!

6

— Вижу, Алеша, не терпится тебе спровадить «золотое дело» магаданцам?

— Да ведь все равно придется. Расследование должно проводиться по месту совершения преступления. Ивлева магаданка, Адамия оттуда ехал, золото там и родилось. Не сегодня, так завтра начальство даст распоряжение этапировать подозреваемых в Магадан.

— «Что будет завтра, не знаю я» — есть такая цыганская

песня, Алеша. Но сегодня дело у нас. Получается, мы завели дело в тупик да так и отдали коллегам — распутывайте, ребята, мы не умеем...

— Ты что, думаешь, у тебя у одной есть профессиональное самолюбие?! Если бы разрешили... Не отдадим мы — отберут у нас! И не в тупик мы зашли, а не успели выйти из тупика. Если хочешь знать, я сам готов лететь в Магадан...

— Почему именно в Магадан?

— Куда же еще?

— Важен не только пункт отправления, но и пункт назначения «груза». Москва? Ленинград? Кавказ? Куда ехал Адамия?

— Или Ивлева.

— Ивлева вряд ли. Кстати, сегодня получены сведения о подозреваемых. С Севера и с юга. Вот, познакомься с «очень красивой девушкой». Ивлева работает в поликлинике медсестрой пять лет, комсомолка, активистка, дружинница. Прочитал? А вот твой партнер по «подкидному» Гурам, он же Гриша. Этот два года вообще не работает. Именно два года назад он, работая снабженцем на швейной фабрике, растратил крупную сумму. Дело не возбуждалось, так как он возместил убытки. Откуда взял деньги? На что существовал два года?

— Он клянется, что работал по найму без оформления.

— Клятва — довод убедительный, и давай-ка мы поверим. И проверим, у кого был в наймитах Адамия. Не у скупщика ли золота? Скупщик, ведающий сбытом, вот у кого все ниточки в руках. И смотреть нам надо не на Магадан, а на запад.

— Наталья, ты была у начальства!

— Правильная догадка, молодец инспектор Чепраков. И полковник приказал оставить Адамию в Читинском следственном изоляторе, нам с тобой вести дело впредь до дальнейших распоряжений.

— Это ты настояла?

— Это полковник приказал,— хитро прищурилась Юленкова.

— Наташа, ты молодец!

— Мерси. Что сегодня говорит Адамия?

— Уперся — золото дала Ивлева.

— Кстати, Ивлева сегодня уезжает. У нее на руках путевка, и задерживать нет оснований. А вот Адамия... Проверь путь его следования самолетом, запроси Адлер, Красноярск.

— Уже сделано. Жду ответ. Штурмом взять «золотое дело» не удалось, придется начинать осаду. А не рановато ли отпустила ты Ивлеву? Понимаешь, не вяжется кое-что. Ну скажи, почему Гураму прятать «груз» в сумке незнакомой девушки?

— А почему бы ему возить в чемодане губную помаду? Еще и БУ — бывшую в употреблении? И пудру? Вопросов

много, ответов нет. А и отдыхать тоже нам надо, пойдем-ка по домам, Алеша. У меня еще и свой вопрос есть — взял ли муж Витюшку из садика.

Это днем она была старшим следователем Натальей Константиновной Юленковой. А по вечерам — если свободный выдастся вечер — было у нее другое звание, тоже высокое и почетное, даже несколько званий: мама, жена, хозяйка — женщиной она была, со всеми вытекающими отсюда последствиями, правами и обязанностями. Сын уже спал, муж сидел над своими чертежами, а она, в домашнем халатике, с засученными рукавами, стирала белье, когда прибежал к ней Чепраков. Открыл дверь сам инженер Юленков.

— Алексей! Опять что-нибудь стряслось?

— Ах нет, все спокойно в ночной тишине! Наташа не спит? Да не смотри на меня так свирепо, честное слово, ничего не стряслось. Но ведь Наташа не только твое начальство по семейной линии, но и мое — по служебной.

— А ты не умыкнешь мою жену? Гляди у меня! Наташа! Бросай стирку, продрай с песочком этого подчиненного, чтобы не бегал по ночам к чужим женам.

Из ванной выглянула Наташа.

— Выйди на минутку, начальница,— заторопился Чепраков. — Слушай, тайна губной помады раскрыта! Мне бы командировку...

— Все еще рвешься в Магадан?

— Теперь рвусь в Красноярск. Адамия летел в Магадан не один, с ним была женщина, Красилова Валентина Сергеевна. 29 июня они вместе вылетели из Адлера в Красноярск, здесь взяли билеты до Магадана, места тоже рядом. Совпадение? Губная помада у Гурама тоже совпадение? Нет, Красилова наверняка летела с ним, чтобы вести золото непосредственно при себе — женщины вызывают меньше подозрений. Да и не во всех еще аэропортах проверка ведется современными методами.

— Тогда какой же ему смысл совать золото в сумку...

— В том-то и дело, что Красилова не улетела в Магадан, ее билет сразу же сдан в Красноярске 30 июня. Наташа, пусть меня пошлют в Красноярск! Если найду там Красилову, это ж ниточка!

— Если найдешь...

— Постараюсь, товарищ начальник!

Из комнаты донесся голос Юленкова:

— Сыщики, долго вы будете там шептаться? Шли бы к стиральной машине и проводили совещание без отрыва от производства. Час-то поздний.

— Иду, иду,— отозвалась жена.

Инженер подумал, отложил чертежи и пошел достирывать сам.

7

Из кассиров никто Красилову не помнил и ничего сообщить о ней не мог. От них Алеша узнал только то, что и раньше знал — из сообщения красноярских оперативников. Вот они, корешки авиабилетов, рядышком места до Магадана — Адамия Гурам Дмитриевич и Красилова Валентина Сергеевна. И вот еще заявление на сдачу билета Красиловой Валентины Сергеевны. Почему она не полетела в Магадан? И если не полетела, то куда девалась? Ничего в корешках и заявлении не сказано, разумеется. Осталась в Красноярске? Вернулась в Адлер? Что вообще произошло? Чепраков покурил, подумал и решил проверить «адлерскую» версию — не вернулась ли Красилова туда, откуда прилетела. Усадили его в свободной комнатке, принесли корешки за 30 июня.

Просматривать билетные корешки — неинтересное занятие. Узнал, что какая-то Красикова Дарья Михайловна улетела в Магнитогорск, а какой-то Красивин — в Новосибирск. Улетели, и ладно. А вот где Красилова Валентина, кто бы сказал...

— Извините, товарищ...— Это подошли к нему старший кассир и просто кассир. Точнее, обе кассирши, женщины.— Вот Ипатова, она в тот день на «возврате» сидела, она помнит ту женщину.

— Очень хорошо! Пожалуйста, опишите как можно подробнее, какая из себя, в чем одета Краси...

— Да нет, я не женщину, я мужчину немножко помню. Который возвращал билет на имя Красиловой.— «Возвратная» кассирша засмущалась, словно извинялась, что сдавал билет мужчина.— Я еще спросила, почему не сама сдает. Он сказал: хворает, укачало в самолете. И паспорт ее предъявил. Я и приняла билет. Черный такой, говорит по-русски не чисто. Он и расписался в получении денег — буква «К» и дальше неразборчиво. Да вы подпись видели, вот она.

Значит, сдавал билет Гурам. Он отрицает, что летел с кем-то. Назначить почерковедческую экспертизу? Ну а Красилова все-таки где? Нет, такие загадки натощак не разгадаешь, надо пойти в кафе, съесть что-нибудь.

Небольшой «стоячий» буфетик он нашел здесь же, в здании аэровокзала, на первом этаже. Несколько человек стояли у высоких круглых столов, что-то ели. От сдобных кулинарных ароматов у Алеши засосало под ложечкой. Но тут же и забыл он про еду, потому что у крайнего слева столика допивал кофе милицейский лейтенант. Алеша, только еще ступив ногой на красноярскую почву, забегал к дежурному милиции, но кабинет был заперт. А тут лейтенант — вот он, сытый и ничем вроде не занятый. Вдруг да помнят что дежурные?

Лейтенант пригласил Чепракова в кабинет, взглянул на его удостоверение, выслушал вопрос и ответил вопросом же:

— Выходит, она и у вас в Чите побывала? Ну, прыткая девица!

— Вы ее знаете? — обрадовался Алеша.— Где я могу ее найти?

— А чего ее искать? В следственном изоляторе сидит.

— За что?

— Кража личного имущества. Вот записано в оперативном журнале: 30 июня задержана, когда с чужим чемоданом садилась в троллейбус.

— Украла ценные вещи?

— Не особенно ценные, рублей на шестьдесят или около того. Попросили ее присмотреть за вещами, вот она и присмотрелась. Приличная такая девица Красилова эта, не подумаешь, что воровка.

— Так она в следственном изоляторе?

— Туда отправили.

Странно: Красилова летела в Магадан за «грузом» ценой в несколько тысяч и соблазнилась на такую малость. Гурам-то куда глядел, почему допустил? Странно. Ну, хоть нашлась, и то хорошо.

В следственном изоляторе начальница женского отделения, рослая, полная женщина-капитан, тоже недоумевала:

— Как-то не похожа Красилова на преступницу, хотя всего в начале этой зимы освободилась из колонии. Да, тоже за кражу отбывала. Мы уже характеристику получили из той ее колонии. Пишут: груба, курит, систематически нарушала режим, за что неоднократно получала взыскания. Но эта, у нас которая, она совсем не такая. По фотографии? Нет, фото еще не получено. У нас Красилова задумчивая, вежливая, опрятная. Очень замкнутая. Но вину сразу признала. Следователь, что ведет ее дело, сказал: никаких с ней затруднений.

— А у меня, наверное, будут затруднения. Интересно бы знать, что за волшебные с ней превращения?

— Узнавайте, потом мне скажете. Позвольте пропуск, в какой кабинет вам разрешили? Это сюда, по коридору и направо. Сейчас Красилову приведут.

Чепраков нашел отведенный ему кабинет, устроился за строгим канцелярским столом, приготовил бумагу для протокола. С чего начать допрос? Красилова ведет себя замкнуто — какой найти подход? Наташу бы сюда, она как женщина с женщиной... Ах, инспектор Чепраков, как вам не стыдно — все норовите спрятаться за спину начальства, да еще за женскую! Самому надо.

Ввели Красилову. Вот эта аккуратненькая миловидная девушка — Красилова? Мелкая воровка? Для транспортировки золота, пожалуй, в самый раз — вид вызывает доверие. Но примитивная кража чемодана!

Поздоровалась, склонив русую головку.

— Здравствуйте, гражданин следователь.

И голос приятный, мелодичный, без блатной хрипотцы.

— Здравствуйте, Красилова. Прошу садиться. Можете курить,— Алексей протянул сигареты.

— Спасибо, не курю.

Опять странно. В следственных органах Чепраков проработал не так уж долго, но воров повидал достаточно — разных судеб, характеров, воровских «способностей», различного интеллекта. Бывали солидные, внешне культурные, довольно начитанные и образованные, с аристократическими замашками — крупные расхитители государственных ценностей, ловко и изобретательно лгущие. Бывали «средние» жулики — вертлявые завмаги с неправдоподобно честным взором. Бывала мелкая дрянь — домушники, карманники, вокзальное ворье — наглые, развязные, грязные.

Красилову по характеру преступления можно бы отнести к последним. По внешнему виду и поведению — к первым. И Чепраков сказал:

— Смотрю на вас, и не верится, что чемодан вы украли. Нет ли тут какого недоразумения?

Взглянула и тотчас опустила взгляд.

— Какое же недоразумение? Я действительно... взяла сумку и чемодан. Да ведь я уже рассказывала тому, другому следователю.

— Зачем вы... взяли?

Светло-русые, некрашеные, вьющиеся волосы легкой пушистой волной закрыли склоненное, пылающее лицо.

— У меня не было денег... Ну и вот...

— Как же вы пустились в дорогу без денег?

— На дорогу я скопила немного денег, но... Я говорила следователю... Все потеряла, и паспорт, и деньги. Может быть, украли. Все, что у меня было...

— Куда вы летели?

— Сюда, в Красноярск.

— Здесь есть родные, знакомые?

— Никого. Слышала, что хороший город. Хотела устроиться, работать...

— Вы жили и работали на юге, в Сухуми. Чем же привлекла Сибирь?

— Родом я уралка, мне здесь привычнее.

— Почему же не на родину? Вы ведь из Свердловска?

Не ответила, только отрицательно мотнула головой, так что волосы взметнулись венчиком.

— Летели в Красноярск, хотели здесь жить. Так?

— Да.

— Для чего же купили билет до Магадана? На 30 июня?

— Что вы, не покупала никакого билета. Я летела в Красноярск.

— С кем?

— Одна.

— Вы говорите правду?

— На что мне билет, если ни паспорта у меня, ни денег?

— Подумайте, Красилова. Вы ведь понимаете, что не только в вас тут дело.

— О чем вы? Я хотела обокрасть добрую, славную женщину, сожалею об этом... На колени бы перед ней встала, чтобы простила меня! Поверьте, так мне за себя... обидно. А вы про билет какой-то. Я все рассказала, и тому следователю и вам. Судите, что уж... Не думала, что еще раз придется в тюрьму.— Отвечала покорно, как будто искренне. Двадцатилетняя красивая девушка — воровка-рецидивистка. Странно все-таки.

— Ну хорошо, давайте оформим протокол.

Он писал и задавал вопросы, по-разному их формулируя. Пытался исподволь вызвать Красилову на откровенность. Она отвечала охотно, терпеливо повторяя все то же. Подписала, даже не прочтя толком. Оставалось только провести опознание по фотокарточкам. Пригласили понятых из числа вольнонаемной хозслужбы изолятора.

— Красилова, перед вами пять фотографий. Посмотрите внимательно. Знаком ли вам кто-либо из них?

Ее глаза скользнули по мужским фотографиям. Чепракову показалось, что на фото Адамии она чуть задержала взгляд.

— Нет, никого не знаю.

— Посмотрите еще.

— Не знаю,— сказала и отвернулась. И опять показалось Алеше, что в ее «не знаю» еле заметно прозвучала нотка то ли брезгливости, то ли... Показалось?

Вечером он звонил в Читу.

— ...Наташа, ты меня слышишь? Все поняла? Да, Красилова отрицает... Да, отрицает. Но я чувствую, на сто процентов уверен, что она с Гурамом знакома! Ты слышишь? Чувствую!

— Не кричи, слышу. Ты можешь доказать их связь убедительно? Не чувствами, а фактами? Чувство — не вещественное доказательство. Возвращенный билет — этого мало. По крайней мере, на данном этапе. Ты вот что, ты давай возвращайся. Полковник докладывал в Москву. Пока что дело оставили за нами. Нет, в Магадан не полетим. Я отослала магаданцам копии наших материалов, они занимаются этим делом на месте, будут держать с нами связь. Адрес Григоряна просили сообщить. А нас посылают в Сухуми. Адамию этапируют туда же. Алеша, срочно возвращайся в Читу!

8

Майор Хевели вспотел — не от жары, они тут к жаре привычные,— вспотел от дипломатической миссии.

— Подожди, генацвале, не клади трубку, пожалуйста! Дорогой друг, самый лучший друг, сделай очень хорошее дело — дай два одноместных! Понимаю, генацвале,— у нас сезон, приезжих много, гостиница не резиновая. Все понимаю, дорогой, за это дай два одноместных! Слушай, когда ты попадешь к нам в тюрьму, тебе будет самая лучшая камера, клянусь! Не попадешь? Ты молодец, ты умный человек, клянусь! Ты умный человек и устроишь моим приезжим коллегам два одноместных номера. Один двухместный не пойдет. Потому что один приезжий мужчина, другой приезжий женщина. Нет, не муж и жена. Нет, жениться не хотят. Я сказал, два одноместных!

Никто из администрации отеля решительно не допускал, что может когда-нибудь воспользоваться гостеприимством тюремной камеры. И все же два одноместных номера — которых нет и не предвидится! — каким-то образом нашлись. Майор Хевели гордо распростер руки над планом города:

— Устраивайтесь! Черное море и сухумский угрозыск к вашим услугам!

Они пошли в гостиницу «Абхазия».

— Вот видишь, Алеша, начало удачное. Жаркое солнце, теплое отношение местных товарищей...

— И прохладное море!

— Нет, горячая работа.

— Товарищ начальница, а как же море? Если сегодня не искупаться, потом некогда будет! Кроме того, мы с дороги, и купание — элементарное требование гигиены.

— Удивляюсь, Алеша, как тебе не удалось «разговорить» Красилову. Ведь есть у тебя дар убеждать.

Чепраков виновато кашлянул.

— Красилову-то я не на пляж приглашал... А у тебя, Наталья, дар чисто женский — подпускать шпильки.

Прописались в «Абхазии». Оставили вещи и по набережной Руставели поспешили на пляж, заполненный до отказа купальщиками.

— Так и быть, отдохнем авансом. Чтобы уж потом не манили прохладные волны. И с утра, Алеша, я — к жене Гурама, ты — в магазин, где работала Красилова. Смотри, смотри! Как оно красиво! Море!!

Директор универмага, седой и лысый абхазец, усадил Чепракова в кресло, угостил сигаретой «Колхида».

— Красилова недолго у нас, месяца три работала. Ничего плохого сказать не могу. Знаю, что из колонии. Но хорошо работала, честно. Девушка молодая, красивая, покупатель к ней шел. Как приняли на материальную ответственность? Уважаемый человек просил за нее, тоже завмаг, Леван Ионович Чачанидзе.

— Почему он, тот завмаг, просил устроить к вам Красилову?

— Леван Ионович такой добрый человек! Пришла к нему, сказала — работать хочу. У Левана магазин маленький, три человека всего штат. Леван мне звонил, я сказал: хорошо, дорогой, пусть идет, пусть работает. У меня тоже дочка есть, ей тоже двадцать лет, в торговом институте учится. В галантерейный отдел поставил, в общежитие устроил.

— Значит, по работе Красиловой не было замечаний?

— Почему не было — молодая, глупая, ошибку делать может? Скажешь — слушает, понимает, другой раз ошибку не делает. Главное, честно работала. Как вела себя в общежитии? Откуда знаю? Их у меня пятнадцать, все больше молодые. Женщины! Дочка одна — я знаю, что у нее в голове? Один раз знаю, другой раз совсем не знаю! На Красилову никто не жаловался. Лучше спроси у девушек из галантерейного.

— У нее были близкие подруги в отделе?

Директор потер лысину, погладил седые усы.

— Давай пришлю заведующую отделом. Хочешь? Она женщина, она больше знает.

— Почему Красилова уволилась?

— По собственному желанию — вы видели ее заявление. Я говорю: что хочешь? куда едешь? зачем едешь? Говорит: Кавказ чужой, Сибирь своя. Как могу держать девушку? — Завмаг понизил голос: — Скажи пожалуйста, почему спрашиваешь? Что сделала девчонка?

— Неприятность у нее, документы пропали.

— О, жалко Валю. Она хорошая работница, честная. Еще спрашивать хочешь? Прислать заведующую отделом?

Надменная дама средних лет в кабинет вплыла, словно королева в тронный зал. Смерила Алешу высокомерным взглядом:

— Что вы?

Чепраков предъявил ей удостоверение, и надменность мгновенно слетела с нее. Надо полагать, завмаг не счел нужным предупредить сотрудницу, кто и зачем ее вызвал. Они в контрах? Тем лучше: объективно выскажет каждый свое мнение.

— Красилова? Да-да... Простите, в каком разрезе, так сказать, она вас интересует? Она что-нибудь такое совершила? У нас недавно прошла ревизия, все в порядке. Да-да, о Красиловой... Странная, знаете ли, девочка. Скрытная, говорила о себе неохотно. Впрочем, она из таких... гм, мест, о которых порядочным людям рассказывать стыдно. От общественной нагрузки отстранялась. Книжки все читала, если покупателей нет... Простите, что она?..

— Были у нее близкие подруги?

— Ах нет, скрытная такая, необщительная. Ни в кино с девочками, ни на танцы. Но это я одобряю — что хорошего в современных танцульках? Гм... Вот с Розой — очень славная девочка Роза Черказия — с ней о книгах разговаривали,

Конечно, если покупателя нет. Ведь в сезон покупатель идет сплошным потоком, требует внимания...

Далее завотделом проинформировала Алексея о сложностях и трудностях галантерейного отдела, о склонности некоторых покупателей к необоснованным жалобам...

— На Красилову были жалобы? — вернул ее к сути дела Чепраков.

— Не помню такого случая. В общем, девочка справлялась. При ее молодости...— дама прищурилась,— и привлекательности, я бы сказала... к ней охотно шел покупатель, разные молодые люди... и не очень молодые. Впрочем, Валя держалась строго, и я это одобряю. Один, кажется, пользовался у нее успехом... Но ничего определенного сказать не могу.

— Вы знаете фамилию, адрес? Того, кто пользовался успехом?

— К сожалению, Валя ни с кем не делилась... Хотя я, как старший товарищ, как заведующая, наконец, гм... могла бы посоветовать, предостеречь...

— От чего предостеречь?

— Ну, я не знаю... Вот вы же интересуетесь, значит...

— Могу я побеседовать с подругой?

— С Розой? Минуточку, сейчас пришлю.

Она пошла к выходу. Но выйти из кабинета оказалось ей не по силам, вся ее полноватая спина, затылок с высокой прической, поднятые к вискам пальцы излучали любопытство: в чем попалась Красилова? Смошенничала? Украла? Не в нашем магазине? А где?

Алексей понял, что если он сейчас же не ответит вопросительной ее спине, то будет хуже — пойдут по универмагу слухи, домыслы.

— У Красиловой паспорт и деньги похитили.

— Ах вот как! — На ее профиле мелькнуло то ли облегчение, то ли разочарование.

Худенькая, длинноносенькая Роза сначала заглянула, потом вошла и уставилась на Алексея чернющими глазищами. Должно быть, скромная, вспотевшая персона Чепракова олицетворяла для нее сразу всех трех телезнаменитых «Знатоков». Чтобы вернуть девушку в нормальные будни, Алексей пожаловался:

— И жара у вас!

Розе не было жарко, а было интересно — живой инспектор! Слова о жаре попросту не дошли...

— Садитесь, Роза. Тут, понимаете ли, неприятность с вашей подругой, с Красиловой. Паспорт украли. Вы ведь подругами были?

Роза несколько раз кивнула. Славная какая глазастая девушка. Наверное, всем она подруга. Алексей нудно расспрашивал, как работала Красилова, как чувствовала себя в коллективе, в общежитии. Но оказалось, что в общежитии Красилова не жила.

— Как не жила? А где же?

— Прописана только была в общежитии. Но знаете, какая она... ну, как это по-русски?.. нелюдимая, вот как! Все сидит, сидит и думает. Или читает. Я книги ей давала, в библиотеке тоже она брала. Сначала Валя детективы просила. А потом говорит: что-нибудь про любовь бы.

— Влюбилась, что ли? В кого?

— Она ничего не рассказывала. Но я знаю, ей нравился очень студент Костя... Познакомилась с ним, и книги про любовь нужны ей стали. При чем тут фамилия? Ну, Костя Гурешидзе. Где живет? Возле ботанического сада. Да вам зачем? Не он же взял ее паспорт! Костя очень хороший! У него такая библиотека! Представляете, полный Дюма, весь Дюма! Валя просто зачитывалась. Я тоже... Он каждый день приходил, цветы приносил, и так он к ней хорошо относился! Валя ведь красивая, самая красивая в магазине!

— Как она относилась к Косте?

Чернющие глаза отдалились, задумались.

— Наверное, она тоже... Но такая странная... Один раз мне говорила: нельзя мне с Костей быть, я совсем плохая. И еще что-то: проволока... нет, колючая проволока между нами. Спрашиваю: почему проволока, какая проволока? А она непонятное такое русское слово... «запретка». Что такое «запретка»? Я хорошо говорю по-русски, но не все слова понимаю. Вот она и сказала «запретка». И скоро уволилась, быстро уволилась. Костя пришел с тюльпанами, а ее уже нет. Каждый день ходил, спрашивал, нет ли писем от Вали. И тюльпаны... мне отдавал.

Мягкая речь ее с легким акцентом звучала приятно. И вместе с запахом недорогих духов исходил от Розы чудесный дар доброты ко всему окружающему: к потерявшей паспорт Вале — «и деньги тоже? Ой, бедная!», к студенту Косте — «честное слово, он так к ней хорошо относился, цветы приносил!», к самому Чепракову — «вы хотите Вале помочь, да? О, она очень хорошая».

Итак, на работу Красилову устроил некий завмаг Чачанидзе. Были они знакомы раньше? Или были ли у них общие знакомые? Почему Чачанидзе взял на себя заботы о ее трудоустройстве? Съездить к нему? Всего две остановки на троллейбусе.

Представительный, в отлично сшитом белом с искрой костюме, который удачно контрастировал с густым загаром, Леван Ионович Чачанидзе взглянул на удостоверение и провел Чепракова в кабинет.

— Чем могу служить? Пожалуйста.

— Я к вам насчет Красиловой.

— Красилова? Кто она?

— Леван Ионович, вы же ее знаете. Красилова Валентина.

— Извините, не помню такой. Прошу вас, поясните — она ревизор или...

— Коллега ваш, из универмага товарищ сказал, что именно вы просили принять Красилову в универмаг.

— Уверяю вас, вы ошибаетесь... Простите, как ее? Ах, память-память, начинает сдавать! Ну конечно! Молоденькая совсем девчушка Валентина, беленькая, кажется... Фамилию уже не помню, но случай такой был, верно. Так что именно интересует товарища инспектора? Нет, совсем я ее не знал. Понимаете, жалко стало, ведь она мне в дочери годится. Пришла, просит принять на работу. Куда возьму? Сами видите, магазин маленький, почти ларек. Звонил, просил знакомого — устрой девушку. Да, она сказала, что из колонии, что хочет жить честно. Я как советский человек... Простите, она что-то украла в универмаге?

— Нет. Две недели тому назад она уволилась.

— О, не знал. Дела, хлопоты, выполнение плана — как-то забылось, что несу, так сказать, ответственность... правда, чисто моральную. Не поинтересовался, как она там, и в этом чувствую вину. Так что же с ней?

— Ничего особенного. Она потеряла документы, приходится наводить кое-какие справки.

— Сожалею, но ничем не могу помочь. Я ее почти не знал. Где сейчас эта, м-м... Красильникова? В Красноярске? Вероятно, украли документы на вокзале? Ах, молодость, неосмотрительная молодость!

Чепраков отправился к ботаническому саду. Первая же старушка, сидевшая в тени прямо на краешке тротуара, на стуле, указала дом, где живут Гурешидзе. Нашел и квартиру. Но на звонки и на стук никто не ответил. Поднималась по лестнице женщина, она сказала, что старшие Гурешидзе сейчас на работе, а сын их Костя вообще уехал с группой студентов на все лето. Говорят, в Сибирь, что-то там строить.

Алексей не слишком огорчился безрезультатностью этого поиска — не хотелось расспрашивать студента о Красиловой... Похоже, начиналась у них настоящая любовь — цветы каждый день случайным знакомым не дарят,— которую сама Валентина по неизвестным причинам оборвала. Не от любви ли бежала в Сибирь? Стыдилась прошлого? Боялась будущего? Знал ли студент Костя о ее кражах, о колонии? Или связан студент с Адамией, расхитителями золота? Уехал в Сибирь — не на смену ли погоревшему Гураму?

Жара в Сухуми, жара... У Алексея кожа на лбу и на носу сгорела. Болит. Голова не соображает. А соображать очень надо. Ходит он по Сухуми, но не видит «ниточки», не находит разгадки многим вопросам. Или Красилова ни при чем? Все ее хвалят. А билет до Магадана? Билет, который сдал в кассу, по приметам судя, Гурам Адамия?

В море бы окунуться... Но Чепраков не идет к морю, а идет в гостиницу. Что там у Наташи?

Наташу нашел в ее номере. Не сразу впустила: «Подожди, оденусь». Сели у распахнутой балконной двери.

— У нас солнышко тоже летом сердитое,— вяло сказал Алексей.— Но здесь жара другая, покрепче. Прямо обалдеваешь с непривычки. И ведь это какую стойкость надо — ходить мимо моря и не купаться! Товарищ начальница, мы почти герои! У тебя что новенькое?

— У меня голова болит.

— И это единственный результат? Бедновато. Хочешь, сбегаю за цитрамоном?

— Обойдусь. Давай докладывай.

Алексей коротко доложил о весьма скромных своих успехах.

— Вот и все, что смог приобрести в местных универмагах. А по семейной линии Гурама что нашлось? Кроме головной боли? Жену нашла?

— Есть жена. Женщина в черном...

9

Майор Хевели закончил информацию:

— Итак, Гурам был снабженцем на швейной фабрике. Чисто работал. Растрату делал — никто не замечал. Из Тбилиси ревизор приехал — сразу замечал. Большие деньги, большой срок грозил. Гурам не хотел в тюрьму, деньги достал, растрату покрыл. Где деньги достал? Ты не знаешь, я не знаю. Кто такая жена Гурама? Жена Гурама бригадир на швейной фабрике. Благодарность получала, премии получала. Ее отец тоже на фабрике работал, замечательный мастер был. Когда умер, вся фабрика за гробом шла, ордена за гробом несли. Гурам Адамия нехороший человек, жулик — что еще сказать могу! Жена его — простой человек, рабочий человек. Ее вызвал на 11 часов, в коридоре сидит, немножко волнуется. Спрашивай — протокол писать не спеши. Без протокола говори. Потом пиши.

Марина Адамия вошла робко, поклонилась, села на предложенный стул. Наташа подумала: что это она, предчувствует горе? Глухое черное платье, черный капрон на ногах, черное кружево до самых глаз.

— Вам не жарко, Марина Ясоновна, в такой одежде?

— Обычай у нас такой. В прошлом году родственник умер — траур носить должна.

В прошлом году, родственник... Надо же! Наташа удивлялась, что в летний полуденный зной на улицах встречаются женщины в черном, похожем на монашеское одеянии. Так долго носят абхазки траур! Живучи на Кавказе древние обычаи.

Наташа расспрашивала о детях — двое их у Марины,

пяти и семи лет мальчики. О старухе матери, о родственниках. Интересно поговорить запросто с человеком другой национальности, узнать о старинных обычаях этих народов. Жаль, в следовательском кабинете не поговоришь запросто с вызванной гражданкой. Разделяет собеседниц невысказанный пока вопрос — зачем? что случилось? Нависло предчувствие беды, холодит беседу. Марина отвечает коротко, но охотно. И все время ждет, ждет того самого вопроса, из-за которого пригласили повесткой в милицию... Так уж спросить напрямик?

— Марина Ясоновна, вы знали такую девушку — Валю Красилову?

Худощавое лицо абхазки не дрогнуло. Подумала, сказала:

— В своей смене всех знаю, в другой смене не знаю. С нашей фабрики девушка?

— Нет, но раньше в Сухуми жила.

— Сухуми большой, девушек много.

Первая разведка ничего не дала. Наташа умело переменила тему, о фабрике спросила, о заработке швеи, о плане и реализации пошива, о снабжении материалами. Застенчивость Марины прошла, словно не в милицию вызвали, не со следователем беседует. И что, что следователь? Она тоже женщина, и интерес у нее женский: какие кофточки сейчас нарасхват, какие так себе и почему тех, что нарасхват, мало шьют. Разговорилась Марина, потомственная швейница.

— Модного материала нет, как шить будем? Правильное снабжение надо. Разве мы не хотим шить красивые, всем нужные кофточки? Разве не хотим хорошую зарплату? Но что сделать можем? Не дают материалы.

— Как же наладить снабжение? Вот ваш муж, он ведь работал на фабрике?

Не вышло у Юленковой, не получилось непринужденного интереса к снабжению: кончилась на том беседа двух женщин — начался допрос. Хоть и без протокола пока. Марина замкнулась сразу, без переходов, как и случается это с бесхитростными людьми.

— Кстати, муж где сейчас работает?

— Он торговый работник. Возит продавать колхозные фрукты.

— Хорошо зарабатывает?

— Не очень... Но нам хватает. Я тоже ведь зарабатываю.

— Сейчас он куда уехал?

— На Урал. Какой город, не знаю.

— Кто еще с ним поехал?

— Не знаю.

— Как же так? Вы жена — и ничего не знаете?

— Мужское дело — как спросить могу?

— Да ведь не чужой, муж он вам!

— Обычай такой...

Опять обычай!

— Он и сейчас повез фрукты?
— Да.
— Вы сами видели эти фрукты?
— Нет. Зачем ходить смотреть?
— Кто у Гурама близкие друзья?
Абхазка не выдержала:
— Что с Гурамом?
Да, пора говорить открыто.
— Марина Ясоновна, ваш муж занимался перевозкой краденого золота.
Худощавое лицо стало серым под черным кружевом.
— Почему сказали так? Гурам хороший, добрый, он не крал!
— Возможно. Но он вез краденое золото, чтобы перепродать или передать. Кому?
— Не верю, не мог он!..
— Где он взял деньги, чтобы покрыть недостачу на фабрике?
— Взял взаймы. Взаймы умеет, красть — нет!
— Вы полагаете, Гурам не мог украсть?
— Нет. Воровать позорно, а Гурам честный абхазец.
— Но расхищал же он средства фабрики, когда работал там снабженцем.
— То совсем другое дело, как вы не понимаете!
Вот так: даже передовая швея убеждена — кража у государства как бы и не кража, и не позор. Вот так...
— Гурам добрый, друзей много, одному деньги давал, другому деньги давал — один отвечал.
— Но кто же дал ему взаймы? Кто его друзья?
— Гурам часто уезжал, я на работе — откуда знаю мужские дела?
«Да», «нет», «не знаю»... Хорошая жена Марина, соблюдает древние неписаные законы. «Да», «нет», «не знаю»... В самом деле не знает?
— Бывали на руках мужа большие деньги?
— Не знаю.
Допрос свидетельницы ничего не дал. И Юленкова стала писать протокол, задавая все те же вопросы, получая все те же ответы.
— Вот и все, Марина Ясоновна. Прочтите, подпишите, и можно вам идти.
— А где... где Гурам?
— Задержан и находится под следствием. Мы должны узнать, кто втянул вашего мужа в аферу, кому предназначалось золото. Вы не хотите или не можете нам помочь...
— Хочу помочь. Но мужские дела — что я знаю?..
Марина долго-долго читала протокол. Добросовестно старалась вникнуть в строчки с «нет», «не знаю», а строчки скользили перед глазами, и Марина снова перечитывала — она привыкла все исполнять добросовестно. Или совесть тре-

вожит потомственную работницу-швею? Совесть за недосказанное? Не попытаться ли предъявить ей... Юленкова придвинула телефон и набрала номер.

— Майор Хевели слушает.

— Товарищ майор, нельзя ли найти понятых? Побыстрее бы?

— Сейчас будут.

Марина спросила:

— Где нужно подписать?

— Вот здесь. «С моих слов записано верно». И подпись. Извините, еще задержу вас, совсем недолго.

Вошли понятые — полнотелая русская курортница и старичок грузин.

— Марина Ясоновна, знаете ли вы кого-нибудь из этих граждан? — Юленкова разложила перед свидетельницей четыре фотографии.

Багровые пятна прожгли загар на щеках абхазки, она поднялась, склонилась над столом. Взяла фотографию. Три других для нее не существовали, не было тут ни понятых, ни следователя — с фотографии смотрела исподлобья Валентина Красилова, смотрела покорно и грустно, красивая даже на плохом тюремном снимке. И отступили древние обычаи...

— Она! Ее нужно судить!.. Испортила Гурама... как это?.. приворожила, да!

— Эта женщина вам знакома? Как ее зовут?

— Зовут не знаю... Гурам ночи не спал, плакал... Она заставила его...

— Марина Ясоновна, успокойтесь, выпейте воды. Понятых прошу засвидетельствовать опознание. Спасибо, товарищи, вы свободны. Марина, давайте уж говорить все как было. Все равно мы установим истину, так уж лучше скорее это сделать, верно?

Обида жены и ревность женщины порвали молчаливую цепь древнего обычая...

В последний раз муж ездил на Урал зимой. И когда вернулся, Марина растерялась — так изменился Гурам. Обычно веселый, немного важный, немного ленивый — стал теперь нервным и злым, кричал на детей, на жену, пропадал где-то до глубокой ночи. Почему он кричит, почему ругается? Чем виновата Марина? Где ходит Гурам каждый вечер? Успокаивала себя: мало ли забот у мужчины. Пройдет у него.

Но проходили недели и месяцы — не проходила тоска Гурама. Не сидел он с приятелями в шашлычной, не пел песен, не радовался весне. Приходил ночью, как в чужой дом, где ничего не мило, садился к столу и один пил вино, чачу. Пил, вздыхал. А потом метался по дому, скрипел зубами, грозил кому-то. Валился на постель и плакал. И плакала Марина, лежа в своем углу, от неизвестности и тревоги за семью, которой, она чувствовала, угрожает что-то. Спросить

бы Гурама — но не смела, к мужу теперь не подступиться.

Тревога за Гурама и семью толкнула на нехороший поступок, было то уже в начале июля. Нехороший поступок, некрасивый, стыдный. Но ведь это ее муж!

Шла по улицам, стыдясь себя, встречных людей, все равно, знакомых или нет. Далеко впереди жалко сутулилась знакомая спина в ею же самой сшитой и выглаженной рубашке. Когда Гурам останавливался, Марина жалась к дереву или забору — не заметил бы... Не заметили бы люди, что она, хорошая жена, выслеживает мужчину, мужа, позоря тем его.

На бетонных ступенях у входа в кино сидела старуха, у ног ее корзина цветов. Гурам купил у цветочницы-старухи несколько алых тюльпанов. Зачем ему?

В аллее сквера Марина увидела ее... Видела, как чуть не бегом бросился навстречу ее муж Гурам, который всегда был немножко ленивый, немножко важный в своем доме. Ее Гурам!.. Откуда взял, где нашел такую улыбку?! Блестят белые его зубы, все лицо сияет, а в глазах робость, как у мальчика перед царицей... Для Марины у Гурама не было такой улыбки — был высокомерный смех. Для Марины не было робкого и счастливого блеска глаз... Для жены не было тюльпанов. Все — для русской, злой, нехорошей, которая его околдовала... Подбежал и вложил в руку девушки тюльпаны, хотел ее обнять... Она оттолкнула Гурама. Хлестнула цветами по лицу... Бросила тюльпаны в пыль и пошла. И Гурам покорно принял удар женщины. С жалкой улыбкой тащился за ней, как побитая собака...

Марина больше не хотела видеть его унижение. Ее муж Гурам!.. Девушка была красива, очень красива...

Ночью он пришел домой, сел за стол и налил себе крепкой чачи.

— Гурам,— сказала ему Марина.— У тебя есть дом и семья. Зачем тебе русская девушка?

Он выпил чачу, поднялся и ударил жену по щеке. Она забилась в свой угол и плакала. А он сразу о ней забыл. Пил чачу, плакал, опять кому-то грозил.

Через два дня хмуро буркнул, что поедет торговать фруктами на Урал.

— Теперь ясно, Алеша, что Адамия и Красилова знакомы. И оба отрицают это.

— Не просто знакомы, а состояли в преступном сговоре.

— Вот это еще не доказано. Могли быть у них и просто... ну, скажем, лирические отношения. Впрочем, подожди-ка! Ты, кажется, говорил, что он приносил ей цветы, тюльпаны?

— Это тебе рассказала жена Адамии. Тюльпаны, вот поди ж ты! А он как будто не из тех, кто приносит цветы. Такие, как Гурам, чаще приносят деньги...

— Тот студент, Костей его зовут? Он дарил Красиловой

цветы? А Гурам, ты полагаешь, деньги? Интересно, куда повернулось ее сердце — к тюльпанам или к рублям?

10

— И больше вам нечего сказать, Валя?

— Гражданка следователь, ну чего вы все меня спрашиваете? Зачем в Сухуми привезли? Дело-то мое ясное... Ну, украла, сделала глупость такую опять, ну и судите по сто сорок четвертой статье, чего же еще? Если б я в непризнанке, тогда другое дело. А я сразу честно все признала — виновата. Одного хочу — чтобы не отправляли в прежнюю колонию. Пусть в Красноярске, в Сухуми, хоть где, лишь бы там меня не знали, прежнюю... Тогда, может, последняя это моя ходка. Ну, в какую колонию, от вас уж не зависит, вы свое дело сделали.

— Не сделала еще, Валя. Но обязательно сделаю, найду правду. Чуть раньше или чуть позже, но найду. Помогите мне, Валя.

— Я? Чем же я-то помогу? Я — воровка...

— Трудно поверить, Валя. Вот сидите вы здесь, обыкновенная хорошая девушка... Скажите, Валя, была у вас любовь?

— На что вам? Любовь уголовно не наказуема. И не смягчающее обстоятельство.

— Думается мне — для вас смягчающее.

— Как так?

— В колонии вы совсем другая были, злая, грубая. А сейчас...

— Тогда я совсем дура была, вот что. Ничего не понимала.

— Отчего же сейчас поняли? Не от любви?

— Нет, так... Надоело прежнее. Вы для дела какого-нибудь спрашиваете? Или так, по-человечески?

— Дело делом, а человек сам по себе ведь интересен.

— И я?

— Вы тем более. У вас сейчас какой-то перелом.

Красилова отвернулась и сказала:

— Не перелом, а все вдребезги. Если вы не для протокола, а по-человечески... то скажу вам вот что: счастья у меня нет и не будет, а раз так, то мне теперь все равно — что срок тянуть, что хоть бы и умереть. А отчего так, это уж мое дело, только мне подсудное. Вам ни к чему, понятно?

— Понятно. Вы сами себе преступница, себе злодейка, так? И никакой суд вас сильней не накажет, не отнимет того, что сами у себя отняли. Так?

Что это — Красилова готова заплакать? Глаз не видно, скрыты за волной волос, но пухлые губы вздрагивают, уголки их горестно опустились.

— Поверьте, Валя, мне очень жаль вас.

— Не надо, Наталья Константиновна...

Как не пожалеть — такая славная девчонка пропадает. По имени-отчеству впервые назвала... Девчонке в двадцать лет, Вале, самый близкий человек сейчас — следователь. Не с кем больше говорить «по-человечески» Вале. Придется отпустить в камеру, допрашивать в минуту расслабленности ее — душа не поворачивается. Вроде как воруешь откровенность. Придется отпустить в камеру.

Или как? Если не сейчас, то когда? Когда очерствеет в камерах и потеряет эти слезы? Да и слезы — не обычная ли то блатная сентиментальность? Не похоже... Но нет, прерывать допрос не следует.

— Одного не могу понять, Валя. Ну, вам все равно. Но есть другие девушки, которым не все равно, которые хотят по-настоящему жить. Может быть, кому-то из них грозит такая же судьба, как у вас. Или вам не жаль их? Так помогите обезвредить тех, кто толкает девушек на преступление.

Губы перестали вздрагивать, отвердели. Красилова отвела волосы, посмотрела исподлобья. Что ж, в камеру отпускать поздно, надо идти в атаку, идти сейчас.

— Или боитесь Гурама?

— Не знаю никакого Гурама!

Надо идти в атаку.

— Знаете. Вы вместе летели в Магадан.

Красилова выпрямилась. В еще влажных глазах злость.

— Ах вон вы чего, гражданка начальница! Ловите, да? А я-то дура!.. Ха, жалко ей меня стало!

— Да, жаль. Несчастная вы. А могли бы... Понимаете ли вы, что вас любили! Не знаю, как вы, а вас очень любили. Вы в красноярской тюрьме сидели, а Костя Гурешидзе все еще надеялся, что вернетесь, приносил вам цветы. Тюльпаны. Помните Костю?

— Врете! Вы врете! Откуда вы знаете? — И тихо-тихо: — Вы откуда знаете?

— Хотите, он сам скажет это?

— Нет! Не надо! — И совсем потерянно, по-настоящему плача: — Ему сказали, что я... что я?..

— Ничего ему не сказали. Придет время, сами объясните.

— Никогда...

— Вы Костю не любили?

— Что уж теперь?.. Наталья Константиновна, прошу, не говорите Косте, никогда не говорите! Он меня с самого начала за порядочную принимал...

— Что же вам обоим мешало?

— Подождите, я сейчас, я сейчас...

Она плакала, уронив лицо в скрещенные на столе локти. Дать ей воды? Не надо. Пусть плачет. Тяжело ведь.

Затихая, вздрагивая, спросила из локтей:

— Откуда знаете, что цветы приносил?

— Роза Черказия говорила, подруга ваша.

— А она знает, что?..
— Нет, зачем же.
— Где сейчас Костя?
— У него каникулы, уехал в Сибирь с другими студентами, на стройку. Может быть, надеялся вас найти?

Валя притихла, замерла. Потом распрямилась рывком, отерла мокрое лицо.

— Пишите! Ладно! Знаю я Гурама! Будь они прокляты!
— Кто они?
— Гурам. И Леонтий Ионович. Чего глядите? Не знали про него? Ладно, все равно пишите! Они друг друга ненавидят, а я их любить и беречь должна! Нет уж!..
— Да кто он, этот Леонтий Ионович?
— Есть тут такой. Пишите.

11

Попривык ли Гурам к своему положению, родной ли абхазский воздух подействовал, только выглядел подследственный бодро, посвежел, щеки выбриты. Со следователем — как со старым уважаемым знакомым. С видом давно раскаявшегося бьет себя в грудь, таращит сверхчестные глаза, клянется, что да, немножко виноват — соблазнила его та девушка, Ивлева. Такая красивая девушка, скажи?!

— Значит, продолжаем играть в подкидного дурака, Адамия? Не довольно ли?
— Слуш, я честно подкинул вам козырную даму! Что еще хочешь?
— Не приму, Ивлева не козырная дама. Кончайте игру, все равно проиграете. Вы и ваши партнеры без козырей.
— Какие партнеры?
— Ваша дама — Валентина Красилова. Но и она не козырная.

Ай да Адамия — глазом не моргнул! Ясно: в камере научили — не сознавайся ни в какую.

— Какой Валентина? Немножко ездил, женщин имел — про какую Валентину спрашиваешь?
— Можем и уточнить. Идя навстречу пожеланиям любознательного гражданина Адамии, устроим очную ставку.
— Пожалуйста! Сижу, давно женщин не вижу.
— Верно, с самого Красноярска не виделись. Как же вы ее в Красноярске упустили, а? Признались бы добровольно, Адамия. Чистосердечное признание, как указано в законе, является смягчающим...
— Э, кому оно смягчило... правду говорю — а толку?
— Пока правды от вас не слышно. Гурам Дмитриевич, два года назад, когда ревизия обнаружила у вас крупную недостачу, вы внесли всю сумму. Откуда взяли деньги?
— Не растратил, нет! Себе брал, машину купить хотел. Ревизия пришла, говорит: нечестно делал, Гурам, тебя в тюрь-

му посадим, Гурам.. Я подумал: буду в тюрьме сидеть — зачем тогда машина? Все деньги брал, в кассу отдавал. Стыдно теперь, ах!..— Адамия подергал себя за ворот, ударил кулаком в грудь.— Мне стыдно! Такое плохое дело получилось! Что теперь сделают?! Дорогой, дай воды, пожалуйста! Сердце болит, голова болит... Пусти в камеру, совсем больной стал!

— Наташа, пора устроить им очную ставку. Гурам обнаглел, сидя в общей камере. Видимо, на что-то надеется, верит в надежность сообщников, кто бы они ни были. Очная ставка с Красиловой сделает его откровеннее.

— Не рано ли? Представь, вдруг Красилова откажется от своих показаний? Увидит Гурама, струсит да и заявит: наговорила, мол, под настроение. Не забывай, она воровка, всего ждать можно. А фактов у нас никаких, кроме этих ее показаний. Нет, очную ставку рано. Лучше присмотрись к завмагу Чачанидзе.

— Какое отношение имеет Чачанидзе к делу?

— А все-таки проверь. Майор Хевели по моей просьбе представил на него оперативные данные. Порочащих фактов вроде бы никаких. Магазин постоянно выполняет план, ревизии проходят гладко, сам Чачанидзе на хорошем счету, общественник, добрый семьянин — ему приходится ухаживать за больной женой. В молодости был ювелиром. И вот первое, пожалуй, единственное пятнышко в его безупречной биографии: десять лет назад судим за незаконный сбыт ювелирных изделий. Срок получил небольшой, освобожден досрочно. К ювелирному делу возвратиться не захотел, а стал торговым работником. Впрочем, есть и второе пятнышко. Правда, не доказанное. Три года назад здесь судили одного следователя-взяточника. Не часто, но проникают и к нам такие. И вот когда вели следствие по делу о взятках, то двое свидетелей заявили, что видели в бумагах того прохвоста-следователя материал на Чачанидзе — по поводу опять-таки «левой» торговли сувенирами. Заявление свое те свидетели ничем не могли подтвердить, так как в изъятых документах Чачанидзе нигде не упоминался, а обвиняемый отрицал что-либо подобное. Как видишь, немного. Но Красилова назвала завмага вместе с Адамией как афериста — это уже не пустяк.

— Ты добилась от Красиловой?..

— Кое-чего добилась. Но если откажется? Нужны факты.

— Наташа, давай им очную ставку! Факты никто не принесет нам готовенькими...

— Может быть, и принесет.

— Кто?

— Да опять же майор Хевели. Красилова назвала еще некоего Багдасарова из Гудауты, работавшего прежде на колымских приисках. Из Магадана известили: они там, исходя из наших сообщений, держат под наблюдением приискового ловкача. Майор Хевели адрес Григоряна им отправил. Искать будут. Дома-то его нет.

12

На Гудауту пролился хлесткий веселый дождь. Пролился, прогрохотал раскатистой грозой и умчался разгонять пляжников в Пицунде. А Гудаута отряхнулась ветерком и, свежая, умытая, заулыбалась солнечными каплями на ветвях.

Симон Багдасаров обходил лужицы, стараясь не мочить, не пачкать новых лакированных полуботинок, обходил сторонкой и деревья, роняющие капли на асфальт. Шел Симон, посвистывал. Легко дышится после грозы.

Пришел Багдасаров в милицию, заглянул в открытую дверь паспортного стола. Тут сидел за своим столом паспортный начальник. И с ним посетитель, наверно. Круглолицый, с черными усиками бабочкой. Курили они, болтали о погоде, «Боржоми» пили.

— Заходи,— помахал паспортный начальник.— Что хочешь?

— Ничего не хочу,— ответил Багдасаров, входя.— Узнать пришел, что милиция хочет. Участковый сказал: Симон, у тебя с пропиской непорядок, зайди в паспортный стол.

— Очень хорошо, дорогой, что зашел. Так какой у тебя непорядок?

— Откуда знаю? Ты начальник, смотри, вот паспорт. Старая прописка есть, новая прописка есть. В чем дело, начальник?

— Ты тот Багдасаров, который недавно дом купил и переехал?

— Купил, переехал, все бумаги оформил, прописку сделал. Что еще нужно, скажи?

Начальник лениво посмотрел в паспорт, налил «Боржоми», выпил. Круглолицый с усиками на Симона смотрел, сигарету курил, спросил:

— Хороший дом купил, кацо?

— Ничего. Почти новый. Двухэтажный. Сад есть, водопровод.

Вообще-то Багдасаров не хвастун. Но если дом и в самом деле хорош — как не похвалишь покупку, а значит, и себя тоже.

— Ай молодец! — похвалил круглолицый.— Интересно, сколько стоит такой хороший дом у вас в Гудауте?

— Ты не здешний?

— Из Сухуми. Так сколько отдал?

— Десять тысяч. Но такой дом сто́ит десять тысяч!

— Ай молодец! — круглолицый покуривал, посматривал. И стало отчего-то неприятно Багдасарову, неспокойно. Он сказал паспортному начальнику:

— Слушай, паспорт не газета, зачем долго читаешь? Зачем меня вызывал?

Начальник паспорт закрыл, но Симону не отдал, а отдал тому, с усиками.

— Почему?! — возмутился Багдасаров.

— Извини, дорогой, разговаривать нужно. Я из уголовного розыска, майор Хевели меня зовут.

— Почему?..— опять спросил Симон. Лоб его сразу вспотел, захотелось пить, а еще бы лучше — уйти. Но сухумский майор повел его в другой кабинет, где сидел младший лейтенант, местный, знакомый.

Майор Хевели добродушно, весело даже, посматривал на Симона, записывал всякие там анкетные данные, словно это Багдасаров сам сюда пришел поступать на работу. И вдруг так же добродушно:

— Скажи, Симон, ты Чачанидзе очень давно знаешь?

— Какого это? — совсем оробел Симон.— Того, что у вокзала вином торгует?

Но младший лейтенант сказал:

— Зачем путаешь? Который у вокзала, того фамилия Чинчинадзе.

Майор подхватил:

— А Чачанидзе Леван в Сухуми торгует... и еще кое-где. Ты забыл, Симон?

Багдасаров вытер пот, не жалея рукав новой рубашки.

— Сухумских торговцев откуда знаю? Совсем редко бываю в Сухуми.

— А Гурама Адамию знаешь?

— Адамия? Кто такой?

Вот оно в чем дело-то! Рукав рубашки промок, пот в глаз попал, майорские усики бабочкой расплылись, обернулись крыльями ястреба...

— Тебе жарко, Симон? Младший лейтенант, открой окно, пожалуйста. Симон Хаджератович, ты большой дом купил, я видел. Большие деньги отдал. Где брал большие деньги?

— На Север ездил, два года работал... там мороз, пурга, очень холодно. Там большие деньги заработал. Соседей спроси, всех спроси!

— Вспомни, дорогой, с какого месяца, года? По какой месяц, год?

— Не помню... Два года работал на Севере... Хочешь, у паспортного начальника спроси!

— Не нужно начальника беспокоить, у тебя в паспорте отметка есть. Два года, ты все правильно сказал, а я записал. Прочитай, нет ли ошибки в протоколе?

Буквы качались, плавали, с трудом дочитал Симон протокол.

— Все правильно, начальник.

— Подпиши, пожалуйста. Очень хорошо. Красивая подпись. Только врешь немножко, Симон Хаджератович. Давай попробуем снова, а? Ты работал на прииске «Бурхала» в Сусумане. Так? Молодец. Два года добывал золото. Ты его не воровал? Нет. Заработал за два года 5119 рублей. Так? Опять забыл, Симон Хаджератович? Чачанидзе не помнишь, деньги

не помнишь, ай-ай. Но это ничего. Вот смотри, выписка из твоей платежной ведомости на прииске. Из Сусумана специально прислали, чтобы ты вспомнил. Видишь, всего заработано 5119 рублей 71 копейка. Очень хорошо. Ты не пил, не ел, все пять тысяч домой привез, большой дом за десять тысяч купил... Слушай, а где еще пять тысяч взял? Симон Хаджератович, говори, пожалуйста.

— Нашел...

— Ах, Симон Хаджератович, ты меня не понял. Я просил не просто так чего-нибудь говорить, а правду только говорить. Откуда деньги? Ну?

Сердце щемило, словно сухумский майор тискал его большой волосатой пятерней... Сидит майор, смотрит как сама судьба, все знает... Пропал дом, большой дом с водопроводом и садом! Почти год, как вернулся он с Севера, все тихо было, спокойно... Вызвали прописку только проверить... Что делать? Что говорить? Нечего говорить... Так внезапно взял майор сердце, мозг Симона...

— Мы слушаем тебя, Симон Хаджератович. Скажи сейчас, потом поздно будет каяться.

Что говорить?!

— Брал золото... на прииске...

— Много?

— Нет! Одну тысячу грамм... тысячу триста...

— Кому продавал?

— Абхазцу одному... Клянусь, я его не знаю! Случайно познакомился в Магадане.

— За сколько?

— Три тысячи.

— Очень хорошо. Будем считать, будем торговаться. Не пил, не ел, пять тысяч заработал. Дом стоит десять тысяч. А? В другой раз сколько продал Адамии золота?

— В другой раз... Ты все знаешь, зачем спрашиваешь?

— Не сердись, Симон Хаджератович, у меня служба такая. Сколько в другой раз?

— Две тысячи сто пятьдесят...

— Тоже Адамии?

— Ему...

— Для кого Адамия скупал золото?

— Не знаю...

— Э, Симон Хаджератович, теперь уже запираться поздно. Теперь, дорогой, ни к чему. Для кого скупал золото Адамия? Скажи, я слушаю. Как фамилия того завмага?

Багдасаров вскочил, замахал руками:

— Ты знаешь, знаешь! Зачем мучаешь!

— Фамилию, Симон, фамилию, быстро!

— Ты знаешь... Чачанидзе...

— Кто сейчас ворует для него золото на Колыме? — ковал майор горячее, мягкое железо.

— Захаркин, он больше моего крал, он...

13

Леван Ионович не спеша шел из управления торга к себе в магазин. Мужчина он не то чтобы красивый, а весьма представительный, что для директора магазина, пожалуй, более приличествует, чем просто красота. Не тучный, умеренной, степенной дородности, несколько спортивный даже, в безупречно сшитом летнем белом костюме. Лицо у Левана Ионовича мужественное, строгое, как на бронзе псевдохевсурской чеканки, что выпускают местные ширпотребы. Брови — одна прямая линия, перпендикулярная длинноватому носу с загибом на самом конце, как у ястреба. Полные, но твердые губы с чуть брезгливо опущенными уголками придают лицу породистость. По густой черни волос надо лбом ювелирно извилась серебряная прядь. Глаза, черные, пристальные, привыкшие к точной ювелирной работе, взирают на мир рассеянно и свысока, но все замечают отлично. Заметили и «Волгу», которая приткнулась к газону неподалеку от его магазина. Серая потертая «Волга» обута в сношенную резину. Так себе машина. Чья же? Кто приехал? В магазин?

— Завмаг в полном расцвете сил и деятельности,— сказал Чепраков, следя из машины за Чачанидзе.— А хорош! Наташа, как с женской точки зрения?

Сидевшая рядом с шофером Юленкова ответила:

— Потом рассмотрю. Приглашай, Алеша.

Чепраков распахнул дверцу «Волги».

— Леван Ионович, добрый день! Мы вас ждем.

— Здравствуйте, э-э... Простите, не припоминаю.

— Разрешите представиться — инспектор Чепраков. Вы задержаны, Чачанидзе. Прошу сюда. Садитесь, садитесь.

— Леван Ионович, давай сюда, дорогой,— выглянул майор Хевели.

Чачанидзе огляделся вокруг. Светило полуденное солнце, млела в зное улица. Из его магазина вышли две девушки в коротких юбочках, остановились на ступеньках, примеряют к белым блузкам пластмассовые вишенки — красиво? Мальчишка лижет мороженое... Левана Ионовича поторопили за локоть. Он пожал плечами и полез в машину. Сел между Хевели и Чепраковым, с привычной галантностью слегка улыбнулся даме. Проехали квартала два, пока решился спросить:

— Позвольте узнать, в чем, собственно, дело? Куда вы меня?

— К вам,— добродушно улыбнулся майор.— Домой к вам, Леван Ионович. Будем, дорогой, обыск у вас делать. Постановление сейчас прочитаете или уж когда приедем?

Из протокола обыска:

«Г. Сухуми 30 июля 19... г.

...Произведенным обыском в доме Чачанидзе Л. И. обнаружено и изъято:

1. Набор ювелирных инструментов	— в ящиках стола и в настенном шкафу угловой комнаты
2. Тиглей для плавки металла — 2	— там же
3. Весы аптекарские с разновесом — 2	— там же
4. Колец обручальных золотых — 11 шт.	— в стенном тайнике угловой комнаты
5. Колец золотых, заготовок — 6	— там же
6. Золота промышленного россыпного 669,5 г.	— в тайнике в фундаменте надворной постройки

Все обнаруженные предметы и ценности предъявлены Чачанидзе Л. И., понятым и изъяты для приобщения к делу.

Чачанидзе Л. И. признал, что предметы и ценности, найденные в его доме, принадлежат ему, обручальные кольца сделаны им самим из россыпного промышленного золота с целью продажи. Промышленное золото куплено для этой цели у незнакомого мужчины, по-видимому грузина, имени и адреса которого Чачанидзе Л. И. не знает.

Других заявлений или жалоб от присутствующих при обыске не поступило».

Далеко на востоке, на другом краю государства, белый день стоит над Магаданом, над колымской тайгой, и реками, и приисками.

Далеко, за тысячи километров от Черного моря, начал рабочий день сибирский город Чита. Идут на работу люди, едут в троллейбусах, на мотоциклах и велосипедах, идут и едут созидать, творить, делать нужное всем дело. Идут и едут они, отдохнувшие, веселые, бодрые. Хорошо им спалось — людям труда, людям с чистой совестью.

За тысячи же километров от Черного моря только еще просыпается город Красноярск. Играют солнечными блестками волны Енисея.

После ливня свежа ночь над Черным морем, над курортами и пляжами. Спит Сухуми, спит Гудаута, спят горы, сады, и шелестит ласково морская волна.

Не спит Леван Ионович Чачанидзе. Локти уперлись в колени, лицо ладонями сжато, сутулится спина. Отводит руки, тупым взглядом обводит камеру, будто все еще ему не верится... И опять — в ладони, чтобы не чувствовать, не слышать чей-то храп рядом, не думать... Но не думать нельзя. И вспоминает Чачанидзе...

Гурам Адамия курит сигарету за сигаретой. Болит голова, накатывает тошнота, а он все курит. Смотрит бессмысленно в запертую дверь камеры. Дверь... По эту сторону камера, по ту сторону весь мир, еще недавно бывший и его миром. Те-

перь не его, чужой. Гурам встает и ходит, ходит по тесному свободному пространству камеры, ступая неслышно, в одних грязных носках, чтобы никого не разбудить. Гурам никого не выдал, Гурам путает следователя. Но почему несколько дней не вызывают на допрос? Что раскопал следователь? Ничего ему не раскопать, Гурам умеет играть в подкидного дурака! Но почему не вызывают на допрос? Они нашли Вальку? Врут! Пугают очной ставкой. Валька как в воду канула... А больше нет у Чепракова козырей. Лишь бы не Валька... О-о, Валя!.. Предала, змея! Ах, тяжело вспоминать...

В женской камере лежит на койке, на втором ярусе, Валентина Красилова. Навис над ней потолок, давно не беленный, исчерканный надписями, серый в скудном освещении лампочки у входа. Все больше тускнеет, тускнеет серая известь, туманится влажно, и вот уже нет потолка, один туман... Сморгнет Валентина длиннющими ресницами, скатятся капли по вискам на жесткую подушку... Серый потолок. Ее потолок. Ее серая жизнь, грязная... И ничего не жаль, ничего... кроме всего лишь нескольких дней... Что там дней — несколько часов всего чистых. Их жаль, они вспоминаются. С них все началось. С Кости.

14

ВАЛЬКА. Досрочное освобождение или на «химию» Красиловой не светило — много нарушений у нее. Ну и плевать. Штрафной изолятор? Подумаешь! Там тоже кормят, не сдохну. Перевоспитать меня вздумали! А вот вам! Поняли? Ну и все. Воровала и буду воровать, курила и буду, хамила вам и... Да пошли вы все... Срок кончится — все одно отпустите.

Срок кончился. Валька сняла ватник, полосатое колонийское платье и надела хоть незавидное, да свое, «вольное» платьишко, тонкое пальтецо «на рыбьем меху» с облезлым воротником. Вышла из проходной. Огляделась. Ишь она какая снаружи, колония проклятая, век бы ее не видать. И пошла Валька, спрашивая дорогу до вокзала, озираясь по сторонам,— свобода! Зарок себе дала: не пить ни грамма, со всяким встречным не связываться, а поехать в Свердловск к матери, отдохнуть, пока деньги есть, а там... видать будет. Может, учиться буду. Учительница говорила, что способная. И работать.

Мать встретила доченьку бурными упреками, поцелуями, объятиями. От нее пахло луком и немного водкой. Крепкая на вид баба, разворотливая, мать-то. Однокомнатная квартира запущена, неуютная, полузабылась за два года отсидки, в мечтах казалась не такой совсем. Стол с изрезанной клеенкой, немытые стаканы на нем, куски, лук, пустые бутылки.

— Ладно тебе лизаться-то,— сказала матери.— Отстань, говорю! Грязи-то ишь развела. Ну-ка я пол вымою.

Но мать пол мыть не велела, а побежала в магазин —

«со встречи надо»... За бутылкой противного дешевого «Вермута» мать рассказала о своем житье-бытье. Работает на другой работе, живет с другим сожителем. Ничего мужик. Пьет много, а так в общем-то ничего. Работает он где-то. От «Вермута» Вальке расхотелось мыть пол, комната показалась не такой уж муторной, а родная мать не такой уж дрянной бабой. Тоже ведь и маме нет счастья в жизни. Вон седина полезла в голову, а волос лезет из головы. В девках, наверно, красивая была, мать-то.

Пришел сожитель материн, Пашка. Еще пили «со встречи».

«Отдых» кончился через четыре дня. Только и успела, что паспорт получить да стриженный «под мальчика» волос в красный цвет выкрасить. Больше ничего не успела, отдыха за пьянкой не видела толком — разразилась семейная драма.

Мать на работе была, а Пашка заявился с водкой. Выпили. Он полез обниматься. Валька скромницу из себя не строила — чего там, вся в мать, с шестнадцати лет с парнями путалась. Но Пашка, материн сожитель,— красномордый, лысый, круглый, как клоп, изо рта несет черт те чем, как ровно одной падалью питается,— до того противный показался! Озлилась за нахальство, исцарапала ему рожу. Он рассвирепел, и еще неизвестно, чем бы кончилось, да тут бурей ворвалась мать. Ох скандал был! Пашка смекнул, что попрут его сейчас с треском из квартиры — не прописан же, на птичьих правах кукует. И уж постарался, наплел на Вальку всякого. Что она, дескать, сама таковская, известная шлюха. И прочее... И затрещали Валькины свежеокрашенные волосы в материнских остервенелых пальцах. Вырвалась, впрыгнула с налету в валенки, схватила пальто, шаль, обложила их по-матерному, и ходу, пока цела.

Все, отдыху хана. В голове гудит от Пашкиной ласки, от мамкиной таски. Чтоб вы до смерти опились, гады! Бродила по улицам, под горячую руку облаяла кого-то. Замерзла. Порылась в сумке — деньги тут, хотя и мало. Паспорт тут. Напиться, что ли, со злости? Ну а куда податься?

Пошла к подруге. На стук вышли незнакомые. Сказали, уехала подруга неизвестно куда. Валька ругнулась про себя, постояла у подъезда и побрела за пять кварталов, к знакомому парню, с которым когда-то жила недолго, поругавшись с матерью. Не шибко к нему охота, сволочь он, да что делать-то?

Но и парня нет — посадили на четыре года. Ну, не везет! Нет в жизни счастья.

— Валя? Красилова? Неужели это ты?!

Что за старуха? Ой, да это же учительница бывшая, классная руководительница, которая в седьмом классе... Добрая вообще-то старуха. К матери все, бывало, пристает: «Не пьянствуйте, займитесь воспитанием дочери». Хотела Вальку в детдом отправить, да никто ее не послушал. Может, и к лучшему было бы... А Вальке все долдонила: «Красилова,

ты способная девочка, ты можешь...» Ишь, глаза старые вытаращила. Способная, да...

Валька не ответила учительнице, ушла, нарочито вихляясь, дымя сигаретой,— на, смотри, учительница! Способная! На все! Злорадство даже согрело ненадолго, принесло кислое удовольствие. Но скоро прошло, оставив горечь,— и чего взъелась на старушку? «Способная, можешь...» Вот и отдохнула. Вот и доучилась. Да пропадите вы все пропадом!

Валька замерзла. Пойти домой, матери покаяться в несвершенном грехе? Ну нет, не дождетесь! Поехала греться на вокзал. А куда еще? Кому она нужна такая-то? Голова на морозе прояснилась. И выдумала голова выход.

В колонии была у Красиловой товарка, Люська Шкиля, старая поездная воровка. То есть не старая, а просто истрепанная такая. Худющая, прокуренная, хриплая, зубов мало, и те гнилые. Четверть жизни Люська Шкиля таскалась по вокзалам, поездам и «блатхатам», а три четверти — по колониям. Однако считала себя опытной воровкой, говорила, что блатным ремеслом «на всю жисть себя обеспечила, всякого добра припрятано, заначено». А в поездах красть и вовсе клево, потому что взять можно больше, а риску меньше — народ проезжий, свидетели были, да уехали. Всем известно, что на языке у Люськи правды сроду не бывало. Но в железнодорожные ее удачи верили почему-то. И теперь, оказавшись без причала, захотела Валька испытать фартовую поездную житуху. Для начала взять билет куда-нибудь подале, приглядеться и увести чемодан или там что бог пошлет. Не дурнее же она Люськи-то!

Что дальше было — все в памяти перепуталось. Карусель с музыкой... Станции, полустанки, вокзалы, вагоны, барахолки, барыги-крохоборы, скупщики краденого, две женщины какие-то взяли в свою компанию, а потом обманули при дележке, обокрали, после чего Валька, наскандалившись, ушла от них; какие-то мужчины разного возраста и нрава, но с одинаково щупающими взорами, мужчины, которые угощали водкой и скудной закусью, а потом приходилось ей убегать от расплаты... Кошмар... Опротивело все до тошноты. Или врала Люська Шкиля, или сама́ Валька такая уж бесталанная, но вагонные кражи оказались бедными. Иной раз не то что выпить — пожрать не на что. Да еще морозы жмут, студеный ветер метет по чужим перронам, продувает насквозь краденую короткую шубенку, стынут руки, стынет душа... Не раз подумывала Валентина: хоть бы уж взяли с поличным, осудили да отправили в ту, свою колонию, где теплый барак, где кормят досыта. На что она, такая мерзлая свобода... Подумает так-то Валька, поплачет тихонько где-нибудь в закутке на вокзале, размазывая по щекам слезы грязными ладошками, да решиться изменить свою жизнь непутевую не может. И опять пошла-поехала по чужим станциям да полустанкам.

Однажды под вечер на захудалом полустанке — не помнит на каком, а только на Украине где-то — исхитрилась проскочить без билета в вагон, общий жесткий вагон, наполненный животворным приятным теплом и временным дорожным покоем. Поезд «Москва — Тбилиси», пассажиров немного — не сезон. Деньги были — от последней кражи десятка с мелочью. Какие уж то деньги, но все же. Главное, тепло! Нашла свободную вторую полку, залезла, выспалась. Утром пошла умыться, в зеркало на себя поглядела — ну и образина! Волосы не поймешь какого цвета, сосульками висят, ворованный свитер-маломерок под мышками жмет. Ну, правда, фигуру обтягивает выразительно. Короткая юбчонка мятая. Лицо мятое. Да и вся... Внешность доверия не внушает, попробуй тут, укради...

Долго «наводила марафет». Мочила ладошку, юбку разглаживала. Припудрила бледное лицо, губы подкрасила. Хотела еще и чулки простирнуть, но в дверь туалета стучали, пищал ребенок. Ладно уж, сойдет.

Шубенку оставила на полке, чтоб место не заняли, и потопала в вагон-ресторан завтракать. Села за свободный столик. Пока ждала неторопливую официантку, прикидывала: выпить стакан красного или не надо? Всего стакан бы портвейна? Или поэкономить, десятку на дольше растянуть?

Когда везет, так уж везет.

— Девушка, у вас не занято?

Смазливый брюнетик стоит и на Вальку глядит. Кавказец, видно. Сел, куцее меню повертел и отбросил. Не понравилось меню. А Валька, наоборот, понравилась брюнету. И завел он с ней вежливый разговор на железнодорожные темы: куда едете, да в каком вагоне, да почему одна, такая молодая, интересная? И прочую подобную муть. Валька держится чинно. Не хамит, но и не улыбается сдуру. Внешне — скромная студентка вуза пришла покушать, и ей все равно, кто сидит рядом, это ее не интересует. Внутренне — а ну давай, давай завлекай, брюнетик! Говорят, у кавказцев денег куры не клюют, авось да и удастся увести бумажник. Вот бы!..

— Девушка, ресторан не столовая, в ресторане вино пить нужно. Один не могу — душа не пьет!

— За тем вон столиком выпивают — компания вам.

— Компания, да? Слуш, почему вы не компания? Немножко выпьете, а?

— Я не пью. Да и стипендия у студента, сами знаете...

— Слуш, зачем обижаешь! Я угощаю, какой может быть стипендия!

До чего все они одинаковые. Все один и тот же комплимент суют, словно кислый леденец: «Молодая, интересная...» Потом про выпивку. И глаза у них одинаково липкие. Все одинаковы, гады. Хотя этот брюнетик покрасивше прочих будет и вежливый пока.

— Выпьем за знакомство, Валя?

— Не знаю даже... Разве красненького грамм сто.

— Официантка, слуш, сколько можно ждать! Дай коньяку триста грамм, пожалуйста. Валя, коньяк хороший, самый лучший! Нет, не хочешь? Официантка, красного! Сухого!

Уютно покачивается вагон, плывут за окном украинские снега. А он ничего, этот кавказец... Только не надо торчать долго в вагоне-ресторане, глаза тут всем мозолить. И пускай не думает, что студентка рада ему на шею кинуться. Она скромная девушка, едет в Сочи к заболевшей тетке. Студентка сама за свой обед рассчитается. Борщ, шницель, чай, сто пятьдесят сухого — получите с меня. Нет, она пойдет в свой вагон, там же вещи. И не надо провожать — поезд не бульвар. Да, придет в ресторан ужинать. Часов, скажем, в восемь. Увидеться? А зачем? Ну, как хотите.

Валька вела себя умно. Убралась в свой вагон, где шубенка охраняла «ее» место, и опять завалилась спать. Мечтала. Говорят, кавказцы торгуют фруктами и денег домой везут прямо целый чемодан. Люська Шкиля говорила. Вот бы!.. Вальку перестал привлекать новый большой чемодан и дорогое пальто соседки по вагону. И большой рюкзак, набитый чем-то мягким, у красноносого субъекта, что едет там, у самого выхода. И изящная сумочка молодящейся модницы из второго с краю купе. Все это мура. У кавказца Гриши душа широкая и, чует Валька, денег навалом. Валька ему понравилась, вон как лебезил. Вот бы!..

Само собой, встреча состоялась и вечером. Он встретил еще за вагон от ресторана, взял под руку, дверь перед ней распахнул. Вежливый, прохвост. Если и денег много, так, может быть, и не красть, не рисковать? Да ну, женатый, поди.

— Я тебя искал, Валечка. Почему не говоришь, какой вагон едешь? Общий вагон, жесткий? Слуш, зачем? В моем купе место пустое едет, переходи, пожалуйста!

— Ах, что вы! Мы, студенты, привыкли в жестком. Нет-нет, и не просите.

Ужинали. Гриша пил коньяк. Валька отказалась.

— Что вы! Я только красненькое. И как вы, мужчины, пьете такое крепкое. Вас и не заметно, что выпили. И еще можете, да? Вот что значит мужчина! А у меня уж голова кружится, ха-ха! Ой, как смешно кружится...

Притворилась пьяненькой, веселенькой, немножко в Гришу влюбленной. Позволила увлечь себя в купейный вагон. Там с двумя колхозными дядьками допоздна играли в подкидного, потом вместе распили бутылку коньяку. Дядьки залезли на верхние полки, подмяли в головы дешевые пиджаки и сразу смачно захрапели. Валька старательно зевала и лупала сонными глазами, порывалась идти в свой вагон. Гриша отговорил, уложил одетую на свою постель, сел рядом. Любезничали. Кавказец увлекся. Но Валька приказала рукам воли не давать — здесь посторонние, все слышно... И вообще, она спать хочет. Пусть и Гриша ложится спать. Вот приедут

в Сочи, и, если Гриша так желает, она согласна на приличную дружбу.

Гриша покосился на верхние полки, где сопели дядьки, и отстал. Лег на незастеленное свободное место и затих. Валька велела себе проснуться часика этак через два. Засыпая, чувствовала под собой, под полкой, в багажнике, чемодан Гриши. Она видела этот чемодан — Гриша карты доставал,— желтый, потертый, небольшой. Но для денег места в нем хватит... Вот бы удалось!.. С тем и уснула.

Проснулась. И сразу вспомнила: нужно что-то сделать. Ах да! В купе темно, кавказец с вечера дверь задвинул и свет выключил. Только от окна слабое снежное сияние. Тишина, ритм колес, монотонный вагонный бег. Дядек на полках не видать, не слыхать. Лежа на спине, отвернув лицо к стенке, спит Гриша, или кто он там. Левая рука в белом рукаве откинута, покачивается на весу, под манжетом чернеет ремешок часов. Ну? Пора?

Села, прислушалась к тишине на фоне бега. Откатила чуточку дверь — полумрак разбавился ночным полусветом из коридора. Там пусто. Валька осторожно взяла и повернула качающуюся кисть Гриши — на часах без двадцати три. В самый раз время. Гриша головой качнул, бормотнул... Спит. Пожалуй, часы лучше не снимать — не так уж много он выпил вчера. Валька вышла в коридор, всмотрелась в расписание на стенке. Минут через двадцать будет полустанок. Одна минута стоянка, проводники и дверь не откроют. До большой станции около часа езды. Ладно, подождем. Вернулась в купе и легла, дверь не прикрыв. Теперь спать нельзя.

Когда в купе запульсировали отсветы частых фонарей, Валька встала. Поезд, сдерживая бег, входил в большой город. Цепочка огней на улицах, красные сигналы на трубах завода... Время подходящее — около четырех ночи. Кавказец дрыхнет носом к стенке. Ну, спи, Гриша, утро у тебя мудренее вечера...

Шла она по пролетам полутемных вагонов, стараясь не задевать лицом торчащие с полок ноги. Желтый чемодан был невелик и легок. Ну и правильно: деньги ж не тяжелые, они — веские. Почему Валька уверилась, что там деньги, неизвестно. Но так ей хотелось. Сколько раз слыхала: у кавказских торгашей денег тыщи. Слыхала еще, что торгаши нещадно бьют воров. Но — не попадайся.

Она добралась до своего вагона, шубенку надела и заторопилась к выходу. Из служебника появился заспанный проводник, за ним пошли в тамбур человек пять с вещами, в коридор потянуло бодрящим холодком. Деловито шагнула в тамбур и Валька...

— А ну стой! — Кто-то сзади крепко взял за локти...

15

ГУРАМ. И в этот раз все обошлось благополучно. Гурам явился по знакомому адресу, взял «груз», отдал деньги и сразу поехал на вокзал. «Груз» скромный, чуть больше полкило: Урал не Колыма. За эту «ходку» немного заработает, зато и риску меньше. Рисковать — кому нужно? А придется. Хозяин сказал: скоро полетишь в Магадан.

По пути от Свердловска до Сухуми надо было ему сделать два деловых заезда: к знакомому зубному технику и, в другом городе, к кладовщику часового завода. Дальнейшая дорога была уже не опаснее туристической прогулки — «груз» сплавил адресатам, деньги равномерно расшиты в подкладки жилета. Очень хорошо. Гурам ехал и наслаждался безопасностью, ощущением больших денег (хотя и чужих) и просто скромными удовольствиями путешественника: спокойно спал, играл в подкидного, ухаживал за смазливенькой пассажиркой, пока не сошла она на своей станции. Больше смазливых в его вагоне не нашлось. Гурам скучал.

На первый взгляд Валька показалась ему даром аллаха. Он пил в вагоне-ресторане скверный портвейн за неимением ничего лучшего и болтал со случайными сотрапезниками, когда она прошла мимо. Первое, что оценил по достоинству Гурам,— красивые ножки в некрасивых, не по сезону легких сапожках. Мысленно воскликнул: «Цх!», поднял взгляд немного выше и еще раз, уже вслух, цокнул языком — вот фигурка!

Она села за свободный столик — тем лучше, никто не помешает на первых порах. Не допив портвейна, бросил на стол рублевку и побежал заводить знакомство.

Армянское радио спрашивают: какое есть средство от любви с первого взгляда? Армянское радио отвечает: взглянуть второй раз. Очень правильно отвечает: со второго взгляда девушка вовсе не понравилась Гураму. Мальчишеская стрижка, когда-то крашенная в идиотский фиолетово-красный колер, а ныне пегая, способна сбить интерес и у пьяного. Рот грубо накрашен. Курящая, наверно,— пальцы с желтизной. В резковатых движениях, в недоверчивом прищуре, манерных ужимках, во всем облике девицы было так много неприятного, вульгарного, что Гураму расхотелось продолжать знакомство. Не поверил он и в то, что она студентка. Скорее всего, глупая дорожная аферистка. Такие женщины ему не нравились.

Но в купе все равно скучно, с разгону успел познакомиться с девицей, разговориться, а через полчаса болтовни разглядел под краской и грязью юную привлекательность девушки. И тогда у Гурама возникли кое-какие деловые соображения, повлиявшие на дальнейший ход знакомства.

Для начала он сделал вид, что покорен ее жалкой красотой, верит ее вранью, да и сам не более как влюбленный на час южанин, колхозный донжуан — то есть тот самый, ка-

кого бы ей хотелось. Они выпили. При этом Гурам по достоинству оценил ее воздержание — если надо, пьет с умом девка. Когда встали и пошли, Гурам еще раз с одобрением отметил стройность Вальки и еще раз подивился ее глупости, ее неумению пользоваться своими природными преимуществами. Но и это к лучшему...

При втором свидании, вечером, он уже вполне ясно представлял, чего можно ожидать от девчонки и на что может она пригодиться в его «хозяйстве». Приглашая в свой вагон, заранее знал, что согласится, пьяно умоляя остаться в купе на ночь, не сомневался, что останется. И потом, ночью, когда Валька, трепеща от радости, уносила его чемодан с электробритвой и грязным бельем, Гурам если чему и удивлялся, то — почему не сняла и часы? Едва Валька выскользнула из купе, он открыл глаза, потянулся, зевнул, прикинул, когда должна быть станция. Неторопливо оделся и отправился ее ловить.

16

ВАЛЬКА.

— А ну стой!

Ничего еще не успев сообразить, Валька отбросила чемодан, он ударился о стенку, раскрылся, рассыпалось белье, мыльница, электробритва.

— Зачем бросала, одеколон разобьешь,— наставительно сказал Гурам.— Что смотришь? Ты бросала, ты и подбирай.

Валька послушно склонилась над проклятым чемоданом, втянула голову в плечи, ожидая немедленного возмездия. Хватала и совала вещи, шмыгала носом, жалела себя — нет в жизни счастья! И никаких денег тут не бывало, одно барахло, и за него светит ей опять тюрьма. Как-то забылось, что еще вчера, продрогшая и полуголодная, с паршивой десяткой в кармане, мечтала попасть снова в колонию, где тепло и кормят каждый день по три раза. Сейчас в колонию жутко как не хотелось... Но и колония еще бы туда-сюда. Что кавказцы возят в чемоданах денег навалом — это ей явно наврали. Но что кавказцы бьют воров смертным боем — ай, кабы не пришлось сейчас познакомиться с их скверной такой привычкой...

— Сдашь меня легавым? — с надеждой спросила.

— В чужом городе день терять — зачем нужно! Сдам в Сухуми.

— Я в Сочи еду. Вы не имеете права...

— Слуш, кавказский человек воров не любит, кавказский человек воров убивает, ему милиция спасибо говорит. Тебя пожалел, под колеса не бросал — спасибо говори. Шуметь у меня будешь — жить не будешь.

Заорать?! Пока люди рядом, в тамбуре... Пусть тюрьма, пусть! А то убьет ведь...

— Только пикни!..— прошептал нависший над ней кавказец.

Поезд остановился. Выходили пассажиры. Чьи-то фетровые валенки налетели на склоненную Вальку.

— Ну, вы, слазите или нет?

— Извини, дорогой, небольшая авария.— Гурам отстранил Вальку.— Проходи, товарищ.

На перроне крутила в ночи метелица, забрасывала в тамбур струи снега. Гурам подхватил чемодан, больно взял Вальку под руку и повел в купе.

— Ложись, спи.— Видя, что Валька намерена изобразить большой плач, строго добавил: — Слуш, подожди, не реви. В Сухуми реветь будешь.

Теперь он лег на постель, а Валька на голую полку. Легла и заплакала тихонько, для себя, от обиды на неудачливую воровскую судьбу. Поплакала и уснула.

Утром Гурам разбудил и, неумытую, повел кормить в ресторан. Ишь ты! Она посмелела. Намекнула даже:

— Что ж всухомятку-то, конвоир. Красного бы по двести...

Сверкнул горячими глазами:

— Воров бензином поить, огонь на закуску давать!

Она поежилась. Вспомнилось опять: на Кавказе воров под суд не отдают, но и не милуют...

Так и ехали... Валька в коридор, и этот дьявол за ней — подышать свежим воздухом. Валька в туалет, и он в тамбур — покурить. От такого не сбежишь. На одной остановке двинулась в сторонку — так придержал, что полчаса ребра ныли. Удрученная постоянными неудачами, Валька смирилась. Будь что будет...

В Сухуми приехали. Тепло, солнечно, красиво! Сошли на влажный асфальт. Гурам взял ее под руку. На перроне прохаживался дюжий усатый милиционер.

— А у тебя свидетелей нету,— пропищала Валька.

Он улыбнулся:

— Нужно будет — пол-Кавказа свидетелей найду. Когда не нужно — свидетелей нет. Понимаешь?

Мать честная! Заведет куда-нибудь, разделает, как бог черепаху. Заорать?! Спасите, мол, люди добрые, обижают девушку! Но тут Гурам весело поздоровался с кучкой здоровенных парней, болтнул им что-то не по-русски. Ой, не спасут люди добрые, такие вот...

До милиционера оставалось шагов пять. Гурам остановился, спросил:

— Скажи, что хочешь? В тюрьму или в ресторан? Меня слушаться будешь — в ресторан, в гостиницу пойдем, есть-пить будем, гулять, отдыхать. Слушаться не будешь — пропала.

Валька рассудила, что ресторан, во всяком случае, лучше,

чем тюрьма и тем более мордобой. Конечно, будет она слушаться, что ей еще осталось! Конечно, в ресторан! В самый раз напиться до чертиков.

Вскоре Валька уверилась, что, наоборот, счастье ей привалило в самый неожиданный момент. Гурам, пошептавшись с администратором гостиницы, получил отдельный номер, провел туда Вальку, забрал ее паспорт — для регистрации, принес вина и еды. Странный народ на Кавказе: когда надо бы по всем статьям бить морду, они вином поят... Впрочем, Валька отнесла такую перемену за счет своей неотразимой красоты. Хихикнула, состроила глазки. Гурам брезгливо поморщился.

— Иди в ванну, вымойся. Тьфу...

17

ГУРАМ. Приятели угощали вином. Но Гурам пил только черный кофе — «слуш, я один — друзей много, со всеми вино пить не могу». Рассказывал, как возил на Урал яблоки и что там морозы, зато фрукты в цене — в магазине нет, на базаре есть. Болтал с приятелями, пил кофе, смотрел в большое окно кафе. Легковые машины проносились с включенными уже фарами. В кафе уютно пахнет вином, табаком, шашлыком, кофе, все эти запахи сливаются в приятный аромат, очень хороший аромат, самый лучший. После морозов, чужих вокзалов, после долгой тревоги хорошо дома. Ничего не делать, ни о чем не заботиться, сидеть вот так, рассказывать о тех далеких морозах, наслаждаться привычными запахами, пить хорошее вино, если хочется его пить, есть солянку по-грузински — это и есть жизнь, и она стоит риска. И зачем сейчас думать о минувшей опасности, о грядущей опасности? Нет, сейчас надо думать о том, что придет яркое южное лето, как шампанское, заискрится море, шипя зеленоватой пеной, берега расцветут садами, а пляж белотелыми, белокурыми северянками в пестрых купальниках...

На освещенном из окна асфальте остановилась черная «Волга».

— Спать хочу,— сказал приятелям Гурам.— Спать пойду.

Рассчитался, не мелочась. Вышел на темнеющую улицу, подошел к черной «Волге».

— Здравствуй, Леван.

— Садись, друг. Здравствуй.

Машина плавно вышла из освещенного прямоугольника и заскользила по улицам.

— Как съездил?

— Хорошо.

— В машине тепло. Может, хочешь раздеться?

Гурам снял плащ с меховой подкладкой, черный импорт-

ный пиджак, жилетку. Бросил жилетку на колени Левану и опять надел пиджак.

— В кармане там бумажка, на ней все расчеты. Проверяй, пожалуйста.

Леван развернул тетрадный листок. Ведя машину малым ходом, бегло просмотрел колонки цифр.

— Хорошо, Гурам. Свою долю получишь утром. Говори, как ездил.

Гурам плохо знал по-грузински, Леван не понимал абхазский, и говорили они по-русски. Леван выспрашивал подробности. Все ли тихо на уральских приисках. Зубному технику надо ли еще «груз». Полностью ли рассчитались за прошлое часовщики.

Закончив доклад, Гурам поерзал на сиденье, закурил.

— Слуш, Леван, ты хочешь, чтобы я скоро летел в Магадан...

— Надо будет — полетишь.

— Не хочу рисковать один! Пусть со мной женщина будет, женщине легче провезти «груз» самолетом.

— За риск я деньги плачу, друг. В прошлый раз с тобой Зинка летала, деньги заработала, больше не хочет. Русского мужа нашла, уехала, что мог сделать? Она женщина, русская, хитрая.

— Зинки нет — другую надо.

— Где возьму? Пока надежной нет.

— Леван, я привез. Русская, воровка, молодая.

Леван нажал тормоз, резко обернулся к Гураму.

— Ты ей сказал? Ты, ишак, сказал?!

— Нет. Зачем ругаешь? Припугнул девчонку — в руках у меня.

— Где сейчас?

— Напоил, спит в гостинице. Буду ее учить, смотреть, потом про дела скажу. Один рисковать не хочу, Леван.

Гурам поведал, что знал о Вальке и как подобрал ее, бродячую.

— Паспорт есть, смотри, пожалуйста. Прописки нету. Сидела за кражу.

Леван курил, думал. Долго думал.

— Красивая, говоришь? Утром покажешь мне. В одиннадцать у театра.

Он подвел ее к скамейке, оглядел критически, выпятил недовольно полные губы.

— Сиди здесь, никуда не ходи.

Бульвар не тюрьма, сидеть можно. Да и куда она без паспорта?

Черная «Волга» ждала Гурама по ту сторону театра. Распахнулась дверца.

— Привел?

— Да. Поехали. Давай налево. Смотри теперь, вон она.

Валька сидела, поджав ноги в старых, облупленных сапогах, куталась в облезлую шубенку. Таращилась на каменных драконов в бассейне у театра. Холодно ей, с моря дует резкий ветер. Похмельное лицо синюшно-бледное, пегие волосы торчат шваброй из-под линялого берета.

— Это чучело ты предлагаешь для дела?

— Как хочешь, Леван. Отпущу, пусть идет. Но мне для Магадана женщина нужна!

— Вот это — женщина?! Это живая уголовная статья. От нее на расстоянии тюрьмой пахнет. Ты шел с ней рядом? Ты ишак, Гурам, тебя перестанет уважать милиция.

Валька зевнула, поежилась, встала и пошла взглянуть на драконов поближе. Ветер взметнул подол юбчонки, едва не сбросил берет — успела подхватить на лету.

— Слуш, Леван, девка будет хорошая, если отмыть и...

— Помолчи.

18

ЧАЧАНИДЗЕ. Леван Ионович умел ценить красоту. Искусно сделанные браслеты, перстни, серьги, броши, кубки с чернью и инкрустацией — серебряную и золотую, до совершенства отделанную красоту он видел с тех пор, как научился видеть, различать вещи. Золотая, серебряная красота ювелирных изделий — и безобразная бедность. Таким был дом-мастерская-лавка талантливого ювелира и бесталанного простака Иона Чачанидзе. Ион умел сделать кубок, достойный княжеского застолья, но не умел выгодно продать, ибо красота была для него дороже денег. Другие наживали барыши на его кубках и браслетах, покупая их у Иона за бесценок. Ювелир вечно платил долги и делал новые долги. Не роптал на судьбу, но благодарил бога за то, что вот этот браслет получился лучше прежних. Тоскуя, расставался с тем, что сотворил, продавал, чтобы уплатить хоть часть долгов и купить еще золота и сделать еще лучший браслет или кольцо. Нельзя сказать, чтобы Ион не мечтал о богатстве. Он молился дома, он шел в церковь и покупал свечу, он заставлял молиться детей — пусть господь пошлет много денег, Ион купит много металла, и тогда, без спешки, без оглядки на кредиторов, создаст такую вещь невиданной формы, небывалого узора! Вещи, которые бы долго, вечно радовали глаз многих людей!

В тридцатых годах пришлось закрыть мастерскую, проситься в артель. Но работать становилось все трудней, и уже плохо помогали очки. Просиживал дома вечера над простым турьим рогом, над бронзовым украшением, пока не начинали слезиться и болеть глаза. И все-таки небогато жила семья. Случалось, что маленький Леван давился сухой мамалыгой, а рядом с его глиняной чашкой сверкал полированными гра-

нями, манил затейливой резьбой стройный кубок, теперь уже из латуни — не из золота. И с детства Леван научился ценить красоту. И презирать безобразную бедность. Ведь другие, хитрые и ловкие, жили лучше талантливого ювелира Иона.

Леван унаследовал способности отца и учился мастерству охотно. Но в деле отцовском видел лишь ремесло — не искусство. Старик, надев сильные очки, радовался изяществу броши, сделанной сыном. Сын вертел брошь в тонких нервных пальцах и прикидывал — сколько стоит? Иное искусство родилось в нем — выгодно продать, получить деньги, чтобы пройтись по улице в новой красивой рубашке, в сверкающих лаком сапогах...

Умер старый, слепой ювелир. Умерла мать, вышла замуж за азербайджанца сестра и уехала на Каспий. Леван работал на государственном предприятии, без вдохновения, без радости продолжая семейное ремесло. Женился на красивой девушке, построил дом. Жена не подарила ему ребенка. Бледная красота ее удлиненного лица, нежный блеск глаз оказались отражением болезни, которая спустя восемь лет после замужества надолго уложила ее в постель. Да и после лечения постоянно напоминала о себе. Леван заботился о больной. Но сам в уныние не впал — есть ведь и другие женщины. Только нужны деньги, и будет все.

Деньги чуть не погубили Левана. История давняя, забытая. Вспоминать — зачем? Пришлось уйти с той работы... Ах, неприятная история, грязная. Потому грязная, что тайные дела открылись многим...

Леван Чачанидзе оставил отцовское ремесло, ушел работать в торговлю. Крепко запомнив ошибки прошлые, умело избегал ошибок новых. И понемногу забылись грехи, и стал Леван Ионович уважаемым заведующим магазином с безупречной репутацией.

Да, он умел ценить красоту, потомственный ювелир. Умел разглядеть, какой узор таится в необработанном камне, будущую ажурность в бронзовой пластинке, плавный изгиб перстня в обломке золотой царской монеты. И, глядя на бредущую по аллее Вальку, сумел Леван Ионович угадать под мешковатой шубенкой статность девичьей фигуры, под неновым трико — стройность ног.

— Леван, я не полечу в Магадан один,— ныл рядом Гурам.

— Перестань. Знаю, нужна женщина, ей удобнее с «грузом». Но ее внешность должна внушать доверие. Эта — не внушает.

— Я буду дрессировать ее, как обезьяну!

— Ты? Ты сам недавно был обезьяной, обыкновенным пижоном в дурацком галстуке и с христовой бородкой. Я из

тебя сделал элегантного джентльмена... Здесь нужна рука мастера, мой глупый друг,— продолжая следить за Валькой, Чачанидзе размышлял вслух:— Отмыть девку, отмочить идиотскую косметику, отрастить волосы. И главное, выбить дурь. Сделать приличные манеры приличной девушки... Гурам, позови эту бродяжку.

— Что хочешь? — неприязненно покосился Гурам.— Девчонку привез я...

— Тихо! Друг, ты забыл, кто тебя выручил при растрате? Кто дает деньги?

— За деньги я рискую свободой!

— Я рискую больше...— Чачанидзе вдруг изменил тон: — Совсем забыл о деньгах. Спасибо, друг, что напомнил. —Он бросил на сиденье газетный сверток.— Возьми за последнюю командировку. Советую экономить, потому что эта командировка может оказаться и в самом деле последней для тебя.

— Почему?

— Ты перестал слушаться меня. Друг, ты глуп, как ишак.

— Леван...

— Иди и позови девчонку.

Гурам чертыхнулся по-абхазски, сунул деньги в карман и вылез из машины.

— Эй, погоди! Скажешь ей, что поедет со мной. Что я берусь ее хорошо устроить. Ну, быстро!

19

ВАЛЬКА. Получилось — хуже тюрьмы. Этот старый фраер, Леонтий Иванович, привез ее в какое-то окраинное захолустье, ключом открыл железные высокие ворота и через сад провел к довольно неприглядному и дряхлому одноэтажному дому. Встретила их на крыльце старуха во всем черном, пропустила безмолвно. Короткий коридор и — комната. Мама родная! Все в коврах, люстра хрустальная. Обстановочка — закачаешься! Всего навидалась Валька, а такую роскошь довелось впервые. Живут же люди!

— Будешь тут жить,— сказал ей новый хозяин.

Что он именно ее хозяин, Валька поняла еще там, на бульваре. Когда, забывшись, сморкнулась по-колонийски, в два пальца,— так поглядел, что пальцы словно пристыли к носу. Хотела в машине закурить — отобрал сигареты, спички, смял и выбросил из машины.

— Считай, что курить бросила.

Надо бы ответить похлеще. Но она оробела от спокойно-решительного его обращения. Серьезный фраер. Только вякни против, так и врежет по мордасам.

— Будешь тут жить. Никуда не выходи. Отдыхай пока. Вечером приеду, поговорим.

Хуже тюряги, честное слово. Цельный день одна взапер-

ти, как невольница. Без паспорта. Старушонка по-русски ни бельмеса. Принесет еду, молока — и уйдет. Если Валька направится в сад, или в туалет, или просто так кости размять — старая ведьма уж тут, следит за каждым шагом. В первый же вечер наклепала хозяину, что Валька пыталась отпереть гвоздиком замок на воротах. Сказал отрывисто:

— Еще так сделаешь — плохо будет. Очень плохо будет.

На это Валька хотела закатить истерику, как, бывало, начальнице отряда в колонии. Взвизгнула дурным матом:

— Ты что, падла, на строгаче держишь!..— И тут же врезалась головой в угол. Хорошо, что ковер, а то...

— Запомни: последний раз ругалась.

Пискнула:

— Не имеете права бить!

— А ты имеешь право красть? Нет. И давай не будем о правах.— И «поцеловала» Валька другой угол.

Шепотом уже:

— Не подходите, кричать буду!

Засмеялся:

— Разве еще не ушиблась? — Подошел, поднял, бросил на диван и жестко сказал: — Будешь жить, как я велю. Будешь красивой, настоящей женщиной. Или... или совсем тебя не будет. Тут тебе не колония, гуманности не жди. Марш в ванную!

На том Валькина истерика и кончилась. И потащилась она покорно в ванную. Всхлипывая, мылась. Вот подонок Гурам! Отдал этому фраеру старому, подарил. Как шавку, как кошку! Все делают с Валькой что кому вздумается, а она ничего не может... Ревела бессильно и мылась, и даже на старую ведьму боялась цыкнуть, а так и подмывало мочалкой в нее шмякнуть. Старуха принесла новое дорогое белье, простенький халатик, подала опушенные мехом домашние туфельки без каблуков, сама причесала мокрые Валькины волосы. Валька смирилась и терпела.

И потянулись дни. Валька вкусно ела, спала на мягкой двухспальной кровати, читала книжки, которые приносил Хозяин, чтобы не сдохла со скуки. Книжки интересные, про королей и королев, про графов и маркизов. Не все понятно, а интересно. Про любовь.

Вечером приходил Хозяин. Ужинали вместе, с безалкогольными напитками, черт их дери. Как-то попросила: вина бы красненького, грамм хоть двести. Отрубил: ты не пьешь. После ужина он воспитывал. Учил даже, как надо сидеть,— вот ведь гад! Не задирай подол, не клади ногу на ногу. Вилку держать как, хлеб брать. Улыбаться, а не щериться. Смеяться, а не ржать дикой кобылой. Не облизывай пальцы, вытирай платочком. Нечаянно назвала старуху ведьмой — думала, зубов лишится: уважай старших. За малые проступки только два было взыскания: строгий взгляд или короткий мощный удар, от которого влипала в ковры. За серьезный

проступок, если на такой когда-нибудь она решится, Хозяин вежливо пообещал ее прикончить.

Уходил он поздно. Иногда оставался ночевать, и это было самое неприятное. Но Валька уже прочно боялась Хозяина. Днем ей разрешалось гулять по саду, где, касаясь друг друга ветвями, росли унылые в эту пору яблони, груши и еще неизвестные ей деревья. Маленькую усадьбочку окружал высокий, глухой, не хуже колонийского, забор. За ним опять же обнаженные верхушки деревьев, а в щелку виднелся другой сад и дом, тоже каменный и молчаливый. Сзади, на веранде, обязательно торчала старуха, наблюдала.

На четвертый, на пятый ли день Валька все-таки улучила минуту, когда старуха юркнула зачем-то в дом. Оглянувшись, влезла на яблоню у забора. Улица, мощенная булыжником. Бежит тощая кошка. Пузатый черный тип тащит на плечах мешок. На той стороне, во дворе, абхазка развешивает белье. В обе стороны больше никого не видать, только дома в садах прячутся. Если с того вон сука дотянуться до забора, перемахнуть... Вот пройдет этот пузатый с мешком, и перемахнуть... Ну и что? И куда идти? А хоть куда! На вокзал, в Свердловск, к матери. А? Удрать, чтобы у гада Леонтия Иваныча морда вытянулась. Какое имеет право лишать свободы! Бить — какое право? О правах он велел не заикаться... Изобьет. А черта с два! Вот он, забор, еще малость и...

— Валья!

У-у, ведьма! Под яблоней стоит старая карга, лопочет по-своему. Валька плюнула сверху, послала бабку по-русски. Но та лопочет: слезай, дескать. Что, и на дерево уж не залезь, да?! Ну, я тебе сейчас сделаю... Валька слезла. Близкая улица навеяла настроение, и Валька отвесила бабке пощечину. И злая ушла в дом.

Вечером пришел Хозяин и настала расплата за вольные мысли и действия. Вместо ужина получила такую трепку, что аж в глазах зеленело. Причем орать Хозяин не велел. Икая, всхлипывая, забилась в угол, сидела там как мышь, пока не ушел он из дому. Покрутилась по комнате, как побитая шавка, скуля втихомолочку, и легла спать голодная, несчастная. Хныкала в подушку, клялась сегодня же бежать «из фраерского кичмана». Но никуда не убежала, а уснула.

20

ВАЛЕНТИНА. Так протекло немногим больше трех месяцев. Эта отсидка без суда, хозяйские наставления и затрещины не прошли даром — Валентина довольно скоро усвоила приличные манеры. Отвыкла от курева, от брани, не ржала, не щерилась — да и с какой радости? Вилку держала как путевая. Посвежела на добротных харчах, волосы обрели природный цвет и блеск, стали волнистыми, густыми, старуха,

причесывая после ванны, одобрительно лопотала. И Валентина говорила ей: «Благодарю вас». Хозяин Леонтий Иваныч был доволен.

— До сих пор ты не умела жить, Валя,— говорил он, развалясь на диване и поглаживая ее волосы.— Не умела пользоваться богатством, данным тебе от природы,— красотой. А я желаю тебе добра — я сделаю из тебя роскошную женщину. Ты будешь иметь все.

— Как это — все?

— Все! Ты будешь иметь золото. А оно всегда ценность.

— За золото, знаете...— Валентина сложила пальцы решеткой.— За это лишение свободы.

— Что ты знаешь о свободе? Ты ничего не знаешь. До сих пор твоя жизнь была жалкой дешевкой. Свобода — когда есть деньги. Иначе что в ней толку?

— Вот это вы верно.— Ей вспомнилась ее «свобода» на вокзалах, в вагонах, холод и безденежье. Подзаборная свобода. Ох как верно! — Только где же я возьму деньги?

— Придет время, я научу их брать.

— Пока еще оно там чего-то будет... Мне вот сейчас осто... ой, извините, пожалуйста, я нечаянно! Честное слово, надоело взаперти у вас сидеть...— Он нахмурился, и Валентина оробела..— Леонтий Иваныч, я же свой срок в колонии отбыла, за что опять отсидка?

— Отбыла, да не исправилась. Впрочем...— Хозяин оглядел критически Валентину,— впрочем, видик у тебя стал поприличнее. Слушайся меня — скоро станешь нормальной девушкой. Тогда пойдешь в город, в кино, летом на пляж... Ах да, на пляж тебе нельзя. Жаль. С твоей фигурой...

— Почему это нельзя?

— Разденешься, а на тебе татуировка: «Вот что нас губит». Сразу видно — дешевая шлюха.

В былые времена Валька взорвалась бы: «Не имеешь права обзывать!» Теперь посмотрела на его смуглую руку, всегда готовую сжаться в кулак,— и промолчала. Насчет «права» Хозяин ей уже объяснил. Да и верно: куда с такой росписью на пляж, где порядочные загорают. Вот она, глупость-то, отрыгается когда.

В общем, она промолчала. А на следующий вечер сама спросила:

— Врачи могут как-нибудь свести татуировку?

Усмехнулся:

— Умнеешь, Валя, умнеешь. Сведем твои дурацкие лозунги, на работу устроим.

— Это куда же? — спросила с беспокойством.

— Камни таскать не будешь, найдется что-нибудь получше. Продавцом хочешь? Тебе нужна легальность, работа, прописка. Со всех сторон ты должна походить на порядочную девушку, чтобы кто ни взглянул — поверил тебе.

Наверно, скоро даст ей Хозяин «бесконвойку». Он сам на своей черной «Волге» повез Валентину в Сочи. Ходили по магазинам. Хозяин отверг четыре понравившихся ей платья: «У тебя нет вкуса, Валя, это нехорошо». Пятое одобрил, купил. Вот это платье! Никогда такого не надевала. В магазинной примерочной из огромного зеркала смотрела на Валентину красивая, очень красивая, стройная девушка с нежным овалом лица, с пухлым, полудетским, будто нецелованным еще, ртом. Вспомнилась приблатненная, испитая харя Вальки в круглом карманном зеркальце — под глазами синяки, в растянутых, раскисленных вином губах сигарета слюнявая, фиолетовые короткие космы, впалые щеки — жуть! Не знала она тогда себя, думала по глупости, что блатная дурь и есть судьба ее и другой судьбы искать ни к чему... Нет! Таскаться по вокзалам Валька больше не согласная. Работать? Пусть! Согласна работать...

— Валентина!

Хозяин зовет, замечталась она в примерочной. Ладно, пусть Хозяин... Перекантуется, а там видно будет.

Из магазина поехали к врачу, Леонтия Иваныча знакомому. Глазастый армянин раздел Валентину. Ежилась, как девочка, под его взглядами и прикосновениями, стеснялась, краснела. Стиснув зубы, терпела боль и старалась думать о пляжах. Вышла вся обляпанная пластырем, но довольная.

Потом — ресторан. Леонтий Иваныч выпил рюмку коньяку, Валентина через соломинку тянула безалкогольный коктейль. Вина не позволил. Да и не хотелось. Хозяин сказал:

— Ты дошла до кондиции, имеешь товарный вид, как у нас говорится. Пора выпускать. Что молчишь, что думаешь?

А чего тут думать? Его сила — его и воля. Теперь Валька боялась Леонтия Иваныча больше, чем милиции.

В ближайший вторник он ее «выпустил».

— Без татуировок, зато со знаком качества,— посмеялся.

Велел идти в универмаг, к директору. Приняли продавщицей, прописали в общежитии. Но Хозяин приказал жить пока на прежнем месте, у старухи.

Работа в галантерейном отделе показалась несложной, интересной даже, потому что здесь окружали ее добротные, красивые вещи, их приятно было видеть, брать в руки, повертеть, показать покупателям, словно вещи ее собственные, похвастать — вот у нас что есть. У приезжих покупателей в глазах искорки — ах, какая прелесть! Небрежно, мельком взглянув на чек, Валентина, как добрая фея, вручала покупки, гордясь, что от нее зависит искорка в чьих-то глазах.

Добротные вещи, ценные вещи. Много. Совсем еще недавно Валька веселилась бы как дура, если б удалось своровать такой вот платок или те золоченые запонки. Сейчас мысль украсть не приходила. А если бы и пришла такая мысль... Нет, еще не забылись «хозяйские наставления».

Поначалу стеснялась покупателей, сотрудниц, директора.

Думалось, знают о прошлом, только помалкивают — с воспитательной целью. Стеснялась бывшая хамка Валька Красилова, которой ничего не стоило смутить мужика, которая хамила самому начальнику колонии. Потом стеснение прошло. Ее считали замкнутой — не замкнутая она, а просто нечего рассказывать. То есть рассказать, конечно, есть о чем, но именно об этом лучше молчать. Не повернется язык поведать милой, такой открытой абхазочке Розе Черказии, как «чифирила», «пила водяру», «зырила спереть чужую сумку»... Самой забыть бы!

Попробуй забудь! Гурам притащился в универмаг, напомнил. Что ему надо? Сам швырнул Леонтию Иванычу, а сам... Минут двадцать торчал у витрины подарков, выжидал, пока попритихла, поредела привычная сутолока у ее прилавка.

— Валя, ах, дорогая, тебя не узнать! Мое сердце волнуется!

— Что надо?

— Слуш, зачем так? Покупатель и продавец, будьте взаимно вежливы. Скучаю, видеть хочу, говорить хочу.

— А я не хочу. И тебе не продаюсь.

— О! Давно ли?

— Вот что, если немедленно не уберешься...

— Почему, Валя? Понимаешь, увидел тебя — не могу уйти. Кончишь работу, пойдем, пожалуйста, гулять. В ресторан пойдем.

Слава богу, покупатели набежали. Гурам еще покрутился и убрался. Назавтра — опять. Грубила, гнала, а он снова приходил, терпеливо ждал, пока перемежится покупатель, и канючил про свое «сэрце». Сначала нервничала, потом привыкла, отмахивалась, как от мухи. Все равно он ничего не сделает — у одного Хозяина под рукой оба.

Нет, правда, работа ей нравилась. И милая товарка по отделу, Роза Черказия. И город южный, приморский. И весна в душистом цветении, и море — вообще жизнь. Пожалуй, за все это Валентина была даже благодарна Хозяину — Леонтию Иванычу, поэтому послушно мирилась с его хозяйскими строгостями и ласками. Чего ж чикаться, если такая дура была. Хозяин по-прежнему строг, но не бьет — не за что. Последний раз нахлестал по щекам месяц назад, учуяв запах сигареты. Теперь Валя не курила, не тянулась к выпивке, не отзывалась на пошлые заигрывания. Мужчины, приезжие и местные, тянулись к красивой продавщице, а она не унижала себя грубостью, научилась отшивать их с достоинством и не обидно — хватит, сыта по горло. А с чего началось — самой до смешного непонятно. Ходили они с Розой в кино, смотрели заграничный фильм. Парень сидел рядом. Валя на него и внимания не обратила. А после кино вдруг разговорились — это Роза с ее простодушной доверчивостью спросила что-то у парня, студентом оказался. Поспорили немножко, неторопливо шагая к остановке троллейбуса. Вале понравилась

героиня фильма — она смелая, мужчинами вертит как хочет, они страдают, друг в дружку стреляют, а ей хоть бы хны. Студенту героиня жутко не понравилась — совести в ней ни на грош. Валя согласилась, что да, конечно, если с его точки зрения, то она не того. Зато красивая.

— Какая же красота без совести? — кипятится парень.— И вообще, что в ней хорошего? Одна косметика, искусство гримера, парикмахера.— И вдруг не комплимент, а вроде как доказательство в споре: — Вот вы действительно красивая, своею собственной красотой.

И так у него получилось просто, что Валя не улыбнулась презрительно, а порозовела. Сколько слышала подобных слов от разных людей, принимала как должное, но усматривала за словом игривую охотку поморочить глупой девке голову, побаловаться легкой победой...

Потом уж узнала, что Костей зовут, что студент. А в тот раз показался только странным, потому что не навязывался с чувствами, не шептал: «Когда еще увидимся?», а о Валиной красоте сказал лишь для сравнения — надо же! — с зарубежной кинозвездой!

Роза пошла домой, а они еще ехали вместе на троллейбусе две остановки. Потом он вышел, так и не предложив познакомиться, вместе время провести и тому подобное. А Валя долго о нем думала.

Спустя неделю встретила его в библиотеке — за время «отсидки» у Хозяина она пристрастилась к романам «про любовь» и детективам. Увидела, и почему-то тепло дрогнуло в груди... Конечно, Костя узнал ее — еще бы, не такая уж она незаметная. Посоветовал, какую книжку взять. И все, и разошлись они, как в море корабли. Книжка сперва показалась скучной — не про королей да графов, и не про любовь, и не детектив. Он сказал: классика. Но если он сказал: советую почитать, то Валя и читала. И в дальнейшем оказалось так здорово, так жутко интересно, что до утра не могла оторваться, благо Хозяин не ночевал.

Вот так оно и началось. Потом поняла, что не странный Костя, а настоящий парень. Настоящих, умных, самостоятельных встречать ей до сих пор не приходилось. Потому спервоначалу и странным посчитала. Потому и не смогла отшить, что странный. Чем странный? Кто его знает... Из себя — так себе. Ничего особенного в нем. Вон Роза говорит: Костя душевный человек. А когда Анжелика из хозяйственного отдела сказала: «Он сухарь», Валентина молчком на Анжелику обиделась. И лестно Вале, что такой парень к ней относится с уважением. Ну да, он не знает, какой была Валька, он знает ее такой, какая она сейчас. А сейчас, значит, сейчас ее можно уважать? Значит, можно!

Стоило Косте сказать: «Завтра в кино не собираетесь?» — и она летела назавтра в кино, задыхаясь от нетерпения. «По набережной пройдемся?» — и она рада бы гулять по набе-

режной хоть до утра, если бы не боялась Хозяина. Сказал: «Зовут ребята на лето с отрядом в Сибирь» — чуть не заплакала.

Сиял май. По вечерам набережная пахла цветами, морем, солнцем, и блаженствовали под солнцем роскошные пальмы, за бетонным парапетом добродушно шумела по крупному песку волна Черного моря. Под открытым окном двухэтажного дома стояли, задрав головы, ребятишки и взрослые, улыбались. Там, на подоконнике, стояла клетка с зеленым попугаем. Попугай внятно кричал: «Маргарита!» У входа на причалы в запахи бульвара вмешивался тонкий аромат кофе, его варил в голубой будочке смуглый молодой человек по имени Карло и подавал желающим в маленьких чашечках. В каменном теремке скучал мечтательный продавец сувениров. Текла по бульвару разноцветная река гуляющих, спокойных, добрых, отдыхающих людей. И слышалась музыка. Ах как чудесно на набережной! А без него?

— Костя, в Сибирь ехать обязательно?

— Нет, конечно. Да ведь интересно! А что?

Она поравнялась с входом на причалы, где суетился вокруг клиентки черномазый фотограф в соломенной шляпе, где носатенькие женщины продавали гуляющим алые и желтые тюльпаны. В море, в голубые дали уходил белый теплоход.

— Не ездите, Костя, а? Здесь у вас такое лето... милое.

Он не ответил. Миновали причал, вошли в приятную тень аллеи. Он сказал: «Подождите здесь», а сам побежал к цветочницам. И принес ей три алых тюльпана. Господи, Костя дарит ей тюльпаны!.. Солнце, море... Май... Неправда, есть в жизни счастье!

Но как все усложнилось теперь. То, с чем она просто мирилась как с неизбежностью, вдруг затревожило, выросло в неразрешимый вопрос. Запутанный клубок ее отношений стал давить тугой петлей. Приставания Гурама уже не были безразличными — они обижали, злили. Прищуренный взгляд из толпы покупателей — пачкал. А ей хотелось чистоты! Хоть сейчас, пусть с опозданием, хоть такая — чистота!

Презрением держала Гурама на расстоянии. Ничего, он боится Хозяина. Но сам Хозяин... Так бы и сбросила с плеч, с талии его хозяйскую руку. Вырваться из ковровой тюрьмы, от забот старухи, вырвать судьбу из руки Хозяина! Как? Что она может? Убежать? На что? Кругом чужие. Кто ей поверит? Не вырваться, не уйти, не сбросить руку. А Костя ей, такой, дарит тюльпаны...

Хозяина не проведешь, все замечает.

— В чем дело, Валентина? Почему стала как чужая кошка? Почему твои глаза боятся?

— Нездоровится. Все время голова болит, тошнит.

Леонтий Иванович обхватил ее лицо ладонями, притянул к себе, прожег взглядом.

— Валентина?!

Поняла, что он заподозрил. Вспыхнула:

— Нет, не это. В магазине духота, прямо с ног валимся. Пустите, Леонтий Иваныч, больно.— И, украдкой вытирая щеки от его рук, пожаловалась: — Еще и Гурам пристает, каждый день в отдел приходит. Надоел!

— Что ему нужно?

— Так вы же его знаете.

— Тебя нужно? Ах ишак!

На другой день Гурам в универмаге не появился.

Влечение к Косте, все нараставшее, любовью не называла, боялась и стыдилась так думать. Бывало, в колонии для несовершеннолетних юные воровки и хулиганки старались о любви говорить нарочито насмешливо, цинично. Пыжились: мы такие, дескать, блатные, огни и воды прошли, знаем, что она за любовь такая, про которую мамкины дочки ахают, стишонки кропают. Мы ужасно блатные, нам любовь — тьфу и растереть. Во взрослой колонии более зрелые женщины, осколки разбитых связей, тоже любовь не защищали — глупость одна, по молодости бывает, вроде кори, только корь настоящая, а любовь — блажь.

Для себя Валька так рассуждала: всякое случается на свете, и любовь, может, есть на самом деле. Да не для нас. Мы отпетые.

Она никак не называла свое чувство к Косте. Но твердо знала, что никогда не было у нее такого лета... Показывала покупателям товар, получала чеки, а сама улыбалась грядущему вечеру. И говорили покупатели: «Какие милые у них тут продавщицы!»

С ним можно было говорить обо всем, как с подругой. Даже спорить приятно и интересно. В спорах он почти всегда выходил победителем. То, в чем прежде Валя была убеждена, Костя отрицал, случалось, одной фразой, но веско и здорово верно. Поведала Косте, что Анжелика, «ну, та рыжая, из хозяйственного отдела устроила михацхакайский ковер одному казаху приезжему, а он ей — французские духи. Французские! А? Запах — с ума сойти! Вот повезло рыжей Анжелике!»

Но Костя везения в этом не увидел. Сказал:

— Валя, а в вашем отделе бывают дефицитные вещи?

— Редко. Ну, там перчатки меховые, зонтики импортные. Мало только привозят.

— И ты тоже продаешься за взятку?

— Да брось, какая взятка! Покупатель отблагодарил, ну и все.

— Ковер ведь ему отпустили из-под прилавка. И если бы не духи, не дали бы. Анжелика совесть за духи продала. Не всю, а частичку. Но так, по мелочи, и всю распродаст. И уже мало станет духов, захочет денег, денег.

— Ты потому так говоришь, что тебе ни духов, да и ничего не дают. Тебе хорошо. А в торговле без этого нельзя.

— Хапугам везде без этого нельзя. У нас отчислили из института одного студента. Коврами не торговал, а взятки брал. Приглашал к себе в гости желающих, чтобы могли побеседовать с его отцом, опытным юристом и очень добрым человеком. Отец всегда и всем рад помочь, если кому нужен совет юриста, а сын хапал за приглашение в гости по десятке. Не от нужды — от жадности. Так где же граница — тут можно принимать «благодарность», а тут нельзя? Лучше — нигде нельзя, Валя.

Ну да, он же учится на юриста. А если узнает, что у Вали столько грязи на совести? Хорошо, наколки с рук свела, а то и знакомству не бывать бы. Прошлое... Чем хвалилась, чем форсила... Сама в болото лезла, и хоть бы на минуточку задуматься, что придет расплата. В двадцать лет впервые настоящее узнала, жизнь увидела. Книги хорошие прочитала. Люди вокруг такие симпатичные. Поверили ей. А на самом деле все это не ее, все опять краденое — и лето, и солнце, и встречи, и... любовь. Пойти бы сейчас, в светлый вечер, за бетонный парапет, к волнам, пойти с алыми дареными тюльпанами в руке навстречу морю... И не вернуться.

— Ты что задумалась, Валя?

— Так...

21

ГУРАМ. Вальку он считал как бы своей собственностью. Не отдал же тогда милиции за кражу чемодана, простил, вином поил, так чья же еще собственность! На Левана Чачанидзе обозлился сперва за то, что он, словно у мальчишки, отобрал его собственность. Конечно, не бог весть какая ценность — вокзальная потаскуха с прической «старая малярная кисть». Но все-таки... Не так жалко, как обидно. С другой стороны, не ссориться же с хозяином «дела» из-за этакой ерунды. Тем более что Леван добавил деньжат за последнюю «ходку» на Урал. Плевать. Гурам свое наверстает, когда полетят они с Валькой в Магадан.

Но когда увидел за прилавком универмага до неузнаваемости красивую Валентину, обида опять вгрызлась в сердце, разбушевалось самолюбие. Такой товар — задарма! Такая девка — пять червонцев?! Нет, слуш, ты не князь над Гурамом, Леван! Еще поглядим, чья Валька.

И уж вовсе взбеленился, когда Валентина прямо сказала, что она чья угодно, только не его, Гурама. Чем смыть оскорбление?! Кровью, как смывали позор предки? Чьей кровью? Женщины? Или обманщика компаньона? Компаньона, конечно, трогать нельзя — сильный человек Леван, денег много,

знакомых много, он такую заделает Гураму козу, что хоть топись, хоть в горы беги. За женщину Леван тоже глотку перегрызет — уж больно красива стала, стервоза. Получалось, что остался Гурам в круглых дураках. Совсем потерял голову. Мотался, как чокнутый, в универмаг, говорил глупые слова — кому! Своей собственности! Скулил, как пес. И от обиды завелось в нем что-то вроде любви, злая, наперченная ревностью страсть гнала в универмаг. Потом он пил водку, чачу, плакал от унижения. Бить девку нельзя — Леван узнает. Какое там бить, если домой проводить опасается — Леван узнает.

Убежденный в своем праве на Валентину, Гурам не сразу обратил внимание на какого-то ничего не стоящего мальчишку. Эти молокососы постоянно пялят глаза на продавщицу из галантерейного. Смотрят — что сделаешь?

Сидел в павильончике, тянул теплое пиво, смотрел на проходящих по набережной женщин, злился. На все теперь злился. Поднес кружку к губам — не глотнул, поставил со стуком, так что на него обернулись: шла по набережной Валя. Ах, красавица стала, подумалось в который раз. Походка, волнистые русые волосы, фигурка... А это что такое? Кто рядом? Тот мальчишка опять, щенок! Забыв о пиве, Гурам выскочил из павильона.

А те шли. Мимо дома с говорящим попугаем, мимо фотографа и цветочниц. Таясь в густой зелени, видел Гурам, как тот парнишка купил и отдал ей алые тюльпаны. Что такое? Парень — щенок, тюльпаны — трава. Но Валькино лицо — что обручальное кольцо. Круглое и сияет. Артистка! Ай, Леван, хороший дрессировщик Леван. Зачем он велел Вальке завлечь мальчишку? На кой дьявол Левану мальчишка? Или хочет взять в «дело» вместо Гурама? Ай Леван, хитрый какой Леван! За такую девчонку парень черту на рога полезет, а Гурама побоку. Нет, слуш... В чем дело? У девчонки глазки блестят, прижала тюльпаны к щеке. Нет, что такое? Она — серьезно? Не Леван велел? Гурам хватал и рвал бешеными пальцами листья олеандра. А те двое уходили по набережной. Бросил в пыль пахучий зеленый комок, побежал следом и долго ходил, следил, дрожа от ревности. Они сели в троллейбус. Гурам остановил подвернувшееся такси, велел шоферу ехать за троллейбусом. Видел: парень выскочил через две остановки, Валентина одна уехала домой. Значит, все-таки Леван велел. Леван отнял девчонку и хочет выбросить Гурама из «дела».

В тот вечер он опять сильно напился чачи.

Назавтра, нарушив приказ Левана, явился в универмаг и сказал Валентине:

— Поговорить надо. Не здесь. Кончишь работу, иди через сквер одна. Очень надо!

Черт возьми, он не может, что ли, дарить цветы? Любишь тюльпаны? Пожалуйста!

Дождавшись в аллее, он с того и начал — поймал ее ускользающую руку и почти заставил взять цветы.

— Слуш, Валя... Подожди, слуш, я тебя всем сердцем люблю, клянусь!

— Уйди, Гурам. Прошу, уйди.

— Подожди! Мы пойдем в одно место, я тебе скажу...

— Запомни, никуда, никогда с тобой не пойду.

— С тем парнем пойдешь, да? — И по лицу ее догадался, что не по приказу она парня завлекла, что сама, своей охотой с ним...— Ты пойдешь сейчас со мной, Валька. Нет? Хочешь, чтобы я рассказал мальчишке, какая ты есть? Хочешь, чтобы Левану рассказал, с кем путаешься? Хочешь? Слуш, Валя, Валечка, никто ничего не узнает, если пойдешь сейчас.

Тюльпаны хлестнули по глазам. И еще... Как рванул бы он эти волнистые волосы, как бил бы по нежному лицу! Не бил — за подстриженным кустарником плыла милицейская фуражка.

22

ВАЛЯ. Домой пришла раньше обычного — по набережной сегодня нельзя, боялась Гурама, боялась за Костю.

У Хозяина сидел гость. Багроволицый, плотный, в белой рубашке с мокрыми подмышками, в лакированных туфлях. Увидел Валю, округлил глаза, привстал.

— М-м, баришна, здрасс... Позвольте ручку. Симон Багдасаров.— Поклонился, будто показал лысину.

Хозяин строго кашлянул, и гость шлепнулся в кресло, все еще не в силах отвести масленых глаз от Вали.

— Скоро твой поезд, спеши, Симон,— Леонтий Иваныч явно торопился выпроводить гостя.

— Зачем поезд, в Гудауту автобус...

— Тебе нужно спешить, Симон.

— А? Да, очень нужно! Да-да, я уже пошел. Ах, вашу ручку, баришна, м-м...

Валя опустилась на диван. Ей было страшно — что-то должно произойти. Гурам теперь не промолчит. Подонок! Скажет Хозяину. А, все равно. А если Косте? Только бы не Косте! Лучше уж пойти с ним, с Гурамом... Нет!

Вошел Хозяин, проводивший того лупоглазого Багдасарова. Посмотрел испытующе на взволнованную Валю. Но заговорил мягко и ласково о пустяках. И уж потом, после ужина, когда сидели на диване и Валя ежилась под его рукой, сказал о главном:

— Завтра подай директору универмага заявление на расчет.

— Почему?

— Так надо. Поедешь с Гурамом в Магадан.

— Зачем? И с Гурамом?!

— Так надо.

В Магадан... Пришел лупоглазый из Гудауты, и теперь надо ехать в Магадан. Костя поедет в Сибирь, а она в Магадан. С Гурамом.

— Леонтий Иваныч, я не поеду.

— Если директор спросит, скажешь, что поедешь жить в Сибирь. Здесь тебе жарко, климат тебе нехороший.

— Я не поеду,— вырвалась из-под тяжелой его руки.— Леонтий Иваныч, отпустите меня! — Расплакалась.— Отпустите!

— Валя, надо рассчитываться.

— Возьмите платья, брошку вот и прочее, что мне покупали, ничего мне не надо! Отпустите вы меня, Леонтий Иваныч!

— Человек за все всегда расплачивается. Только разные люди разной монетой. Ты — золотом.

— Я собой рассчиталась! Вы меня взяли и...

— Ты не цена. Когда к себе взял, ты вся пол-литра не стоила. Сейчас кое-что стоишь, но это не твоя, моя работа, за нее надо золотом платить. В аренду женщин не беру. Сочтемся — уйдешь. Если не передумаешь.

Уткнулась лицом в диван, не веря уж, все равно просила:

— Отпустите, Леонтий Иваныч!

— Не плачь, Валя, выслушай. Глупая девчонка, ты думала всегда так жить? Платья, сладости, дом, прислуга — на твою получку? Зарплата — тьфу! На конфеты. Хочешь уйти — что будешь делать? Умеешь жить без денег? Нет. Умеешь хотя бы сносно зарабатывать? Нет. Что умеешь? Ничего. Или снова по вокзалам? Грязная, замызганная, помнишь? Валя, ты полетишь в Магадан.

— Зачем? Зачем?

— Пустяки. Немножко поможешь Гураму.

— Ненавижу Гурама!

Он встал и неслышно прошелся по ковру.

— Послушай, девочка.— Голос Хозяина звучал искренне и грустно.— Думаешь, мне не жаль посылать тебя с ним? Я сделал из гадкого утенка настоящую лебедь, роскошную женщину. Ювелирная работа, жаль отдавать в чужие руки. Но дело требует. За все нужно расплачиваться, за каждую крупинку радости. Я понимаю это, пойми и ты. Гурам уже бывал в Магадане, он знает дело. Будь внимательной, учись у него, сделай все хорошо — и мы выбросим Гурама из дела. Нас останется двое, Валя. О, ты не знаешь еще настоящей жизни! Будет все, что ты пожелаешь, обещаю. За это стоит потерпеть. Да и нет у тебя другого выхода, ты полетишь в Магадан.

Валя ничего уже не говорила, не просила.

23

КРАСИЛОВА. 9 июня вылетели из Адлера. Гурам был хмур и зол. Валентина мучилась. Ей не сказали толком, что делать в Магадане. Догадывалась — это опасно. Да ведь прав и Хозяин: выхода не было. Может, и есть выход, да не умеет, не привыкла искать правильный путь. Подростком за кражу попала в колонию для малолеток, потом во «взрослую», потом к Хозяину. А если решала сама? Когда на свободе становилась хозяйкой сама себе — что могла решить? Опять «отсидка»? Если бы можно рассказать обо всем Косте... Но — не хватило духу. Узнает — зачем ему нужна такая... Пусть хоть вспоминает порядочную.

Вечером перед отъездом в Адлер, в аэропорт (Хозяин почему-то не велел лететь из Сухуми), отчаявшаяся Валька плюнула на все запреты, пошла в ресторан и напилась до чертиков. Получку всегда отнимал Хозяин, выдавал только на мелкие расходы. Деньги при расчете из универмага отнять не успел. Сидела за столиком одна, гнала к чертовой матери разных прилипал, стаканом пила водку и оплакивала себя. На такси приехала домой, еле вылезла. Думала, бить будут. Не били. Но пьяный вечер превратил полет в мýку — за все надо расплачиваться, за отчаянье тоже. Шесть часов полета сделали из похмельной Вальки совершенную развалину. Она не выходила из самолета при посадках в Минводах и в Магнитогорске, а когда прилетели в Красноярск, спускалась по трапу, повиснув на руках проклятого Гурама. Он усадил ее ждать в зале, обругал и побежал доставать билеты до Магадана.

Говорят, клин клином вышибают. Неправда это. Вчера она пошла в ресторан, чтобы залить тоску по несбывшимся надеждам. Ничего она не залила. Вместо одного клина два вонзились: прежняя тоска и свежее похмелье. Еще и в самолете укачало. Муки! Тошнит, всю выворачивает, зал туманится в глазах, и в тумане мерещится Костя... Ой, Костя, милый!

Прибежал Гурам. Билетов на сегодня не достал, только на завтра. Мест в аэропортовской гостинице нету. Но он постарается добыть. Пускай Валька сидит, никуда не уходит, а то он ей вправит мозги. И ушел. Дурак! Куда ж она уйдет? Деньги отобрали, паспорт у Гурама, сама вся развинтилась.

— Вам нехорошо? Бедняжка, вы совсем больны! — Склонилось над Валентиной участливое женское лицо, легла на лоб прохладная ладонь.— Да у вас температура!

— Попить бы...

Женщина принесла бутылку газировки. Валентина попила, но ее еще больше затошнило. Женщина помогла дойти до туалета, а потом привела в зал, усадила.

— Милая, так ведь нельзя, надо врача. Сидите, я схожу, найду.

Болит голова, болит. Вот бы нашли врача, и он отправил бы в больницу. Лежать, не думать, не лететь в Магадан. Гурама не видать. Еще лучше — умереть бы... Костя потерян теперь. Для чего жить? Ну, больница, а потом? Гурам дождется, и полетят они дальше. Ох, как хочется пить, как плохо... Что там прохладное под рукой? Сумка?

Боль и тошнота отступили: выход? Женщина ушла искать врача, оставила сумку и чемодан. Что в них? Все равно что, лишь первое время перебиться, а главное, уйти от Гурама, от Хозяина, от всего, что измучило... Рискнуть в последний раз, чтобы уйти, уйти, перебиться, начать жить иначе... Женщина ушла за врачом для Валентины. Какая гадость! Но это единственный выход! Прости меня, женщина, ну прости, ничего лучшего мне не придумать...

Ее задержал милиционер, когда садилась в троллейбус. Вину Красилова признала — чего уж тут не признавать. Пускай судят, сажают — это выход. Она ушла от Гурама и Хозяина. Пускай колония — ведь Костя все равно потерян. И еще так стыдно перед той женщиной. Валентина сказала ей: «Простите». Но та не поняла и все смотрела удивленно: как можно на добро ответить подлостью? Разве объяснишь... А следователю никаких затруднений: все признала. Насчет кражи. О другом — промолчала. Боялась? Или еще держал в лапах блатной обычай: своих не выдавать? Ненавистные Гурам и Хозяин, те, которые передавали Вальку из рук в руки, как собаку, те — свои. Следователи — чужие. И Красилова молчала. Пока «гражданка следователь»... пока Наталья Константиновна не сказала: «Костя Гурешидзе надеялся, приносил вам тюльпаны...» Да если бы и про Костю не упомянула, Валя рассказала бы Наталье Константиновне все, чтобы не носить в себе тайным грузом эту грязь. Ведь Наталья Константиновна как с человеком с ней, как женщина с женщиной говорила, самую душу поняла. А прежде-то кому Валькина душа нужна была? Леонтию Иванычу? Гураму? Этим лишь бы Валькино тело к своим надобностям подогнать... Так кто же свой, кто чужой Вале?..

24

Из последнего слова подсудимого Чачанидзе Л. И.:

— ...Что касается золота, признаю. Но вот гражданин прокурор сказал, что я вовлек в преступную деятельность Адамию и Красилову — тут я не согласен. Гурама Адамию вовлекать не нужно было, он сам к деньгам стремился, искал. Покажи рубль — Гурам твой слуга будет. Но Красилова... Она воровкой была — я ее исправил! Умыл, одел, культурным человеком сделал. И чем за добро отплатила! Чужой женщине, которая для нее копейки не потратила, следователю, Красилова говорила: Чачанидзе такой-сякой!

АНАТОЛИЙ ТРОФИМОВ

ЧЕРТОВА ДЮЖИНА

Повесть

1

В дежурную часть райотдела сержант из патрульного наряда привел чистенького, седенького, пьяненького и злого-презлого старичка.

— Вот, хулигана доставил,— доложил сержант.

— Ко-го-о? — удивился дежурный лейтенант, с недоверчивым интересом посматривая на гражданина в аккуратном пиджачке и отглаженных брючках. Старичок явно не соответствовал данной ему характеристике.

Сержант поспешил внести ясность:

— Скандалище поднял. Лоточницу вот так,— растопыренной ладонью показал, как берут за горло.— Едва ей кислород не перекрыл.

Старик пытливо поглядел на дежурного лейтенанта, увидел в его веселом прищуре полное недоверие к докладу сержанта и пригасил вспыхнувший было гнев. Покосился на своего конвоира и укорчиво покачал головой.

Это заставило сержанта повторить доклад уже не так уверенно и в несколько измененном виде:

— Пирожком в лицо тыкал. Народ собрался. Лоточница кричит на всю площадь: «Заберите пьяницу, оскорбляет!» Мы и забрали.

Интеллигентный нарушитель общественного порядка вздохнул и полез в карман. Вытащив небольшой газетный сверток, положил его перед дежурным. Газета сама собой развернулась, обнажив два пирожка. Один был надкусан.

— Вот, даже бумага не испачкалась,— осуждающе сказал старичок и иронично добавил: — Куда уж мне за горло! Это вам их душить надо, аппетит укорачивать. А я что... Так, пенсионер...

В сказанном сержант из патрульной группы услышал нечто, что утверждало его в своей правоте.

— Видали, до чего допился? Душить, говорит, надо.

Непонятно для сержанта лейтенант улыбнулся.

— Надеюсь, папаша, вы не в прямом смысле — душить?

Старичок едва заметно колыхнул плечами — дескать, что

за вопрос. Он расправил обертку, взял надкусанный пирожок и распластал его надвое. На газету с шуршанием посыпался рис, приправленный крупинками мясного фарша. Гнев старичка вспыхнул с новой силой.

— Это что? — воскликнул он, обращаясь к дежурному.— Как по-вашему, молодой человек, что? Может, скажете — пирожок? Так я вам поясню: это не пирожок. Это кулинарное изделие называется государственным преступлением! «Покупайте пирожки с мясом!» Где оно, мясо? — Старик негодующе подхватил начинку в щепоть и, пошевеливая пальцами, стал крошить ее на стол. Сухие зерна застучали о полированную доску.

— Цыпы-цыпы-цыпы,— не удержался от шутки дежурный лейтенант.

Сердитый взгляд старичка был весьма красноречив: «Шуточки, да? Шути, шути, молодой человек, только понял ли ты что-нибудь?» Но сказал другое:

— Они что, на водяном пару готовились? Пирожки в кипящем масле должны... Полюбуйтесь на газету. Словно не пирожки — горбушку черствую заворачивали.

— Папаша, вы действительно лоточнице нагрубили? — внимательно посмотрел в неробеющие глаза старичка лейтенант.

Старик честно посображал — нагрубил или не нагрубил? — и так же честно признался:

— Винюсь, резко обругал. Теперь вижу — напрасно. Не ее надо ругать. И качество не от нее зависит, ее дело продавать... То есть как продавать? — вдруг не согласился старичок с тем, что сказал, и, адресуясь к себе или к кому-то, кого вообразил перед собой, вновь разволновался: — Не-ет, сударыня, надо смотреть, что тебе в лоток кладут, что продавать заставляют...

Лейтенант слушал, подперев кулаком подбородок.

— И выпивши были? — подкинул он еще один вопрос, явно лишний, поскольку уловчивый нос лейтенанта ощущал запах спиртного на изрядном расстоянии.

Старичок смутился, потрогал пуговицу на рубашке, поправил клапан кармана.

Лейтенант разомкнул кулак, озадаченно поскреб гладко бритый подбородок:

— Д-да, си-ту-ация...

— Никакой ситуации нет! — раздался убежденный голос с лестницы, которая ведет в верхний этаж райотдела. На ней стоял юный и круглолицый, прекрасно сложенный старший лейтенант Тычинин, инспектор БХСС райотдела. Глядя на приунывшего патрульного, он приободрил его: — Сержант Забелин, ты молодец, поступил в соответствии со всеми инструкциями, которые когда-либо издавались для милиции. Товарищ дежурный, пусть он продолжает патрулирование.

Дежурный лейтенант недовольно посмотрел на Тычини-

на — дескать, чего вмешался не в свое дело, но Тычинин с хитроватой загадочностью подмигнул ему, и тот махнул на сержанта рукой.

Сержант поспешил удалиться подальше от чего-то не совсем ясного, где он, похоже, выглядел не совсем приглядно.

Когда патрульный вышел, Тычинин медленно спустился по лестнице.

— Здравствуйте, Сергей Феоктистович.

Старичок смущенно пощурился на юношу в модной курточке с «молниями» на всех кармашках, извинительно улыбнулся.

— Не узнаете? — спросил Тычинин.— Вы в кулинарном училище преподавали, когда я к вам приходил за консультацией по тому делу в заводской столовой. Помните?

Сергей Феоктистович нацелил зрачки в щекастое лицо жизнерадостного парня и неуверенно промолвил:

— Вы? Припоминаю вроде. Вы тогда в форменной одежде были? Вот теперь вспомнил. Фамилия, извините, забылась.

— Тычинин Игорь Яковлевич,— напомнил Тычинин и как можно доказательнее сказал дежурному: — Коля, никакого хулиганства нет, можешь не регистрировать. И не вздрагивай. Товарищ Булатов пройдет ко мне. Не возражаете, Сергей Феоктистович?

— Попить бы,— вместо ответа высказал свое давний знакомец Тычинина и облизнул губы.

— У меня и попьем. «Боржоми» подойдет?

— Подойдет,— улыбнулся Сергей Феоктистович.

— Смотри, Игорь, если что — на тебя свалю,— с усмешкой сказал вслед дежурный лейтенант.

— Вали, Коля, вали,— откликнулся Тычинин.— Вали кулем, потом разберем.

Когда устроились в его кабинете, Тычинин спросил Булатова:

— Где вы покупали пирожки?

Услышав, что пирожки куплены у подземного перехода на улице Якова Свердлова, Тычинин окончательно утвердился в своих догадках. Сказал так, будто старичок был в курсе всех его дел:

— В-вот, Сергей Феоктистович, у подземного перехода. Очень похоже — его продукция, Нельского. Вы знаете Нельского? Директора вокзального ресторана?

Булатов маленькими глотками и с большим наслаждением отпивал «Боржоми». С вопросом Тычинина отстранил стакан, непонимающе поморгал:

— Нельского? Я знал Петра Аристарховича Нельского.

— Директор ресторана — его сын,— уточнил Тычинин.— Михаил Петрович Нельский. Высшее экономическое образование получил еще при жизни отца. Затем уехал куда-то на Север. В Свердловске объявился четыре года назад. Пора-

довал умом, деловой хваткой, отцовской честностью, а потом...

Тычинину хотелось рассказать, что не так давно он завел на директора вокзального ресторана Нельского дело предварительной проверки, что дело это, судя по всему, может стать уголовным, что он, старший лейтенант Тычинин, подыскивал лишь подходящего человека. Теперь такой человек вроде бы есть. Тычинин спросил Булатова напрямую:

— Сергей Феоктистович, хотите помочь нам?

— В каком смысле? — склонил Булатов набок седую голову.

— Там, в дежурной части, вы сказали, что надо душить всяких мерзавцев,— пояснил Тычинин.— Лозунг несколько... того, но по сути справедливый. С преступностью надо бороться беспощадно, Сергей Феоктистович, это верно. Ваши пирожки...

— Не смейте называть эту пакость моими пирожками! — гневно воскликнул Сергей Феоктистович.

Тычинин через двери крикнул вниз, дежурному:

— Коля! Пирожки еще не съели? Ну-ну, не обижайся. Составь, пожалуйста, протокол об изъятии, отправлю в пищевую лабораторию.— Вернувшись к столу, продолжил начатый разговор:

— ...ваши пирожки... Виноват, пирожки Михаила Нельского заставляют... Одним словом, требуется раскусить механику хищений. Вы кулинар самого высокого класса, и для вас это не составит труда.

Сергей Феоктистович недовольно заметил:

— Эта механика любому понятна — недовложения.

— Вы правы — недовложения. Но вот куда идет экономия? Как реализуется? Кем? Каким образом подступиться к этой таинственной кухне?

Сергей Феоктистович слушал Тычинина и молчал. Что он ответит? Если уж сотрудник ведомства, борющегося с хищениями социалистической собственности, не знает, как подступиться, то ему-то откуда знать?

Но Тычинин, собственно, и не ждал ответа. Вопросы адресовались, скорее, самому себе, помогали мыслить, а мысли... мысли уводили к соблазнительной операции. Конечно, это не операция «Трест», но все же... Булатов поступит на работу в ресторан, войдет в доверие к Нельскому... Резонно?

Резонно-то резонно, тут же критически отнесся Тычинин к своей идее, но если в ресторане свила гнездо преступная группа, связанная круговой порукой, постороннему устроиться на работу будет не так-то просто: не найдется для него вакантного места. Нужна протекция. А где ее взять?

Или волевым порядком, по звонку сверху? Допустим, из управления торговли?

А может, не в ресторан, может, в магазин, через который сбывается неучтенная продукция? Но где он, тот магазин?

2

О назревающем деле, о своем плане сбора доказательств преступной деятельности директора ресторана Нельского старший лейтенант Тычинин доложил в городском отделе БХСС и встретился с вескими возражениями.

Слушали Тычинкина начальник отдела подполковник Веряскин и старший следователь следственного отдела УВД капитан Юрченко. Полный, уставший от жары подполковник даже побагровел к концу доклада, стал называть юного Тычинина по имени-отчеству.

— Игорь Яковлевич, не ожидал от тебя такой наивности,— не очень-то вежливо сказал он.— Три года в БХСС, пора бы... Ты хорошо знаешь Булатова? Пенсионера этого?

— Как вам сказать...— растерялся Тычинин.— Пользовался его советами...

— Какова его репутация в бытность шеф-поваром? — с напористым недовольством продолжал спрашивать Веряскин.

— Самая безупречная, товарищ подполковник. Кажется, депутатом райсовета избирался.

— Вот-вот. И не кажется, а точно,— подтвердил Веряскин.— И не раз избирался. Несколько созывов был депутатом, вплоть до ухода на пенсию.

После этого уточнения Тычинин недоуменно посмотрел на Веряскина, на старшего следователя Юрченко. Воспрянув духом, сказал:

— Вот видите. Грешным делом, подумал — не промашка ли с ним...

— Промашка и есть, Игорь Яковлевич,— с усталым недовольством остановил его Веряскин.— Внедрять в преступную группу человека с такой безупречной репутацией? Это же верный провал.

— Да не собирался я внедрять,— осмелился возразить Тычинин.— Просто определить на работу. Приглядится, выявит каналы сбыта... Прикрытие придумали бы...

— Не надо себя тешить, Игорь. Одно присутствие в ресторане этого человека... Думаешь, Нельский дурак? Не-ет, у него нюх! Он свою лавочку враз захлопнет, и тогда взять его будет — что мокрый обмылок.

Подполковника поддержал буднично спокойный Павел Юрченко:

— Да, эту фигуру замаскировать сложно. Булатов хорошо известен в торговых кругах. Советы его, работа вместе с экспертами — это да, а так...

Подполковник Веряскин полистал принесенное Тычининым дело предварительной проверки, туда же вложил два лежащих на столе письма.

— В этих письмах — жалобы,— пояснил он.— В пирогах вместо филе — рыба костлявая, крем в тортах наполовину из маргарина. Все с кухни Михаила Петровича Нельского.

С торта гривенник, с рыбного пирога пятак... Умножь на количество, выпекаемое за день, а потом на те четыре года, которые Нельский директорствует... Так что рисковать нам ни к чему, надо наверняка. Оплошаем — эта ресторанно-пирожковая банда враз заметет следы.

— Как же быть? — насупился Тычинин.

— Это тебя надо спросить — как? Давай вместе думать.

3

Старший лейтенант Тычинин набрал нужный номер и некоторое время слушал продолжительные гудки. С утра пораньше — и уже дома нет? Вот непоседа... Только хотел положить трубку — гудки оборвались, и Тычинин услышал задышливый от спешки голос Сергея Феоктистовича:

— Булатов слушает.

— Сергей Феоктистович, доброе утро. Игорь Тычинин говорит. Извините за беспокойство в столь ранний час.

— Для кого ранний, а для меня...

После обоюдных приветствий, церемонных извинений договорились по предложению Игоря Тычинина встретиться в сквере возле почтамта.

— Это что, для конспирации? — весело поинтересовался Булатов.

Тычинин отшутился:

— Для нее, Сергей Феоктистович. Вы должны спросить у меня, не продается ли славянский шкаф, а я отвечу, что шкаф продан, но есть пирожки с мясом.

Сергей Феоктистович молодо засмеялся и пообещал быть в обусловленном месте ровно в десять.

Было бы крайне невежливо пригласить старика в райотдел, добираться до которого из-за ремонта трамвайной линии пришлось бы ему черт знает как, сквер же в пяти минутах ходьбы от дома Булатова. Но была еще одна причина, не главная, но, казалось Тычинину, тоже существенная: со скамейки, что слева от фонтана, хорошо просматривался магазин, которым руководит Раиса Семеновна Григас, очень интересная во всех отношениях особа. Глядя на эту торговую точку, стилизованную под бог знает какую старину, можно вести разговор более предметно.

Сергей Феоктистович пришел с кульком яблок.

— Угощайтесь. Из собственного сада,— сказал он вместо приветствия. Взяв яблоко, Тычинин показал взглядом на магазин: вывеска славянской вязью, вход из деревянных, крытых лаком планок и два катафалковых фонаря возле.

— Сергей Феоктистович, вообразите себя директором этого роскошного торгового предприятия. И не вообще директором, а таким, который давно перепутал, где свое, а где — государственное.

— Жуликом, значит? — скривив губы, захотел уточнить помрачневший кулинар.

Тычинин промычал невразумительное, означающее, что Сергей Феоктистович понял в общем-то правильно.

— За всю свою жизнь я украл единожды,— еще больше нахмурился Булатов и ушел взглядом в далекое прошлое.— Это была такая соблазнительная лепешка! Я не мог не украсть ее...

Едва ли не всем базаром убивали торговцы голодного, много дней не евшего мальчишку. Спас красноармеец в буденовке.

Булатов растревоженно и без всякой нужды поправил лацканы аккуратного пиджака, стряхнул с колен что-то невидимое, грустно улыбнулся.— Извините, Игорь Яковлевич. Вы продолжайте, я постараюсь понять.

— Это вы меня извините за дурацкое вступление,— покаянно проговорил Тычинин.— Я вот о чем. Представьте, что директор этого заведения,— он кивнул на магазин Раисы Григас,— имеет значительное количество неучтенных продуктов...

— Откуда эти продукты? — набираясь внимания, спросил Булатов.

— Допустим, из того ресторана, где экономят на пирожках, тортах и других изделиях, плюс своя «экономия». Выручка от излишков, как вы понимаете, идет не в государственный банк. Как уличить директора в преступной деятельности?

— Но это же элементарно, Игорь Яковлевич...

— Какой я для вас Яковлевич, зовите просто Игорем,— попросил Тычинин.

— Внезапная ревизия, Игорь. Не думаю, что в вашем бэхээсэсе не знают об этом.

— Знают, Сергей Феоктистович, но...— Тычинин взял из кулька еще одно яблоко.— Но что она даст, ревизия эта? «Боже мой, не доглядела...» И еще что-нибудь в этом роде. Кончится проверка общественным порицанием, в лучшем случае — увольнением.

— Как же без ревизии? — посомневался Булатов.

— Ревизию — обязательно. Только такую, о дне проведения которой в магазине узнают заранее.

Сергей Феоктистович с оторопелой разочарованностью откинулся на спинку скамейки, безмолвно развел руками.

— Как, по-вашему, что сделает человек, когда узнает о ревизии? — допытывался Тычинин.

Булатов ответил с едва заметной досадой:

— Тут как божий день, Игорь. Немедленно избавится от излишков.

— Там же не кастрюля фарша. Много. Куда все это?

— Надежнее всего к такому же прохвосту в другую торговую точку. Но вы же знаете, ревизии, если внеплановые, стараются не афишировать.

— А если так, чтобы о ревизии узнали загодя?

Взгляд Тычинина, обращенный на Сергея Феоктистовича, удерживал от новых вопросов. Булатов подумал, что старший лейтенант пришел с чем-то готовым, обдуманным и, возможно, уже согласованным с теми, кто повыше. Тогда зачем же разговор с ним, с Булатовым? Проверить в этой беседе свое решение? Утвердиться в его правильности? Булатов недовольно сказал Тычинину:

— Что вы, Игорь, вокруг да около ревизии? И еще какой-то афишированной. Говорите прямо. Прихватить по дороге к прохвосту?

— Сейчас подойдем к этому, Сергей Феоктистович. Вам фамилия Григас что-нибудь говорит?

— Григас? — задумался Булатов.— Редкая и очень знакомая. Минутку... Григас...

— Я вам помогу, Сергей Феоктистович. Ваш ученик из кулинарного.

— Верно,— вспомнил Булатов.— Толя Григас. Очень способный парень, к делу прилежен. Слышал, что где-то директором в райцентре.

— Он теперь заместитель директора ресторана на Центральном стадионе.

— Молодец. Рад за него, но...

Понятно, почему запнулся Сергей Феоктистович. Неужели Толя упомянут в связи вот с этим, похоже, серьезным преступлением, которым занялась не только районная, но и городская милиция.

Солнце высунулось из-за здания почтамта и нещадно пригревало. Тычинин тщательно обгрыз сердцевину яблока, метко кинул ее в урну, вытер носовым платком шею и руки.

— Директор вон того магазинчика,— сказал Тычинин,— в близких отношениях с директором вокзального ресторана Нельским. Фамилия ее Григас. Раиса Семеновна Григас, родная мама вашего воспитанника Толи, теперь, разумеется, Анатолия Валериевича Григас.

— Что же из этого? — настороженно поднял брови Булатов.— Думаете, что и Толя? Не поверю.

— Дорогой Сергей Феоктистович, Анатолия воспитывали не только вы, но и мама. Допускаю, что он далек от ее закулисной деятельности, но допускаю и другое, даже убежден, что, узнав о предстоящей ревизии в мамином магазине, он известит ее об этом.— Тычинин помолчал, глядя на бойкую молодую парочку, направлявшуюся к их скамейке. Он собрался встать, увлечь за собой Булатова, но девушка ухватила своего дружка в пестрой рубашке, завязанной у пупа, и потащила в тень под тополь. Тычинин сказал: — То, что я хочу предложить, убедительнее вас никто не сделает. Завтра, в среду, в пятнадцать часов, выходя из управления треста ресторанов, вы случайно встретите Анатолия Валериевича... Он узнает вас?

— Еще бы! — убежденно воскликнул Булатов.

— Прекрасно. В таких случаях никто не может удержаться от традиционных вопросов: как здоровье, чем занимаетесь?.. Отвечайте как есть. Правда, небольшое отклонение от истины необходимо. Вот, дескать, пригласили для ревизии. Думал, на месяц-два, но, оказывается, всего лишь для проверки магазина такого-то. Постарайтесь убедительно, но не обостряя внимания, подчеркнуть, что ревизия только в этом магазине, по жалобе по какой-то. Мол, насиделся без дела, счел за честь, согласился... А вы так или иначе будете участвовать в ревизии. Потом.

— Но как это — случайно встретите?

— На это время Анатолия Валериевича вызовут в арбитраж или в отдел кадров. Там посмотрим. Не беспокойтесь, тут наша забота.

— Выходит, все же с поличным?

— Вот именно. Под тяжестью этого факта Раиса Семеновна не станет молчать. Львиная доля товара — от Нельского. Плевать ей на него: своя рубашка ближе к телу.

Булатов покачал головой, осуждая человеческие пороки, удивляясь им.

4

Звонил подполковник Веряскин.

— Тычинин, ты? — спросил он.— Тлеющая тряпка подброшена удачно. Раиса чихнула и спешно загружает машину. Зафиксирован разговор с Марией Чичилимовой. К ней отправляет. Магазин Чичилимовой знаешь?

— «Кулинария» на Космонавтов,— ответил Тычинин.

— Пометь себе: крытый фургон, наискось надпись «Продукты». Номер запиши...

— Ясно, Владимир Александрович.

Выйдя в дежурную часть, распорядился:

— Ребята, быстро машину!

...Мария Константиновна Чичилимова совершенно не была готова к тому, что случилось, вернее, что вот-вот случится, и потому долго, мало что соображая, разглядывала удостоверение сотрудника ОБХСС Игоря Яковлевича Тычинина. Наконец собралась с духом, с настороженно-сдержанной вежливостью показала на стул возле расшатанного стола с бильярдной обивкой на крышке.

Марии Константиновне тридцать лет. Высокая, ладная русская красавица. Редкий не распахнет глаза при встрече. И дочки, наверное, в маму. Тычинин не видел дочек, предполагает, что похожи на маму. Одна в четвертый, другая в третий класс ходит. Мама своего несчастья все равно не удержит в секрете, будет плакать и объяснять девочкам, что это какое-то недоразумение, в милиции что-то напутали... Дочки

безумно любят маму и без всякого колебания поверят ей. Кому еще верить!

Игорь отгонял эти мрачные, крайне тягостные мысли. На вопрос Чичилимовой, что привело старшего лейтенанта в ее скромный магазин, ответил без утайки:

— Сейчас к вам придет продуктовая машина. Весь товар, который вам доставят, взвесим до грамма, составим акт, скрупулезно отметим, где получен, по каким документам проходит и так далее.

На чистом, чуть надменном лице Чичилимовой выступил нездоровый румянец, в глазах прежняя тревожная настороженность.

— Какая машина? Я не жду машины.

От такого ответа Тычинин поморщился прямо-таки с дружеским укором, сказал мягко, убеждающе:

— Не надо, Мария Константиновна. Пустое это.

Чичилимова прикрыла ладонью глаза, посидела так, посоображала. Молчание длилось долго. Оно нужно Чичилимовой, чтобы собраться с мыслями, все хорошенько взвесить, отсеять, что не от ума, а лишь от растерянности, горечи, страха перед грядущим. Тычинину затянувшаяся пауза тоже не просто пауза, он тоже думал, стараясь понять, какие мысли тревожат Марию Константиновну, как настроят ее эти мысли — на немедленное облегчающее признание или упрямое запирательство, которое абсолютно ничего ей не даст.

Тычинин взглянул под рукав на циферблат часов и добавил к сказанному:

— В эти минуты в шестнадцати торговых точках начаты контрольные закупки, ресторан Нельского закрыт, кухонные и складские помещения опечатаны, шесть бригад ревизоров приступили...

Во двор магазина въехала машина. Тычинин увидел номер и отметил про себя: «Та самая».

Шофер захлопнул дверцу, подождал. Никто не спешил его встретить, и он направился в кабинет Чичилимовой. Присутствие молодого человека в модной курточке не смутило усталого пожилого шофера. Возможно, ему, ни во что не посвященному, вовсе не было причин волноваться. Поздоровался в пространство, сказал:

— От Раисы Семеновны. Есть кому разгружать? Я не стану. У Раисы спину наломал. Под завязку машину набухали. В накладной все указано.

Ярко подведенные губы Чичилимовой при слове «накладной» шевельнулись в горькой усмешке. Приняла от шофера «накладную», начальственным голосом распорядилась:

— Идите. Я сейчас.

Не раскрывая вдвое сложенного листка, не зная, что там — записка ли к ней, Чичилимовой, опись ли присланного товара, или еще что,— Чичилимова все с той же невеселой усмешкой протянула листок Тычинину.

Что за усмешкой? Угрызение, раскаяние? Горечь поражения, досада?

5

Миша Нельский остался без матери восьми лет. Собственно, без матери он был и до этого: родители жили порознь, и Миша воспитывался у тетки, престарелой сестры Петра Аристарховича Нельского.

Когда мальчику исполнилось двенадцать, а тетка стала путать полотенца с половой тряпкой и вязнуть в трясине воспоминаний о своих блистательных успехах в светском обществе нэповского Екатеринбурга, Петр Аристархович взял сына к себе — в трехкомнатный кирпичный дом, построенный на ссуду, которую он выплачивал из своей небольшой зарплаты нескончаемое количество лет.

Интеллигентный, со всеми предельно вежливый, обходительный человек, Петр Аристархович Нельский пользовался беспредельным уважением окружающих. На совещаниях и собраниях его, как правило, приглашали в президиум, газеты публиковали о нем хвалебные корреспонденции. Писать было о чем — и когда работал в торге, и когда руководил крупнейшим в городе универмагом. По его инициативе в свое время был открыт «Салон для новобрачных», при универмаге создан отдел по продаже товаров повышенного спроса для инвалидов войны и юбиляров. Он не заводил свойских контактов: ты — мне, я — тебе, слыл человеком неподкупной честности и не был почитаем в своем кругу завмагов.

Своим крылом коснулась Петра Аристарховича и слава области. Когда ее награждали за успехи в выполнении народнохозяйственного плана, орденом «Знак Почета» отметили и его, старейшего работника торговли.

Но это была показная, видная всем сторона жизни и деятельности Петра Аристарховича. Другая, неосвещенная, как у Луны, оставалась ненаблюдаемой. Она была доступна только сыну Мише, на редкость рано созревшему и возмужавшему подростку, и отец виделся ему в этой тени образцом современного делового человека. Рыхлое еще, восприимчивое существо жадно впитывало отцовскую философию жизни, воззрения на свое место в ней. Не нравилось Мише только одно увлечение Петра Аристарховича — коллекционирование публикаций о рассекреченных проделках торговых работников. Какой-то зловещей казалась эта причуда отца. Петр Аристархович выстригал заметки из всех доступных ему газет, внимательно перечитывал и, грустно помотав головой,— до чего же неумно! — складывал в старинную, с перламутром, шкатулку, которую именовал музеем дураков.

Петр Аристархович, член комиссии народного контроля, член правления коллективного сада и потому вечно в забо-

тах, вечно занят. Печься о Мише, присматривать за ним вменялось в обязанность часто меняющихся в доме молодых особ. Но после девятого класса Миша сам стал «присматривать» за этими особами и однажды был уличен в далеко не мальчишеской игре с отцовской двадцатилетней пассией по имени Анна.

Ветреная Аннушка получила от Петра Аристарховича порцию увесистых оплеух и едва не была вышиблена за порог «без выходного пособия». Спасла окрепшая к тому времени привязанность Петра Аристарховича к этой толстобедрой, простодушной девице. И вот Мише после экзаменов за десятый велено было отправляться в ссылку.

Перед отправкой отец и сын долго сидели за бутылкой вина и Нельский-старший наставлял:

— Ты должен получить высшее образование. Лучше — экономическое. Без диплома в наш век и в продавцах делать нечего.

Потом говорили о студенческой жизни, о Москве с ее неисчислимыми соблазнами.

— Получать от меня будешь,— прямо и жестко говорил Петр Аристархович,— столько, сколько потребуется на учебники, метро и стирку белья. На конфеты девчонкам и сигареты, если станешь курить, не жди. Дворником, сторожем в детсад на пару месяцев... Не зазорно студенту. Разумеется, я могу тебе презентовать и десять, и двадцать тысяч. Хоть сию минуту. Не жалко для сына. Но я, милый, никогда не сидел в тюрьме и не хочу сидеть. Тюрьма — для кретинов. Ты же, имея лишнюю сотню рублей и не имея житейского опыта, совсем нечаянно можешь лишить меня свободы, которую я ценю превыше всего. Тем более на склоне лет. Понимаешь? Я ценю и другое — свою репутацию. Я хочу умереть тем, кого, по меркам нынешнего общества, считают порядочным человеком: с гражданской панихидой в Доме культуры, с хорошими речами у гроба, с орденом на атласной подушечке...

Институт Миша закончил с отличием. Ему предложили работу в Министерстве торговли одной из республик, но Миша уже сориентировался, куда ему, голубю, лететь и зачем лететь. Он распределился в тьмутаракань директором продмага.

Там, в тьмутаракани, Миша получил известие, что отца уложил в постель давний тяжелый недуг. Петр Аристархович мужественно сообщал, что едва ли теперь поднимется и, пока в здравом уме, хотел бы распорядиться своим движимым и недвижимым имуществом. Дом и «Москвич», по всей видимости, он отпишет Аннушке, пусть на то не будет в обиде милый сын, а все остальное, что нельзя указать в завещании и что в десятки раз больше отрезанного в наследство молодой сожительнице,— ему, Михаилу. «Приезжай, передам из рук в руки».

Медленно подбирался рак к жизненным центрам Петра

Аристарховича, а вот подлое свое дело сделал в одночасье. Миша еще переваривал смысл письма, плавал в угаре от свалившегося на него богатства, когда пришла телеграмма от Аннушки: Петр Аристархович умер.

После смерти все происходило так, как хотелось Петру Аристарховичу: публиковалось газетное сообщение о безвременной кончине уважаемого человека, в Доме культуры состоялась гражданская панихида, был и орден на атласной подушечке и все остальное, с чем провожают порядочных людей в запредельный мир.

К погребению Миша успел, а вот «получить из рук в руки»... Поэтому горе его было безутешным. Обстукал, исковырял стены от потолка до плинтусов, расшатал половицы, перевернул вниз крышей садовый домик, едва не по винтику разобрал «Москвич», перекопал подворье, но так и не нашел никакой шкатулки, кроме той старинной с мерзкими вырезками о судебных процессах.

Миша пять лет сидел на студенческой стипендии, как истый провинциал, сам стирал и штопал носки, питался «котлетой на хлебе» со спитым чаем... За каким чертом нужна была эта схима?! Почему отец тянул с передачей «из рук в руки»?

Может, Аннушка знает то укромное место?

На третий день тщетных поисков, измотанный, обалделый, Миша Нельский полез к Аннушке в постель, но Аннушка так горько и скорбно зарыдала, что Миша пулей вылетел на крыльцо — под освежающие струи вечерней прохлады. Аннушка успела искренне прилипнуть сердцем к немолодому, доброму и еще сильному человеку. Она была честна в своем горе.

Утихомирив колотившееся сердце, Миша вернулся и уронил свое грузное тело к ногам Аннушки, умоляя пойти за него замуж. Аннушка трезво отвергла это предложение:

— Не на мне ты хочешь жениться, Миша... Знаю, есть деньги, большие деньги. О них он тебе писал, но где — духом не ведаю. Клянусь всем святым.

Деньги были законспирированным богом Петра Аристарховича, иконами на божнице верующего, он на них мог только молиться. Да и то один на один. Нет, не мог Петр Аристархович доверить своего бога не очень-то резвой на ум Аннушке.

Миша известил свое начальство, что занемог, и еще неделю убил на переборку сарая, перелопачивание погреба и садового участка. Страдающая Аннушка умоляла его:

— Миша, возьми все: дом, машину — все. Не надо мне никакого наследства. Тряпками Петр Аристархович обеспечил на много лет, есть еще восемьсот рублей... Проживу.

Миша не принял жертвы и отбыл к месту работы. Надо было спешить наживать капитал самому.

За все время работы где-то на Севере он трижды наведы-

вался в Свердловск. Целыми днями Миша Нельский зыбался в кресле-качалке молодой вдовы. Его полубезумное стремление отгадать родительскую загадку наводило на Анну падучую тоску. К тем годам кошелек Михаила Петровича изрядно распух, но сердце, как и прежде, терзалось и дико скорбело, что золотой телец — псу под хвост. Нельский с ужасом ловил себя на том, что думает об отце с бешеной ненавистью.

К сорока годам Михаил Петрович оставался холостяком. Делиться богатством с чужой посторонней женщиной? Эта мысль казалась невероятнейше дикой. А женщины, желанной его сердцу, способной стать родной до забытья презренных купюр, не находилось. Никого не любил Нельский. И его, рыхлого, охваченного скрытой для всех тягой к наживе, тоже не любили. Конечно, без женщин не обходился, уворовывал ночь-другую, на том и ставил точку. И на тебе — в сорок лет как в угаре! Влюбился. Обворожительная Софья Загорская, решительная в делах и суждениях,— будто звезда с неба. Нельский со всей серьезностью стал размышлять о давних, полузабытых наставлениях отца, пытаясь вернуть себе благоразумие. Не пора ли, как говорят граждане уголовники, рвануть когти, вовремя смыться? Не только в значении дать тягу. Нет, смываться по-настоящему: смыть Нельского, как смывают неугодные пятна.

Настороженно, чутко жил он все эти годы. Достигая очередного «пика желания» и чуя, как начинает нагреваться земля под ногами, Нельский находил благовидный предлог для увольнения, сообщал об отъезде в город Икс и включал третью скорость в направлении города Игрек. С его отбытием в отделах кадров исчезали фотографии и всякие бланки, касающиеся его личности. На Камчатке был Сливко, в Якутии — Мулявин, в нефтеносном крае — Деулин.

А чем плоха фамилия Загорский? Еще бы к фамилии невесты документ об инвалидности... Без такого или подобного документа милиция, чего доброго, к тунеядцам причислит. Нельскому же не хотелось больше пользоваться конституционным правом на труд, претила ему профсоюзная, служебная и всякая другая дисциплина. Он согласен на зависимость только от самого себя.

Еще в Усть-Янске пытался трезво оценить обстановку, разумно посмотреть на себя со стороны: не патология ли, унаследованная от отца, вот это неукротимое желание разбогатеть? Не деформировалась ли у него, Михаила Петровича, психика? Поглядел и так и этак на себя, убедился: нет, он здоров, просто устал.

Завершив намеченное в пушных факториях Камчатки, Нельский утопил паспорт Зиновия Львовича Сливко в Пенжинской губе и под собственным именем объявился в родном городе, решил отдохнуть от утомительных, крайне нервирующих дел.

Неимоверно растолстевшая Аннушка страдала одышкой, жаловалась на сердце, и врачи рекомендовали ей незагрязненную деревенскую атмосферу, родниковую воду и спокойный быт. По-родственному совсем дешево уступив Нельскому пришедший в упадок дом покойного Петра Аристарховича, она уехала в какие-то Выселки коротать остатнюю жизнь в непосредственной близости к природе.

Пятнадцать лет усадьба стояла без мужского догляда: наружная штукатурка местами обвалилась, давно не крашенная кровля прохудилась, расшаталось крыльцо, прогнили дверные и оконные косяки. Нельский не стал обременять себя ремонтом: засиживаться в Свердловске он не планировал. Перебрал только полы. Да и то все по той же давней причине — искал отцовское богатство.

Став во главе вокзального ресторана, Нельский за несколько месяцев сделал его образцово-показательным. С треском увольнялись лихоимцы и любители чаевых, хапуги и грубияны, которых Нельский никак не мог терпеть возле себя. Все шло к тому, что Михаил Петрович мог покинуть Свердловск с великолепными характеристиками в кармане.

Но вот же судьба-злодейка! Все прахом, все — независимое положение, свобода личности, по гроб обеспеченная жизнь... И на чем зацепили — на каких-то пошлых пирожках!

Страсть к изобретательству — вот в чем причина, иронично пытался убедить себя Нельский. Еще в институтском общежитии он усовершенствовал кухонную духовку так, что покупаемые в буфете пирожки микропоровой жесткости после разогревания становились пышными, ароматными, и на их запах слеталась студенческая голь со всего второго этажа. Это чудо творили обыкновенные пары воды и масла. Черт его дернул внедрить давнее приспособление в вокзальном ресторане. Поначалу хотелось поддержать честь своего предприятия, продукция которого получала множество рекламаций. Реализация враз подскочила. Тысячи пирожков раскупались и съедались с пылу, с жару. Но они, экономно начиненные, потеряв тепло, а с ним и аромат, быстро сморщивались, становились жесткими, от них отказывались даже беспородные бродячие псы. Торговать же холодными изделиями Нельский категорически запрещал.

Началось с пирожков, потом пошли торты, рулеты, кулебяки, чебуреки и всякая другая кулинария. Появилась нужда в сотоварищах, и Нельский проглядел, как образовалась довольно обжорливая семейка соучастников, заинтересованных друг в друге.

Как была права милая Софья!

— Миша, прикрой свою лавочку,— говорила она,— уедем куда-нибудь далеко-далеко. В Австралию, например. Заведем свое дело: купим фабрику, или поместье, или... тюрьму. Все равно что, лишь бы прибыль давало.

Упоминание о тюрьме обидело Михаила Петровича.

— Не ново, Софушка. Читал или слышал где-то.

— Я и не претендую на авторство,— хохотнула зловредная Софушка.— Я лишь предложение вношу.

Конечно, Австралия — чепуха, неумная шутка Софьи, но вот Очамчире... Туда бы надо — в солнечный, укрытый от северных ветров Кавказскими горами чудный Очамчире, пропитанный запахами цитрусовых...

Все прахом, все...

6

Еще четыре дня назад старшему следователю городского управления внутренних дел капитану милиции Юрченко звонил прокурор, интересовался, как обстоит дело с обвинительным заключением. Пора бы представить, а дело, документы которого образовали шесть полновесных томов, передать в народный суд. Но Павел Юрченко еще не мог приступить к обвинительному — не успевал. Успокаивал себя: дело-то нешуточное, люди в суде и прокуратуре не без понятия. Работай Юрченко, как все нормальные люди, по восемь часов в сутки — теперь бы речь шла не об этой чепуховой задержке, а по меньшей мере месячной. Дело делу рознь. Тринадцать обвиняемых, девяносто восемь свидетелей, семнадцать различных экспертиз, очные ставки...

Юрченко орудовал сапожной иглой, сшивал страницы предпоследнего тома. Сошьет, сунет под пресс, тогда и возьмется за обвинительное. Оно пойдет в подшивку шестого тома.

Руки делали свое, голова — свое. В ней машинально прокручивались слова начальных строк обвинительного заключения: «...по обвинению Нельского Михаила Петровича в преступлении, предусмотренном статьями... Чичилимовой Марии Константиновны в преступлении, предусмотренном... Григас Раисы Семеновны в преступлении... Панченко Елизаветы Митрофановны... которые, войдя в преступный сговор, используя свое служебное положение...»

Еще и представление писать надо — в управление торговли, в трест ресторанов, снова напоминать солидным и умным людям элементарнейшие вещи: что такое контроль, каков порядок инвентаризации материальных ценностей; растолковывать правила подбора и расстановки кадров, тыкать пальцем в их служебные оплошности. Сколько написано таких строгих бумаг! После иного такого представления кажется: с этим видом преступления покончено раз и навсегда. Во всяком случае, в этой организации. Проходит какое-то время — опять недовложения, манипуляции с дефицитом, обвесы... Чуму, холеру вытравили, а эту заразу — не можем...

Стоп, стоп, Павел Евгеньевич, что это ты расхныкался? В срок не уложился? Еще и представления писать? Если

Тычинин со своими ребятами привезет из Абхазии то, за чем поехал, тогда не обвинительное придется писать, а постановление о продлении срока расследования.

Звонок телефона внутренней связи оторвал старшего следователя Юрченко от чеботарного занятия и тягостных размышлений.

— Товарищ капитан,— услышал Павел Евгеньевич голос милиционера с вахты,— к вам гражданин тут пришел.

Никаких деловых свиданий на сегодня не назначал. Если кто из приятелей — сам бы позвонил.

Человек на вахте не выдержал, добавил:

— Говорит, что по какому-то делу тринадцати.

Вот так раз. По делу тринадцати... Неужели еще что-то добавится? Может, не шесть, семь томов будет?

Усталый, измотанный человек на завершающей стадии работы едва ли придет в восторг от чего-то добавочного. И тем не менее в каждом следователе живет подспудная мысль: «Ну а вдруг?»

Юрченко погладил коротко стриженную голову, бросил в микрофон: «Сейчас буду», и поднялся. Подергал лопатками, пошевелил занемевшей поясницей и уверенно подумал, что ничего нового он не получит и что, скорей всего, опять припожаловал Пимен Егорович Тютюкин, трубач из ресторанного оркестра. Вот уж, право, нечистый свидетеля подкинул. Другой от общения с милицией — очертя голову, а этот по собственной инициативе уж в который раз притопал. Ведь ничего существенного за душой, одни догадки, одна другой нелепее. Ох, Пимен Егорович, турну я тебя сейчас, кумушку ресторанную...

Не убрав с лица выражения решимости, Юрченко отправился в вестибюль. Надо же, какой дошлый — по делу тринадцати. Откуда ему знать, тринадцать по делу или еще сколько?.. Собственно, почему бы и не знать? Вторжение ОБХСС в дела вокзального ресторана давно не секрет. Аресты, вызовы, допросы... Тютюкину ли не знать!

В коридоре встретился незнакомый человек с усталым обветренным лицом.

— Извините,— сказал высокорослый незнакомец и чуть склонил рыжеватую шевелюру над Юрченко,— к подполковнику Веряскину сюда? — махнул он рукой вдоль коридора.

— Да,— ответил Юрченко.— Последняя дверь направо.

Возле бюро пропусков всего четыре человека. Трубача Тютюкина нет. Любопытно... Из-за овального стола, приткнутого в угол для посетителей, поднялся дородный человек. Юрченко видел его впервые. Темно-коричневый костюм в клетку. Серая машинной вязки рубашка. Немаркая, удобная в поездках. Тяжелые, на толстой подошве туфли. По брюкам не лишне пройтись утюгом...

Все это Юрченко зафиксировал в несколько мгновений и уверенно заключил, что человек с дороги.

От изучающего взгляда следователя глаза посетителя забегали.

— Товарищ Юрченко? — спросил он подсохшим голосом.

— К вашим услугам,— кивнул Юрченко, продолжая отмечать, что посетителю лет пятьдесят, волнистая шевелюра тронута сединой, тонкие ужатые губы полумесяцем и рожками вниз, глаза серые, навыкате, а в них свежая перепуганность и, рожденное этой перепуганностью,— нетерпеливое желание высказаться.

Мужчина энергично ткнулся подбородком в верхнюю пуговицу рубашки, мягко пристукнул каблуками туфель чужеземного производства. Движение явно не военного, а чопорно-подражательного происхождения.

— Макар Леонидович Паренкин,— представился он.— По крайне неотложному делу.

Фамилия, как и внешность пришельца, тоже ничего не говорила Юрченко. Показывая на лестницу, с которой только что спустился, Юрченко пригласил:

— Пройдемте.

У себя в кабинете показал на кресло возле стола.

— Слушаю вас, товарищ Паренкин.

Человек торопливо поискал место для портфеля, приткнул его к ножкам кресла и утонул в поролоне.

Юрченко отодвинул в сторонку стопку уголовных фолиантов и приготовился слушать.

Паренкин неожиданно выпалил:

— Товарищ следователь, я пришел с повинной.

Сказал и замолчал, сделав еще более заметными и без того выпуклые глаза. Юрченко, пряча зародившуюся заинтересованность, спокойным движением достал из ящика стола стопку чистой бумаги, положил ее перед собой, но к ручке не прикоснулся. Если в этой явке есть что-то, то записать сумеет и потом. Грешники, причастные к делу, что изложено вот в этих томах, выявлены. С каким покаянием явился этот Паренкин, фамилия которого не упоминалась ни на одном из нескольких сот допросов?

— Дело моей чести, моей совести,— торопливо продолжал Паренкин.— Хочу помочь советскому правосудию...

Юрченко обострил внимание.

— Я не мог поступить иначе.— Паренкин поперхал, потрогал выпирающий кадык, взялся было за портфель, но тут же сунул его на место.— Не подумайте, товарищ следователь, что Макар Леонидович Паренкин совершил какое-то преступление. Нет-нет, я никого не убивал, не грабил, не совершал подлогов. Упаси бог...

Телефонный звонок остановил Паренкина.

— Минутку,— сказал ему Юрченко и снял трубку.

— Павел Евгеньевич? — раздалось с того конца провода.— Привет, старина. Бехтерев позвонил.

— Привет, Валера, привет,— ответил Юрченко дежурному

транспортной милиции.— С чего это ты вдруг меня вспомнил?

— Некий гражданин Паренкин пришел к тебе? Представительный такой.

Шифруя разговор, Юрченко ответил неопределенно для сидящего в кабинете, но вполне понятно для Бехтерева:

— Было дело. А что?

— Разговаривал?

— Секунд шестьдесят.

— Заявился к нам и бухнулся в ножки. Говорит, по делу Нельского, с повинной. Что ему перед нами виниться? После того как накрыли группу Нельского, я не касался ресторана. Знаю, что дело ведешь ты, к тебе и направил. Может, новые обстоятельства откроются.

— Не дай бог, Валера, но не впервой, переживем. За то, что молодец, возьми награду...— хотел было пошутить древним присловьем: «Возьми в награду с полки пирожок», да вовремя спохватился: может, при Паренкине не стоит пирожки упоминать? Сказал: — Обойдешься без награды, а спасибо — огромное.

— Какое перо этот гусь из себя выщипнет, увидишь, но усеки одну деталь,— давал совет Бехтерев.— На вокзал этот респектабельный гражданин приехал из аэропорта, долго слонялся возле ресторана. Похоже, на исповедь потянуло, когда узнал об аресте Нельского. Держи ухи топориком, рожа у него продувная. Он из Очамчире.

— Как, как? — встрепенулся Юрченко.— Повтори-ка.

— Принимай по буквам: Ольга, Человек, Андрей, Маша... Очамчире. Понял? В Абхазии где-то.

7

Шесть томов уголовного дела, тринадцать обвиняемых, девяносто восемь свидетелей, семнадцать экспертиз... Чего стоил один Михаил Петрович Нельский. Чувствует, что горит, горит синим пламенем — и со всех боков, а все равно свое гнет: того не было, сего не было, тут я совсем ни при чем. Приходилось искать очевидцев, допрашивать, устраивать очные ставки, проводить следственные эксперименты, доказывать выкладками и анализами ученых-криминалистов, а Нельский все с той же песней: не знаю, не подпишу. В конце концов суду не подписи Нельского нужны, а доказательства обоснованные, а они вот где — подшиты Павлом Юрченко, пронумерованы. Так что и без признания Нельского обойтись можно. Хищение в размере ста шестидесяти семи тысяч с хвостиком установлено, документально закреплено.

Помотал душу Нельский всей оперативно-следственной группе. Сядет на свою табуретку, распустит губы и начинает разминать запястья, гладить их, массировать. Всего-то от тюремной камеры до камеры допросов пронес на пояснице

холеные руки свои, а спектакль — будто только-только стальные наручники сняли.

Откуда у капитана Юрченко столько выдержки бралось! Но терпи, обуздывай желание трахнуть кулаком по столу.

— Гражданин Нельский, в прошлый раз вы утверждали, что к выпечке не проходящих по документам чебуреков не имеете никакого отношения, что это инициатива Елизаветы Панченко.

— Да, именно так,— ласкал свои запястья Нельский.

— В таком разе ознакомьтесь вот с этими документами. Вот записка, исполненная лично вами: «Лизанька. Ночку пободрствуйте, используйте вчерашнюю муку и фарш...» и так далее. Вот, почитайте, если запамятовали.— Компенсируя невозможность трахнуть кулаком по столу, Юрченко издевчиво добавил: — Только не вздумайте заглотать свое эпистолярное произведение. Без толку. У нас фотокопия имеется.

Нельский поднял на следователя ненавидящий взгляд.

— Вы сердитесь, Нельский? Не собираетесь глотать? А я подумал: сто шестьдесят тысяч заглотал, а маленькую бумаженцию совсем запросто... И почему такая беспечность — записка? Могли же по телефону или лично. Слова к делу не пришьешь, а бумажку, как видите, пришили.

— Вам не бумажку, меня пришить хочется. На «в особо крупных размерах» натягиваете. Вон какую сумму сочинили. Искали же! Нет у меня ни гроша! — негодующе, с паузами отреагировал Нельский.

— Лизанька, то бишь Елизавета Панченко,— продолжал Юрченко невозмутимо,— передала нам не только вашу записку, Михаил Петрович, но и копии двенадцати накладных, которые ни по каким учетам не проходят. Масло, мясо, мука, специи... Почеркала карандашом по бумаге, подсчитала: только за три месяца она передала вам,— слышите, Нельский? — лично вам передала семьсот девяносто восемь рублей. С вашего разрешения она оставила у себя шестьдесят. Значит...

— Ничего не значит! — оборвал следователя Нельский и снова замкнулся.

— А для нас кое-что значит, гражданин Нельский. В записке вы обещаете одну сумму, а платите другую. Из восьмисот всего шестьдесят рублей за три месяца сверхурочной работы у раскаленной плиты. Не скупо ли, Нельский?

Нельский катнул желваки. Юрченко погадал, пытливо вглядываясь в брыластое лицо Нельского: сорвется или нет? Срыва не последовало. Сдержался, не поправил умышленно неправильно названную цифру — шестьдесят рублей Панченко получала ежемесячно.

И так вот изо дня в день, на каждом допросе. С таким же упрямством вел себя во время обысков.

Коллективный сад «Заря» фасадной изгородью с входными воротами из металлических прутьев вытянулся вдоль Москов-

ского тракта, а тыльной примкнул к насыпи узкоколейной дороги, по которой во времена оны доставляли торф для местной электростанции. Потом надобность в торфе отпала, а раз так, то и узкоколейную дорогу побоку. Рельсы сняли, по насыпи стали ездить автомобили, в обводнившихся котлованах торфоразработок сами собой развелись караси.

Сад большой, гектаров восемь на когда-то худющей, болотистой почве, а в саду этом — участки. С малиной, смородиной, крыжовником и, конечно, с одной-двумя яблонями. При каждом участке домик. Домики пряничные, цветастые, как пасхальные яички, с балкончиками, игрушечными мансардками. Летние домики. В соответствии с установленными правилами для садоводов,

Был в том саду участок и у Михаила Петровича Нельского — древний, еще отцовский. С домиком, разумеется. Домик — на особицу, ни у кого такого: ни у тех, кто вопреки «установленных правил» отгрохал капитальные хоромы, ни у тех, у кого летние, игрушечные. Удивительный у Нельского домик! Поглядит на него сосед Иван Гаврилович да и вздохнет — то ли сострадая бедности, то ли предполагая камуфляж этой бедности. Директор преогромного ресторана, а садовая постройка — курам на смех. Крыша черт знает чем крыта: плитки шифера, металлическая обрезь, расплющенные цинковые тазы и ведра. Стены тоже не лучше — тарными дощечками обиты. С ларем для мусора можно запросто перепутать.

Вот здесь-то после безуспешных обысков на городской усадьбе и работала оперативно-следственная группа капитана Юрченко. В бетонированном погребе смехотворной избушки обнаружили штабеля ящиков с коньяком, заморскими консервами и копченостями. Это, конечно, что-то добавляло к характеристике директора ресторана, но важнее было найти шкатулочку, баночку, горшочек — одним словом, ту самую пузатенькую кубышку, в которой может быть спрятано нажитое на тортах, чебуреках и пирожках без мяса. Ни одной сберкнижки у Нельского не обнаружено.

Как диковину, осмотрели каждое полешко в поленнице, ящики из-под рассады, истыкали зондом клубничные грядки, почву в кустарниках, перенесли с места на место кучу перегноя — ничего не оставили без внимания. Солнце снижалось к покатым лесистым зубцам Уральского хребта на западе, вот-вот смеркаться начнет. Устали, перекусить бы в самую пору, но ни отдохнуть, ни поесть себе не позволяли. Понятые откровенно поглядывали на часы, раздраженно переругивались инспекторы, бессовестно клевал носом конвоир Нельского.

Внутренне затаенный, Нельский сидел истукан истуканом. Только раз Юрченко заметил, как вскинулись набрякшие от дум веки Нельского, как напряглись мышцы мясистого лица и приглушилось дыхание,— это когда Игорь Тычинин, ин-

спектор БХСС райотдела, осматривая под навесом всякую рухлядь, запнулся за старую велосипедную раму и ушибся. Игорь чертыхнулся и отбросил раму. Цепляясь за траву гнутой педалью, рама отлетела к стенке домика. Тычинин плюнул ей вслед, достал сигареты и прилег под кустом сирени. После этого лицо Нельского приобрело прежнее выражение.

Но и после того, как Нельский ушел в себя, он раза два останавливал взгляд на велосипедной раме, и это не ускользнуло от внимания Юрченко. «А что,— подумал Юрченко,— если тут то самое парадоксальное: чтобы спрятать, не нужно прятать? Всегда предполагается, что орудия преступления и ценности, добытые преступным путем, тщательно прячут от нежелательных глаз; ищут то, что спрятано, а то, что на виду,— не ищут».

Юрченко лениво поднялся с крылечка домика, расправил затекшие ноги и направился к велосипедной раме. Изучающе потрогал ее носком замшевой туфли раз, другой. Боковым взглядом засек едва заметное и беспокойное движение Нельского.

— Нельский, зачем вам эта ржавая рама? По бедности металлолом собираете? Или все это,— показал Юрченко на хлам под навесом,— непременные аксессуары избушки на курьих ножках?

— Положите на место! — неожиданно заорал Нельский и зашелся в кашле, багровея одрябшим за последнее время лицом.

Ого, нервишки-то ни к черту, вон как рявкнул. Что это он?

— Можете все забрать, навоз на свой огород вывезти,— глядя в сторону Юрченко, сказал Нельский, когда успокоил кашель.

Нет, в крике Михаила Петровича не только бешенство. Вон испуг-то, до сих пор в глазах не померк. Юрченко напирал:

— Рама-то не составная случайно? Может, разбирается, а? Нельский, я у вас спрашиваю.

Дай сейчас волю Михаилу Петровичу — по самую плешивую башку вогнал бы этого следователя в землю.

Не дождавшись ответа, Юрченко наступил ногой на муфту передней вилки и с силой дернул заднюю часть рамы. Проделал это без особой надежды на успех, но успех был: рама, теряя загрязненный маскировочный солидол в местах соединения, чуть раздалась. Юрченко дернул сильнее, рама покорилась и разошлась на две части. По-птичьи заглядывая в трубу, Юрченко спросил:

— Все здесь, Нельский, или другие тайники есть?

— Идите к черту! — выкрикнул и отвернулся Нельский.

Юрченко хмыкнул. Теперь ничто не могло испортить его настроения.

— А если я вас за оскорбление на пятнадцать суток?

8

Ни один человек из занятых расследованием дела Нельского ни на минуту не сомневался, что обнаруженные в тайнике двенадцать тысяч рублей — крохи. Где остальные?

На другой день обыск возобновили и на садовом участке, и в городской усадьбе подследственного.

Пережив за ночь потерю двенадцати тысяч, Нельский несколько успокоился и теперь наблюдал за действиями сотрудников милиции равнодушно. Больше ничего не найдут. Далеко отсюда деньги Михаила Петровича.

Оперативники заново перебрали полы в избушке, пересмотрели консервные банки, бутылки с напитками — все, во что можно затолкнуть денежные знаки, насыпать драгоценные камушки или цацки из благородного металла. Юрченко, ободренный удачей с велосипедной рамой, снова занялся валявшимся под навесом хламом.

С внутренней стороны навеса, прислоненный за ненадобностью к столбу, стоял на ребре широкодонный, полусферический (в два обхвата) банный котел, наполовину заполненный гудроном и мусором. За долгие годы котел вдавился, врос в землю, обвился малоосвещаемой чахоточной травкой. Возможно, использовался он еще при строительстве домика или позже, во время каких-то ремонтных работ. Юрченко толкнул чугунный чан каблуком туфли. Тот, как живой, скоблянул столб, переместил центр тяжести и лег днищем на землю. Из сырой вмятины опрометью кинулись в укрытия антрацитово-черные козявки. Юрченко показалось, что гудронная масса шевельнулась в котле. Приглядываясь, склонился. Только нагретым, размягченным можно удалить гудрон из котла. Не могла такая глыба усохнуть и шевелиться. Но эта почему-то отлипла от кромок котла по всей окружности. А если это лишь перегородка, вмазанная гудроном в котел? Исключительно в духе изобретательного Нельского!

Юрченко окликнул старшего лейтенанта Тычинина. Тот, угрюмый и потный, догадавшись, прихватил лом, подошел.

— Дай-ка,— потянулся Юрченко к лому.

Просунуть лом в едва обозначившуюся щель между стенками котла и окаменевшей массой не было никакой возможности. Юрченко подсунул лом под днище, сказал Тычинину:

— Помоги. Перевернем.

Поднатужились, но котел лишь скользнул по щепкам и ударился о столб. Подгнившее основание столба не выдержало, хрустнуло, столб сдвинулся.

— Павел Евгеньевич! — предупреждающе крикнул Тычинин и выскочил из-под навеса: померещилось Игорю, что крыша навеса, лишившись опоры, валится на их головы.

Юрченко посмотрел вверх. Крыша не собиралась падать, ее надежно держали шесть несущих столбов. В таком случае зачем это архитектурное излишество — седьмой столб? Юр-

ченко толкнул опору концом лома. Никакая это не опора. Осыпая гнилушки у основания, столб закачался маятником.

— Что скажешь? — глядя на Игоря Тычинина, кивнул Юрченко подбородком на «архитектурное излишество» и снова коснулся столба концом лома. Тот опять качнулся на проволочной оплетке, крепившей его к балке, как на шарнире.

Тычинин схватил лопату и стал разгребать землю у основания столба. Скоро штык лопаты звякнул о крышку канализационного люка. Что это — водопровод, канализация? Насколько известно, таких подземных коммуникаций садоводам еще не подводили.

— Нельский,— обратился Юрченко к арестованному,— у вас что, собственная канализационная система?

Нельский давно уже наблюдал за действиями милицейских чинов. Когда ворочали котел, издевчиво усмехнулся. Он тоже не раз ворочал его. И гудрон ковырял. Он же и прислонил котел к столбу — тогда, во второй приезд с Камчатки. В ту пору столб не был трухлявым, не сдвинулся от тяжести прислоненного котла, не показал Нельскому бросовую крышку люка, на которую опирался своим основанием. Теперь вот закачался на проволочной петле, и Нельский от его жуткого, как висельника, раскачивания ощутил холод во всем теле. Оглушенный вспыхнувшей в мозгу догадкой, он не ответил на вопрос Юрченко.

Крышку сковырнули, сдвинули. Она прикрывала вкопанный в землю второй, меньших размеров котел. Только этот был заполнен не гудроном. Рот Нельского непроизвольно открылся, и он кожей почувствовал, как шевельнулись волосы на голове. Оперативники, подозвав понятых, начали складывать на чистый льняной мешок пачки денег. Нельский собрал остатки сил, встал, шагнул ближе. Юрченко запрещающе-строго бросил ему:

— Нельский, сядьте на место!

Конвоир в недовольном голосе старшего следователя уловил упрек и в свой адрес. Угрожающе шевельнув автоматом, он прикрикнул на опустошенного Нельского:

— Ну, кому сказано!

Не отрывая бессмысленного взгляда от того, что извлекали из тайника, Михаил Петрович опустился на свой табурет. Ненависть к отцу взыграла с новой силой. Раньше Нельский пугался своих звериных вспышек, возникавших в минуты колкого раздумья о бесследно исчезнувшем кладе, терзался ими, стыдился в наплыве раскаяния. Теперь было не до сентиментальных тонкостей. Некогда уплывшее из его рук богатство могло сейчас сыграть роковую роль. Зловеще-черный зрачок нагана смотрел Нельскому в переносицу, и Михаил Петрович едва ли не лишился сознания от этого видения.

Юрченко не прикасался к деньгам, стоял, не сводя насмешливого взгляда с Нельского, ждал его реакции. Михаил

Петрович понял, что от него требуется. Помотал головой туда-сюда, едва внятно, через силу произнес:

— Это не мои деньги. Это деньги отца.

Тычинин даже присел от неожиданности услышанного, а Юрченко зло процедил:

— Стыдитесь, Нельский. Пачкать имя покойного... Вы его ногтя не стоите.

Усмехнувшись, Нельский промолчал. Что сейчас скажешь? Подумал только: «Поступай как хочешь. Не подпишу, а в суде отведу обвинение, потребую экспертизы, пусть устанавливают время закладки тайника, а тогда... Н-нет, за двенадцать тысяч ты меня к стенке не поставишь...»

9

«Очамчире, Очамчире... Зачем же пожаловал оттуда гражданин Паренкин Макар Леонидович? — размышлял следователь Юрченко.— Какой ветер сдунул его с Кавказских нагорий? Какое перо собирается выщипнуть? В чем ему не терпится покаяться? Или это разновидность трубача Тютюкина?»

Итак, Паренкин сказал старшему следователю Юрченко:

— Товарищ следователь, я пришел с повинной.

С чего начать после такого заявления? С официального — я вас слушаю? Можно и с этого, но прежде — некоторые формальности, такие, которые не обидели бы Паренкина.

Посетитель распахнул ворот вязаной рубашки, раскинул полы пиджака, изнывая от жары, то и дело промокал лицо носовым платком.

Изощряться, каким образом заполучить отпечатки пальцев Паренкина, Павел Юрченко не стал. Прием не нов, известен из десятков кинофильмов, но надежен, как и сто лет назад.

Надежность всегда в простоте. Да и не до того Паренкину, чтобы вникать в уловки следователя.

— Жарко, Макар Леонидович? — сочувственно спросил Юрченко и жестом показал на угловой столик, где на подносе стоял графин с водой.— Попейте.

Паренкин благодарно кивнул, но пил, судя по выражению лица, без особого удовольствия.

— Что, натеплилась? — виноватым голосом спросил Юрченко.— Ах эта Варя... Так и не сменила воду.

Юрченко покрутил диск аппарата, укорчиво сказал в трубку:

— Извините, Варвара Борисовна, но... Я же просил сменить воду в графине. Сделайте, пожалуйста.

Варвара Борисовна, выслушав Юрченко, сказала сидевшей за микроскопом подруге:

— У Павла сидит кто-то. Просит проверить по картотеке.

Варвара Борисовна вошла в кабинет старшего следователя, извинилась за оплошность и, не прикасаясь к стакану и графину, унесла их на подносе к себе в лабораторию.

Да, Макар Леонидович Паренкин пришел с повинной. Пусть не подумает гражданин следователь, что он, Макар Леонидович, наделал что-то ужасное, упаси бог. Он — скромный техник Очамчирской табачной фабрики, но попал, сдается, в какую-то неприятную историю. Рано или поздно откроется преступная деятельность Германа Юрьевича Левикова, и тогда ему, Макару Леонидовичу Паренкину, могут инкриминировать недонесение...

— Я правильно выразился? Есть такой термин? Статья в Уголовном кодексе? — заискивающе заглянул Паренкин в глаза следователя.

— Есть, есть,— утешил его Юрченко.— И в Кодексе РСФСР, и в Кодексе Грузии.

Паренкин суетливо перемещался в кресле, обмахивался носовым платком.

— Вот-вот. А мне это совсем ни к чему. У меня семья, двое девочек, старшая заневестилась... Товарищ следователь не знает, кто такой Левиков? А, извините великодушно. Я понимаю, что в этом помещении и в моем теперешнем положении надо не задавать вопросы, а отвечать на них... Так вот, этот Герман Левиков — двоюродный брат небезызвестного товарищу следователю... Простите, я должен называть вас — гражданин следователь?

— Как вам нравится. Можно и по имени-отчеству: Павел Евгеньевич.

— Так вот, Павел Евгеньевич,— взволнованно продолжал Паренкин,— этот Левиков — двоюродный брат Михаила Петровича Нельского... Почему вы ничего не записываете, Павел Евгеньевич? Протокол не ведете? Ах, простите, бога ради, опять я с вопросом...

— С протоколом успеется,— сказал Юрченко и движением руки пригласил продолжать рассказ.

Раз с протоколом успеется — очень хорошо. Тогда Макар Леонидович продолжит свою исповедь. С инженером завода тунгового масла Левиковым познакомился несколько лет назад. Милый, обаятельный человек...

— Бога ради,— приложил Паренкин большие и пухлые ладони к груди,— поверьте, он создавал такое впечатление. Но вот недавно мне стало известно о Михаиле Нельском, брате Германа Юрьевича. Нет-нет, я никогда не видел Нельского, и Нельский никогда не бывал в Очамчире, но имя его... Оно связано с именем Софьи Кондратьевны Загорской, которая год назад появилась в нашем городе. Не появилась, ее привез Левиков. Как абрек, выкрал невесту брата и теперь женился на ней. Об этом говорит весь город.

Постучавшись, вошла эксперт оперативно-технического отдела Варвара Борисовна, поставила поднос с другим графи-

ном, запотевшим от студеной воды. Юрченко поблагодарил. Как только женщина вышла, Паренкин потянулся к стакану.

— С вашего разрешения, товарищ следователь,— трудно произнес Паренкин и торопливо поглотал воды.

Усевшись на свое место, он таинственно вытаращил глаза и, ужасаясь, воскликнул:

— Это же грандиозный спектакль! Я сказал, что Левиков женился на Софье. Но это не так, Павел Евгеньевич, это грандиозный спектакль, сценарий которого написан самим Нельским. Я оказывал Герману Юрьевичу Левикову кое-какие услуги, и потому он доверяет мне. Герман Юрьевич позволил взглянуть на этот спектакль из-за кулис. Так вот, товарищ следователь, братья никогда не порывали дружбы, брак Левикова с красавицей Софьей — сплошная липа, извините,— фиктивный...

Сказанное Паренкиным произвело на него самого такое впечатление, что он с негодованием выпрямился и подобострастно посмотрел на Юрченко. Лицо следователя выражало внимательность и было полно жизненных красок, но какое впечатление произвели на него слова о фиктивном браке, Паренкин разобрать не мог и, выжидающе помолчав, продолжал рассказ в том смысле, что товарищ Юрченко, будучи на ответственной службе, не может не знать, что и в наше время люди не охладели к деньгам. Должностные оклады удовлетворяют далеко не всех. Даже такое ругательство появилось: «Что б тебе жить на одну зарплату!» А где взять сверх зарплаты — на машину, на дачу, на индийский ковер? С кастетом в темный переулок? Кастеты и безмены, должен сказать вам,— анахронизм. Современный гешефт, продолжал развивать свою мысль Макар Леонидович, формируется иначе: вербуются в суровые северные края или ищут сверхурочную и совместительство...

Хотелось и ему, Макару Леонидовичу, что-нибудь помимо основного заработка... Нет-нет, бога ради, красть — этого и в мыслях не было. Макар Леонидович решил, что прямая выгода — сочинять художественные романы. Такие деньжищи можно огребать! Не получилось. Умение отсутствует, к тому же, оказывается, книги годами пишут, а если поделить гонорар на эти годы, зарплата уборщицы получается. Отказался Паренкин. Ну их, романы эти, пусть писатели пишут, если такие чумные...

Бога ради, пусть простит товарищ следователь, отвлекся Макар Леонидович. Так вот, у Михаила Петровича Нельского свой метод делать деньги. Это человек огромного коммерческого дарования. Михаил Петрович еще в мае, тут, в Свердловске, должен был тяжело заболеть, уволиться, исчезнуть, чтобы вынырнуть на другом краю земли, вдали от обглоданного им ресторана, объединиться с очаровательной Софьей...

«Так вот, оказывается, какое перышко приволок Паренкин из далекой Абхазии!» — мысленно воскликнул Юрченко и ре-

шил приложить услышанное к тому, что известно, сравнить известное с новыми данными.

Сухумская милиция по просьбе свердловчан проверяла брата Нельского — инженера очамчирского завода тунгового масла Германа Юрьевича Левикова и ничего существенного не выявила и ничем существенным свердловскую милицию не обогатила. Версия о каком-либо участии Германа Левикова в преступных делах ресторанной шайки не подтвердилась. Переписка Нельского с братом Левиковым не установлена: после измены Софьи Загорской братья стали, похоже, кровными врагами. Ни в чем нельзя было заподозрить и Софью Кондратьевну — запоздалую и вроде бы искреннюю любовь Михаила Петровича Нельского.

Особа авантюрного склада, трижды побывавшая замужем и готовившаяся к замужеству с Нельским, она действительно год назад сбежала в Абхазию с новым избранником сердца. Герман Левиков зарегистрировал брак, закатил на манер коренных жителей шумную свадьбу. Сейчас строит собственный дом, Софья пока нигде не работает.

Задумывались: мог ли Нельский доверить брату или Софье свою денежную тайну?

На допросах при упоминании о двоюродном брате Германе Юрьевиче Левикове и гражданке Загорской Нельский скрипел зубами, шипел и становился свекольной окраски. В этом было все: гнев, презрение, ненависть, нежелание слышать их имена.

Но вот ведь какая штука. Конечно, когда братец, пусть двоюродный, поступает с тобой, как с сопливым мальчишкой, заскрипишь зубами. Зашипишь и при упоминании Софьи, совсем недавно смотревшей на тебя страстными, полными любви глазами. Но скрипи себе, шипи где-нибудь в опустевшей квартире. В самый раз для мужчины гордого, высоко оценивающего собственную персону. Нельский был именно из таких. Выходит, не пристало ему демонстрировать душевные муки посторонним. Если демонстрирует, публично плачется, то не с умыслом ли?

Своими психологическими соображениями капитан Юрченко поделился с начальством. Начальство прислушалось. В категоричное заявление Нельского, что триста тысяч, обнаруженные в саду под навесом, принадлежат не ему, а покойному родителю, честно говоря, не верилось. Не верилось, что Петр Аристархович Нельский, человек безупречной репутации, орденоносец, вел двойную жизнь и что никто не мог этого разглядеть. Но эксперты исследовали тайник и все, что там находилось, и пришли к выводу: котел приспособлен под тайник в давние годы и не исключено, что принадлежал Нельскому-старшему. Наиболее убедительный довод — отсутствие в тайнике денежных знаков, которые печатались в последнее пятнадцатилетие. Думать о какой-то случайности по меньшей мере глупо.

15 Заказ 540

Если триста тысяч, что изъяты из давнишнего тайника, на самом деле принадлежали «порядочному» Петру Аристарховичу (им Юрченко займется еще, особо), а не его отпрыску, где тогда деньги или ценности махрового жулика Нельского-младшего? Двенадцать тысяч из велосипедной рамы не в счет.

Не исключено, что немалая сумма, собранная Нельским преступным путем, находится в Очамчире. Иначе трудно объяснить, почему брак Софьи Загорской с его братом — фиктивный. Кроме того, есть предположение, что Михаил Нельский, вопреки слухам об измене Софьи, встречался с ней где-то в третьем, никому не известном месте. Это уточняют сейчас находящиеся в Абхазии старший лейтенант Тычинин и два сотрудника угрозыска, а пока надо продолжать разговор с Макаром Леонидовичем Паренкиным.

— Надо полагать, что в Свердловск вы прилетели не затем, чтобы сообщить о сомнительной свадьбе вашего приятеля Левикова? — с иронией спросил Юрченко.

— Что вы, что вы! — замахал Паренкин ладошками.— Но это, как видите...

— В чем же выражается ваша явка с повинной?

— Бога ради, сейчас,— засуетился Паренкин.— Видите ли, я знал, что Софья Загорская располагает значительной суммой, я бы сказал — колоссальной суммой. Мой гражданский долг сигнализировать в соответствующие органы... Человек я робкий, не сделал своевременно...

— Почему же сделали сейчас? Что вас толкнуло на это? Или узнали от официанток ресторана, что Нельский арестован?

— Нет, нет, я специально прилетел... Чувство гражданского...

Юрченко досадливо остановил его:

— В Сухуми до милиции автобусом двадцать минут, а вы эвон куда. Но если пришли, давайте начистоту. Иначе ваша явка с повинной в зачет не пойдет, прямое или косвенное участие в преступлении будем рассматривать на равных со всеми.

Пропотевший до зуда и жалкий в своей растерянности Паренкин более или менее вразумительно рассказал, что деньги Софья получила от Нельского. Сохранить. Ну вроде бы если его посадят, то деньги останутся в целости. Отсидит два-три года и вернется к Софье, к деньгам. Вот для чего брак фиктивный. Откуда известно о деньгах? Две дочери, жена не работает, зарплата у техника, гражданин следователь, сами знаете... Софья видела это, дала пятьсот рублей. Одень, говорит, девчонок, а про деньги соври. Премия или халтура какая. Софья — сущий дьявол. Предупредила: «Помалкивай, если не хочешь девчонок оставить сиротами».

— С чего это Загорская благотворительностью занялась? Пятьсот-то рублей за какие заслуги?

Паренкин заерзал, потер виски, не решаясь сказать и боясь не сказать. Наконец, глядя куда-то в сторону, выдавил с трудом:

— Мы были близки с ней.

Юрченко брезгливо усмехнулся:

— А с Левиковым она тоже была близка?

— Павел Евгеньевич, это такая женщина... Сатана в юбке. С улицы, говорит, приведу, вот тут с ним лягу, и вы не пикнете. И ручку сжимает в горсть: «Вот вы где у меня. Вам за любовь со мной у Миши высшая мера — нож в почку».

— После отъезда из Свердловска Загорская встречалась с Нельским?

Скрывать нет смысла. Но очень хочется Паренкину хоть самую малость обелить себя. Как тут обелишь, если вопросы следователя и его, Паренкина, ответы каждый раз обнажают новый слой грязи. Опять вопрос, требующий безусловной правдивости, а за правдой этой — предосудительные, противозаконные действия Макара Леонидовича. Ох как не хотелось касаться этого!

— Тем летом встречались дважды. Я прилетал в Свердловск... Но я же по делу, на табачную фабрику. Время и место свидания передавал Нельскому так, попутно...

Юрченко резко отодвинул лежавшие перед ним бумаги, верхний лист скользнул по гладкой поверхности, невесомо качнулся в воздухе и ударился ребром о линолеум пола. Паренкин вздрогнул, словно не бумажный лист упал, а совсем рядом грохнули молотом по чугунной доске. Юрченко поднялся из-за стола, прошелся по кабинету. Остановился подле Паренкина, глядя в макушку этого сутенера, сводни и кем еще в следующий момент он обернется, сказал раздраженно:

— Знаете, Паренкин, мне иногда кажется несправедливым, что сотрудникам милиции не выдают молоко за вредность производства. Вон с какой мерзостью приходится соприкасаться... Ладно, ближе к делу. С какой целью теперь приехали в Свердловск?

— Софья велела,— поторопился с ответом Паренкин.

— Она знает об аресте Нельского?

— Понятия не имею. Может, догадывается, может, сообщил кто. Велела повидаться и сказать... Слово в слово велела: «Не тяни кота за хвост». Похоже, собираются с Левиковым недостроенный дом продавать. После, как я приеду. Если, сказала Софья, с Мишей несчастье — немедленно звонить с междугородной.

— Звонили?

— Бог с вами, да разве я... Лучше к вам прийти, а? Учтете, дети все же...

Юрченко долго и испытующе смотрел на Паренкина.

— Макар Леонидович, насчет продажи дома точно?

— Во всяком случае Софья говорила Левикову: «Не найдем покупателей — не обеднеем». Мне кажется, что, если бы

я позвонил о Нельском, они бы сегодня исчезли из Очамчире.

— Мне тоже так кажется.

Юрченко снял трубку телефона, накрутил номер подполковника Веряскина.

— Владимир Александрович? Юрченко вас тревожит. Владимир Александрович, надо бы депешу в Абхазию. Пусть Тычинин немедленно берет обоих.

— Еще вчера вечером задержаны, Павел Евгеньевич,— ответил начальник ОБХСС.— Будут у нас ближайшим авиарейсом. Подробности, когда зайдешь.

Известие о том, что Левиков и Загорская задержаны, сразу успокоило Юрченко. Улыбнулся Паренкину:

— Так-то вот, Макар Леонидович... Хотел оформить протокол задержания, изолировать вас денька на три. Теперь ни к чему. Вот подписку о невыезде возьму. На сколько у вас командировка? На трое суток? Может, и хватит. Не хватит — нашим документом отчитаетесь. Распишитесь. Здесь вот.

10

Подполковник Веряскин был в кабинете не один. Над приставным столиком возвышался медноволосый, с грубым обветренным лицом человек, которого Юрченко встретил утром в коридоре третьего этажа. Юрченко кивнул ему. Веряскин оторвался от бумаг, сделал жест в сторону своего посетителя:

— Знакомься, Павел Евгеньевич. Заместитель начальника следственного отдела Камчатского УВД майор Прохоров.

Майор поднялся, подал руку и добавил:

— Иван Федорович.

Юрченко назвал свою фамилию и сел напротив Прохорова.

— Н-ну-с, Павел Евгеньевич,— откинулся на спинку стула Веряскин,— что тебя так переполошило?

— Загорская и Левиков, по всей видимости, узнали об аресте Нельского и, похоже, навострили лыжи.

— Откуда такие сведения? — спросил Веряскин.

Юрченко рассказал о визите Макара Леонидовича Паренкина.

— Не дезинформация?

— Нет. У этого типа один выход — говорить правду.

— Что ж, все стыкуется.— Веряскин подал листок с машинописным текстом.— Ознакомься.

Юрченко принял листок, сказал Веряскину с улыбкой:

— Вот и нет чертовой дюжины. Пятнадцать теперь, если не считать очамчирского гуся в клетчатых штанах.

— Какой гусь? Какая дюжина?

— Чертова. Тринадцать в деле было, Владимир Александрович.

— Вон что! — засмеялся Веряскин.— Не пятнадцать,

больше насобирается. Прочитай сообщение Тычинина из Сухуми. Его опергруппа на квартире Натальи Белобородовой, сестры Софьи Кондратьевны Загорской, изъяла драгоценностей почти на четыреста тысяч рублей и без малого сто тысяч денежными знаками.

Юрченко удивленно присвистнул:

— Весь ресторан того не стоит. У нас-то сумма хищений в сто шестьдесят семь тысяч установлена.

— Остальное по ведомству Ивана Федоровича,— показал Веряскин на приезжего майора.

Юрченко с уважительным пониманием посмотрел на сильно измотавшегося в поездках майора Прохорова.

— Помнишь ориентировку камчатских товарищей? — продолжал Веряскин.— Едва ли помнишь. Была четыре года назад ориентировка о розыске некоего Сливко Зиновия Львовича, ведавшего пушной факторией. Одни приметы, без фотографии. Теперь видим: приметы Сливко — это приметы Нельского. Не было у нас тогда Нельского. Да и черт ли мог подумать, что Сливко и Нельский одна и та же бяка. А до этого он в Якутии под именем Мулявина значился. Докопались все же наши коллеги, точнехонько на Свердловск вышли.— И спросил совсем неожиданно: — Ты завтракал сегодня?

— Чай пил,— ответил Юрченко.

— От чая в животе лягушки разводятся. Пойдем в столовую, рубанем чего-нибудь существенного.

В коридоре встретили эксперта Варвару Борисовну. Поздоровалась со всеми, оттянула Юрченко за рукав, доложила:

— Пальчики отчетливые. Ответ из Москвы дня через три.

За столом, в ожидании, когда поджарят картофель, Юрченко снова заговорил о деле:

— Переживал, что в срок не уложился. Похоже, представление придется писать о продлении по вновь открывшимся обстоятельствам, просить у прокуратуры три-четыре месяца.

Веряскин поправил:

— Тут, Павел Евгеньевич, другое обозначается. В одно производство сводить надо и передавать нашему дорогому гостю: Нельский у них больше натворил. Это тебе не пирожки из нашего ресторана... Кстати, старика Булатова не забудь. Подготовь проект приказа на денежную премию.

— Не забуду,— ответил Юрченко и, глядя на майора Прохорова, вздохнул в предчувствии чего-то тяжкого.

Подполковник Веряскин нащурился на него, спросил сочувствующе:

— Догадался, если вздыхаешь? Приятно работать с умными людьми. Да, Павел Евгеньевич, передаем дело Камчатке, а сами — за Нельского-старшего. Надо возбуждать уголовное дело.

ЛЕОНИД
ОРЛОВ

ШАГИ
ЗА СПИНОЙ

Документальный
рассказ

— Пошли на болото,— взглянул на друзей Пашка Тараев,— птицы там сейчас поют — заслушаешься.

— Пошли! — за всех согласился Володька Балабердин.— Хватит мяч гонять. Мать говорит: если ботинки каши запросят, уши, мол, оторву на починку.

Пересмеиваясь, ребята бодро зашагали через футбольное поле, мимо пустующей сейчас лыжной базы мединститута к лесочку, за которым находилось то самое болото, поросшее чахлым кустарником и низкорослым сосняком. Собственно, болотом место это и не назовешь, но все в округе привыкли к давнему названию, а для ребят это было настоящее гнилое болото с бучилом и топями.

— Тише вы,— обернулся Пашка к товарищам,— осторожней, не хлюпайте: от вашего шума все пичуги разлетятся.

Ребята прыснули, сдерживая смех, но пошли осторожнее, высоко поднимая ноги, выбирая, где лучше ступить.

— Слышите, поет? — остановился Пашка.— Подождите, я сейчас,— предупредил он и полез к кусту, где пела птаха, но вдруг остановился и закричал: — Сюда, сюда, скорее, здесь кости! — показал он в сторону.

Ребята мигом окружили замшелую корягу, из-под которой, полузатопленный болотной водой, виднелся скелет человека.

— Партизан, наверное,— неуверенно прошептал Гера Зеркин.

— Откуда? — возразил Володька Аверьянов.— Белых уж пятьдесят лет как прогнали. Может, кладбище здесь раньше было, а сейчас размыло...

— Пошли отсюда,— оборвал спорщиков Пашка,— надо сообщить куда следует, разберутся.

Следователь прокуратуры Игорь Тихонович Мальцев, покрякивая и отфыркиваясь, принял душ и, докрасна растирая махровым полотенцем крепкое мускулистое тело, уже прикидывал, чем займет остаток воскресного вечера, как кто-то

позвонил. На ходу поправляя волосы, он открыл дверь. Приложив руку к козырьку форменной фуражки, милиционер доложил:

— В болоте, около подсобного хозяйства УралВО, на восьмом километре Московского тракта, обнаружен труп, вернее, скелет человека. Машина у подъезда.

В тот воскресный вечер от семьи и личных дел был оторван не только Мальцев.

Допоздна работали на месте обнаружения трупа сотрудники одного из отделов внутренних дел города Свердловска: заместитель начальника отдела Андрей Иванович Исайкин, начальник отделения уголовного розыска Святослав Иванович Юшаков, инспектор отделения Леонид Васильевич Русановский и сотрудники городского отдела уголовного розыска. Вечером в оперативном штабе собрались все, кому предстояло дальше работать по делу.

— Значит, так,— встал руководитель оперативной группы подполковник милиции Исайкин.— Полтора-два года назад совершено опасное преступление. Возможно, убийство. Потерпевшая — женщина: рост, одежда, вернее, ее остатки, подтверждают это. Преступление придется раскрывать нам. Прежде всего нужно установить, кто была эта женщина. Надо опросить всех жителей района и узнать, не терялся ли кто года полтора-два назад. Вы же,— посмотрел полковник на начальника уголовного розыска,— срочно запросите сведения из информационного центра УВД области о без вести пропавших в тот период. Обо всем, что заслуживает внимания по делу, сообщать в штаб немедленно.

Подобные преступления — не частое явление в милицейской жизни. Но если они случаются, все силы отдела внутренних дел направляются на помощь работникам уголовного розыска. Вот и сейчас участковые инспекторы, работники наружной службы и другие сотрудники приступили к подворному обходу жилого массива в районе обнаружения останков. В каждый дом, в каждую квартиру заходили работники милиции и задавали людям один и тот же вопрос: не терялся ли кто у них, у их соседей или знакомых года полтора-два назад. Утомительно и однообразно. А тут еще шутники и острословы подсмеиваются: опять, мол, милиция ищет, что не теряла, к народу за помощью обращается.

А помощь народа была действительно необходима. Преступление совершено давно, сходных ориентировок о потерявшихся или пропавших без вести в отдел не поступало. Может быть, кто-то помнит о случившемся или видел что-нибудь подозрительное.

Полина Пестерева сидела за ломившимся от грязной посуды столом. Незаправленная с утра постель, разбросанная одежда и обувь говорили, что в доме давно нет хозяйской женской руки. После вчерашней попойки Пестерева чувство-

вала какую-то опустошенность, ненужность своего существования. Впрочем, такой она и была, ее жизнь. Казалось бы, все как у людей: есть семья — муж, дочь. Хотя какая это семья? Танька два года без малого к матери носа не кажет. Уехала, не сказалась. Ивану, конечно, заботы нет: неродная ему дочь. Да и притеснял он ее крепко. Через то, может, и уехала она куда подальше.

— Здравствуйте, хозяйка,— переступил порог комнаты Пестеревой старший инспектор уголовного розыска Владимир Захарович Подгорбунский.— Э, да вы никак в расстройстве,— кивнул он на стол, уставленный пустыми бутылками.

Пестерева посмотрела на вошедшего отсутствующим взглядом, хотела что-то сказать, но промолчала, вяло махнув рукой.

— А я к вам по делу.— Инспектор присел на краешек стула.— Таня-то где, дочка ваша?

— Ишь какой прыткий. Вынь да положь ему Таньку. А нешто я знаю? Ты бы вот не пришел — и тебя бы не знала где взять, кавалера такого.

— Не кавалер я,— протянул Подгорбунский удостоверение работника милиции.— Служебная необходимость.

— С милиции? — ахнула Пестерева и, откинувшись на спинку стула, закрыла глаза.— Два года скоро, как уехала Таня,— медленно проговорила она, немного помолчав.— Люди сказывали, замуж вышла и на Магадан махнула. А недавно, нынче уж, слух опять прошел, что видели ее будто в Первоуральске. С ребенком. Письма вот жду. Навестить бы надо. А что? Напакостила небось?

— Как она была одета? — не отвечая на вопрос, спросил Владимир Захарович.

— Не помню сейчас уж: дело давнее. Пальто вот ее дома нет,— проговорила Пестерева, немного подумав.— Темное такое, в полосочку было, так, может, в нем. Кофта... чулки серые. Да кто ее знает,— махнула она рукой,— вон сколько времени прошло...

— Когда вы ее последний раз видели?

— Спроси что-нибудь полегче... Хотя постой. Конец июня был, числа этак после двадцатого. Деньги я как раз получила, кофту ей купила.

Из сбивчивого рассказа Пестеревой вырисовывалась неприглядная картина. Мать не очень-то утруждала себя воспитанием дочери. И в жизни Тани случались не просто ветры, но и ураганы, перед которыми трудно устоять даже взрослому. Дурные привычки липли к ней, как репей. Закончив восемь классов и бросив школу, Таня лишилась последней опеки взрослых. Она походила на неоперившегося, но уже выброшенного из гнезда птенца, для которого мир полон опасных неожиданностей. Однако об опасностях девушка не думала. Ее прельщали прелести самостоятельной, бесконтрольной жизни. Поработав немного в одном, потом в другом ме-

сте, Таня решила, что работа не для нее. И более она не утруждала себя: бродила по вокзалу, Зеленой роще, заводила сомнительные знакомства и неделями не бывала дома.

Впрочем, мать вовсе не беспокоило, что дочь часто не ночует дома, приходит оборванная, полупьяная, пропахшая запахами подвалов и табачным дымом. Ее не взволновало, когда Таня снова исчезла из дому, и надолго.

А позднее сыграли свою роль слухи.

Так прошли неделя, месяц, год, потом второй, и женщина окончательно бы позабыла, что она мать, что где-то у нее есть дочь...

— Для уточнения некоторых обстоятельств придется вам пройти в отдел милиции,— закончил беседу Подгорбунский.

В отделении уголовного розыска Пестереву официально допросили, предъявили на опознание остатки одежды, найденной на болоте, и предварительно установили, что пострадавшая — дочь Пестеревой, Татьяна. Одновременно домой к Пестеревым выехал инспектор уголовного розыска Леонид Васильевич Русановский. Такие визиты для него не в новинку. Но каждый раз он относится к ним так, как будто занимается этим делом впервые: скрупулезно и внимательно. На этот счет у него выработана четкая формула. Если хочешь составить ясное представление о преступлении, необходимо побыть среди людей, общавшихся ранее с преступником или пострадавшим, но, если таковых пока не выявили, можно ограничиться и вещами, принадлежавшими тем, либо просто окунуться в ту атмосферу, которая когда-то окружала интересующего тебя человека. Увиденное, услышанное, ощущаемое может натолкнуть тебя, допустим, на предполагаемого преступника.

К сожалению, из вещей Татьяны почти ничего не осталось, так, один хлам. Но Русановский тщательно перебирал старые учебники, тетради, письма. Изорванные, покрытые пылью, они представляли определенный интерес разве что для сборщика макулатуры, но Леонид внимательно рассматривал каждую бумажку. Неожиданно взгляд его наткнулся на фразу: «...Сегодня воскресенье. Погода холодная, весной и не пахнет». Что это? — листал Русановский дальше и, пробегая мельком написанное, понял: дневниковые записи Татьяны. «Мать пьет,— читал он,— заставляет и меня. А я не хочу, не могу так больше. Эта пьянка длится уже четыре дня. Уйду к Сережке Д.».

— Кто это — Сережка Д.? — подумал вслух инспектор.— Не искомое ли? А мамаша, видать, та еще.

Члены оперативной группы собрались в штабе по раскрытию преступления, чтобы обменяться добытыми сведениями. Говорили горячо, возбужденно.

— Сегодня,— остановил шум подполковник милиции Исайкин,— Полина Пестерева опознала остатки темного паль-

то в пунктирную полосочку и чулки из эластика. Точно такие же были у ее дочери. Получено также официальное заключение экспертизы, что потерпевшая — женщина в возрасте семнадцати-восемнадцати лет, скончалась от нанесенных в область головы проникающих ранений два года назад. Не исключено, что потерпевшая — ее дочь, Татьяна Пестерева. Сейчас нужно установить,— продолжал подполковник,— круг ее знакомых по вокзалу, Зеленой роще и месту жительства. Возможно, кому-то из ее друзей известно о случившемся больше, чем нам. Вы, Святослав Иванович,— обратился Исайкин к Юшакову,— особое пристрастие проявите при работе по месту жительства, выявляйте Сергея Д. Вокзал остается за Валерием Ивановичем Антроповым, Зеленая роща за Борисом Георгиевичем Худышкиным. Знаете? — уточнил Исайкин.— А теперь выкладывайте ваши предложения, предположения и новые версии.

На минуту в комнате установилась звенящая тишина.

— Разрешите,— поднялся высокий, стройный молодой человек в штатском костюме.— Как установлено мною, с матерью погибшей сожительствует или состоит в незарегистрированном браке некто Киус, который, по словам соседей, домогался и дочери. Вполне вероятно, что убить могла мать на почве ревности,— уточнил он.

— Поддерживаю версию Русановского,— заговорил Юшаков,— только нельзя сбрасывать со счетов и тот факт, что убийство могли совершить отвергнутые поклонники Татьяны. Это — раз. А второе — убийство из хулиганских побуждений,— закончил он.

— Принимается,— подвел итог Исайкин.— А пока работаем по выдвинутым версиям.— Андрей Иванович посмотрел на часы: опять припозднится сегодня. А ведь обещал жене пораньше прийти.

Домой Андрей Иванович возвращался поздно. Он любил в эти ночные часы пройтись по засыпающему городу. Умолкает назойливый шум машин, гаснут в окнах огни, гулко разносятся в тишине шаги запоздалого прохожего. Ночная прохлада освежает лицо. Подполковник идет не спеша, стараясь отвлечься от сутолоки дневных дел, но каждый раз ловит себя на том, что снова и снова думает об этом давнем преступлении.

«Всякое преступление — большое общественное зло,— думал он,— и, чтобы бороться с ним, нужно знать, как оно складывается, зло. Всегда ли его носителем является только тот, кто совершил грабеж, избил или убил человека? В большинстве случаев да, но бывает, что и сам пострадавший является участником преступления, как, возможно, Татьяна. Как, когда эта девушка встала на скользкий путь? И сама ли? Не мать ли прежде всего виновата в моральном падении дочери, приведшем к смерти вначале духовной, а потом и

физической. Чему, например, она могла научить свою дочь? Тому же, чем занималась сама? «Мать пьет, заставляет и меня»,— снова вспомнил Андрей Иванович строки из девичьего дневника. Татьяна все же боролась, пусть неумело, по-своему, но боролась. Но мать склоняла дочь к рюмке раз, другой, третий. Четвертую Таня выпила сама...»

...Казалось, были предусмотрены все возможные мотивы совершения преступления, но ни следующий, ни два других дня не принесли ожидаемых результатов по раскрытию. Правда, Юшаков и Русановский не закончили еще проверку всех знакомых Тани Пестеревой по месту жительства, но надежд на успех оставалось мало. И кое-кто из работников в открытую высказывался, что дело это темное, глухое и придется ему висеть на отделе вечно. Исайкин не любил такие расхолаживающие сотрудников разговоры и, заслышав что-либо подобное, обрывал на полуслове, но в душе все же оставалась какая-то горечь.

Подворный обход между тем продолжался. По крупицам работники милиции собирали сведения о пострадавшей и ее знакомых. В округе только и разговоров было, что об этом давнем убийстве. Особенно пытались докопаться до истины вездесущие пенсионерки — обитатели скамеек возле подъездов. Насидевшись за зиму в домах, они выходили на улицу и, греясь в лучах раннего летнего солнца, беззлобно перемывали косточки своим знакомым. Больше других доставалось, конечно, Пестеревым.

— Гулянки-то довели,— подытожила одна из говоривших, поправляя выбившиеся из-под платка волосы.— Не зря в старину-то говаривали: «Седни гули, завтре гули — кабы в лапти не обули».

— Это как же, бабуся, «в лапти»? — оборвал ее насмешливый голос Русановского.

— А так, внучек,— обернулась та,— раньше истинных христиан-православных в особых лыковых лапоточках хоронили. Загуляет вот так какой сердешный, все спустит. Ну и предупреждают его добрые люди: смотри, мол, кабы в лапотки не обули, то есть не умер бы ненароком.

— Усвоил,— серьезно отозвался инспектор и, подойдя ближе, добавил: — Я из уголовного розыска. А вы, как я понял, хорошо знали Татьяну Пестереву.— Русановский взглянул на женщину.

— А нешто нет? — всполошилась говорунья, ища поддержки у товарок. Но те предупредительно молчали. Это еще больше раззадорило бабку.— Да я не то что Таньку эту беспутную, но и убивца ее проклятого видела в тот самый день.

— Подождите, мамаша,— пытался урезонить ее Русановский,— по порядочку бы надо: уголовный розыск порядок любит.

— Ишь ты... Порядок,— споткнулась та и, немного помол-

чав, заговорила снова: — В тот самый день, когда ее, Таньку-то, последний раз видели здесь, подъехал к ее дому автомобиль. Из кабины Танька вылезла и парень этот, в зеленом, вроде бы военный, шофер, убивец, надоть, с ней. Зашли в квартиру. А после, вскорости,— обратно. Она принаряженная. Ну и уехали.

— А почему вы решили, что он убийца? — удивился Русановский.

— А потому, милок, что больше его здесь никто не видел, хотя раньше, бывало, наезжал часто.

«Резонно»,— подумал инспектор, а вслух спросил:

— Какая же была машина?

— Да зеленая, сыночек, зеленая, с кузовом такая.

— Самосвал, что ли?

— А кто ж его знает? Здесь не сваливал, а только фырчал все время. Гудит, гудит, а потом — фр-р... На здешнюю базу будто бы что-то привозила или за овощами приезжала.

Русановский заторопился на базу. Там, перелопатив документы, он установил фамилии водителей, марки и номера автомашин, приезжавших на овощебазу в тот июньский день. Русановский обратил внимание на водителя армейской автомашины — рядового срочной службы Николая Петровича Елькина.

«Вот тебе и бабушкины сказки,— покачал Леонид головой,— «убивец» был в зеленом, и этот, значит, в зеленом». Автомобильная рота военных строителей располагалась недалеко от конечной остановки автобуса. И Русановский, чуть ослабив галстук, свернул на тропинку, сокращавшую путь. А спустя мгновение он уже купался в лесном аромате. Нынче это было его первое свидание с природой. Длинноногие купавки, толстушки медуницы и кудрявые стебли лесного горошка, казалось, обгоняли его, то тут, то там пересекая тропу. Леонид пошел медленнее.

«Как в деревне,— подумал он.— Когда на сенокос идешь». И тут же увидел лицо матери, чуть грустное, с теплой улыбкой и морщинками, вовсе не старившими ее.

Пройдя лощину, Русановский на одном дыхании вскочил на взгорок: как-никак кандидат в мастера спорта по волейболу, тренированный организм привык к нагрузкам. Желтоликие молодые сосны окружили его. Разогретые полуденным солнцем, они наполняли лес бодрящим запахом смолы.

Леонид прибавил шагу.

В автороте Русановского знали давно. Еще в бытность участковым инспектором он не однажды заходил сюда. С тех пор старшина Курцевич, немолодой уже сверхсрочник, служивший в роте давно и знавший всех и каждого, проникся к нему уважением.

Солдат-первогодок, стоявший на КПП, Русановского не пропустил. Пришлось разыскивать старшину по телефону, покуда тот сам не показался из-за казармы.

— Товарищ старшина,— начал было дневальный, но Курцевич протянул руку инспектору:

— Здравствуй, здравствуй, Леонид Васильевич. С худым к нам или с добрым?

— Служба...— замялся Русановский, кивая на дневального,— добра не теряем, а ищем, найдем — людям отдаем.

— Ну-ну, шутник,— заговорщически подмигнул старшина,— пройдем-ка лучше ко мне.

В тесной каптерке пахло нафталином, кожей только что привезенных сапог и не то рыбьим жиром, не то пролитой ваксой, пятном темневшей на полу. Русановский привычно огляделся и, сев на край ящика с сапогами, без утайки рассказал о деле, которое привело его сюда. Старшина полез было за сигаретой, но, вспомнив, что прошло уже три дня, как он бросил курить, махнул рукой: — Помню, служил у нас такой водитель. Слова, бывало, от него не добьешься...

— Как «служил»? — перебил Русановский.

— Обыкновенно — служил: ни в передовиках, ни в отстающих не значился,— не понял вопроса старшина.

— Да не о том я. Сейчас этот Елькин где?

— А,— понимающе закивал Курцевич,— демобилизовался прошлой осенью и уехал в Челябинск.

— Может, друзья у него остались в роте?

— Да кто с таким букой водиться-то станет? Нынешний солдат на дыре дыру вертит, дай только волю, а тот, говорю, тихоня. Хотя постой, был у него земляк, по второму году, такой же,— старшина махнул рукой,— разве что стоя не спал. Только вот и Болтова этого, Володьки, нет в роте, в дисбат угодил за дорожное происшествие еще в прошлом году.

— Надо будет, и Болтова найдем,— Русановский протянул старшине руку.

— Занятно,— выслушал инспектора Исайкин.— И больше там у Пестеревых его никто не видел? Занятно,— повторил он еще раз и добавил: — А если совпадение? И честный человек этот Елькин?

— Честь его не пострадает. Я ведь как бы от Болтова, с которым вместе отбывали срок. Рекомендован, мол, к тебе обратиться за помощью. Ну а потом, как водится, о женщинах. И со ссылкой на Болтова упомяну про Пестереву...

— Согласен в принципе,— кивнул Андрей Иванович,— только надо посидеть, потолковать, примериться к тем ролям, которые тебе придется сыграть при встрече с Елькиным. Все надо предусмотреть, чтобы и дело сделать, и людей не обидеть.

Легенду разрабатывали тщательно, совместно с оперативными работниками учреждения, где отбывал наказание Болтов. Русановский познакомился с его личным делом. Парень не нарушал режим, писал родителям, знакомой девушке,

Елькину реденько, и, чтобы не возбуждать раньше времени его подозрительность, Леонид отказался от встречи с ним.

— Со стороны переписки безопасность гарантируем,— заверил офицер.— Только вот ведь какая закавыка. Не исключено, что Елькин попросит вещественных доказательств пребывания вместе с Болтовым, так сказать, верительных грамот. А у вас, кроме справки об освобождении, ничего нет.— Открыв нижнее отделение сейфа, майор достал оригинальную вещицу: складень, наборная ручка которого изображала изящную женскую ножку.— Возьмите на всякий случай: местное производство,— протянул он нож, нажав на кнопку, вмонтированную в рукоятку. Пружина моментально вытолкнула клинок.— Эффектно?

— Фирма «Маде ин оттеда»,— улыбнулся инспектор.— Спасибо!

Челябинск встретил Леонида нестерпимой жарой. Но отсиживаться в гостинице или в кафе с прохладительными напитками и кондиционированным воздухом было некогда. Перепроверив через адресное бюро место жительства Елькина, Русановский помчался в общежитие на другой конец города. Первая неудача: Елькин исчез неизвестно куда.

— Во всяком случае,— пояснила заведующая,— здесь он около месяца совсем не ночует. Возможно, женился и живет у жены или на частной без прописки. Знаете ведь, как это делается.

Русановский, к сожалению, знал. И если все действительно так, как говорит заведующая, то разыскать Елькина будет непросто. Домовладельцы пуще глаза берегут подпольных квартирантов. И потребуется не один день, чтобы с помощью участковых инспекторов, дружинников, членов комсомольских оперативных отрядов выяснить, где в огромном городе может находиться некий Елькин.

— А где он работает или работал?

— В автоколонне, шофером,— перелистывая домовую книгу, ответила заведующая.— Но это было два года назад, когда он еще прописывался к нам.

Расстегнув рубашку еще на одну пуговицу, забросив за спину до чертиков надоевший пиджак, побрел Леонид по раскаленному асфальту. Солнце палило нещадно. Теплая газированная вода не утоляла жажды. После мороженого пить хотелось еще сильнее. Но все это казалось Русановскому мелочью по сравнению с тем, что испытывал он из-за обуви. В самый неподходящий момент напрочь отклеилась подошва у левой туфли. Шлепает по асфальту — ну, хоть шнурочками подвязывай. Оглядываясь, улыбками провожают незадачливого пешехода прохожие.

Выручили парни из Челябинского угрозыска. Правда, обувь была еще та — кеды сорок второго, но все же лучше, чем с оторванными подошвами.

— Действуй, сыщик. Эти вездеходы как раз для твоей работы. Ско-ро-ход,— торжественно произнес Валентин, протягивая Леониду кеды.— А вот ответ на наш запрос. Держи.

«Шофер третьего класса Елькин Н. П.,— читал Русановский,— действительно работает в автопредприятии. В настоящее время находится на излечении в больнице после аварии». Значит, все же здесь он! Теперь ноги в руки и...

— Э, дорогой. Обувь не бережешь,— подковырнул его Османов.— Надо пользоваться современными средствами связи.

— Вот черт, так ждал этого сообщения, что забыл обо всем и готов бежать туда...

— Даже босиком,— вставил Османов.

Ребята дружно грохнули, но Русановский, не обращая на них внимания, уже вращал диск телефона.

Звонить пришлось долго. После четвертого, а то и пятого объяснения дежурный врач травматологического отделения, даже не выслушав инспектора до конца, сказал, что Елькин выписан из больницы для продолжения лечения на дому.

— Думал — конец, а выходит — только начало,— вздохнул Леонид, положив трубку на рычаг.— Переведен на домашний режим. Отдыхает где-то, может, на бережку сидит с удочкой или под яблонькой чаи распивает и знать не знает, что ищут его до потери подметок.

Кеды и впрямь оказались скороходами. За какие-то два дня Русановский обошел чуть не полгорода. Разыскал с десяток подруг Елькина, друзей по выпивке и просто знакомых. Картина вырисовывалась неприглядная. Парень был безалаберный, пил, заводил сомнительные знакомства, прогуливал на работе и, в довершение ко всему, совершив аварию, серьезно покалечился. Мог такой человек совершить преступление? То, на болоте?

Гадания на кофейной гуще не модны в уголовном розыске. Факты нужны. Они все скажут. Их он и отыскивал.

Фаина Колобова, розовощекая плотная женщина, родная тетка Елькина по матери, допивала третью чашку чая, когда в ворота осторожно постучали. Гремя цепью, залаял бросившийся к двери пес. «Кого это бог послал на ночь глядя?» — подумала хозяйка и вышла в сени. На улице было еще достаточно светло, и она разглядела в подворотне белые кеды.

— Кто тут?

— А ты отвори дверь-то — увидишь.

— Много вас шляется,— недовольно заворчала женщина, подходя к воротам и сдерживая собаку.

— Николая бы мне повидать, Елькина,— переступил порог Русановский.— Сослуживец я его, проездом... вот и решил зайти. Дружками все ж были. Поклон ему привез от зазнобы.

— Поклон? — Колобова критически осмотрела пришельца —

Ну, проходи в избу,— миролюбиво проговорила она, запирая ворота.

Пригнувшись, чтобы не удариться о притолоку, Леонид протиснулся в дверь и, пройдя просторные сени, вошел в дом. Опрятная, аккуратно заправленная кровать с кружевными подзорами и накидушками, старинной работы посудный шкаф, стулья с высокими спинками и домотканые половики создавали какой-то особенный деревенский уют. И Русановскому показалось, что он в гостях у своей бабки и сейчас она, сухонькая и сгорбленная, выйдет из кухни и скажет: «Самовар, что ль, ставить, Ленушко?» Леонид непроизвольно посмотрел в сторону печи. Оттуда поднимались сизые струйки табачного дыма. «Елькин»,— ударила в голову кровь, и почему-то защемило в груди: неужели нашел? Русановский кашлянул и спокойно посмотрел на хозяйку. А она, подперев голову руками и прищурив глаза, уставилась на незваного гостя: выкладывай, мол, с чем пришел.

— Николая бы повидать,— снова повторил Русановский, скосив глаза в кухню. Там было по-прежнему спокойно. В наступившей на мгновение тишине зашуршали перелистываемые страницы книги: кто-то читал.

— Служили мы вместе,— уже увереннее и изменив первоначальный замысел, заговорил он.— Земляки, значит. А потом переписывались. Болтов моя фамилия. Может, слыхали — Вовка Болтов. Так вот, Николай приглашал. Тетка, мол, как своего встретит. И крыша первое время будет, и харч.

— Ишь какой распорядитель выискался! — Женщина всплеснула руками.— Сам жил — ни копейки не платил, да еще и дружка сюда же. Хватит. Есть у меня постоялец,— кивнула она за печку,— вполне справный человек. А Колька, бес, ногу поломал в аварии. В деревню уехал, на поправку.

— Жаль,— сокрушенно вздохнул Русановский и потрогал нагрудный карман.— А я ему письмишко привез от девчонки. Любовь, говорит, промеж них была.

— Знаю я про то,— отмякла вдруг тетка Феня,— писал. Первое-то время хотел там остаться, я отговорила: здесь, мол, мало девок-то, что ли? Унялся. А может, и зря я тогда вмешалась.— Она встала и, опершись о лавку, достала с божницы какую-то бумажку. Развернув ее, она вынула конверт и протянула Русановскому:

— Адрес это. Сам поедешь или почтой пошлешь письмо-то? Ну да дело твое. Может, и наладится у них. А то дурит Колька несусветно, пьет, хулиганит. Думаю, через нее, через любовь эту.

Поблагодарив и слегка посетовав на судьбу за то, что она не свела его с Николаем, Русановский распрощался. Шагая по темным улицам городской окраины, он воспроизводил в памяти весь разговор с теткой Феней. Чувствовалось, что она искренне волновалась за парня и хотела, чтоб он зажил наконец по-настоящему. А может быть, все это искусная

игра? Русановский, работая в уголовном розыске, приучил себя верить фактам, а не ощущениям. Теперь же встреча с Елькиным была делом времени: адрес лежал в кармане.

А жизнь в районном отделе внутренних дел шла своим чередом. С утра до позднего вечера к крыльцу то и дело подъезжали милицейские машины, хлопали двери кабинетов, раздавались нетерпеливые телефонные звонки в дежурную часть и пулеметные очереди пишущих машинок.

Начальник отделения уголовного розыска Святослав Иванович Юшаков продолжал расспрашивать знакомых Пестеревой по месту жительства. Многие утверждали, что в последнее время Татьяна дружила с Сергеем Дориным. Не тот ли это Сергей Д., о котором упоминала в своем дневнике Таня? Стали выяснять. Оказалось, парень уехал из Свердловска примерно в то же время, когда исчезла Пестерева. «Что это? Совпадение или... Или он совершил преступление и скрылся, заметая следы?» — рассуждал Святослав Иванович. Этими мыслями он пришел поделиться с Исайкиным.

— Дорин, говоришь? — оживился Исайкин.— Интересно. Надо срочно запросить паспортные столы области, узнать, где он.

— Уже сделано, Андрей Иванович,— доложил Юшаков.

— И что?

— Дорин живет в Талицком районе. Недавно освободился из мест лишения свободы: сидел за хулиганство.

— Вот это новость, представляешь? Ведь если трагедия на болоте — дело рук Дорина, то он мог умышленно совершить хулиганство, чтобы запутать розыск.

Параллельно с Юшаковым работали следователь районной прокуратуры Игорь Тихонович Мальцев и инспектор уголовного розыска городского УВД Свердловска Валерий Иванович Антропов. Стараясь помочь следствию, жители микрорайона подсказали, что стоило бы поспрашивать о случившемся у ребятишек, которые постоянно проводят свободное время на стадионе и в его окрестностях. Так появились в деле по расследованию убийства Пестеревой Геша Паклин, Ванька Пастухов, Шура Подосинов и Алик Пеньков — четыре неразлучных друга, почти ровесники, учившихся в одной школе.

Но ребята ничего не могли припомнить, ссылаясь на давность.

Мальцев продолжал работать с парнями и девчатами, дружившими когда-то с Пестеревой или близко знавшими ее. Протокол допроса он не составлял: сообщаемые сведения не представляли интереса по делу, а ограничивался непринужденным разговором, делая изредка пометки в своем блокноте. И снова ничего нового. Игорь Тихонович еще раз мысленно перебрал в памяти всех, с кем ему пришлось побеседовать, выясняя тайну старого болота, и убедился, что местные

больше знают о Пестеревой. Значит, надо снова вернуться к ребятишкам, к Геше Паклину и его друзьям.

Игорю Тихоновичу постоянно приходится заниматься подростками, и он хорошо знает их натуру. Разговаривая с ними как со взрослыми, доверительно, умело строя систему вопросов, он выслушивает их, не перебивая, внимательно и серьезно.

— Вспомни, Геша, кто часто бывает на стадионе, около лыжной базы. Может быть, кто-то бродил по болоту,— начал Игорь Тихонович.— Какие парни, девчата? Случались ли там драки или другие события, особенно запомнившиеся тебе?

— Что знал, все рассказал,— насупился Паклин.— А ребята... Разные там ходили ребята: стадион ведь.

— Геша, не будь ребенком. Ты отлично понимаешь, о каких ребятах я спрашиваю. Кто дружил с Таней?

— Дорин с ней ходил... Звалов, Брыкин. Да почем я знаю? Не следил же,— заволновался парнишка.

— Не договариваешь ты что-то, Геша,— упрекнул Мальцев.

— Не верите,— обиженно покосился тот на следователя,— у ребят спросите. Мы всегда вместе играем.

Но ребята ничего не добавили к сообщению Геши. «Многие с ней ходили,— твердили они.— И Звалов ходил, и Дорин, и Федька Рябой. Многие...» А Ванька Пастухов, желая, видимо, придать своим словам большую правдивость, добавил в конце разговора:

— Если сомневаетесь, спросите у Сеньки Сташкова. Тот никогда не врет.

— С этим мы, кажется, еще не беседовали,— взглянул Мальцев на Антропова, занося новую фамилию в настольный календарь.— Завтра надо разыскать. А сейчас к Исайкину: все крутится вокруг одних и тех же людей. Надо проверять.— В коридоре он чуть не столкнулся с Юшаковым.

— Торопишься сообщить, что преступление раскрыл? — дружески подковырнул Святослав Иванович.

— Понимаешь, Дорин меня заинтересовал,— не принял шутки Игорь Тихонович.— Все как сговорились, утверждают, что, перед тем как исчезнуть, Таня дружила с этим парнем.

— И меня Дорин тоже было заинтересовал. Нашли мы его, привезли сюда, но отпадает, проверено. Побеседуй сам.

Дорин действительно не был причастен, как он выразился, к «мокрухе». Начали было они встречаться с Пестеревой, но ребята избили его, и он отступил. А вскоре и уехал из Свердловска. Таня в то время была еще жива. Дорин же со своего нового места жительства никуда не выезжал. Это установлено точно.

И эта зацепка выскользнула из рук членов оперативной группы. Но Исайкин, Юшаков, Антропов и Мальцев продолжали отрабатывать версию за версией. А время шло. В сей-

фы работников уголовного розыска ложились новые дела, которые тоже требовали незамедлительного разрешения. Занимались и ими.

Валерий Антропов разыскал Сеньку Сташкова через бабушку, к которой тот приезжал летом на каникулы, и доставил его в отдел.

Сидит Сенька перед следователем прокуратуры Мальцевым, загоревший, с поблескивающими глазами. Сколько их, ребятишек, побывало здесь — и все без пользы. Даст ли что эта встреча? По правде говоря, ни Мальцев, ни Антропов не надеялись получить от парня каких-либо важных сведений, но были обязаны поговорить с ним, как и с каждым, имеющим хоть малейшее отношение к делу.

Разговор пошел вообще, потом о школе, каникулах и, само собой, о Геше Паклине и его друзьях.

— Так ты почти что здешний, раз каждое лето гостишь на Контрольной,— удивился Игорь Тихонович.— Помнишь, наверное, драка здесь была года два назад, а может, что другое особенное?

— Драк не помню,— пожал плечами Сенька,— а вот особенное было. Я совсем уж забыл про то, если бы вы не напомнили.

Мальцев аж привстал от этих слов. Торопливо закурив, он снова присел к столу.

— И что же такое было?

— Да мы в войну играли. А тут как выскочит из кустов какой-то парень и бежать по болоту. Гешка назвал его как-то смешно и фамилию тоже говорил, да забыл я. На букву «Д» как-то. Пошли мы в те кусты, а там девчонка лежит, вроде пьяная, стонет...

— Сеня, все, что ты рассказал нам сейчас, очень важно. Может, все было не так? Ты ничего не перепутал? Подумай хорошенько и повтори. Твой рассказ будет записан на магнитофонную пленку.— Игорь Тихонович настроил аппаратуру.—

— Начнем, Сеня.— Щелкнул тумблер, и кассета двинулась, наматывая ленту...

— Значит, обманывал нас Геша Паклин,— покачал головой Исайкин, прослушав запись показаний Сташкова.— На букву «Д», снова «Д». Дорин отпадает. Елькин? Сташков утверждает, что тот был в гражданской одежде. Переоделся? Паклин мог не узнать его. А он сразу назвал бежавшего по фамилии. Кто он? — Андрей Иванович повернулся к Юшакову: — Срочно отзовите Русановского, надо вернуться к Паклину и его друзьям.

Все теперь зависело от этого разговора. Следователь должен найти путь к человеку, сидящему напротив. А сколько раз они сидели вот так же: он здесь, Геша напротив, сколько раз скрещивались их взгляды...

Следователь, как и раньше, вежлив, учтив и предупредителен. Хотя в душе у него, может быть, вулкан.

— Давай-ка, Геша, вспомним еще раз те дни, которые проводили вы с ребятами на стадионе и в окрестностях два года назад.

— Вспоминали уж, чего еще-то?

— А парня, что побежал через болото, когда вы играли в войну, тоже позабыл? — наступал Мальцев.— Девчонку раненую? А?

— Не помню такого, не было парня,— упрямился подросток.

— Плохо, Геша, когда человек с таких вот лет на память жалуется. Он может позабыть, что у него сознательность и совесть должны быть.— Последняя фраза как-то непроизвольно вырвалась у Мальцева, и он пожалел, что вовремя не сдержался: глаза у Гешки настороженно забегали. «А может, это и к лучшему»,— подумал Игорь Тихонович, включая магнитофон.

Гешка с первой беседы понял, чем интересуется следователь. Два года назад он не придал особого значения случаю с девчонкой. Но сегодня взять да так просто все рассказать парнишка просто не мог. Участковый на прошлой неделе дядьку его — Виктора Звалова — в милицию, говорят, ни за что забрал, а там оштрафовали да чуть не посадили вдобавок. Отца у Гешки нет. И дядя Витя для него — все: поддержка и опора. Он сильный, смелый, любого скрутит на Широкой. Мальчишка старается походить на дядю. И если у того нелады с милицией, нелады и у Гешки.

Гешка прослушал запись и вызывающе произнес:

— Ну, видел, а кто бежал, не знаю.

И как ни пытался следователь разбудить его память, стоял на своем: не знаю, кто бежал. Мальцев провел очную ставку с Сеней Сташковым. Но и после этого Гешка еще долго упорствовал, но, сломленный волей и логикой следователя, наконец назвал фамилию бежавшего.

Встреча с Елькиным, на которую все возлагали большие надежды, не дала желаемого результата. Едва начав разговор с ним, Леонид понял, что парень — натура действительно увлекающаяся — вряд ли мог пойти на убийство.

Между делом инспектор пролистал альбом с армейскими фотографиями подозреваемого. На одной из них улыбающаяся Татьяна с букетом цветов. Надпись и дата: 20 июня.

На последней странице внимание Русановского привлек воинский железнодорожный билет на имя Елькина. Компостер выбил дату демобилизации — 21 мая. Здесь же лежали три письма Николая к Татьяне «до востребования», вернувшиеся обратно. Марки и конверты проштампованы в июле. Последовательность событий еще более уверила инспектора в первоначальном мнении о невиновности Елькина.

Загорелый, еще более вытянувшийся, появился Русановский в отделе и сразу же подключился к работе с подростками.

Шестиклассники Геша Паклин, Шура Подосинов, Алик Пеньков и Ваня Пастухов дружат, что называется, с детства. Зимой и летом проводят они свободное время здесь же, на Контрольной, недалеко от подсобного хозяйства, что по Московскому тракту. На лето приезжает сюда в гости к бабушке Сенька Сташков. Ребячьи игры затягиваются допоздна.

В то лето погода не очень-то баловала теплом. И когда в конце июня установились наконец погожие деньки, ребятишки высыпали на стадион.

— В войну, в войну!..— загалдели они.— Делимся! — неслось со всех сторон. Они быстро разбирались по двое и подходили к Гешке с Ванькой.

— Матки, матки, чьи отгадки?

— Ты что? — ткнул друга Пастухов.— Уснул, что ли? Отгадывай.

Гешка молча смотрел в сторону. Там, по краю стадиона, шли двое. Парень нес две бутылки, девушка что-то завернутое в бумагу. Ванька посмотрел туда же и, проводив шедших взглядом до леса, по-хозяйски заметил:

— Бутылки-то надо будет потом подобрать. На кино, или мороженое купим.

Поделившись на группы, ребята разбежались. То и дело слышались из кустов их воинственные возгласы.

— Ура! — закричал Гешка Паклин и выскочил из засады. Ребята с криком бросились за ним. Не добегая до леса, они увидели, как из кустов выскочил парень и побежал в глубь болота. Оторопев, они остановились.

— Это Мардель, Дроботов это. Чего он испугался? — растерянно проговорил Гешка, подходя ближе к кустам. На траве, зажав голову руками, лежала девушка. Она стонала и что-то пьяно бормотала, но слов ее было не разобрать.

— Надо бы матери сказать,— заволновался Шурка.

— А где она? — возразил Ванька.

— Ладно,— повернулся Гешка,— айда к бане, там мой дядька. Вымоется он, мы ему все и расскажем.

— Я уж не пойду: мне домой пора,— заторопился Сташков и побежал на автобусную остановку. А ребята, возбужденные увиденным, заторопились к бане. Вскоре вышел и Виктор Звалов с Валерием Брыкиным. Ребятишки наперебой заговорили о том, что Мардель — Дроботов — избил какую-то девчонку, а сам убежал. Все вместе они пошли к лесочку. Звалов и Брыкин узнали девушку. Это была Пестерева. Она все еще что-то бессвязно бормотала, держась за голову.

— Вишь, нарезалась,— Звалов оглядел место пиршества.— И ведь не первый раз попадает, а все неймется!

— Отлежится,— махнул рукой Брыкин и зло пошутил: — Поучил немного девку Серега, чтоб пуще любила... Э-э! Сегодня поругались — завтра помирятся. Не наше дело! И болтать об этом зря нечего.

И они ушли, не придав значения случившемуся: одни, потому что привыкли рассматривать жизнь через призму широкореченских обывателей, а другие были просто неспособны критически оценить все, переложив это, как им казалось, на плечи взрослых.

Преграда молчания была сломлена. После того как Геша дал правдивые показания, их нужно было закрепить. Пришла пора браться за Брыкина и Звалова. Обоих сразу же вызвали на допрос.

— Знал я, что Дроботов избил Пестереву,— сказал Звалов,— но не думал, что все так кончится. И не беспокоились мы: бивали ее и раньше. Правда, на следующий день шли с Брыкиным мимо, завернули туда, где лежала Татьяна, но ее там не было. Только от того места тянулся к болоту след в примятой траве. Мы подумали, что это она ползала пить или умыться, а потом ушла. Позже слух прошел, что Татьяна куда-то уехала, и мы позабыли о том случае. Правда, когда провожали Дроботова в армию, я спрашивал, что, мол, ты тогда с Танькой-то сделал, но он выругался, а потом замял разговор, и больше мы не спрашивали,— закончил Звалов.

Дроботов действительно второй год служил в армии. Установили где, связались с командованием, выехали на место. Вернулись в Свердловск с Дроботовым — и прямо с самолета на допрос.

Пестереву он знал давно. Были они почти одногодки, и в ребячьей компании считалась она своим человеком. Но в последнее время Татьяна завела себе новых друзей, и он ее давненько не видел. А в тот день Дроботов, возвращаясь с работы, купил две бутылки вина и случайно встретился с девушкой.

— Как она, жизнь молодая? Все хорошеешь,— подкинул комплимент парень.

— Да где там. Не до жиру, быть бы живу. А ты, я смотрю, шикуешь. Вино? — Пестерева рассмеялась.— А я на мели.

— В чем дело, я угощаю,— театрально расшаркался Дроботов.— Подожди, только закусь возьму.

Они прошли краем стадиона и углубились в лесок. Там, на бугорке, разложили на газету огурцы и сыр. Кусок хлеба Дроботов разрезал перочинником. И только тогда вспомнил, что отец просил его прийти пораньше. «Вот связался»,— ругнулся он про себя и положил на газетку часы: потороплюсь. Однако за выпивкой Дроботов позабыл обо всем, а вспомнив, не нашел своих часов.

— Танька, кончай дурить, тороплюсь я,— стряхивал он с газеты остатки закуски,— где ходики?

— Да ты что, позабыл, что ли, пока миловался тут со мной, что подарил мне их? — Она лукаво подмигнула и затя-

нула пьяным визгливым голосом: «За любовь ей до-ро-го пла-ти-ли, за кра-су да-ри-ли жем-чуга». А ты — часы...

— Отдай, шлюха,— выругался парень,— ишь чего захотела, жемчугов,— подступал он.

— Не тронь! — вскрикнула Танька, и злоба исказила ее лицо.— Это я-то шлюха? Ах ты, пес шелудивый, кобелина проклятый, тебе бы только девку полапать. А нет чтобы уважение ей оказать, подарок сделать. Вишь, в чем хожу,— вытянула она ногу,— чулок добрых и тех нет...

— Вот тебе уважение, вот,— зверем метнулся к ней парень, один за другим нанося удары бутылкой.

Так и не окончив фразы, Танька, обхватив голову руками, обмякла и упала. Дроботов мгновенно протрезвел: он понял, что случилось. А к кустам с криком неслась орава ребятишек. Дроботов заметался, не зная, что делать, но инстинкт самосохранения гнал его прочь. Он бросился бежать прямиком через болото.

Дома он не мог найти себе места и, промучившись ночь, пошел туда, где это случилось, едва забрезжил рассвет. Таня была мертва. Он хотел пойти и повиниться во всем, но вместо этого подхватил труп и, протащив его метров тридцать в глубь болота, бросил под разлапистую корягу. Он мучился день, два, неделю. Но все было спокойно. Никто Татьяну не искал... «Авось пронесет»,— подумал он и затих, замкнулся в себе, зная только дом да работу, а осенью ушел в армию.

Дроботов закончил свою исповедь и, откинувшись на спинку стула, облегченно вздохнул.

— С тех пор мне все время казалось, что за мной кто-то идет. Я постоянно оглядывался, даже прятался. Я ждал и боялся. Все пугало меня: телефонные звонки, письма, шум проезжающих мимо автомашин — это за мной.— Он обхватил голову руками...

Юшаков поднялся и раскрыл окно. Упругий ветер, оттолкнув штору, бросил в прокуренную комнату охапку ночной свежести, запахов тополей и чего-то еще особенного, неуловимого. Все глубоко вздохнули. Настоянный ароматами воздух пьянил. И может быть, от этого или от того, что сложный поиск наконец завершен, этим уставшим людям ни говорить, ни думать не хотелось. Они молча слушали ночь.

— А не пора ли нам, пора...— первым очнулся Антропов.— Я ведь, как прилетел,— сразу сюда.

— Светает,— согласно кивнул Юшаков.

— А я подремлю здесь,— потянулся Русановский.— Утром ко мне люди должны прийти...

Разбудил его телефонный звонок. Новый день начался, а просыпаться так не хотелось: ему снилось детство и пахнущие парным молоком руки матери.

ВЕРА
КУДРЯВЦЕВА

МУЖСКИЕ ГОЛОСА

Повесть

Санька проснулся, открыл глаза: вся комната была залита красноватым светом — всходило солнце. Оно-то и разбудило его так рано. Он посмотрел в окно, и ему показалось, что солнце похоже на разрезанный перезревший арбуз. Даже слюнки потекли. Санька улыбнулся солнцу и тут же опять уснул. И приснилось ему, что ест он этот арбуз, захлебывается ароматным сладким его соком. И так у него на душе было радостно и легко в этом утреннем сне. А когда проснулся, солнце уже было не красным, а обыкновенным и на арбуз не походило. Но все равно радостно и легко чувствовал себя Санька отчего-то. Давным-давно уже ему так хорошо не было. И тут он вспомнил: воля! свобода!

Свобода для Саньки начиналась не с первого дня каникул, а с того дня, когда уезжал в отпуск отец. Уезжал он каждое лето, и обязательно по путевке, как лучший машинист депо. «Мне надо пожить на режиме»,— важно говорил он матери. Мать застыло смотрела в одну точку, а когда отец выходил с чемоданом за ворота, начинала плакать и жаловаться Саньке:

— Ох, какой же он у нас самолюб! Какой самолюб! Вернется когда-нибудь в пустой дом! Вот возьму и уеду! Тебя за руку, чемодан в другую — и к бабушке! Ищи ветра в поле!

— К бабушке-прабабушке? В деревню? — радовался Санька и всякий раз надеялся, что они так и сделают: уедут в ту распрекрасную деревню к доброй-предоброй бабушке-прабабушке.

Но мать после отъезда отца дня два-три плакала, потом успокаивалась и даже веселела. И про чемодан забывала.

— Мам, а к бабушке-то, к прабабушке — ты говорила? — напоминал Санька робко, боясь спугнуть заветную мечту.

— Дурачок,— печально смотрела на него мать.— Куда же мы из своего-то гнезда кинемся? Кому мы там нужны?

«Ему мы тоже не нужны,— думал Санька об отце.— А то бы взял нас с мамой хоть раз. Эх, съездить бы куда-нибудь далеко-далеко!..»

Так было каждое лето, и теперь-то уж Санька не обращает даже внимания на материны угрозы уехать в деревню: не верит ей больше и старается попользоваться наступающей свободой вовсю. Эх, как здорово! Целый месяц! Хочешь — лежи до обеда, хочешь — иди в лес, на пруд или... Сердце замерло и тут же как сорвалось: заколотилось, заколотилось. Точно! Так он и сделает! Весь день он будет сегодня кататься на трамваях! По всему городу! Сейчас встанет, перекусит и... Но вставать не хотелось. Совсем близко, казалось — мимо самых окон, стучат-постукивают колесами поезда. Пассажирские легонько-легонько, а товарные порожняки бухают по рельсам: топ-топ-топ! Когда на улице становилось влажно или ветер дул от железной дороги в сторону поселка, то их станция Сортировочная, будто по волшебству, перепрыгнув через пруд, через горушку да лесок, сразу оказывалась так близко, что слышно было, о чем говорят-переругиваются диспетчеры, а поезда стучат-постукивают колесами у самых окон. Если закрыть глаза, то можно представить, что лежишь на вагонной полке и тебя покачивает, покачивает под этот стук колес. Санька закрыл глаза и — поехал, далеко-далеко...

В третий раз за это утро он проснулся, когда солнце уже повернуло в окна, выходящие во двор. И, проснувшись на этот раз, он сразу увидел задание себе на весь месяц. Рано-то утром стенка эта была в тени, вот он и не заметил лист ватмана, разрисованный знакомыми буквами.

«Задание на месяц»,—

крупно озаглавил отец лист.

Первое: прочитать 10 книг.

Второе: решыть 20 задачь.

Третье: скласть в поленницу все дрова.

Четвертое: каждый день поливать цветы и огурци...

Праздник был испорчен. Отец бессменно оформлял у себя в депо стенгазету, очень этим гордился и дома разрисовывал для Саньки с самого первого класса разные задания, расписания уроков да режимы дня. И чем красивее и ярче были эти листки, развешанные над Санькиной кроватью да столом, тем меньше почему-то хотелось заглядывать в них. Особенно же ненавидел он мальчишку, изображенного на «Режиме дня» и живущего по минуткам. Вот он, в маечке и трусиках, делает зарядку. Вот умылся и радостно растирается полотенцем. Вот завтракает. Вот сидит за партой, правильно положив перед собой руки, весь внимание. Из-за этого-то паиньки-мальчика, в режим жизни которого Санька никак не мог уложиться, он и не любил, наверно, свой дом. Потому и пристрастился уезжать в город, колеся то трамвайными, то троллейбусными маршрутами. В автобусы он не садился: не успеешь ничего рассмотреть как следует, уже приехал. То ли дело в трамвае: сидишь себе у окошечка, смотришь на дома, на памятники, на скверы, на людей. И если захочешь — выйдешь, побродишь, побродишь по не-

знакомым улицам, будто в другом городе побываешь. А потом дальше едешь. И впереди все время ждет тебя что-нибудь новое. Жалко, что отправлялся он в свои путешествия только в те дни, когда отец бывал в поездках.

А началось все так. Однажды сидел он на уроке. Это было еще в третьем классе. Сейчас-то уже четвертый позади. Сидел, смотрел в окно. И вдруг, словно впервые, услышал сквозь стекла веселый звонок трамвая. Он-то ждал звонка на перемену, а услышал звонок трамвая. И Санька, забыв про все на свете, засмотрелся, как вдали, на фоне соснового бора, бегают туда-сюда разноцветные звонкоголосые трамваи, будто расшалившиеся и, главное, свободные от всяких ненавистных «Режимов дня» ребятишки. Дождавшись конца урока, он с непонятным самому себе волнением выскочил на улицу. «Эх, сесть бы сейчас в трамвай да покатить по всему городу!» — подумал так и сразу увидел сердитые глаза отца, хмурое его, вечно недовольное лицо. И голос даже услышал: «Что ты сейчас должен делать?» — указывал отец на мальчишку, нарисованного в «Режиме дня». Тот, конечно, уже успел пообедать, принести воды на коромыслице и сидел, умненький и сосредоточенный, за книгой.

Саньке стало так тоскливо... Все внутри него как-то сжалось. Он ссутулился и поплелся домой. Но, пройдя немного, остановился и снова засмотрелся на снующие вдали разноцветные трамваи. «А вот возьму и не пойду домой!» — сказал вдруг Санька и сразу будто освободился от чего-то такого, что вечным гнетом висело над ним. Он нашарил в кармане гривенничек — каждый день выдавали ему дома на пирожок и на чай. Но из-за того, что он сегодня заторопился на улицу, он не успел перекусить после уроков и теперь обрадовался, что не проел этот десятчик. И уже без всяких сомнений побежал на кольцевую остановку трамвая.

До сих пор не может Санька вспоминать без волнения ту первую свою самовольную поездку. Ни кино, ни купание в пруду, ни вылазки в лес не приносят ему такой радости, как покачивание трамвайного вагона мимо многоэтажных кварталов или доживающих свой век старинных домишек на бывших окраинах города. Проедешь эти домишки, и опять высокие многоэтажные дома начинаются. И Саньке кажется всякий раз — это он въезжает в новый город.

Мать с отцом долго не знали о его путешествиях. Но однажды...

Тот день был для Саньки особенно счастливым. Обычно он устраивался в трамвае где-нибудь в конце вагона, а тут оказался впереди. И ему пришлось все время передавать монетки на талоны. И всякий раз люди говорили ему: «Спасибо, мальчик! Спасибо, мальчик!» Саньке так приятно было это слышать, что он уже сам, не дожидаясь, когда попросят, говорил: «Вам талоны? Давайте я куплю!» И в ответ слышал: «Вот какой молодец!»

Никто никогда не говорил Саньке «молодец!». Учителя вечно вздыхали: «Ох, Степанов, Степанов...» Мать всегда оглядывалась на отца: что надо сказать, чтоб не вызвать его недовольства. А отец... Отец только и твердил всю жизнь, сколько Санька себя помнит: «Ну и пень с глазами! Ну в кого ты такой уродился? Ты хоть пойми: без режима тебе дня прожить нельзя — ни на что не способный. Только усидчивостью и добьешься, может, чего, раз ума не хватает. Ну и пенек с глазами! Вот я за один год в школе рабочей молодежи два класса прошел, шестой и седьмой, а ты...»

А в тот день, в вагоне, Саньку все хвалили, говорили ему «молодец!», и он старался изо всех сил.

До самого вечера ездил Санька в том трамвае и все покупал людям талоны. Водитель трамвая, пожилая, но с веселыми глазами женщина, давно, видно, заприметила его. И на одной остановке вышла из вагона, а вернулась с милиционером.

— Разберитесь-ка тут с одним гражданином,— сказала она, подводя милиционера к Саньке.— Уж с месяц катает со мной по городу. Как на службу приходит, садится в вагон и поехал! А дома, поди, потеряли! — И она улыбнулась Саньке и помахала на прощание рукой: мол, уж не взыщи — такая у нас, у взрослых, обязанность: присматривать за вами, несмышленышами.

Санька, увидев перед собой милиционера, не успел испугаться: милиционер сразу ему понравился. Во-первых, Саньке понравилось, что он встал перед ним, как перед большим, и взял рукой под козырек. А во-вторых, милиционер был молодой и походил на главного героя из фильма «Хозяин тайги». Недавно по телевизору видел. Так и казалось, что он сейчас как запоет на всю улицу: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...» И Санька засмеялся.

— Чему же ты рад, путешественник? — спросил, тоже улыбаясь ему, милиционер и все посматривал на поток машин, бегущих мимо.

— Да вы... да вы,— смеялся Санька,— на артиста одного похожи, вот! Из кина! Он там тоже милиционером выступает!

— Во-она! А я думаю, что это на меня все так посматривают! — засмеялся милиционер и поднял перед одной машиной руку. Машина остановилась, и Санька услышал:

— Слушай, друг, подбрось нас с мальцом до Сортировки, пожалуйста!

В машине было тепло, играла музыка. Водитель сначала недовольно косился на милиционера, но вдруг тоже заулыбался и спросил:

— Где-то я вас видел, товарищ младший лейтенант. Такое лицо знакомое! Разве подвозил когда?

— Может быть,— ответил милиционер и весело подмигнул Саньке: мол, знаем, где ты нас видел, да не скажем!

— Задержал пацаненка или сынок? — полюбопытствовал опять водитель.

Санька нахмурился: неприятно все же в задержанных себя чувствовать. И услышал веселый голос:

— Сынок! Домой со службы добираемся!

— Сами молодые еще, а сынок уж вон какой. В который класс ходит? — рад был случаю поговорить хозяин «Жигулей».

Милиционер взглянул на Саньку хитровато: дальше, мол, сам действуй, ввязал меня в эту историю, так...

— В четвертый,— сказал Санька.

— Большенький, большенький у вас сынок...

Почти до самого Санькиного дома доехали они на машине. А когда вышли, Санька решил схитрить:

— Дядя, дальше я один пойду: здесь совсем рядом, во-он наш дом! Я сам...

— Знаешь что, «сынок»-путешественник, я бы тебе поверил, если бы ты честно сказал мне — больше ездить на трамваях не будешь без дела. Можешь ты дать такое обещание?

Санька было уже рот открыл: что ему стоит пообещать!

— Только честно! — повторил милиционер.

— Не знаю,— опустил Санька глаза.

— Спасибо, «сынок», за правду,— уже без улыбки сказал милиционер.— Ездить одному по городу тебе пока рановато. Мало ли что может случиться. Так что я обязан предупредить твоих родителей. Да ты не дрейфь!

Веселый милиционер, похожий на известного киноартиста, козырнул всем троим и ушел. А отец, обращаясь только к матери, заныл:

— Ну, чего вот ему не хватает, скажи? Одет-обут, сыт... «Уголок школьника» свой имеет! Мария Максимовна другим в пример ставит наш «Уголок школьника». Ни у кого нет вот такого «Режима дня». Стараюсь, стараюсь, а толку?

Отец имел привычку говорить при сыне так, будто его нет здесь, и это особенно обижало и злило Саньку.

— Милиционер привел! Дожили! — стонал отец.— На работе почет и уважение, а он — позорить! Кого позорить? Родного отца! Который сам, сам всего достиг! Который в его возрасте вот этот дом отцу помогал строить!..

Мать застыло смотрела в одну точку, жалея сына и не решаясь сказать в его защиту ни слова. Санька тоже сидел, сгорбившись, и терпеливо ждал, когда отец выговорится.

К ночи отец успокоился. Он снял со стены старый «Режим дня» и придумал новый, по которому Санька должен был вставать на час раньше, а ложиться спать на час позже. Но мальчишку отец нарисовал того же самого. И Санька, когда его наконец оставили в покое, показал мальчишке язык и сказал: «У-у, зануда! Вот и живи сам по своему режиму, а я...» И он закрыл глаза и услышал стук колес проходящих мимо поселка поездов. «Эх, уехать бы куда-нибудь! А если

к бабушке-прабабушке?» И Санька размечтался: вот уедет он в деревню, а там ведь тоже школа есть. И как начнет он там учиться на одни четверки! Нет, уж лучше сразу на одни пятерки! Ему бы только от «Режима дня» освободиться, он бы и сам сидел за уроками. А то возьмешь иногда книжку в руки, отец увидит и ехидно так скажет: «А-а, за ум, видать, взялся! Ну-ну, до шести тридцати почитай, а там у тебя по режиму помощь по дому, дров матери натаскаешь...» И все. Больше уж ни читать, ни дрова носить почему-то не хотелось.

И так во всем. Только настроится Санька что-нибудь сделать, отец вмешается и будто по рукам его ударит. Один раз принялся Санька лепить из пластилина. Лепил, лепил, и показалось ему, что получился медвежонок, смешной такой, на Чебурашку похожий немножко. И матери понравился этот смешной медвежонок. И тут вернулся из поездки отец.

— Смотри-ка, что сегодня Санька смастерил! — показала она ему медвежонка.

— Ну что это такое! — сразу заныл отец.— Разве это медвежонок? Надо было картинку перед собой поставить и с нее лепить. Ну и пенек же он у нас! Ни к чему не способный! Ни к чему призванья нет!

Больше уж Санька не только лепить — смотреть не хотел на коробку с пластилином.

Да, не повезло ему с отцом. Бывают же другие отцы.

Один раз в трамвае сели впереди него отец с мальчишкой. Мальчишка тот еще меньше Саньки был, а отец с ним как с равным разговаривал.

— Пора,— говорит,— сын, о лете подумать. Как ты считаешь: поехать нам куда-нибудь или дома остаться?

— Конечно, поехать куда-нибудь! — отвечает мальчишка.

— А как ты смотришь на такое предложение: не купить ли нам три велосипеда, три вещмешка, палаточку? Сядем мы все трое, ты, да мама, да я, на велосипеды и покатим по нашим озерам. На одном поживем дня три, потом на другом, потом на третьем.

— Здорово! — согласился мальчишка.— А давай прямо счас заедем в спортивный магазин!

— Давай! — тоже как мальчишка воскликнул отец. И они стали проталкиваться к выходу, весело обсуждая свое будущее путешествие.

Саньке стало завидно: никогда-никогда отец с ним так не разговаривал.

О чем ни начнет вспоминать Санька, все сплошные обиды в душе оживают. Было ему всего лет пять, когда решил отец научить его читать.

— Не рано ли? — вступилась было за него мать.

— Ничего! Чем раньше начнет, тем больше книг прочитает. Мне не пришлось в свое время книжки читать, пускай он успевает!

И началось!

— Мэ-а, мэ-а,— тыкал отец в букварь,— что будет?

— Мэ-а, мэ-а,— повторял Санька.

Бился, бился отец день, два, неделю, Санька все свое: «Мэ-а, мэ-а...»

— Да ты, оказывается, пенек с глазами! — разозлился отец и захлопнул букварь. Санька же после тех уроков стал отца бояться и ни с какими вопросами ни по математике, ни по природоведению никогда к нему не подходил. И всех книжек, начиная с букваря, тоже словно боялся и долго читал еле-еле по слогам, за что в школе его сразу зачислили в троечники.

Только Галина Васильевна ставила ему иногда четверки. И в четвертом классе Санька стал выполнять задания по русскому языку в первую очередь. Потому что Галина Васильевна ему нравилась, он даже имя ее запомнил. А почему он зауважал эту учительницу?

Однажды отец заставил его десять раз переписать упражнение за то, что Санька подтер одну буковку. Галина Васильевна увидела это и пришла вдруг к ним домой. Саньку в другую комнату выпроводили, но он все равно слышал, о чем они разговаривали.

— Я вас прошу — вы не наказывайте сына таким способом. Он же возненавидит русский язык и вообще учение... И потом... это же не только непедагогично, это... это... бесчеловечно,— выговаривала отцу учительница.— Теперь я понимаю, почему ваш мальчик такой... такой пассивный, робкий, замкнутый...

— Знаете что! — грубо оборвал ее отец.— Моего сына я как-нибудь сам воспитаю! Вы приставлены учить его, вот и учите! Я сам свои обязанности знаю! Я не какой-нибудь там забулдыга! Я передовой рабочий! Мой портрет не зря, наверное, на Доске почета висит! Вы только посмотрите, какой «Уголок школьника» я ему оформил!

— Ну, нарисовать все можно,— усмехнулась учительница и добавила, словно самой себе: — Мне все ясно. До свидания!

С тех пор она Саньку как бы жалела и ставила иногда даже четверки за такие ответы, за которые раньше (Санька чувствовал это) он больше тройки не получал.

Вот потому-то он и выполнял задания по русскому языку старательно и ежедневно. Иногда упражнение было так себе — коротенькое. Но к нему еще три пункта надо сделать: подчеркнуть, выписать, разобрать. Вот уж чего он никогда раньше не делал. А ради Галины Васильевны даже синий карандаш завел и аккуратно, по линеечке, подчеркивал все подлежащие и все сказуемые. «Руку, что ли, поднять завтра?» — подумывал частенько, довольный собой, да никак насмелиться не мог. А потом такое произошло, такое!

После того случая, когда Саньку привел домой милиционер, похожий на артиста, ему строго-настрого запретили даже

подходить к трамвайной остановке. Тоскливая пошла жизнь. Друзей у Саньки не было: кто же будет с ним дружить, если к нему нельзя никогда прийти поиграть, да и самого Саньку никуда не отпускали. Все из-за этого проклятого режима.

И все же он ослушался родителей.

Шел раз в школу, косточку для Черныша нес. Черныш — это такая собака в поселке, ничейная. Смешной такой пес: косматый, бородатый, лапы короткие, голова большая, уши как рожки торчат, а глаза умные, добрые. Санька его Дедушкой зовет... То на одной улице его увидишь, то на другой. «Привет, Дед!» — крикнет ему Санька. Или: «Здорово, Дедушка!» И Черныш, хоть и любит полежать, поднимется не торопясь, степенно, разрешит погладить себя, потрепать. Угощение примет, хвостом вильнет — мол, спасибо, друг.

И Санька частенько угощал его то косточкой, то просто корочкой хлеба. Даст с ладошки лакомство, а потом запустит в густую теплую шерсть руки, погреет — и дальше: домой или в школу.

А тут смотрит: нет нигде Черныша. Уж к школе стал сворачивать — глядь, а он спрыгивает с подножки трамвая следом за пассажирами. Издалека увидел Саньку и к нему. «Эх,— достал Санька из кармана косточку,— даже Черныш катается, а мне так нельзя...» Нехотя побрел он в школу, чуть не опоздал. Вбежал в класс уж после звонка. А в классе шум, гвалт, все радуются. Оказывается, Галина Васильевна заболела. «Чему радуются? — подумал Санька.— Все равно ведь счас кто-нибудь придет, может, сама Маруся...» Марусей они прозвали свою классную руководительницу, Марию Максимовну. И правда, тут же она вошла в класс, и все сразу притихли.

— Доставайте учебники математики! — скомандовала Мария Максимовна и задала столько примеров да задач!

— У-у-у! — прокатилось по классу.

— Оценки пойдут в журнал! — пригрозила Мария Максимовна и добавила: — Я в соседнем классе. Если услышу малейший шум...

Они сидели как мухи. У Маруси попробуй не реши.

А Санька не решал. Он просто не мог решать, потому что никто не мешал смотреть ему в окно на трамваи. Он смотрел, слушал перестук их колес да веселые голоса звонков. И вдруг как подскочит на своей последней парте. Это он от радости подскочил, потому что вот что придумал. Он придумал навестить Галину Васильевну. Конечно, если бы она жила в поселке, он бы такого не придумал. Но Галина Васильевна жила в городе, он видел однажды, как она выходила из трамвая. И Санька, не откладывая в долгий ящик, собрал книжки и пошел из класса: за то, что человек навестит больного, не наказывают.

— Ты куда это? — зашипела на него староста Надька.— Я вот скажу Марусе!

— Не Маруся, а Мария Максимовна! — сказал ей Санька, и она покраснела и замолчала.

В канцелярии секретарь Нина стучала на машинке. Санька кашлянул.

— Чего тебе? — перестала стучать Нина.

— У нас заболела учительница. Мы хотим ее навестить,— голосом отличника сказал Санька.— Дайте, пожалуйста, адрес.

— Какая учительница-то? — встала недовольная Нина.

— Галина Васильевна.

— Так бы и говорил! — И Нина дала ему бумажку с адресом.

Вот как хотелось Саньке покататься на трамвае! До кольца бежал он бегом. Сперва заглянул, на всякий случай, в кабину водителя — не та ли тетенька там сидит, которая на него милиционеру нажаловалась? В кабине сидел парень. Санька удивился:

— Разве бывают водители трамваев мужчины? — спросил он.

— Как видишь,— улыбнулся ему парень.

— Вот здорово! — Санька сразу понял, кем он станет, когда вырастет.— А сколько надо классов кончить?

— Да, пожалуй, и восьми хватит, а потом курсы. Что — мечтаешь?

— Спрашиваете!

— Шестой маршрут отправляется! — сказала диспетчер.

— Ну, иди ко мне! — позвал парень в кабину Саньку и задвинул дверь.— Стой, смотри и не мешай!

О таком везении Санька просто не мечтал! Отсюда казалось, что рельсы сами стремительно бегут под вагон, подвластные ему, машины справа и слева замирают, пропуская трамвай. А водитель громко объявляет:

— Подъезжаем к остановке «Комсомольская»! Направо магазин «Одежда», налево магазин «Книги». Между прочим, именно в этом магазине, и только, пожалуй, в этом, можно всегда купить что-нибудь интересное. Сейчас там имеется в продаже книга местного издательства «Рассказы о природе». Недорогая, хорошо оформленная и, конечно, интересная! Спешите купить! Остановка «Комсомольская»! Следующая — «Дом культуры ВОС». ВОС — это значит Всероссийское общество слепых. Товарищи, на этой остановке постарайтесь быть внимательными — помогите выйти и войти в вагон членам Общества слепых! Нам всем надо помнить, что человеком может себя чувствовать только тот, кто всегда готов помочь детям, старикам, всем, кто слабее тебя, и, конечно, птицам и зверям, меньшим нашим братьям! Остановка «Дом культуры ВОС»!

Санька слушал, раскрыв рот от удивления. И конечно, забыл про Галину Васильевну. Сколько он ни ездил, а такого водителя еще не встречал.

Всю дорогу водитель о чем-нибудь рассказывал пассажирам. В каком доме собирались большевики в 1905-м и в 1917-м. Какой дом каким купцом или другим богатеем строился. В каком доме и когда останавливались знаменитые артисты или писатели.

— С тобой интересно! — сказал Санька.— И откуда только ты все знаешь?

— Почитываем кое-что! — засмеялся парень.— Ты любишь читать?

— Не-а! — сознался Санька, и ему впервые стало стыдно. Он уже приготовился выслушать то, что не раз выслушивал от отца, от учительницы: мол, как же это можно — не читать в наше время? Но водитель сказал:

— Ничего. Еще пристрастишься. Не дорос еще. Я тоже долго не мог начать. А уж как начал, так... Следующая остановка — «Быткомбинат «Рассвет»! Товарищи, довожу до вашего сведения: в быткомбинате «Рассвет» вы можете сшить одежду, заказать обувь, починить часы, электроприборы, постричься, побриться, причесаться. К вашим услугам — маникюр, педикюр, массаж. Женщинам рекомендую обратиться к мастеру-парикмахеру Самохвалову. Он хоть и Самохвалов, но человек весьма скромный и настоящий художник. Товарищи мужчины! Если вы хотите иметь костюм, а не то, что недавно демонстрировал по телевидению Райкин, рекомендую обратиться к закройщику Гаврилову. Следующая остановка — «ТЮЗ»! Тебя как звать? — спросил он между делом Саньку.

— Санька.

— А меня Ванька! Почти тезки! Остановка «ТЮЗ»! Товарищи, в эти дни в Театре юного зрителя премьера! В главных ролях артисты Зуева и Сапожников. Недавно он снялся в кинофильме «Возмездие», киностудия «Мосфильм»! Спешите посетить Театр юного зрителя!

Вот это была поездка! Ваня-водитель все рассказывал, рассказывал пассажирам про город, про разные новости. И пассажиры улыбались и не толкались и не ссорились в вагоне. Некоторые просили у Вани такую книгу, в которую можно записать благодарность водителю. Книги такой у Вани не было. А зато было много талонов, и Санька помогал ему их продавать.

— Ну, Санька, все, приехали! Отработал ты со мной всю смену — дома, наверно, потеряли. Беги-ка, друг! А я счас отмечусь, и в парк! А нос-то красный! Замерз? Айда, погреешься — и домой!

И Санька опять обрадовался: ему давно хотелось посмотреть, как там внутри, в этом зеленом домике — диспетчерской. Оказалось — все очень просто и знакомо: коридор с круглой черной голландкой посередине и две двери, направо да налево.

Ваня вошел в дверь налево, а из правой вышли две жен-

щины. В одной из них Санька сразу же узнал ту тетеньку, позвавшую милиционера. Он отвернулся от нее и прижался щекой к теплой голландке. Но тетенька успела рассмотреть его. Она остановилась вдруг и спросила ту, другую:

— Постойте — а не этот ли парнишка?

И они обе обошли Саньку и давай рассматривать его во все глаза. Санька покраснел: что это они? «Наверно, всем рассказывает, как милиционеру меня сдала»,— подумал он.

— Кажется, этот,— неуверенно сказала та, другая тетенька.

— Я так и думала! — вздохнула водитель.— Доездился! Я уже давно его приметила: без конца по городу мотается! И куда родители смотрят?

— В чем дело? — вмешался Ваня.— Этот пацан со мной, погреться зашел...

— Сегодня с тобой, а вчера со мной,— сказала водитель.— Вчера, правда, я его не видела, да за всеми не усмотришь. Вот вытянул у гражданки кошелек. Приехала к нам узнать, чудачка, не сдал ли кто...

— Не кошелек — косметичка, на кошелек похожая. Там ничего особенного не было... не искала бы я ее... Но в ней абонемент на «Библиотеку приключений»... Он все вертелся, вертелся около меня... Потом одна старушка сказала, что видела у него в руках косметичку, коричневая такая, замшевая... на кошелек похожа...

— Отдай-ка, парень, по добру,— сказала строго вагоновожатая.— Я ведь тебя уже раз сдавала в милицию!

— Да не брал я ничего! Никакой замшевой,— дошло до Саньки, в чем его обвиняют.— И не катался на трамваях давным-давно! Ваня, не брал я!

— Был у меня такой приятель! — сказал женщинам Ваня.— Катал, катал его недавно в кабине. А он раз — сгреб всю кассу да наутек! Едва успел поймать. Больше не показывается. А этот — нет, Санька не возьмет! Поехали!

Санька с радостью шагнул за ним, но вагоновожатая крепко схватила его за руку:

— Нет уж, подожди-ка!

— Разберутся! — подбодрил Саньку Ваня.— Жди меня тут!

— А может, я ошибаюсь, может, это не он,— робко бормотала пострадавшая.

— Дядя Миша! Зайдите в диспетчерскую! Шестой маршрут отправляется! Дядя Миша! Зайдите в диспетчерскую! — услышал Санька голос диспетчера, и ему стало так страшно и обидно.

Дядя Миша, их участковый милиционер, выслушал женщин и тихо сказал Саньке:

— Пошли. И вы,— обратился он к той, потерявшей коричневую замшевую косметичку,— уж потрудитесь, пройдемте с нами. Дома разберемся, что мальчишку тут выставлять...

Санька заплакал.

А дома он не сводил глаз с нарисованного отцом мальчишки, который сидел за своим нарисованным столом и прилежно выполнял задания, равнодушный к тому, что творилось сейчас с Санькой.

— Не брал он, не брал,— плакала мать.— Ошибка это...

Отец сидел, обхватив голову руками и покачиваясь из стороны в сторону, как от большого горя.

У Саньки в груди вдруг кольнуло, и в том месте, где кольнуло, стало больно-больно.

— ...коричневая такая косметичка, на кошелек похожая... абонемент на подписку... «Библиотека приключений». ...Так жалко,— лепетала пострадавшая.— Старушка говорит: видела у него в руках... Около меня все вертелся в трамвае... запомнила я...

— Как же так? — думал вслух дядя Миша.— У него же школа в это время. Хотя и сегодня школа, а он катал весь день по городу. Плохо следите за сыном, товарищ Степанов. Ладно, завтра в школу зайду: что мальчишку трепать? Сперва узнать надо, был он вчера в школе или нет...

Боль у Саньки в груди все росла и росла. Сначала она была будто шариком, потом мячом, потом стала огромным, как глобус, шаром. Шар этот заполнил все в груди, в горле, во рту. И если бы дядя Миша и та женщина не ушли, то шар бы, наверно, лопнул, и Саньки бы не стало на свете.

Они ушли. И Санька, не раздеваясь, лег в свою кровать навзничь, и лежал так, и смотрел, не мигая, в потолок. Что говорил отец, о чем плакала мать, до него не доходило.

Когда отец уснул, мать подошла к Саньке, обняла его, заголосила тихонько:

— Сынок, неужели ты мог взять? Отдай, отдай, пожалей хоть меня...

— Не брал я,— с трудом выдавил Санька.

— Кто же тебе теперь поверит, сынок? Вышел ты из веры. Обещал больше не ездить, не болтаться по трамваям, а сам... И она, говорит, запомнила тебя — кто же поверит? Позор-то какой!

— Не хочу! Не хочу! Жить у вас не хочу! Нигде не хочу жить! — закричал Санька.— Никто мне не верит, никто! Один только Ваня! — Слезы сами собой хлынули, казалось, из самого сердца. Санька рыдал, и шар внутри уменьшался, уменьшался...

Но с тех пор небольшой комок боли, с мячик такой, навсегда, наверно, остался в груди. Смеяться не давал, радоваться чему-нибудь, и Санька только в снах иногда радовался. Просыпаться после тех снов не любил.

В школе отец повел Саньку прямо к директору. Туда же пришли дядя Миша и та женщина. Пригласили и классную руководительницу Марию Максимовну.

— Вот — разобраться я пришел,— сказал дядя Миша.— Что-то мне непонятно... Концы с концами не сходятся вроде: как это он,— кивнул на Саньку,— смог оказаться в трамвае с этой гражданкой, если он в это время был на уроках.

Директор потребовала журнал. По журналу выходило, что и позавчера, и вчера на одних уроках Санька был, а на других не был.

— Вот что получается, если не выполняется главная заповедь педагогики — единство требований,— жестко сказала директор и так же жестко посмотрела на Марию Максимовну.— Допустим, позавчера Степанов, судя по журналу, был на уроках. А что вчера? На первом был,— листала она журнал.— На втором не был. На третьем опять, получается, был. На последнем не был.

— Позавчера у меня был методический день, в школе меня не было,— начала оправдываться Мария Максимовна,— а вчера...

— А вчера,— вошла вдруг в кабинет секретарь Нина,— он был, я точно это знаю. Он брал у меня адрес Галины Васильевны, чтобы навестить ее. Что же ты молчишь, чудак? — улыбнулась она Саньке. Ох, Нина, Нина! Вызвали, конечно, с урока Галину Васильевну. Выслушав, зачем ее пригласили, она сначала удивилась:

— Нет, конечно, никто меня вчера не навещал! — А потом так посмотрела на Саньку: вот, мол, ты какой, а я-то думала...— Я здесь больше не нужна? — спросила Галина Васильевна, отвернувшись от Саньки, и, не взглянув на него, вышла из кабинета.

— Я так и не понял,— настойчиво спрашивал дядя Миша.— Был Александр Степанов в указанное время в школе или не был?

— Трудно теперь это установить,— устало сказала директор.— Требую, требую — не отмечают в журнале, и все...

— Ох, уж лучше бы я не приходила сюда,— вздохнула пострадавшая.— Бог с ней, с той косметичкой... «Библиотека приключений», двадцать томов... жалко... Может, я и ошибаюсь, может, это не он...

— Вот-вот! — вскочил Санькин отец.— Я честный человек! Мне чужого не надо! А вы... вы! Сами не знаете, где посеяли эту вашу замшевую штуку! Я жаловаться буду! Я этого дела так не оставлю! Я в газету пойду!

Женщина как-то сжалась вся, заморгала, Саньке даже жалко ее стало. «Заякал,— посмотрел он с презрением на отца.— Я... Я... а меня будто тут и нет...»

— Так был все-таки Александр Степанов позавчера в школе или нет? — строго посмотрел дядя Миша на директора.

— Мария Максимовна? — так же строго посмотрела директор на классную.

«Да вы меня спросите! — кричало все в Саньке.— Меня! Я же вот он, здесь!»

Мария Максимовна встала и, волнуясь, заговорила совсем о другом:

— Лично я склонна считать, что товарищ Степанов прав: не может сын такого уважаемого человека, как товарищ Степанов, совершить такой проступок. Учится он слабо, это правда. Но украсть — такого я как классный руководитель не допускаю. Произошла ошибка. Извините меня, но вы... Да кто вы вообще такая? Мы вас не знаем. Почему мы вам должны верить? А товарищ Степанов — один из активнейших наших родителей. Его портрет на доске Почета! Он нам постоянно помогает оформлять кабинет! А посмотрели бы вы, какой «Школьный уголок» у его сына! Я думаю, надо нам на этом разговор закончить. А мы с товарищем Степановым, на всякий случай, усилим контроль за Сашей...

— Такое подозрение,— встал дядя Миша,— дело не шуточное. А потому, был или не был Александр Степанов позавчера в школе, сперва надо установить!

Как только Санька услышал про свой «Школьный уголок» и про то, что над ним будет усилен контроль отца да Маруси, он вскочил вдруг. Какая сила подняла его? Что заставило звонко, с вызовом выкрикнуть:

— Да не был! Не был я позавчера в школе! И вчера не был! И позавчера! Я, я вытянул из сумки эту... коричневую, замшевую. Думал — кошелек, вот! Думал, денег там полно! Думал...

Ох, каким героем он себя чувствовал! Отец опустился на стул, будто у него ноги подкосились. Голова его никла, никла, а глаза стали такими жалкими. Он растерянно смотрел на всех, и руки его, заметил Санька, мелко-мелко дрожали. Санька же, наоборот, пока говорил свою речь, будто стал совсем невесомый, поднялся над всеми к самому потолку и парил там. Плечи его расправились, голова приподнялась, и он смело смотрел на всех с этого своего нового роста. Раньше он почему-то всегда боялся смотреть в глаза отцу, учителям, а уж директору и подавно. Теперь же смотрел на всех так, словно говорил: «Что? Скушали? Получили? Эх, вы!..»

— Эк, поглядывает соколом! — строго сказала директор.— Ну, что ж, все ясно: будем оформлять материал в инспекцию по делам несовершеннолетних!

Саньке было все равно. Он плелся домой, слышал, как поскрипывает снег — это шел за ним следом отец — и чувствовал такую усталость, будто он перетаскал и сложил в поленницу целый кубометр дров. И ничего ему не хотелось. Не хотелось смотреть на пестро-белые леса вдали, на зимний пруд, заметенный снегом. Он шел и смотрел себе под ноги, волоча портфель.

Вдруг показалось ему — чуть не у самого уха затрезвонил трамвай. Санька встрепенулся было, вскинул голову, но тут же его взгляд потух: к остановке шла Галина Васильевна... «Тоже поверила... А как посмотрела-то!» — И Санька

ехидно усмехнулся. Если бы он увидел сейчас себя, он бы поразился тому, как был похож в этот миг на своего отца, когда тот усмехается вот так над ним или над матерью.

Из переулка кинулся к Саньке заспанный кудлатый Черныш, заулыбался зубатым ртом, завилял хвостом. «Помогайте детям, старикам, птицам и зверям!» — опять усмехнулся ехидно Санька и пнул улыбающегося ему доверчиво пса. Тот заскулил, отпрыгнул в сторону и смотрел тоскливо, недоуменно вслед своему другу. Саньке не было его жалко. Саньке больше никого не было жалко.

«Инспектор по делам несовершеннолетних»,— прочитал он и сел перед этой дверью на диван. Отец нервно ходил по коридору, ни на кого не глядя. Рядом с Санькой сидела скромненько девушка с накрашенными глазами. «Такая большая и все еще несовершеннолетняя»,— подумал Санька и тут увидел, как вошли в приемную еще двое: ярко-рыжая, яркогубая женщина, очень нарядно одетая, и мальчишка, востроглазый, востроносый. Он обвел всех веселущими, светлыми, как у матери, глазами и громко сказал:

— Ну, я пришел! Можно начинать!

Все засмеялись, а его яркогубая мать сказала:

— Витька! Не выступай! Довыступаешься!

— Что-то я тебя здесь не встречал,— сказал мальчишка, разглядывая Саньку.— Новенький? На учет ставят?

Санька пожал плечами.

— Значит, на учет. Фу! Не бойся! Я уже раз пять бывал! Вызовут, повоспитывают, повоспитывают, да и все! Им,— он кивнул на мать,— больше, чем нам, попадает! — И засмеялся мстительно.

— Тебя за что?

— Ни за что.

— Вот это резонанс! Так не бывает!

— А тебя? — спросил Санька: мальчишка ему сразу понравился.

— Меня-то? Меня...

Но в это время дверь открылась, и оттуда сказали:

— Баевские, пожалуйста, пройдите!

Витька бойко, вперед матери, кинулся в комнату, и Санька успел увидеть, что там много народу, и услышал, как Витька весело сказал:

— Здравствуйте! Мне стоять здесь или пройти к столу?

— Витька, не выступай! — одернула его мать, и дверь закрылась.

Их долго не было. Потом Витька с такими же веселущими глазами вывернулся из комнаты впереди матери. Мать не была уже такой яркогубой, и глаза ее были заплаканы. Она промокнула их платком, потом достала из сумки сумочку поменьше, вынула из нее помаду и стала жирно подкрашивать губы.

— Опять новая косметичка! — выхватил Витька из рук матери сумочку.

— Витька, не выступай!

— Гармониченько! — вертел Витька в руках красивую эту сумочку.

«Так вон она какая бывает, кос-ме-тич-ка»,— подумал Санька и услышал:

— Степановы, пожалуйста!

— Не бойся! — успел крикнуть Витька Саньке.— Я тебя подожду! — И сказал он это так, будто оттого, что он подождет здесь Саньку, все будет хорошо.

Санька вошел и среди незнакомых людей увидел Марию Максимовну. И как только увидел, пришла ему на ум ни с того ни с сего песенка, сочиненная кем-то в их классе. Раньше, хоть эту песенку и распевали на каждой переменке, Санька словно бы и не слышал ее и не казалась она ему смешной. А сейчас, как только вошел, так она и зазвучала в его ушах, заглушая все, о чем здесь говорили.

Было у Маруси
Со-орок два гуся,
Со-рок два гуся
Было у Маруси...

И слова-то глупые, ни к селу ни к городу, а трясет всего Саньку от смеха, и все! Так и видит Марию Максимовну в образе бабуси Маруси с хворостиной в руках. А они будто, весь их класс, все сорок два человека, гуськом впереди нее идут по полянке на корточках: «Га-га-га!»

Мария Максимовна характеристику на него с выражением читает, а он трясется от смеха и только и слышит:

Было у Маруси
Со-орок два гуся...

В конце концов его выставили за дверь и велели ждать там.

— Вот так резонанс! — сказал Витька.— Это бывает, это у тебя нервное, на, выпей водички! — И он по-хозяйски налил из графина в стакан воды и подал Саньке. И зашептал:

— Счас, пока ты здесь, твоего отца так пропесочат! Ты не бойся, эта комиссия в защиту нас, несовершеннолетних, придумана. А инспектор Елена Степановна — так она за нас горой! К любому подходец найдет, в душу влезет! Такая хорошая! Такая добрая! А я все подвожу ее да подвожу! — вздохнул Витька.— Просто жалко бедную женщину!

— Ну ты и ботало! — сказал Санька, уже отсмеявшись.

— Не могу взять себя в руки, и баста! — как ни в чем не бывало продолжал Витька.— Такая у меня программа-минимум.

— Чего?

— Программа-минимум,— зашептал Витька.— Удрать мне

надо от матери — во как! — провел он рукой по горлу.— А не обманешь — не уедешь! Такой вот резонанс!

В это время Саньку снова вызвали в комнату.

— И все-таки, Саша, скажи нам честно: был ты в тот злосчастный день в школе или катался по городу на трамвае? — спросила его, как понял Санька, Елена Степановна. И столько участия было в ее голосе, в ее усталых, немолодых глазах, что Санька опустил голову и сквозь слезы, неизвестно откуда вдруг взявшиеся, сказал:

— Был. На всех уроках был. На другой день пошел кататься...

— А как же?..— встрепенулась Мария Максимовна.— Зачем же ты наговорил-то на себя?

— Вот и я так думаю: был он на уроках, никакой косметички и не видывал и не знает даже, что это такое. Правда, Саша?

Санька опять кивнул.

— Саша, ты знай: эта комната — второй дом для тебя. Ты можешь прийти сюда в любое время, с любой обидой, с любой бедой, и я тебя всегда постараюсь понять и помочь тебе...

И Санька понял: его ставят на учет.

— А если сам не придешь, тебя вызовут повесткой,— сказала Мария Максимовна.— Ничего, полезно для профилактики, поменьше лгать будешь!

— Милиция теперь твой второй дом, милиция! — простонал отец.— Дожили!

После этого мать уволилась с работы, чтобы не спускать с Саньки глаз, отец перестал оформлять в классе разные школьные уголки, а Санька нашел друга.

Витька, оказывается, тоже жил в их поселке, только в начале его и в городском доме. А Санька у самого леса в своем, построенном еще дедом доме. И учился Витька в другой школе. Если им надо было встретиться, Санька шел к Витькиной школе и ждал друга у ворот. Встретившись, они бродили по улицам поселка, по берегу пруда, в лес даже мимо Санькиного дома уходили. Правда, встречались они в те дни, когда Санькин отец был в поездках: он запрещал им дружить.

Шли они, разговаривали. Или просто молчали. Хорошо вдвоем! У них оказалось много общего. Например, Витька тоже любил кататься по городу. И как только они раньше в трамвае или в троллейбусе не встретились?

Но в одном у них все было наоборот: Санька когда-то мечтал уехать к бабушке-прабабушке от отца, а Витька к отцу от матери мечтает укатить. В Одессу, в далекий город у моря. Сколько раз уж его, оказывается, снимали с поездов.

— Но теперь-то уж не снимут, не вернут! — блестел глазами Витька.— Теперь-то я такое придумал!

— Разве тебе с матерью плохо? — спросил однажды Санька.— Она красивая!

— А-а! — махнул Витька рукой.— Красивая! Нашел красивую! Крашеная-перекрашеная! Сама парикмахерша, вот и красится. То в блондинку, то в эту, как ее,— в шатенку... Да пускай бы красилась! Мужья ее во как надоели! Сегодня один, завтра другой. Как придет новый муж, она меня выставит: иди, Витенька, погуляй! На ключ закроются, а я... Сперва в чужих подъездах грелся. К батарее прижмусь и стою. Стою, реву, пока кто-нибудь не увидит. А увидят, обязательно закричат: «А ну, марш домой — ночь на дворе!» Пойду — закрыто. Тогда я и придумал — на трамваях кататься. Но автобусы лучше: в автобусах теплее и денег можно побольше заработать...

— Как это — заработать? — удивился Санька. Витька понял, что проговорился, рассказал:

— Да так: передадут тебе на талоны человека три-четыре сразу. А ты у окошечка стоишь. Несколько монет водителю, а остальные себе в варежку. Талоны передашь, а сам из автобуса — разбирайтесь, куда делись денежки. А ты в другой автобус — все гар-мо-нич-нень-ко!

— Ну, Витька! — только и сказал Санька, осуждая друга.

— Мне деньги нужны — во как! — оправдывался Витька.— Доберусь до отца, начну честную жизнь. А пока... не обманешь — не уедешь! Мамка каждый день на обед, на мороженое «Пломбир» выдает — я так постановил. Это копеек пятьдесят получается. Ррраз! На кино — два! За молоком пойду — три! Она мне на три литра молока даст денег, я куплю два, а потом бац туда литр воды! А денежки — двадцать восемь копеек — себе! Недавно ее новый муж, дядя Валера, спрашивает:

— Лапочка, нет ли у нас молочка?

— Как же — есть! Витенька сбегал, купил, свеженькое. Он попил: «Ффу,— говорит,— сплошная вода!» — «Вот,— мамка ему,— разбавляют, такие-сякие! Средь бела дня грабят!» Я чуть не сдох под одеялом от смеху! К отцу доберусь, расскажу ему, вот похохочем!

Витька основательно готовился к побегу. На поездах ему ни разу не удавалось уехать дальше первой же большой станции. Теперь он решил идти до Одессы пешком. Сразу же после учебного года и отправиться. Про то, что можно путешествовать пешком по всей стране, он прочитал в газете. Один дедушка, оказывается, за полгода от Москвы до Дальнего Востока прошел!

— Вот бы с таким мировым дедом идти! Вот это был бы резонанс! — мечтал Витька и сговаривал Саньку.— Представляешь? Идем мы с тобой от села к селу потихонечку. Мимо машина — вжжиг! Бац — затормозила! «Куда, ребятки, путь держите?» — «В Новопокровку, к бабушке с дедушкой». А про

Новопокровку эту надо заранее узнать. «Садитесь, подбросим!» Говорят, деревенские люди добрые. Сели, поехали! И так далее, и тому подобное. А места кругом все новые! Природа меняется, сам знаешь: сперва леса, потом лесостепи, степи, и вот — субтропики! Пришли! Черное море перед глазами! Белые корабли! Я маленький был, а помню, как папка показывал мне белые корабли,— ох и красиво! Мой папка моряк! Устроит меня в мореходку, выучусь тоже на моряка, и будем мы с ним вместе плавать по морям-океанам! Гармонично! И тебя устроит, он такой!

Санька пока отмалчивался или бубнил в ответ: «Там видно будет!»

На всякий случай они старались больше ходить пешком. Особенно в те дни, когда Санькин отец был в поездках. И на всякий же случай Санька тоже стал копить деньги, прикарманивал по пятакам, экономил на завтраках. Признаться, ему не очень хотелось добираться пешком до самой Одессы. Но привлекала мореходка. Может, и правда Витькин отец устроит их. Вот бы стать капитаном дальнего плавания! Это вам не водитель трамвая или машинист какой-нибудь! Капитан дальнего плавания! А то — «пенек... пенек...».

— Вот слушай, а то, может, не веришь. Письмо мне от папки! — сказал однажды Витька и достал из портфеля тетрадный листок. «Здравствуй, сынок Витя,— прочитал он.— Как ты живешь? Я тебе долго не писал: ходил в загранку. Витя, приезжай ко мне, я тебя устрою в мореходное училище, где на капитанов учат. И поплывем мы с тобой по морям-океанам! Сынок, помни: только тот хороший человек, кто помогает детям, старикам, всем слабым, а также птицам и зверям...»

— Так и написал? — удивился Санька.

— А что? — насторожился Витька.— Так и написал!

— Один мой знакомый тоже такие слова говорил,— сказал Санька и посмотрел вдаль, где виднелось трамвайное кольцо.

— Хороший, значит, он человек,— сказал Витька, убирая в сумку письмо.— Как мой папка.

Санька промолчал. Давно он не видел Ваню. Стыдно потому что. Вдруг Ваня спросит про ту историю с замшей? Чтобы Ваня узнал, что он, Санька, на учете в милиции? Да ни за что на свете!

А вскоре после этого поехали они с Витькой в город на трамвае — присмотреть маленькую палаточку. Только устроились поудобнее у окна, как вдруг услышали:

— Товарищи пассажиры! Мы проезжаем совершенно юный район. Недавно здесь был пустырь, заросший бурьяном, а теперь...

Ваня! Санька, забыв про все на свете, вскочил и хотел было кинуться к кабине, но Витька крепко ухватил его за рукав и зашептал испуганно:

— Надо удирать, Санька! Поскорее!

— Почему?

— Потом расскажу! Пошли! С задней площадки выскочим! — А когда вышли, Витька рассказал: — Я тоже знаю этого Ваню, он меня в кабине катал, а я... Раз он вышел стрелку перевести, я не удержался и сгреб всю мелочь из его баночки. Хотел в карман — и удрать. А он увидел, поймал, ну и... Вот такой резонанс...

У Саньки даже губы побелели и сжались от злости и обиды: так вот, оказывается, какой у него друг! А может, и сумочку ту — как ее? — косметичку ту, с приключениями, тоже он? И Санька задохнулся от гнева:

— Где? — шагнул он к Витьке.— Где? Говори, гад! Ворище! Где та сумочка с приключениями?

— Какая сумочка? — испугался Витька.— Какие приключения?

— Сам знаешь какая! Где?

— Не брал я никакой сумочки,— отступил Витька.

— Где? Отдавай! — наступал Санька и вдруг ударил Витьку раз, другой. Они упали рядом с трамвайной линией и, катаясь по грязному мартовскому снегу, молотили друг друга кулаками, коленками. Их еле растащили, и они пошли в разные стороны.

Санька шел, ничего не видя впереди, не разбирая дороги. «Предатель! — никак не мог успокоиться.— Вор! В Одессу чуть с ним не пошел!» И вдруг остановился: нет у Витьки никакого отца в Одессе! И не писал отец ему никакого письма. Это он все сам придумал. А слова про стариков, детей, птиц да зверей — это он их от Вани услыхал. И так вдруг стало жалко Саньке друга. Он повернул к поселку и увидел, как медленно, будто нехотя, бредет впереди Витька. Бредет, ни на кого не смотрит, плечи опустились. До самого Витькиного дома шел Санька следом, и в груди его опять рос, рос из маленького комочка шар, раздувался внутри, давил в спину, мешал дышать, лез в горло. И в подъезд, не зная зачем, вошел следом за Витькой Санька. Поднялся по лестнице, а Витька сидит на ступеньке у своей двери, плачет. Санька молча сел рядом.

— Опять закрылись, питекантропы проклятые! — сказал Витька и робко посмотрел на друга.— Сань, ты теперь не пойдешь со мной в Одессу?

— Пойду,— грубо откликнулся Санька и почувствовал, что шар внутри стал уменьшаться, уменьшаться, оставаясь там маленьким живым комочком.— Куда тебя одного. Стащишь что-нибудь — так отделают! Больно я тебя, Витька?

— За Ваню-водителя убить меня мало... А никакую сумочку, Санька, клянусь, в глаза не видывал!..— И несмело обнял друга за плечи, вздохнул.— Скорее бы лето!

«Ладно,— подумал Санька.— Мы и без его отца в мореходку поступим! — И почувствовал он себя сейчас старшим братом.— Выучусь на капитана дальнего плавания, мамку к себе

возьму. Вернется когда-нибудь отец с «режима» своего, а нас — тю-тю...»

Остаток зимы и весну, до самого лета, Санька с Витькой договорились вести себя так, чтобы не получать никаких и ни от кого замечаний. И мать Саньки даже снова устроилась на работу, а отец начал составлять для него план на лето.

И вот этот-то план Санька увидел в первый свой день свободы:

Прочитать десять книг.
Решыть двадцать задачь.
Скласть все дрова в поленницу.
Каждый день поливать цветы и огурци...

«Огурци»,— ухмыльнулся Санька.— Ты будешь разъезжать, а я цветочки твои да «огурци» поливай! Как бы не так! Счас перекушу и — на трамвай! Весь день кататься будем! За Витькой забегу и...» Но не успел он вскипятить чай, как Витька сам прибежал к нему. На всякий случай кинул сперва в окошко прошлогоднюю сосновую шишку — вдруг Санькин отец еще не уехал?

— А ничего у вас тут! — входя во двор, воскликнул Витька и оглядел прочно сколоченный и увитый молодым хмелем забор, многоэтажную поленницу дров под навесом.— Гар-монич-нень-ко! Слушай, Саньк, такая новость! Елена-то Степановна на пенсию уходит! А вместо нее теперь инспектором над нами совсем пацанка, говорят, только что из института! В два счета вокруг пальца обвести можно, если что! Она нас с тобой зовет сегодня, мамке на работу звонила, познакомиться желает. Вот такой резонанс!

«Ну вот, покатались!» — нахмурился Санька, а вслух сказал:

— Мне некогда: огурцы поливать надо, дрова таскать...

— Повестки хочешь дождаться? Давай вместе польем да и пойдем. Нам ведь с тобой тише воды, ниже травы надо! Чтоб никаких подозрений! Мы ей, инспекторше новенькой, наговорим с три короба, а сами — к Черному морю, в Одессу, только нас и видели!

Пока поливали цветы, Витька все принюхивался, принюхивался.

— Чем это у вас пахнет так деликатно?

— Да смородина цветет — не видишь?

— Не-ет, еще чем-то, не знаю только чем...

— А-а, да это маттиола, наверно...

— Что-что?

— Да вот эти мелкие цветочки — маттиола. Правда, она по вечерам пахнет, отец говорит...

— Маттиола,— повторил Витька.— Красивое слово! Люблю красивые слова!

— Да уж,— усмехнулся Санька.— Как сказанешь, хоть

стой, хоть падай! А я не люблю. Никакие слова не люблю. Вот отец — ему бы только поговорить. Это он цветочки разводит...

Когда они подходили к зданию милиции, ноги Саньки будто заплетаться стали. Не замечая, он втянул голову в плечи, руки засунул поглубже в карманы, глаза его затосковали. Ох, как он не любил этот дом, это крыльцо, эту дверь, около которой всегда стояла машина, желтая, с синим поясом!

— Куда ты? — удивленно спросил он Витьку, свернувшего, не доходя до милиции.

— Ты не знаешь? Наш инспектор теперь в другом совсем доме. Во-он, видишь? Клуб «Смена» написано. Там теперь она сидит.

Санька вздохнул с облегчением: уж куда приятнее идти в клуб, а не в милицию. И никто не покосится на тебя подозрительно — мало ли у человека дел в клубе «Смена»?

Когда подошли, то рядом с названием «Клуб «Смена» увидели объявление. «Клубу «Смена»,— громко начал читать Витька,— требуются мужские голоса! Приглашаются все желающие от десяти до шестнадцати лет... Гар-мо-нич-нень-ко! — засмеялся он.— Мужские голоса! Может, попробуем?

— Я и петь-то не умею,— буркнул Санька.

Они потоптались в коридоре у двери с табличкой «Инспектор по делам несовершеннолетних», и наконец Витька тихонько приоткрыл дверь.

То, что они увидели в просторной, похожей на зал комнате, удивило их еще больше. К ним затылками стоял действительно хор — сплошь из мальчишек, довольно взрослых. А над ними на двух сдвинутых стульях стояла тоненькая с раскинутыми, будто для полета, худенькими руками девушка. И летели ее светлые волосы, летело легкое платье, летели куда-то далеко глаза.

— Вот тебе и Маттиола! — прошептал восхищенно Витька.

Девушка взмахнула руками, и Санька с Витькой услышали не песню, а глухой раскат грозы.

— «Гррром грррохочет!» — пророкотал хор.

— Уже лучше! — обрадовалась девушка и снова взметнула для полета руки.— Еще раз!

— «Грром грррохочет!» — словно повиновалась ей буря. Витька с Санькой переглянулись и попятились было, но повелительница грозы увидела их:

— Мальчики, проходите, проходите!

— Да мы не сюда... нам... нам к инспектору по делам...— начал Витька.

— Инспектор — это я,— сказала девушка.— Давайте знакомиться: меня зовут Татьяна Петровна. А вы — Саша и Витя, наверно. А кто — кто, потом разберемся. Проходите, вы нам нужны.

— Эй, салаги, не задерживайте движения!

— Мужские голоса явились...

— Витек, привет! — обрадовались хористы передышке.

Татьяна Петровна спорхнула со стульев и цепко всмотрелась в мальчишек, словно старалась навсегда запомнить их лица.

— Значит, так,— сказала она, и все и она тоже засмеялись.

— Смеемся мы не над вами,— объяснила она Витьке и Саньке.— Раз в десятый объясняю одно и то же. Как новенький появится, так я и говорю: «Значит, так: мы организовали отряд «Мужские голоса». Что это такое? Это хор, только не певцов, а чтецов. Мы решили с ребятами подготовить горьковскую программу... Ребята! — вдруг прервала она себя и с загоревшимися глазами обратилась ко всем, забыв, казалось, о Саньке с Витькой.— Меня осенило! Мы не только «Песню о Буревестнике», мы еще отрывок из сказки «О маленькой фее и молодом чабане» подготовим! Не читали?

— Читал, конечно,— откликнулся один из всех.

— Это Ленька Дробышев из нашей школы,— шепнул Витька Саньке не без гордости.

— А почему я вспомнила об этой сказке? — продолжала Татьяна Петровна.— Дело в том, что она написана лет на десять раньше «Песни о Буревестнике», но там тоже есть описание бури, только в степи. На десять лет раньше, а так же страстно, сильно написано! И ритм тот же! Вот послушайте! Меня это очень, помню, поразило:

«...Стрелы молний рвали тучи, но они опять сливались и неслись над степью мрачной, наводящей ужас стаей. И порой с ударом грома что-то круглое, как солнце, ослепляя синим светом, с неба падало на землю; и блестели грозно тучи и казались взгляду ратью страшных, черных привидений... Привиденья рокотали и гремели, угрожая замолчавшей в страхе степи, и волною беспрерывной и громадной, с море ростом, их проклятья и угрозы неустанно вдаль летели и звучали так, как горы вдруг бы, вдребезги разбившись, пали с грохотом на землю... Вот как тучи те звучали!..»

Санька с Витькой переглянулись: вот это да! Было так интересно и слушать Татьяну Петровну, и смотреть на нее.

— Вы как артистка! — сказал Ленька Дробышев, он выступал Буревестником.

— У этого Леньки два старших брата в тюрьме,— зашептал опять Витька Саньке.— Они машины угоняли, разбирали и продавали. А Ленька — ох, голова! На всех уроках подряд книжки читает, читает! А на учет его поставили за то, что мотоциклы угоняет. Накатается и бросит где-нибудь. Ничего не поделаешь — кровь...

— Вот чем мы занимаемся,— посмотрела на них все еще пылающими глазами Татьяна Петровна.— Ну-ка, скажи,— обратилась она к Саньке,— «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах...»

— Зачем? — вспыхнул Санька.

— Надо, значит! — сказал кто-то за спиной Саньки и дал ему легкий подзатыльник.

— Понимаешь,— объяснила Татьяна Петровна.— Мужских голосов нам уже хватает. Чтоб рев бури изобразить, гром, морскую стихию, в общем. А нужны еще голоса за чаек, за гагар, за пингвина. Попробуй: «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах...»

— Ну, «Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах»,— скороговоркой выпалил Санька, и все засмеялись.

— Немножко не так, а голос подходит,— сказала Татьяна Петровна.— Знаешь, Саша, ты представь такого человека, недалекого, но очень гордого собой, мол, я такой-то и такой-то! А вы... вы-то кто такие, чтоб тревожить... кого? Меня?..

И Санька сразу представил отца. Как он говорит: «Я в твоем возрасте дом строил, а ты!.. Я на Доске почета, а ты...» И он сказал, изображая отца: «Глупый пингвин ро-обко прячет тело жирное в утесах...» Только сказал так, и все даже захлопали ему, будто артисту.

— Молодец! Так и говори всякий раз! — обрадовалась Татьяна Петровна.— Вставай вот здесь, в первый ряд, но чуть-чуть за Буревестником.

И Санька встал в хор «Мужские голоса».

Татьяна Петровна выявила способности Витьки, и он тоже встал рядом с Санькой, чтобы стонать за гагар и за чаек.

Потом Татьяна Петровна снова вспорхнула на стулья и, оглядев свой хор «Мужские голоса», приподняла руки-крылышки.

— Татьяна Петровна,— спросил вдруг Ленька-Буревестник.— А вдруг они не смогут с нами поехать? Мы их натренируем, а папы с мамами не отпустят деток!

«Поехать? — переглянулись Санька с Витькой.— Мы и так едем, вернее, идем на днях, и сами знаем куда...»

— Отпустят! Я сумею убедить их родителей,— сказала Татьяна Петровна и взмахнула руками.

— «Над седой равниной моря ветер тучи собирает»,— далеко где-то проворчала «гроза». И Санька вдруг увидел хмурое небо. Залетали по нему тревожно птицы, зашумели сосны, раскачивая вершинами, заскрипели пугающе. Он стоял, смотрел на руки Татьяны Петровны, ловил каждое мощное слово хора.

— «Чайки стонут перед бурей, стонут, мечутся над морем и на дно его готовы спрятать ужас свой пред бурей!» — и правда будто простонал Витька. И вот рука обратилась к нему, к Саньке,— он сейчас должен вступить в общий хор. Да так, чтоб не испортить песни, не сфальшивить.

— «...Глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах...» — не узнал Санька своего голоса, а уже другой, вольный и властный, захлестнул его:

— «...только гордый Буревестник реет смело и свободно над седым от пены морем!..»

Они репетировали долго. И всякий раз Санька с нетерпением ждал обращенного к нему взмаха руки, и всякий раз

не узнавал от волнения своего голоса. И себя не узнавал. Неужели это он, Санька, вечный троечник, «пенек с глазами», стоит в первом ряду среди почти взрослых парней, и голос его нужен, как нужен здесь голос каждого из них? Он покосился на Витьку и тоже не узнал друга. Был тот непривычно строг и серьезен. И глаза, обычно, несмотря ни на что, озорные да веселущие, тоже были сейчас не его, не Витькины глаза. Такие глаза, помнит Санька, были у Вани, водителя трамвая, устремленные вперед, в даль дороги.

А «буря» набирала мощи: грохотал гром, рвали небо молнии, и стучало, работало радостно сердце Саньки. «Пусть сильнее грянет буря!» — кричало оно.

— Вот это резонанс! — сказал Витька, когда они пошли наконец домой.— Интересно, правда?

— Интересно.

Потом долго молчали, будто оглушенные всем случившимся.

— Завтра придешь? — спросил Витька, когда пришло время прощаться.

— Дак а как же они без нас-то? — отозвался Санька. И ни тот, ни другой не решились заговорить о своем побеге в город Одессу, на берег Черного моря.

Репетировали «Программу романтических произведений Горького» (так всегда говорила Татьяна Петровна) еще целых две недели. Но главное-то дело было впереди. Отряд «Мужские голоса» готовился к поездке в далекий Тулымский район. Там с таким же отрядом из другого города они должны помочь колхозу за лето построить детские ясли. Как настоящие взрослые строители. А пока, как говорила Татьяна Петровна, утрясались разные организационные вопросы, они готовили свою горьковскую программу. Не сидеть же им в том далеком районе по вечерам без дела. Днем будут строить, а после работы разъезжать по деревням и полевым станам со своей программой из романтических произведений Горького.

— А потом-то, как построим, сами-то успеем отдохнуть? — спросил однажды кто-то из хористов.

— Хорошо поработаем, так и отдохнуть успеем,— сказала Татьяна Петровна.— А как бы вы хотели отдыхать — вместе или каждый сам по себе?

— Конечно, вместе! — ответило сразу несколько голосов.

— Можно съездить куда-нибудь, мы ведь, наверно, заработаем на дорогу-то!

— Вот бы здорово! На Кавказ!

— К морю! А то про море грохочем, а я ни разу моря и не видел!

— В Сочи!

— В Прибалтику!

И вдруг, сам того не ожидая, заговорил Санька:

— А как вы смотрите, ребята, на такое предложение: не купить ли нам по велику да вещмешку? Сядем мы все на велики да и покатим по нашим озерам. На одном поживем дня два-три, на другом...

— Здорово!

— Молоток ты, Санька, хоть и салага!

— Ну? Решили? По нашим озерам? — спросила озорно Татьяна Петровна.

Разговор об Одессе все же у мальчишек состоялся.

— Знаешь что, Санька,— первым начал однажды Витька,— уж этим летом поедем с ребятами строить... А к отцу в Одессу на тот год, ладно? От него что-то опять и писем нет. Наверно, в кругосветку отправился...

«Да нет у тебя никакого отца в Одессе»,— хотел сказать Санька, но пожалел друга: пускай говорит.

— Дак а раз мы в хор вступили, как они без нас-то? — ответил он.

— А деньги, Сань,— заволновался Витька,— деньги, ну, которые мы на дорогу накопили, давай отдадим в общий котел? Вдруг у кого-то на велик не хватит, а? А на тот год опять накопим.

— Ладно,— согласился Санька.— В общий так в общий.

Весь вечер они поливали у Саньки в огороде цветы, кусты смородины, огурцы. Потом складывали дрова в поленницу. Санькина мать носила их помногу. Витька смотрел на нее, удивлялся: какое огромное беремя у нее в руках, как воз!

— А вы женщина сильная, красивая! — сказал он. И Санькина мать вдруг как расхохоталась. Никогда Санька не видел ее такой веселой. «Ох, не могу,— смеясь приговаривала она,— «...сильная, красивая!» Ох, чудак парнишка!

— Мам, ты, правда, поднимала бы поменьше, тяжело ведь,— сказал Санька. И она притихла враз от его неожиданной заботы, посмотрела на сына добрыми влажными глазами, дрогнули ее губы.

— Отец приедет, а дрова прибраны, цветы распустились, а огурцы уже цвет набирают,— сказала она.— Сынок, а вдруг он тебя не отпустит с отрядом?

— Отпустит! Куда он денется! Татьяна-то Петровна уж сумеет его уговорить! — откликнулся Санька. И не было в его голосе прежней настороженности и неприязни к отцу.

18 Заказ 540

НИКОЛАЙ НОВЫЙ

ЭТО НАШИ ДЕТИ

Записки дежурного милиции

Скамья подсудимых... Дети... Как не хочется соединять эти понятия. Но зачастую в жизни они соединены.

1

...Сообщение было немногословным: на улице Челюскинцев, неподалеку от Макаровского моста, двое неизвестных выхватили у гражданки Коптевой сумочку, после чего убежали по льду пруда.

— Одеты в темные пальто и шапки, возраст примерно лет двадцать — двадцать пять. Ведь такие молодые! — только и успела заметить пострадавшая.

Собака след не взяла. Полночь. Ясная, холодная пора крещенских морозов. Я, лейтенант Крохалев и сержант Краев решили искать преступников в домах на берегу пруда. «Холод же. Далеко от дома не пойдут»,— рассудили мы. Я подошел к полузаброшенному бараку, два крайних окна которого были освещены. Осторожно заглянув, увидел мужчину и женщину. Они ужинали. «Наверное, пришли со второй смены»,— подумал я. Постучал, зашел. Семья Шелковниковых действительно вернулась с вечерней смены. Из разговора понял, что жители старого барака получили квартиры и покинули ветхое жилище, а Шелковниковы все не переезжали.

— От шестой квартиры отказываемся,— тяжело вздохнув, сказала женщина. Жесткий взгляд мужа заставил ее замолчать, а он, скрипнув табуретом, сказал, вколачивая каждое слово, как гвозди:

— Переедем! Дадут такую квартиру, какую захочу!

Я объяснил причину позднего появления, обрисовал приметы преступников. Муж многозначительно посмотрел на жену и отрицательно покачал головой:

— Не видел, не знаю...

Проводить меня вышла жена Шелковникова. В дверях

она шепнула, что в доме живет парень, у которого постоянно пьянствуют.

— Они способны на это...— договорила она.

Я обошел барак и осторожно заглянул во второе освещенное окно. На кровати, забросанной тряпьем, сидели два молодых парня в пальто и черных шапках. Судя по всему, они крепко выпили и собирались куда-то идти. Еще раз обойдя дом, нашел дверь. Она была заперта изнутри. «Что делать? Если постучать, преступники уйдут через окно, подойти к окну — они уйдут через дверь». Ничего не решив, вышел на улицу, к углу дома. Отсюда просматривались и окно и дверь. Шагах в пятидесяти из темноты кто-то посигналил фонариком. Я обрадованно махнул рукой. Ко мне тотчас подбежал Краев, двадцатилетний, крепко сложенный парень, недавно отслуживший во флоте. Никого не обнаружив в соседних домах, он пришел мне на помощь. В том, что это те парни, которых мы ищем, я был почти уверен. Решительно постучал. Послышался шум, возня, крики. Выбежав на улицу, увидел, что по льду пруда бегут двое. Сомнений нет: это Краев преследует одного. Свет в комнате уже не горит. С разбегу толкнул плечом дверь и ввалился в помещение. Сразу услышал звон — второй обитатель прыгнул на подоконник, разбив при этом стекло. Схватив его за ноги, стянул на пол, заломил руки и быстро обыскал. В кармане пальто — нож, больше ничего нет. Моя стремительность, видимо, совершенно обескуражила парня. Он что-то нечленораздельно промычал и покорно пошел к машине. Скоро Краев привел туда и первого.

Вместе с Валентином Крохалевым вернулись в дом, чтобы тщательно осмотреть комнату. Включили свет. Валентин стал обшаривать все углы, а я внимательно перебирать тряпье на кровати. И вот чудо! Из тряпья на меня смотрели испуганные, черные, как у мышонка, детские глаза. Еще один жилец?

— Ты кто такой? — спросил я как можно доброжелательнее.

Мальчишка сел на кровати. Одет неважно, но опрятно. Пальто и брюки заштопаны чьей-то заботливой рукой. Просто невероятно: в такой грязи, в нетопленой, холодной комнате с разбитыми стеклами — и вдруг такой парнишка. Разговорились. Витя, так его звали, рассказал, что ему девять лет, учится в третьем классе, а один из обитателей комнаты — его брат Владимир Цыганков.

— Где же твои родители?

Витя опустил голову:

— Маму посадили... Она в магазине продавцом работала... А папа здесь, в Свердловске. Только он тут не живет. Володя его бьет и деньги отбирает. Он и ночует у тети Зои, а то на работе или еще где-нибудь.

— Сам-то как живешь, Витя? — спросил я, чувствуя, как к горлу подступил ком.

Лицо мальчика просветлело.

— Я-то живу у Сережи, он в нашем классе учится. Его мама меня жалеет. Школьную форму купила. Мы вместе с Сережей занимаемся и в школу ходим. Только Володя не разрешает с ним водиться, бьет, а сегодня учебники и тетрадки порвал: хватит, говорит, учиться.

И, горестно вздохнув, мальчуган вытащил из-за спинки кровати портфель с изорванными тетрадками и книжками. Взгляд его не по-детски серьезных глаз выражал боль и недоумение.

Подошел Валентин. Он обыскал весь дом, но обнаружил лишь две почтовые квитанции, судя по адресу, принадлежащие потерпевшей. Сумки нигде не было.

— Витя! — попросил я мальчика.— Ты нам должен помочь. Скажи, брат ничего не приносил с собой сегодня вечером?

Глаза мальчугана наполнились слезами.

— Я знаю, что вы ищете,— прошептал он.— Сумку они во дворе в уборную бросили.

Когда сумка была найдена, я повез Витю к его другу Сереже.

Дверь квартиры открыла женщина лет сорока, с мягкими, нежными линиями лица и серыми глазами. Увидев Витю, она обняла его.

— Где же ты был? Мы тебя совсем потеряли!

И, бросив настороженный взгляд в мою сторону, спросила:

— Уж не натворил ли ты чего?

Я как мог успокоил Сережину маму, а Витя повторил свой грустный рассказ.

— Да что же мы стоим в коридоре?! — спохватилась женщина.— Проходите.

Вскоре я уже пил крепкий чай в просторной кухне семьи Журавлевых. Витя, умытый и накормленный, ушел спать. А Нина Ивановна, словно извиняясь, сказала:

— Мальчик очень хороший. Добрый, ласковый. Они давно с Сережей дружат. Жалко ведь: пропадет совсем. Родителей его судьба не интересует.

Помолчала...

— В школе-то знают, что он у меня живет. И Сереже с ним лучше. Они как братья. Да и нам он как родной. Мы вот во время войны у тетки четверо воспитывались. В голоде, в холоде... А все выросли, людьми стали. Евдокия Ивановна, тетя моя, для каждого находила и кусок хлеба, и ласковое слово. А при нынешней-то жизни что не жить? Нет! Витю я не отдам. Вырастет, выберет дорогу, сам решит, как ему жить.

На минуту задумалась и, улыбнувшись чему-то своему, тихо сказала:

— Он ведь меня мамой называет. Так что я теперь богаче стала. Как-никак мать двоих сыновей.

Не без добрых людей свет.

2

Однажды я чуть не усомнился в своей профессиональной пригодности. Случай этот стал уроком на всю жизнь. С благодарностью вспоминаю человека, который открыл мне главную тайну милицейской профессии. Спустя два года он погиб в схватке с вооруженным бандитом. Этим человеком был шофер-милиционер Рим Мингачевич Хабиев. Невысокого роста, широкоплечий, черноволосый, с удивительно нежным, чистым, каким-то застенчивым взглядом черных глаз, он невольно вызывал чувство симпатии.

Как-то вечером выехали на квартиру, где пьяные супруги устроили дебош. Действовал я, как мне казалось, быстро и решительно: взял заявление, предложил соседям прийти в отделение милиции для дачи объяснений, а разбушевавшихся мужа и жену посадил в машину, считая свою задачу выполненной до конца. Но Рим нерешительно топтался у подъезда дома. «Чего он медлит? Адресов столько, что до утра хватит ездить!» — подумалось мне.

Рим подошел и, виновато глядя в сторону, тихо спросил: «Коля, а как же ребятишки?» Я вначале не понял вопроса, но, когда дошло, горячая волна стыда захлестнула меня. Я сразу вспомнил двух мальчишек, испуганно глядевших на нас из кухни. Как же я, дежурный инспектор, офицер, человек, поставленный для наведения порядка и справедливости, мог забыть о детях!

Да, такому в институтах не учат. Это особая наука, наука человечности. И тот, кто не постигнет этой науки, не вправе работать в милиции. Но об этом я подумал позже. А пока я стоял перед Римом, сконфуженный его замечанием, заливаясь краской стыда. Спросил наконец:

— А что же с ними делать?

Рим помолчал, а потом так же тихо сказал:

— Я попрошу соседей за ними присмотреть, а завтра сообщим инспекторам детской комнаты.

— Правильно! — обрадовался я, и будто камень свалился с сердца.

В Риме поражала какая-то удивительная скромность.

В то время он еще жил с родителями. Но когда женился младший брат, Рим ушел в общежитие, чтобы не стеснять молодую семью.

В органы милиции Рим Хабиев пришел с Верх-Исетского металлургического завода по комсомольской путевке. Отличный столяр и слесарь, водитель-профессионал, он стал постовым милиционером. А потом был день, когда разбушевавшийся хулиган учинил погром в доме. Когда прибыл наряд милиции, преступник, закрывшись в квартире, грозил убить всякого, кто посмеет к нему войти. Старший сержант Хабиев первым шагнул в квартиру. Преступник отчаянно сопротивлялся. Рим выбил из его рук топор. Но тот бросился с ножом.

Один из ударов оказался смертельным. И все-таки Рим вместе с подбежавшим товарищем успел скрутить бандита и только после этого упал.

Он очень любил детей. И они тянулись к нему, видя в нем доброго, искреннего человека, который поймет, объяснит и поможет. В большой толпе провожавших в последний путь героя-комсомольца от Дома культуры железнодорожников островками виднелись детские головки.

3

У Николая Клевакина украли ружье, старую одностволку. Лежало оно на полатях уже много лет. Четырнадцатилетний сын Володя клялся, что ружья не брал. Кто же?

Подозрение пало на Мишу Семенова и Сашу Вершинина, товарищей сына. Клевакин запрещал Володе водиться с дружками, о которых в Реже ходила дурная слава: занятия они пропускали, грубили учителям, повсюду ходили в сопровождении своры собак, которые, казалось, сбегались к ним со всего города.

— Кому, как не им? — подытожил Клевакин.

Осмотрели дом, опросили соседей и поняли, что подозрения Клевакина не лишены оснований.

В квартиру Саши едва достучались. Вершинин-старший, в грязной майке и мятых брюках, по всему судя, мучался с похмелья. Он отворачивал лицо, икал, но объяснил, что его «спиногрыз» уже неделю не ночует дома...

В доме второго подростка — Михаила — услышали нестройный хор. Хмельные голоса со старанием выводили историю о замерзающем в степи ямщике. Валентина Николаевна, мать Миши, пыталась втолковать нам, что не может объяснить, куда делся сын.

Инспектор детской комнаты милиции, молодая, смуглая женщина, тяжело вздохнув, сказала:

— Попробуйте поискать в лесу, у дороги... Много раз их там находила.

Долго бродили по осеннему лесу. Скоро с Валентином Ряковым, помощником, даже из виду потеряли друг друга.

Вдруг неподалеку раздался громкий лай, вскрик. Побежал на крик и увидел помощника, окруженного сворой собак. Валентин был в растерянности. Соображая, чем бы ему помочь, я заметил в тени небольшую избушку. Он тоже увидел строение и решительно пошел вперед. Двинулся и я. Окруженные лающей стаей, мы и вошли в странную обитель. Внутри она напоминала блиндаж. Все сделано прочно и добротно. Справа от дверей печь и стол, слева — деревянные нары. На нарах рядышком, как воробышки, сидели черноволосый худощавый Саша и белобрысый, вихрастый, голубоглазый, весь в веснушках Михаил. Оба удивленно смотрели на гостей. Не ждали...

— Привет хозяевам! — поздоровался Ряков и, уверенно пройдя к столу, сел на лавку.

Разговор вначале не клеился, но постепенно, видя наше дружелюбие, хозяева достали закопченный котелок с кипятком и чугунок с картошкой. Разговор перешел на школьные и домашние дела, и я решил спросить их о ружье. Ребята не запирались. Да, ружье взяли они. Нет, красть они не собирались. Вернули бы со временем сами...

— Думали, что дядя Коля уже и забыл, что оно у него есть. Страшно одним в лесу. Да и браконьеров развелось — тьма! — серьезно сказал Миша.

Это выражение так не вязалось с его веснушками и оттопыренными ушами, что Ряков, не удержавшись, громко, с удовольствием захохотал.

Миша принес ружье. Мальчишки постарались на славу. Ствол блестел, как зеркало. Но, несмотря на расположение к ребятам, я вынужден был сказать:

— Собирайтесь, хлопцы. Нужно ехать.

— Товарищ лейтенант! — попросил Саша.— Только не водите нас домой, а то... отец опять драться будет.

Я заехал к Клевакину, возвратил ружье и попросил пока никому ничего не говорить.

В отделе Ряков накормил ребят домашними блинами.

— Ешьте, ешьте,— ласково рокотал он,— жена сегодня стряпалась. Пойду домой ужинать, еще принесу.

У Рякова своих трое, и он непоказно заботлив: подолгу беседует, расспрашивает о жизни, любовно журит. Ребята его любят.

Посоветовавшись, решили оставить мальчишек ночевать, чтобы назавтра подумать, что делать дальше.

Утром попросил Рякова разбудить ребятишек. Валентин вернулся недоуменный:

— Ума не приложу, куда могли деться сорванцы.

Осмотрели все уголки в отделе. Ребят как корова языком слизнула. Через входную дверь они выйти не могли — неизбежно прошли бы мимо нас. Окна выходят во двор, огороженный почти двухметровым забором, да и расположена комната на втором этаже, над КПЗ, где во дворе бегают по проволоке три злющих пса. Наверное, от постоянного сидения на цепи и оттого, что они почти не видят людей, злость этих псов не поддается описанию. Даже проводник служебно-розыскной собаки кормил их, проталкивая чашку с пищей в отверстие ворот палкой. Осмотрели из окна двор. Собаки с остервенелым лаем носились по двору, никаких следов как будто не было. Куда же делись ребята?

Послав Рякова на розыски, я с тяжелым сердцем пошел на оперативку, а когда вернулся, Ряков ждал меня с обоими беглецами.

— Вот... задержал на вокзале. Боялись, что опять отведем к родителям, и собрались уехать из города.

— А как же вы сумели убежать? — недоумевающе спросил я.

— Да очень просто, дядя. Повисли на вытянутых руках, а потом спрыгнули во двор. Тут же невысоко,— охотно ответил Миша.

— А собаки?!

— А они не кусаются,— серьезно ответил Саша. И, улыбнувшись, добавил:

— Мы их блинами покормили.

— Ну и сорванцы! — восторженно захохотал Ряков.

Много хлопот, помню, приложили, чтобы наладить жизнь ребят. Но, пожалуй, главным в их судьбе стала дружба с сержантом Ряковым. Дети знают, кто их любит!..

4

Кольку Тупикина все считали конченым человеком.

День тринадцатилетия он отбывал в детской комнате милиции и тоскливо смотрел в угол.

Напротив Кольки за ворохом бумаг сидела инспектор детской комнаты милиции Зоя Васильевна Петрова.

— Что будем делать, товарищ именинник? — спросила Зоя Васильевна.— Если не ошибаюсь, это у тебя уже шестая кража. Придется направлять тебя в спецшколу.

Колька вздохнул. Он подумал, что в спецшколе ему, наверное, не понравится... Но и дома было не лучше. И перед Колькиными глазами встала горькая картина: закопченные комнаты, спертый воздух, затоптанный пол, собирающая бутылки мать.

Он с трудом припомнил первую кражу. Это случилось в четвертом классе. Ну, украл у Вовки Жигарева завтрак. Вовка, упитанный, чистюля, пропажи даже не заметил: родители, видать, давали ему еще и деньги на школьные обеды. Колькина мама не только не давала денег, но и накормить утром забывала. Да что там накормить! Бывало, Колька собирался в школу, а мать, не в силах поднять голову, отяжелевшую после вчерашней попойки, просила сына слабым голосом дать ей напиться, а так как дома воды почти никогда не было, то Колька, накинув на плечи изодранное пальтишко и жалея мать, бежал на соседнюю улицу за водой.

Потом были кражи из школьного буфета, из раздевалки, из киоска «Союзпечать». В конце концов Кольку поймали. О его кражах узнала вся школа, и к нему прочно прилипла обидная кличка — Вор.

Ребята стали сторониться Кольки. Он поначалу дрался, а вскоре вообще перестал ходить в школу. Мать, конечно, жестоко выпорола Кольку, однако эта мера тоже ни к чему не привела. На следующий год его перевели в другую школу, но и здесь он продолжал воровать.

Месяца два назад я вытащил Кольку за ноги из-под кровати матери. Накануне он залез в пельменную и стащил оттуда конфеты, папиросы, консервы, мелочь и еще кое-какие продукты. Мать кричала на меня, пыталась вырвать Кольку, грозила пожаловаться.

В этот день Колька до вечера просидел в детской комнате. А вечером, когда он (в который уже раз!) пообещал, что больше красть не будет, его отпустили. Потом Колька долго сидел в сквере напротив отдела. Когда же стемнело, снял с пожарного щита лом, сорвал со стоявшего в глубине двора гаража два амбарных замка, вывел мопед «Рига-4», прыгнул в седло и помчался, оглашая сонные улицы пронзительным треском. Дома он поставил мопед в сарай и лег спать.

На следующее утро я опять грузил мопед и Кольку в автомашину и вез в райотдел. Снова была беседа, увещевания. Но Колька отлично знал: пока ему не исполнится четырнадцать лет, его не посадят.

...Время тянулось долго. Колька мучительно ждал конца беседы, когда можно будет пойти на реку, где у него есть облюбованный уголок и где он мог часами валяться в густой зеленой траве и спокойно размышлять о своем непутевом житье-бытье.

— Ты залез в квартиру уважаемого человека,— откуда-то издалека донесся до Кольки голос инспектора.— Он выращивает сады для людей. Это старый человек. Он украшает нашу жизнь и щедро делится этой красотой с каждым, а ты разрушил плоды его долголетних трудов.

В эту минуту в дверь постучали:

— Да, войдите! — сказала Зоя Васильевна.

— Разрешите? — Дверь комнаты открылась, и на пороге появился пожилой мужчина невысокого роста с седыми усами и пышными белыми как снег волосами. В руках он держал серую кепку-шестиклинку.

— Входите, входите, Николай Герасимович! — приветливо ответила Зоя Васильевна. И добавила, показывая на Кольку:

— А вот и ваш ночной гость.

Николай Герасимович внимательно и, как показалось Кольке, доброжелательно посмотрел в его сторону. Помолчал. А потом вдруг, усмехнувшись, негромко произнес:

— Так, может быть, вы, Зоя Васильевна, отдадите мне этого «героя» на расправу?

Зоя Васильевна строго взглянула на Кольку и так же строго сказала:

— Ну если вы об этом просите...— И добавила, обращаясь к Кольке: — Потом вернешься ко мне.

Колька дошел с Николаем Герасимовичем до знакомого ему дома, окруженного тенистым садом. Вошел в ту калитку и невольно бросил взгляд на крайнее левое окно. Именно туда забрался он через форточку и, зацепившись брюками

за шпингалет, уронил с подоконника два горшка с какими-то растениями. Из квартиры он утащил только карманные часы; часы у Кольки в милиции забрали. Сейчас он больше всего недоумевал: зачем ведет его к себе домой этот странный старик и почему он, Колька, до сих пор не убежал от него?

Они вошли в просторную комнату, где накануне он побывал с ночным визитом. Увидев комнату при дневном свете, Колька остановился в растерянности. На окнах, на столе, на комоде, на стенах и на полу стояли и висели вазы, горшки и горшочки с цветами и различными незнакомыми Кольке растениями. Из всего этого буйного растительного мира Колька узнал только алоэ, кактусы и герань. Остальные ему были неизвестны. На комоде на прежнем месте лежали большие карманные часы. При виде этих часов у Кольки пожаром запылали уши, что случалось с ним крайне редко. А Николай Герасимович, словно не заметив Колькиного замешательства, заговорил. Колька сперва равнодушно слушал глухой голос старика, но постепенно сказочный рассказ о дальних странах, диковинных растениях и удивительных людях увлек мальчишку, и он завороженно смотрел на зеленые фикусы, вечнозеленые бегонии, красноцветный бальзамин и удивительные двухэтажные лимонно-мандариновые деревья.

— А вот это семейство зеленых уродцев — кактусы,— продолжал Николай Герасимович.— Маяковский так писал об этих замечательных растениях.— И старик, откашлявшись, торжественно произнес:

Аж сам не веришь факту:
Из всей бузы и вара
Встает растенье — кактус
Трубой от самовара.

Сочно сказано. А вот два из них, филлокактус и опунцию, ты, Коля, сегодня ночью сломал.

При этих словах Колька вздрогнул и опять покраснел, но Николай Герасимович спокойно продолжал рассказ.

Потом Колька каждый вечер пил густой ароматный чай с вишневым, малиновым и смородиновым вареньем, сваренным «дедой Колей», так позднее стал называть его Колька, и рассказывал со всей откровенностью историю своей непутевой жизни. Описал и последнюю историю с часами.

— Ну вот что,— сказал однажды хозяин.— Стар я становлюсь. Ни детей, ни внуков у меня нет. А есть мечта: посадить в городе кедровые аллеи. Как тебе, а? Да ты не спеши с ответом, не спеши. Подумай, брат, крепко подумай. А надумаешь, приходи. Если меня дома не будет, ключ висит за ставнем у крыльца.

И опять, после этих слов старика, словно горячая волна обожгла Кольку. Ключ от дома! Ему? Странные мысли одолевали парнишку. И хотя Николай Герасимович не сказал

ему ни слова о краже, о его жизни и поведении, Колька знал твердо: с воровством покончено навсегда.

...Несколько лет назад Николай Герасимович умер, так и не осуществив своей мечты. Николай Тупикин учится в сельскохозяйственном институте. В комнате, где он живет, много цветов, но два из них: филлокактус и опунция — самые дорогие. Над ними, на стене, в простенькой деревянной рамке портрет человека, мечтавшего вырастить в родном городе кедровые аллеи.

5

Вспоминается двенадцатилетний Васька с Чердынской улицы. Никому не давал этот Васька прохода. Безобразничал в школе. Обворовывал подвалы и сараи во всем околотке. Жестоко избивал сверстников. В кинотеатре «Комсомолец» мне пришлось однажды вмешаться и остановить прямо-таки зверское избиение маленького, щуплого паренька в очках. За шиворот оттащил от несчастного мальчугана обидчика. Это опять был он, Васька. Откуда такая злость, агрессивность у двенадцатилетнего парнишки? Но когда пригляделся к житью-бытью Васьки, понял — откуда.

Он вырос в неблагополучной семье: ежедневные драки, скандалы, взаимные оскорбления, жестокие побои. Вряд ли мальчишка когда-нибудь ел досыта. Потом я выяснил, что он даже не знал, когда у него день рождения! Обозленный на весь белый свет, постоянно унижаемый в семье, он не встречал доброты и со стороны окружающих его людей. Как же тут не ощетиниться! Как тут не привыкнуть к злу! Во дворе и взрослые, и дети смотрели на него кто с боязнью, кто с ненавистью, кто настороженно и недоверчиво. В школе он был объектом постоянных нареканий, упреков, обвинений во всех грехах, словом, обузой коллектива, лишним человеком в классе.

Решался вопрос о направлении Васьки в специальную школу-интернат для «трудных». Казалось, все педагогические методы исчерпаны и тип этот неперевоспитуемый. Тогда и произошло событие, перевернувшее всю Васькину жизнь.

Таисья Матвеевна, одинокая добрая женщина, жившая в соседнем доме, как-то прознала о дне рождения мальчишки. Зазвала к себе, состряпала домашний пирог. Угостила. Подарила Ваське котенка. Маленького, рыжего, пушистого, беззащитного и доверчивого. С тех пор парнишку словно подменили. Вроде жил в той же семье, учился в той же школе, так же вокруг на него косились. Только как-то мягче стал Васька, добрее. Реже стал срываться. После школы чаще всего время проводил у Таисьи Матвеевны. Котенок-то у нее жил. Дома разве можно держать такое маленькое, беззащитное существо!

И хотя по-прежнему стоял на учете в детской комнате милиции, даже тут отметили, что изменился парнишка к лучшему.

Вскоре уехал я с Чердынской и долго ничего не слышал о Ваське. А недавно встретил начальника инспекции по делам несовершеннолетних Зою Васильевну Новикову, вспомнил о своем знакомом, поинтересовался его судьбой.

— Учится в ГПТУ,— ответила Зоя Васильевна,— ушел от родителей в общежитие. Не скажу, что паинька, но здорово изменился, совсем другим стал. В чем причина? Мальчишка впервые увидел: не все в мире зло. Доброта, она лечит.

6

Случается, что и во внешне, казалось бы, благополучных семьях вырастают социально опасные характеры и происходят трагедии. «Баловать ребенка все равно что бросить его». В справедливости этой японской пословицы я не раз убеждался на практике.

Однажды в дежурную часть Верх-Исетского ОВД обратился весьма солидный мужчина, занимавший, как я узнал позднее, довольно высокий пост в одном из свердловских трестов. Он сообщил, что его тринадцатилетнего сына среди бела дня жестоко избили неизвестные хулиганы в сквере у Дворца молодежи за то, что он отказался с ними пить вино. После избиения его насильно напоили и оставили одного, беспомощного, в сквере.

Было над чем призадуматься! Однако я все же усомнился в справедливости слов заявителя. Дело вот в чем: мальчика, по словам отца, подобрала бригада «скорой помощи» и доставила в детскую больницу № 11 Верх-Исетского района. Но в этот день в дежурную часть сообщений о нанесении телесных повреждений (тем более ребенку!) не поступало. Я, как мог осторожно, высказал свои сомнения отцу.

Лучше бы я этого не делал! Что тут началось... Отец обвинил меня в черствости, эгоизме и бездушии. Заявил, что о случившемся ему рассказал сын, который никогда родителей не обманывал. Возмущенный папа кричал, что дома у них всегда стоит вино и что сын не позволял себе ни разу к нему прикоснуться и т. д. и т. п. К вечеру я отыскал друзей Вити — сына заявителя. Ребята рассказали, что в тот день Витя принес из дома пять рублей и предложил купить вина. Они купили три бутылки «Вермута» и выпили их в сквере у Дворца молодежи, после чего Витя, который выпил больше всех, опьянел и тут же, на траве, уснул, а они ушли домой. Рассказали мне мальчишки и о том, что пили вино по инициативе Вити уже не раз. Случалось, и у него дома.

Я поехал в больницу. Витя, высокий, стройный, черноволосый и черноглазый паренек, приятно удивил меня широким

кругозором, знаниями в области науки, техники и литературы, независимостью и категоричностью суждений. Однако особенно мне бросилось в глаза его пренебрежительное отношение к родителям, нотки иждивенчества и эгоизма, присущие крайне избалованным детям. Он рассказал мне, что частенько приглашал домой друзей и они понемногу выпивали из многочисленных бутылок с вином, про которые упоминал Витин отец. Мальчик никогда не знал отказа в деньгах. Получал любую понравившуюся ему вещь. А родителям Вити не хватало искренности и откровенности в общении между собой, с окружающими людьми, в контактах с сыном.

С поражающе откровенным цинизмом мальчишка заявил, что у папы на всякие случаи жизни есть в запасе не менее десяти дежурных фраз: для мамы, для сына, для сослуживцев, для родственников и т. д.

— Вся жизнь — сплошное вранье,— подытожил он.

Переубедить его было просто невозможно...

Позже я несколько раз встречал Витю в детской комнате милиции. Его поставили на учет, но он продолжал катиться по наклонной плоскости. Дело закончилось тем, что за участие в групповом хулиганстве Виктор был осужден и отправлен в колонию для несовершеннолетних.

Спустя шесть лет я снова встретился с Виктором. Он рассказал, что женился, работает на заводе, в семье растет дочь.

— Что говорить о прошлом! — Виктор махнул рукой.— Если бы не отец с матерью...

7

А бывает порой, что и парень неплохой, а вот подобрались друзья-приятели... Контроля никакого, никто слова не скажет. Тут иной раз просто встряска нужна, и все станет на свое место. С такой ситуацией пришлось мне однажды столкнуться. А началось все на Ивановском кладбище. Как-то летним вечером сообщили, что группа молодых ребят хулиганит, избивает прохожих. Дежурный наряд выехал на место происшествия. Машину оставили на центральной аллее. Сами разбились на две группы. Решили как следует прочесать кладбище. Пробираемся через частокол высоких кладбищенских оград, кустарник, высоченную траву. Ага! Вот какая-то теплая компания! Пьяные, длинноволосые юнцы бренчат на гитаре, тянут нудную мелодию. Увидев нас, парни разбегаются. Бегу вначале за тремя, потом двумя. Наконец одного из беглецов нагоняю. Веду к центральной аллее, сажу в машину. Здесь уже несколько его дружков. Какой у них, однако, отталкивающий вид! Пьяные, грязные, речь пересыпана нецензурщиной. А ведь молодые ребята! Старший едва ли переступил порог совершеннолетия. Везем их в отдел. Долго разбираемся. Чем занимаются обычно, каждый день? Бродят по

городу, сидят у подъездов, бренчат на гитаре, иногда выпивают. Когда приходят домой? Всяко бывает. Как реагируют на это родители? Никак. Вот вам и еще одна из страшных, непонятных причин, порождающих преступность: бессмысленное времяпрепровождение, отсутствие контроля со стороны взрослых. Иногда ведь не требуется каких-то экстраординарных мер. Достаточно порой просто замечания. До глубокой ночи ездили в семьи задержанных. Привозили пап и мам, рассказывали о сути происшедшего. Одним из последних забрала свое протрезвевшее чадо мама задержанного мной подростка. Она кричала, плакала, пыталась отшлепать своего сыночка, которому едва доставала до плеча. Наша беседа с парнем была краткой. Помнится, я сказал, что до добра такая жизнь, такое поведение не доведут. Утром материалы на этих ребят мы отдали в детскую комнату милиции.

Прошло время. Однажды я проходил мимо кинотеатра «Буревестник».

— Здравствуйте, товарищ лейтенант! — окликнул меня высокий симпатичный парень.

— Здравствуйте,— недоумевающе ответил я.

— Не узнаете?

— Нет,— честно признался я.

— Помните, вы меня на Ивановском кладбище задерживали?

— Как же, как же, припоминаю,— отвечаю я, вспомнив тот случай, однако по-прежнему не узнавая в этом привлекательном юноше одного из тех грязных, заросших, пьяных подростков.

— Ну как дела? Чем занимаешься?

— В армию собираюсь,— просто ответил он.

— Ну что же, желаю удачи! Смотри не заблудись, как тогда на кладбище.

— Теперь уже не заблужусь. Хорошо, что тогда вы нас задержали. Вся жизнь перевернулась с тех пор!

Вот ведь как. А мы, собственно говоря, совсем ничего не сделали. Ну, вызвали мать, побеседовали, предупредили. А вот, смотри ты, оказалось достаточно и этого.

Сталкиваясь с преступлениями, которые совершают дети, всегда испытываешь чувство стыда за то, что мы, взрослые, не смогли вовремя прийти на помощь ребятам, и негодование по отношению к тем, кто стал главным виновником преступления. Преступниками не рождаются — ими становятся.

Главной нашей бедой, одной из основных причин, порождающих преступность, является порой уродливое семейное воспитание: грубость, брань, семейные скандалы, драки. Как и кто научит ребенка уважать окружающих, если он не чувствует себя личностью, не видит личности в своих родителях? И наверное, самое страшное в том, что, вырастая в атмосфере зла, унижения, грязи, человек привыкает к этому. Вдумайтесь!

Привыкает к тому, что противоестественно самой природе человека.

Мне пришлось беседовать с выпускником Павлышской средней школы майором внутренней службы Борисенко, учившимся у В. А. Сухомлинского. Александр Николаевич, вспоминая своего учителя, говорил: «Не знаю, чем объяснить силу его влияния. Ничего особенного он вроде бы не делал. Просто очень любил детей. Проводил все время с нами. И всерьез, по-настоящему занимался всеми нашими делами».

Вот оно! Всерьез. По-настоящему. Каждый день. Только таким образом можно добиться успеха.

И снова подрастают наши дети. И мне снова хочется подчеркнуть это: когда вы сталкиваетесь с детьми трудными и у вас вспыхивает чувство возмущения, не забывайте — наши это дети, наши... Не добавляйте к злому зло... Будьте сильными рядом с подростками, но будьте и добрыми... Иначе как мы с вами докажем, что добра в мире больше!

ЛЕВ
СОРОКИН

НА НЕЗРИМОЙ ВОЙНЕ

Мимо гаснущих окон
Вновь тревога ведет.
У милиции много
Разных дел и забот.

На дома, что заснули,
Снег летит в тишине.
Очень зримые пули
На незримой войне.

Загрустили подруги,
Снова им не до сна.
Неутихшая вьюга
Воет возле окна.

Но печаль они скроют,
Знают:
Бой — это бой!
Не бывает покоя
У хранящих покой.

ВАЛЕРИЙ
БАРАБАШОВ

МИЛИЦИЯ И ЭВМ

Человек, который сомневается

— Вы спрашиваете, каким должен быть следователь? — уточняет Евгений Сергеевич Воробьев, полковник милиции, начальник следственного управления УВД. Он поразмышлял, прикинул, с чего начать. Заговорил напористо, свободно:

— Очевидно, пойдет разговор о способностях человека, о соответствии той или иной профессии, в частности, милицейской. Так вот, я думаю, что следователю кроме способности аналитически мыслить надо иметь повышенную наблюдательность, умение тщательно собирать и оценивать материал, быстро ориентироваться в обстановке. Все эти качества у человека нашей профессии со временем вырабатываются. Но, на мой взгляд, у следователя должна быть еще одна оригинальная черта в работе: следователь должен сомневаться. Сомневаться в правильности сделанных им самим выводов, в версиях, в признаниях, в доказательствах — во всем. Это, на первый взгляд, звучит парадоксально, но лично меня такой принцип выручал не раз. Если сомневаешься, значит, более глубоко, дотошно ищешь истину, бьешься за нее. И тем более радостно становится, когда убеждаешься, что сомневался с пользой для дела, в котором все станет теперь на места прочно и надежно.

Еще чрезвычайно важное и нужное для следователя качество, особенно в наше время,— коммуникабельность, умение найти психологический контакт с человеком, которого допрашиваешь или с которым просто беседуешь. Надо суметь расположить к себе этого человека, независимо от того, преступник перед тобой или свидетель, побудить в нем желание говорить искренне, правдиво, на нужной вам волне. Я мог бы назвать много примеров, когда среди нас оказываются люди с высшим специальным образованием, прекрасно знающие законодательство, кодексы, но, к сожалению, профессионально к нашей работе непригодные. Как только такой человек оказывается один на один с собеседником, он будто меняется: не знает, как построить беседу, не может оценить психологи-

ческий настрой сидящего перед ним, не может поэтому взять необходимую для следствия информацию.

Я на следственной работе 28 лет. Окончил Ленинградский университет, юридический факультет, участник войны, заслуженный юрист РСФСР. Все это сообщаю не из стремления блеснуть, а из желания сказать, что такой долгий срок службы, как и у любого человека,— признак верно избранной профессии. Человек, посвятивший себя одному делу, может достичь в нем вершин мастерства. И поэтому очень важно сразу определиться в жизни. Так вот, о наших следственных делах.

Труд следователя иной раз завершается составлением по делу 50, 100, 120 томов. Это, согласитесь, колоссальная работа. Следствие иногда тянется год, полтора. Самые сложные — хозяйственные, должностные преступления. Приходится изучать бухгалтерское дело, материальный учет, автодорожные тонкости, медицину, производство молочной, мясной продукции, строительное дело. И вот здесь от следствия требуется умение трансформироваться, дотошно изучить новую профессию, причем до тонкостей, иначе ничего не раскроешь. Не у каждого это получается. Некоторые следователи охотно берутся за раскрытие убийств, хулиганства, грабежа, но, как черт ладана, боятся хозяйственных дел. Но это так, информация к размышлению.

Мне бы вот еще о чем хотелось сказать: мы расследовали и довели до конца много серьезных дел — хищение золота и валютных ценностей, крупное хищение в системе ресторанов, известное свердловчанам дело в кафе «Цыплята табака», «пирожковое» дело и так далее. И чему поражаешься — не какой-то особой изощренности и изобретательности преступников, а, наоборот, легкости доступа к народным ценностям, бесхозяйственности, расхлябанности отдельных руководителей.

Вот например: некий Секисов расхитил со своей группой ценностей на 360 тысяч рублей. А что и кто этому способствовал? Секисов работал в одном учреждении экспедитором, по совместительству в 3-м Свердловском тресте столовых, одновременно начальником заготконторы в Кабардино-Балкарии, пришел наниматься в Свердловский трест ресторанов, и его... приняли! Причем дали самые широкие полномочия по закупке на юге фруктов и овощей, выдали финансовый документ. А в трудовом соглашении этот человек ухитрился оговорить условие: деньги ему перечисляют после предоставления закупочных документов. И вот там, на юге, этот Секисов составляет фиктивные документы, шлет их в трест ресторанов, отсюда высылают требуемые суммы, свердловчане ждут-пождут фрукты, а их нет. Одни бумаги идут да новые требования — деньги! А деньги эти тем временем делятся Секисовым с другими... Короче, хватились, да поздно, 360 тысяч рубликов ахнули жуликам. Вызвали директора треста, спрашиваем: как же так? Почему не проверили, что за личность

этот Секисов, почему такие широкие полномочия ему предоставили?.. Разводит руками.

Или возьмем дело Ежова. Шабашник, сколотил группу себе подобных, нанялся в системе Свердлесурса: строительные работы, причем в 18 точках одновременно. Та же история: деньги сыпались этим проходимцам, «зарабатывали» они огромные суммы, ничего практически не делая. Просто диву даешься!

И, возвращаясь к разговору о профессиональных качествах следователя, подчеркну, что мы высоко ценим работников, которые обладают интуицией. Интуиция — это творческий поиск, творческая догадка. Но она должна быть подкреплена законными действиями. Если следователь нашел точную, законную реализацию своей догадки — это талантливый следователь.

Но всегда следователь должен говорить на языке фактов. Преступника нельзя обманывать, так же как и нельзя с ним заигрывать. Общение следователя с допрашиваемым — искусство. Квалификация в любом случае придет с годами, если учиться настойчиво, упорно, перенимать опыт старших. Тогда можно подняться в следствии до нужных высот.

Детектив в голубом ящике

Зал, где стоит это голубое электронное чудо, полон света, прохлады и ровного гудения вентиляторов. Зал белый, чистый, с шумогасящими стенами — телефон в дальнем углу почти не слышен. Телефон на одном из столов, за которым склонились, изредка поглядывая в нашу сторону, красивые молодые женщины. Почему-то думалось, что здесь, в милиции, пусть и в областном УВД, сразу же столкнешься с беготней, хлопаньем дверей, людьми, наспех засовывающими в карманы оружие и мчащимися вниз, к машинам... Но в коридорах управления тихо, спокойно, и вот эти женщины в своем уютном помещении среди простеньких с виду голубых ящиков-шкафов, на одном из которых белеют буквы: ЕС-1033. Так обозначается электронно-вычислительная машина, как представили ее нам — третьего поколения.

ЭВМ и милиция. Чудно! Зачем она им? Какие задачи решают с ее помощью в этом белом зале?

Евгений Иванович Девиков, полковник милиции, начальник информационного центра, широкоплечий симпатичный человек, снисходителен к вопросам. Говорит:

— Вот пока мы с вами стоим, машина решила несколько задач по розыску преступников.

Вот так та-ак... Вот, оказывается, куда скрыто напряжение розыска, вот кто «бегает, хлопает дверями, наспех засовывая в карманы оружие»...

Пока медленные наши мозги «переваривают» увиденное, ЭВМ отстучала на широкой бумажной ленте: Иванов Иван Иванович 1937 года рожд., проживает... Потом следующую фамилию, еще две...

— И что — все эти люди совершили преступления?

— Нет, кто-то один,— отвечает Девиков.— Машина выдала группу людей, схожих по приметам, какие сообщили нам потерпевшие. Людей этих теперь проверят оперативные работники — это уже дело милицейской техники.

Снова ходим по машинному залу, смотрим, удивляемся. В соседнем крыле здания еще одна ЭВМ — «Минск-32». Двое молодых людей, инженеры по образованию, с хитроумными приборами в руках, заботливо и бережно, как врачи, выискивают что-то в ее распахнутой электронной груди. Эта машина отдыхает сейчас, на профилактике.

— И вообще она уже старушка. ЕС-1033 выдает информацию в десять раз быстрее.

— То есть?

— Ну, в среднем за тридцать секунд.

Евгений Иванович подравнивает перфокарты, лежащие на одном из столиков, прибавляет задумчиво:

— Время, ничего не поделаешь. А «Минск-32» послужила, да и теперь пока еще исправно служит...

Этот зал, где живет ЭВМ-«старушка»,— поменьше, потеснее. Сейчас здесь тихо, со двора лишь в распахнутые окна доносятся голоса водителей:

— А главный жиклер проверял?

— Да проверял...

На стенах зала — плакаты, рассказывающие о том, какие задачи может решить ЭВМ для милиции, что находится в ее памяти. Память — пластмассовые кассеты с магнитными лентами — богатейшая. В ней самые различные сведения о людях, допустивших правонарушения: фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства, род занятий, приметы, причем подробнейшие — цвет волос, глаз, клички, метод совершения преступления...

— А нужно ли все это вводить в память машины? — спрашиваю я.— Есть же у вас, вероятно, какие-то карточки... Да и вообще: ЭВМ в милиции — к чему она? Разве так много преступников, что без электроники в наше время уже не обойтись?

Мы сидим с Девиковым в его кабинете — скромном и небольшом. Разговор наш откровенный, прямой.

— Чем, по сути дела, занимается работник, скажем, уголовного розыска, когда раскрывает преступление? Сбором нужной ему информации, которую он потом обдумывает, сопоставляет, анализирует.

— Но обходилась же раньше милиция без ЭВМ?

Девиков улыбается.

— Вы правы, раньше милиция обходилась без ЭВМ.

И, смею заверить, только потому, что их не было. Поймите: электронно-вычислительная машина увеличила интеллектуальную мощь органов. Сейчас мы обладаем значительной, систематически накопленной, подробной информацией. Ведь, как известно, преступник обязательно оставляет на месте преступления какие-нибудь следы, как бы он ни старался их замести. Кроме того, это всегда, скажем упрощенно, живой человек, имеющий определенный рост, сложение, приметы. И преступление он совершает не в вакууме, а среди других людей, которые что-то да запомнят о нем. А для машины, чтобы найти сходных по приметам даже несколько десятков людей, потребуется, как мы с вами убедились, ну... десять — пятнадцать минут.

— А если нет примет, не видел никто преступника?

— Да, но известны методы, приемы совершения преступления! Это ведь тоже зацепка. Давайте проиллюстрируем наш разговор конкретным примером. Назовем операцию «Денди».

В Октябрьском районе Свердловска случилась кража: некто, подобрав ключи, проник в квартиру, забрал ценные вещи, которые можно было унести в карманах, переоделся и — был таков. Причем оставил свои лохмотья — пиджак, брюки, обувь. Надел все хозяйское, лучший костюм и этаким денди выплыл спокойненько на улицу, растворился в миллионном городе. Ищи, милиция!

Начали поиск. Улик мало — оставшаяся одежда, и только. Никто не видел преступника, понятия не имеет, как он выглядит или может выглядеть. И все же старая одежда — улики.

Составили по ней примерное описание человека: средний рост, размер обуви тридцать восемь, узкоплеч и так далее. Мало этого? Разумеется! Что мы можем в этом случае сказать машине? Да она, наверное бы, нам десятки людей выдала среднего роста с размером обуви тридцать восемь.

Но нашлась еще одна ниточка к неизвестному грабителю — в кармане его пиджака были ключи,— в спешке, конечно, забыл. Ключи — один от квартиры, другой, похоже, от ящика заводской или фабричной раздевалки.

Круг поиска немного сузился, попросили мы ЭВМ посмотреть свою память. Выдала она нам немало адресов. И начался довольно длительный — трехнедельный — обход этих квартир. Появляется участковый: «Здравствуйте, хозяева! Как поживаете? Не теряли одежду? Не ваши ли ключи?..» И вот наконец в одной из квартир пожилая женщина как увидела пиджак, так сразу и заголосила: «Вот, чуяло мое сердце, догуляется этот ирод!» Это она, оказывается, про сына — тот как раз дома был...

Девиков думает вслух:

— ЭВМ — наша помощница, все, что было по всей области разрозненного или, скажем, территориально собранного,

сейчас централизовано, записано в ее памяти. Согласитесь, что, обладая такой научно продуманной и теоретически обоснованной всесторонней информацией, мы значительно облегчили — я бы хотел подчеркнуть именно эту сторону дела — работу нашим оперативникам. На запросы из всех райотделов нашей области, да и других областей, мы в очень короткое время даем нужную информацию.

— А что же конкретно находится в памяти машины, Евгений Иванович?

— Все злостные правонарушители — их имена, клички, приметы. По каждому такому человеку машина может ответить на 129 вопросов, то есть располагает всеми сведениями, записанными в дискрипторной карте. Кроме того, ЭВМ знает о всех случаях преступлений, держит «на учете» все автомобили — грузовые и легковые — с описанием их примет... В огромной памяти нашего электронного детектива и так называемая сетка города, по которой машина может предположительно высказаться: преступник живет вот в этом квадрате...

Месяцем раньше, когда мы только познакомились с Евгением Ивановичем, я расспрашивал его о жизни, о том, как и почему он пришел в милицию. Интерес этот естественный, потому что Женя Девиков когда-то считал себя поэтом, ходил на секцию поэзии при Свердловском отделении Союза писателей, помышлял о литературном труде. Много в те годы писал стихов, думал, что они вполне годятся для широкого читателя. Решил во что бы то ни стало поступить на факультет журналистики УрГУ, начать литературную карьеру. Но, как это бывает с трезво, критически относящимися к себе натурами, скоро понял, что не его это стезя. И встретился ему человек по фамилии Литвинов, который знал об увлекающемся юноше, наверное, больше, чем он сам. И вот при встрече Литвинов полушутя-полусерьезно сказал, что надо бы, Женя, браться за серьезное дело, хватит день и ночь бормотать стихи. Иди-ка ты учиться в юридический институт. А кончишь — придешь к нам, в милицию.

Зосим Гаврилович Литвинов был сотрудником органов, причем смелым, находчивым. Был случай, когда на него напали трое вооруженных топором преступников, и он всех их привел к дежурному по УВД. Этот человек и сыграл тогда решающую роль в жизни Евгения Девикова. Документы его, поданные все же поначалу в университет, перекочевали в юридический институт. Дальнейшая судьба была теперь определена твердо.

После окончания вуза Девиков в милиции на разных должностях, на оперативной работе. Калейдоскоп людей, наставники и просто товарищи, впечатления и работа, работа... Он серьезно увлекается криминалистикой, методами раскрытия преступления. И постоянно, напряженно думает

о том, что надо бы как-то облегчить труд своих товарищей,— очень уж много времени уходит на розыск «дедовскими» методами, а время в милиции, как известно, имеет особую ценность.

Девиков приходит к твердому выводу: борьба с преступностью — это не что иное, как борьба за нужную информацию. Преступник стремится как можно меньше оставить о себе данных, тщательно прячет следы. А они остаются во многом... Нужна систематическая быстрая информация! Тот аппарат, который медленно, по картотекам, давал нужные сведения, уже не справлялся, не успевал.

Евгений Иванович с присущей ему настойчивостью и увлеченностью изучал все, что относилось к современной постановке информационного дела в сыске. С трудом — не бог весть какой знаток! — но читал и переводил английские журналы, рассказывающие о работе лондонской полиции. Там-то впервые он натолкнулся на сообщение, что англичане уже пробуют применить в своей работе ЭВМ.

Это был новый толчок. Да, тогда, в начале шестидесятых годов, приходилось только мечтать. Но не зря пришел в милицию романтик Евгений Девиков, не зря!

Начальство, а конкретно А. П. Емельянов, заместитель начальника УВД по оперативной работе, хмурый и неприветливый на вид человек, в душе, вероятно, тоже был романтиком. Во всяком случае, сторонником всего нового, передового. И вот Емельянов, поддержав Девикова, практически благословил информационный центр Свердловского УВД на невиданную работу — научно обоснованную, доказывающую и важность, и необходимость перенесения труда большого коллектива на плечи ЭВМ. В 1967 году работа одобрена в Москве, и свердловчане по праву ликовали: им отдан приоритет в этом деле!

Но ЭВМ они получили не скоро — лишь в 1971 году прибыла «Минск-32», нынешняя «старушка».

В информационном центре, в хозяйстве Девикова, началась новая эпоха. Дело поначалу шло трудно: надо было всю имеющуюся картотеку переложить на математический язык, а жизнь ведь не стояла на месте, данные все пополнялись и пополнялись, карточек все прибавлялось. «Внизу», в райотделах, без восторга встретили туманную пока идею применения ЭВМ — когда, да и будет ли еще от нее прок? Уж мы как-нибудь своими силами... Да и специалистов-математиков — где их взять? Пришли худенькие и робкие девочки — выпускницы университетского матмеха: кто замуж вышел, не поехал в «глубинку», кто из любопытства — а что, если рискнуть? И вот эти худенькие, хрупкие девочки, поняв, что от них требовалось, стали усиленно творить своими математическими умами, и пошло, пошло дело! Постепенно накапливались программы, все новые сведения закладывались в память машины. Девочки-инженеры и сами уже увлеклись, задавали

машине каверзные вопросы: ну-ка, скажи, где может совершить новое преступление Н. Н.? И машина, покрутив электронные свои мозги, говорила — вот здесь!

И все же детективу из голубого ящика пока не верили, многие работали по старинке. Как-то на Сортировке, потом в другой, противоположной части Свердловска были совершены два дерзких преступления. Приходит к Девикову сотрудник уголовного розыска Л. Г. Зонов и говорит: «Меня вот начальство к вам направило — помогите определить район, где преступник может проживать». А у самого на лице написано: ерунда все это, что ваша ЭВМ может сказать?

Математики поработали с машиной и сказали: вот здесь, в этом квадрате ищите преступника. Вероятность — 7 из 10.

Проходит неделя, другая, и Девиков узнает, что Зонов ищет совсем в другом месте. При случае спрашивает оперативника, что ж, дескать, не веришь электронике? «А! — отвечает тот.— Шатко у вас. Уж лучше мы по старинке».

Но преступника он все-таки нашел именно в том квадрате, какой указала ЭВМ!

Теперь у электронного детектива началась другая, авторитетная жизнь. Люди поняли: сотрудник, пользующийся услугами ЭВМ, имеет преимущества перед другими, работающими обычными методами. И если уж иллюстрировать труд помощницы, то стоит вспомнить и о другом случае.

...Молодой следователь Чкаловского РОВД Л. Б. Козулина (ныне Ячменева.— **Авт.**) попросила математиков помочь ей в поиске преступника, который похитил у граждан 1000 рублей. Дело, как выяснилось, было давним, считалось в отделе бесперспективным, и дали его ей, следователю Козулиной, вероятно, для очистки совести, а может быть, и с тайной надеждой — а вдруг?

В деле была зацепка — пострадавшие видели преступника, общались с ним и узнать в лицо могли бы. Приводили его словесный портрет. Но портрет этот все же был беден и противоречив. Тем не менее попросили машину: поищи-ка.

ЭВМ добросовестно поработала и сконфуженно сообщает: такого человека я не знаю.

Что делать?

Кому-то пришла в голову хорошая мысль: давайте попросим коллег в других городах... И вот через два часа из Минска пришла телеграмма: по данным ЭВМ, разыскивается А. Стаценко, ранее судимый за подобные преступления. А через некоторое время пришла и фотография. Вызвали в милицию потерпевших, спросили: он? Ответ был единодушным: он!

— Какие новые задачи ставим ЭВМ? — переспросил Евгений Иванович, когда мы уже прощались.— Сейчас главная забота в милиции — профилактика. Мы должны с помощью машины научиться упреждать действия преступника.

— Что он только задумал, а вы уже хотите об этом знать?

— Не в буквальном, конечно, смысле,— признается Девиков.— Мысль человека пока что тайна. Но преступление редко рождается на голом месте — взял да и совершил. Человек все равно готовится к нему, и эта подготовка редко может быть спрятана от посторонних глаз. Преступники, попавшие под наблюдение милиции и, скажем, нашей машины, в общем-то всегда остаются в поле зрения. И вот в течение определенного времени, допустим, года, мы будем спрашивать нашу помощницу: нет ли у такого-то и такого-то каких-либо намерений? Что он делает, с кем встречается? Полагаю, это благородная задача — уберечь человека от нового неверного шага.

Из длинного коридора через раскрытую дверь доносилось ровное и согласное гудение электронного детектива.

Счастливый конец

Женщина, которая пришла майским солнечным утром 1977 года в паспортный отдел Свердловского УВД, ничем на первый взгляд не выделялась среди других посетителей — скромно одетая, темноволосая, застенчивая. Разве только глаза ее обращали на себя внимание — было в них нетерпение, ожидание. И еще сомнение: сюда ли, дескать, я пришла?

Алевтина Егоровна Измоденова, инспектор паспортного стола, старший лейтенант милиции, сразу почувствовала, что женщину привело к ним дело, вероятно, необычное, что посетительница, решившись идти в органы, немало передумала, пережила.

Алевтина Егоровна пригласила женщину сесть, терпеливо ждала.

— Моя фамилия Смирнова теперь,— сказала женщина.— И много лет я думала, что Смирновой была всегда...

Женщина волновалась, теребила пальцами тонкую пачку каких-то писем, документов. Карие ее глаза возбужденно блестели, билась на тонкой смуглой шее голубая жилка. Она оправила на коленях юбку, видно, успокаивая себя этим машинальным, естественным движением рук, продолжала глуховатым, немного срывающимся голосом:

— Маленькая была — так не думала, конечно, об этом, не знала просто. А выросла...

— А если по порядку? — ласково попросила Измоденова.— Давайте разберемся вместе, что к чему.

— По порядку? — переспросила женщина и облегченно улыбнулась.— Хорошо, я расскажу.

Она положила на стол принесенные документы. В одном из них, потрепанном, пожелтевшем от времени, говорилось, что Новосибирский детский дом отдает супругам Смирновым на воспитание девочку, Валю Закревскую, оставленную на ули-

це, вероятно, матерью, Закревской. Другой документ с печатью Лепельского загса сообщал, что девочка эта осталась без родителей, и мать и отец погибли, а ее удочеряет некая гражданка Закревская. Печать на едва живущем, дряхлом листке бумаги была почти не видна, да и чья-то подпись напоминала разве что рыболовный крючок. Что это — подлинный документ или подделка? Кому понадобилось выписывать на крохотную девочку-сироту бумагу в белорусском Полесье, а потом везти ребенка в Новосибирск, зашить ему в платье клочок бумаги и подбросить сырым, промозглым вечером под двери детского дома?

— Знаете, Алевтина Егоровна, обо всем я узнала уже здесь, в Свердловске, когда училась в десятом классе. Дома был ремонт, вещи все переставлялись, передвигались... И вот в шкафу я нашла документы. Прочитала, но ничего отцу, матери не сказала, стала думать, терзаться — обо мне ли это, нет?

Смирнова говорила быстро, спешила, словно боялась, что не успеет высказаться, помешает кто-то, и Измоденова успокоила ее, попросила говорить подробнее.

Женщина кивнула, перевела дух. Смуглые ее щеки порозовели, руки уже спокойнее оглаживали край казенного стола.

— А потом мама сама мне сказала — ты не родная нам. Годы прошли, ты стала взрослая, сама уже мать. И должна знать правду. Но вот...— Смирнова развела руками,— узнать нам удалось очень мало. Сделала запрос в Белоруссию, Лепель, и оттуда пришло очень странное письмо — будто я и не Закревская вовсе, а Фендюкевич. Вот ответ.

Измоденова склонилась над письмом.

— Да, странная история,— сказала она через минуту-другую.— Надо бы разобраться.

— Вот за этим и пришла! — обрадованно откликнулась Смирнова.

— Вы оставьте все,— решила, поднимаясь, Алевтина Егоровна.— И заявление еще напишите: прошу помочь в розыске родственников, связь с которыми оборвалась в годы войны. А я зайду сейчас к Казимиру Александровичу, посоветуюсь.

Казимир Александрович Трифонов, полковник милиции, начальник паспортного отдела УВД, пожилой уже человек с внимательным взглядом голубых, искрящихся доброжелательством глаз, встретил свою сотрудницу обычным ровным приветствием. Измоденова, уже увлеченная предстоящим делом, взволнованная загадочной пока судьбой молодой женщины, кратко и ясно изложила просьбу Смирновой, показала документы.

— А знаете, Алевтина Егоровна, я ведь воевал в тех местах,— сказал вдруг Трифонов.— Именно там, в Полесье.

Несколько мгновений Казимир Александрович смотрел за окно, на молодую яркую зелень проспекта — наверное, перед

глазами бывшего солдата прошли сейчас незабываемые картины военных лет...

— Надо помочь женщине. Вместе будем работать.

Трифонов попросил Измоденову пригласить к нему посетительницу, по-отцовски смотрел на невысокую темноволосую женщину, качая седой головой. Сколько видел он в те годы сирот!.. И вот теперь, спустя столько лет, за тысячи километров от Белоруссии, на Урале, пришла к нему в кабинет одна из них...

Но, может быть, не сирота? Кто-то вдруг найдется? Всякое бывает в жизни...

Запросы пошли во многие организации — военкоматы, госпитали, архивы, загсы, частным лицам. Пухла и пухла папка с документами, поначалу повторяющими одно и то же: нет, Фендюкевич Василий А. (это все, чем располагали сначала Трифонов с Измоденовой) в таких-то списках не значился... На учебе не состоял... В госпитале на излечении не находился...

А ниточка — Закревская Валя — это, вероятно, Нина Фендюкевич — была, и дал ее в руки Свердловской милиции военкомат города Лепеля. Пришло оттуда письмо — сам военком пошел по следам письма-просьбы с Урала, отыскал людей, знавших Закревскую. Та действительно в сорок четвертом году взяла девочку, Нину Фендюкевич. И остался у этой женщины, бывшей соседки Фендюкевичей, чемодан с полустершимися буквами: «Фендюкевич Василий А.». Вероятно, это была вещь отца Нины.... Но нынешняя Смирнова — та ли увезенная куда-то Нина?

Шли недели, прибавлялось ответов, надежной оказалась ниточка Лепельского горвоенкомата, не порвалась.

«...В самые первые дни войны возле одного из домов поселка Забоение, что под Лепелем, остановилась полуторка. Двое военных быстро зашли в один из домов, а вскоре уехали. Разнеслась по соседям весть: военный начальник оставил здесь свою семью.

На что надеялся Фендюкевич, привезя в незнакомое село жену и четверых детей? Рядом железная дорога, авось Вере удастся уехать? А может, не имел больше времени везти их дальше, спешил в часть. Расставаясь, говорил: «Приедет за вами Леонтий, я ему сообщу. Ждите».

Действительно, как потом станет известно, чудом дошла в уже воевавшей Белоруссии весточка брату Леонтию: «Мои в Лепеле». Но поехать туда Леонтий не смог. На следующее утро и в Забоение, и в Лепель вошли оккупанты. А затем и Леонтий попал на фронт, откуда не вернулся. Не вернулся и сам Фендюкевич.

Жена его, Вера Васильевна, с четырьмя детьми оказавшись среди чужих людей, перебралась в Лепель.

«Жестокую расправу учинили над женой красного командира и его детьми руки предателей. Чудом осталась жива лишь семимесячная Нина...» [1]

Ее, полуживую, нашла в доме соседка, Закревская, случайно, по какой-то кухонной нужде зашедшая на другое утро к Фендюкевичам. Вера Васильевна и трое ее ребят были задушены; в люльке, в мокрых пеленках, слабо попискивал крохотный человек...

Года два Нина жила у Закревских, а потом появилась некая Кукарская, выпросила девочку себе в дочки, сумела каким-то образом оформить на нее документы (копий потом никаких не нашлось) и уехала из Лепеля.

— Я только помню,— вспоминала Смирнова,— какой-то чужой город, вечер, дождь. Мама посадила меня на крышку люка, из которого шел густой пар, крышка была теплой, и велела: сиди тут, я скоро приду.

И не пришла. Так девочка, которой от роду не было и четырех лет, оказалась в Новосибирском детском доме...

Позже взяли ее на воспитание супруги Смирновы, вылечили, увезли в Свердловск. Через много лет девушка узнала о своем прошлом...

...А запросы все шли и шли, Казимир Александрович был настойчив в поисках, подумывал, не послать ли туда, в Белоруссию, Измоденову или не поехать ли самому? Щемило сердце бывшего фронтовика.

Ехать сотрудникам милиции не понадобилось. Запросы нашли родственников Нины Фендюкевич — оказался жив дедушка (это его инициалы значились на чемодане, а не отца), дядя, двоюродные сестры. Примчалась из Белоруссии телеграмма: «Дорогая Нина! Ждем, целуем...», потом пришло письмо, где дядя Нины подробно описывал все известное ему, звал в гости.

Нина поехала.

— Потом она пришла к нам.— Казимир Александрович смотрит на мою авторучку, бегающую по блокноту.— Пришла счастливая, растроганная. Говорила нам с Алевтиной Егоровной хорошие, теплые слова благодарности, вручила цветы. Рассказала, что встретилась со всеми своими родственниками, оставшимися в живых, побывала на могиле матери, искала и могилу отца, но пока безуспешно. В Белоруссии встретили Нину хорошо, и не только родные. Появилась в местной газете статья, где рассказывалось, как Закревская, бывшая соседка Фендюкевичей, спасла Нину...

Трифонов замолчал. И я не стал больше ни о чем его спрашивать.

---

[1] Цитируется фрагмент очерка Т. Курашовой «Девочка из Полесья» (Уральский рабочий, 1977 г., 29 июня).

ВАСИЛИЙ МАШИН

СТРАДА

Ни в прохладе сельской конторы,
Ни в домашней сонной тиши
Не ищите в такую пору
Беспокойной его души.
Там она —
под высоким небом,
Где июльская кутерьма
И потоки Большого хлеба
Устремляются в закрома.
Люди видеть его привыкли
На проселках, среди полей
На рокочущем мотоцикле —
Запылен до самых бровей.
Остановит машину с грузом,
На уме и в душе одно:
Ну-ка, глянем,
надежен ли кузов
И не точится ли зерно?

Завернет до копешки крайней,
Сунет руку соломе в бок:
Не халтурят ли тут комбайны,
Не потерян ли колосок?
Оглядит ревниво дорогу —
Глаз особый за ней теперь.
Есть ли выбоины
и много ль
И не видно ли здесь
потерь?

Тормознет где-нибудь у колодца —
Ах, как хочется в тень залечь!
Но
студеной воды напьется
И опять на жару — как в печь.
И проверки, осмотры
снова —
До всего ему дело есть.
Ныне он тут
и участковый,
И ГАИ,
и ОБХСС.
Лишь под вечер, после работы
Вновь увидит его жена,

Просоленного крепким потом,
Прокопченного дочерна.
Пожурит:
— Опять без обеда?!
Усмехнется он:
— Не беда.
И плечами пожмет, непоседа:
Что поделаешь, мол,—
страда!

* *
*

Мне порой от бабушки влетало,
За большие шалости — вдвойне.
Не однажды вица краснотала
Делала прогулочки по мне.
Быстро забывал я день вчерашний,
Вновь шалил во сне и наяву.
Бабушка грозила самым страшным:
— Милиционера позову!
Детство, детство...
Годы отзвенели,
Но не позабыт родной очаг.
Прихожу домой теперь в шинели —
Строгие погоны на плечах.
Бабушка меня ласкает взглядом.
Знаю, почему и отчего:
Милиционер-то —
вот он! —
рядом
И уже не нужно звать его.

НА КРАСНЫЙ СВЕТ

Ах, милиция, что ты наделала
Над бедовой моей головой!
На углу, возле дома белого,
Встала девушка-постовой
Молодая,
красивая,
гордая!
Я сражен.
На уме одно:
Вот бы с нею пройтись по городу,
Или, скажем, махнуть в кино,
Или, как там...
(читал в романе я):
«Вот вам сердце! Да или нет?»
А она:
— Гражданин, внимание!
Вы идете
на красный
свет!

БОРИС
РЯБИНИН

«МОЯ МИЛИЦИЯ МЕНЯ БЕРЕЖЕТ»

Хроника
дней текущих

Мы часто видим этих людей — в серой шинели, туго перепоясанной ремнем, с погонами на плечах. Сегодня человек в этой шинели и со свистком в руке, остановив движение автомашин, помог нам перейти улицу на шумном перекрестке, вчера навел порядок, когда подгулявшая компания повела себя слишком шумно, а завтра... Кто скажет, что будет завтра! Хочу сказать одно: мы даже не представляем, насколько широк круг обязанностей человека в серой милицейской шинели и как много он для нас делает, он, оберегающий нас от излишних волнений и потерь.

Дядя Миша с площади 1905 года

Говорят, улица полна неожиданностей. Присказка такая... А если это площадь? Большая центральная площадь большого шумного города, через которую, позванивая, непрерывной чередой тянутся трамваи, спешат, торопятся прошмыгнуть автомобили, сотни, тысячи пешеходов, опасливо озираясь и от того нередко забывая взглянуть на светофор, пересекают перекресток...

Коренастая, плотная фигура, заметно округлившаяся за последние годы (седьмой десяток, что ни говори, возраст!), бросается в глаза не сразу, не приметна в потоке машин и людей; вроде бы не видно, а оглянешься — он тут; иногда в эпицентре движения, на горячем «пятачке», погуливает не спеша, поглядывает, планшетка у бока, свисток в руке, цепочка захлестнута вокруг пальцев; а порой стоит, притулившись близ угла, под сенью капителей консерватории и вроде как наблюдает со стороны, но только он никогда не сторонний, не безразличный, от глаза его не ускользает даже самая малость. Мальчишка несется на велосипеде, жмет педали что есть мочи, шельмец,— куда?! Так недолго и под колеса угодить! Тотчас вразумит. Завидел: на другой стороне

старушка тычется беспомощно у края тротуара, боится перейти — зашагал к ней, перевел. Иди, бабуся, смелее, не робей.

Зимой было. Он тогда на углу стоял, у кинотеатра «Октябрь». Ребятишки вышли из кино и топчутся, не расходятся. Сбились в кучку, с педагогами, чего-то ждут. Зазябли. Их машина должна везти в интернат, а ее нет. А на улице стужа. Обморозятся. Остановил рейсовый автобус, высадил всех пассажиров, извинился, разумеется. Те, конечно, ворчать: «Жаловаться будем». А он: «Дети-то чьи? Наши». Отправил ребят в автобусе, а потом, на следующем, и всех остальных пассажиров.

Ну, старушки, старички, ребята-несмышленыши, подростки — это что, цветочки. А как командированному бухгалтеру жизнь спас и его репутацию сберег — это да. Приехал тот из Нижних Серег. Заложил крепенько (ох, эти командированные!). Получил 12900 рублей. За деньгами приезжал. И — тю-тю, утерял... наверняка утерял бы, если бы не дядя Миша... (не дядя Миша, а просто ангел-хранитель!). Он стоял тогда на углу улиц Ленина и Максима Горького.

Деньги всю ночь считали. Потом тот, когда проснулся, хватился в отделении «Кто этот милиционер?» — «Он из ГАИ».— «Все равно!» И дает триста рублей. Милицейскому работнику — деньги?! «Товарищ начальник, это взятка?»

...Родом он из села Щучье Воронежской губернии (тогда еще губерния была). С 1908 года. Народного доброго обхождения, народных русских обычаев ему не занимать. Крестьянство, повадки деревенские знает назубок («У нас там по-старинному, по-русски доят, сперва телка подпустят, он пососет, потом доят»). В раннем детстве у кулаков батрачил, пришлось хлебнуть и этого, а потом в комсомол вступил, сам их, мироедов этих, стал «щучить» (его выражение). Член партии с 1940 года. Перед войной служил во внутренних войсках. Когда грянули грозные события, два месяца был в боях под Воронежем, связным у командира роты. Вот тут узнал, почем фунт лиха. Не многие уцелели. Потом пришли сибиряки — полегчало. Часть (остатки) отвели в Балашов на отдых и переформирование, его по состоянию здоровья отослали на Урал. Возил пленных, потом перевели в милицию (в рядах ее тогда народу сильно поубавилось, всех здоровых и сильных призвали в армию), и с 1 сентября 1942 года он безвыездно в Свердловске. Постовым — на улице, на площади, на вокзале. Старшина ГАИ... Михаил Арсентьевич Солодовников, старшина милиции,— «дядя Миша»,— да кто его не знает теперь!

Да, официально он постовой, дирижирует уличным движением. По легкому мановению жезла замирают машины, притихает покорно все это железное фыркающее, звякающее, рычащее «поголовье». И все бы, кажется, дела. Но коли на

тебе милицейский мундир, разве откажешься помочь пресечь зло, помешать нарушению правопорядка, изловить и наказать преступников — волков среди людей?.

В 1946-м орудовала банда Сашки Решетникова. Двадцатилетний парень сошел с «колеи». Раздобыли военную форму, сам Сашка обрядился майором, его помощник — капитаном. Изображали милиционеров. Вооруженные. Милиция тогда была малочисленная, жулью на руку. Явятся в чью-нибудь квартиру: «Предъявите паспорта», а затем «обыск» и забирают все ценное. Похозяйничают так, набьют карман, после, заметая следы,— в другой город. Но в Свердловске им не повезло.

Задумали ворюги пополнить свой арсенал, жертвой операции избрали Солодовникова. В глухую темень, в час ночи, подбежал к нему парень, слова толком выговорить не может, трясется от страху, изобразил здорово, говорит, возле кинотеатра «Октябрь» стреляли в него. Показал, кто стрелял. А те уж ждут. Опытный глаз Солодовникова сразу заметил: что-то не так одет «капитан» и другие «милиционеры» — белые бурки, на шапке-кубанке вместо кокарды железнодорожный значок. Тут появился и «майор», приказывает: «Я майор...» — «А я всех майоров в городе знаю, а вас не примечал...» После этой встречи старшине четыре месяца пришлось провести в больнице; пуля бандита прошла близко от сердца, можно сказать, спасся чудом, но «майор» — Сашка Решетников и его дружки оказались за решеткой.

Второй случай вышел такой. Стоял на улице Вайнера, была помощница — девушка. Прибежал работник пожарной охраны: «На Сакко и Ванцетти квартиру ограбили!» Девушку оставили на посту, побежали с пожарным туда. Глядь, с узлами трое. Один преступник оказался с ножом. Народ кричит: «Стреляй, милиционер!» А он думает: «Стяну его в сторону, тогда выстрелю. Не то пуля ненароком отскочит, рикошетом ранит кого-нибудь». Стал отходить, выманивать на себя, после выстрелил в ноги.

Говорят в народе: «Моя милиция меня бережет...» С легкой руки Маяковского.

«Грузовик гонит почем зря, дым столбом валит. В кузове мусор горит. Собрали мусор, а кто-то, видно, в урну бросил окурок с огнем. Остановил... На площади 1905 года стоял. Трамвай идет, буксы горят. Люди выпрыгивают на ходу. Фу ты, нечистый, водитель что, спит? не видит? Забежал в консерваторию, два огнетушителя схватил. Затушил. Вагоновожатая только тут спохватилась, давай благодарить. После приехали пожарные.

Тридцать с лишним лет простоял на посту Михаил Арсентьевич. Привык. Полюбил и дело свое, и площадь. Знаменитая площадь! В революцию 1905 года тут происходили де-

монстрации восставших против царского произвола; сейчас — первомайские, октябрьские шествия трудящихся, военные парады. Историческая площадь! Историческая она и для него, старшины Солодовникова...

На улице Малышева пять лет стоял. За работу получил медаль «За отличную службу по охране общественного порядка», орден Ленина, единственный у регулировщиков Свердловска за последнее время. А всего — 11 правительственных наград. Занесен в Книгу почета Министерства внутренних дел СССР за образцовое выполнение служебного долга. За три с лишком десятилетия не было ни одной жалобы на него. Старушек переводит, стариков переводит, ребят. Сколько несчастных случаев предупредил. Благодарностей сколько — не сосчитать! Пополнел, подраздался (годы, годы!), а душой все такой же, отзывчивый. Тому и других учит.

А уж как он разговаривает с народом, любо-дорого послушать. Иной нарушитель из молодых пыжится, стараясь прикрыть смущение и испуг. Дядя Миша ему тихонечко: «А ты бы на моем месте как поступил, а? (Такому молодому можно и на «ты», по-отечески.) «Да я, да я...— мнется тот.— Штраф бы взял...» — «Ну, значит, так и порешим. Штраф — значит, штраф». Получается, сам напросился — плати. Другой: «Я же первый раз, можно простить». «Пожалуй, можно,— опять согласится дядя Миша.— Только уговор: второй раз не попадайся. Будь внимателен». Вежливый, голоса не повысит. Вежливость у него на первом плане. И вообще выдержка исключительная.

В 1922 году — Наркомат внутренних дел тогда возглавлял Феликс Эдмундович Дзержинский — был издан приказ «О вежливом обращении милиции с народонаселением», в приказе том имелись строки: «Милиционер, поставленный блюсти общественную нравственность («Нравственность, не что-нибудь, вот оно как!» — поднимает палец дядя Миша), прежде всего сам должен быть безупречным». Старшина чтит этот приказ, как святую заповедь.

Остановил машину: под трамвай чуть не угодила. В машине полковник, руки вверх. «Опустите руки».— «Виноват, признаю». Народ смеется, полковник улыбается. Права не взял, штрафовать тоже... что ему рубль! Дырок тоже колоть не стал. Запомнит и так.

Генерал едет — здоровается, руку к козырьку: «Почтение дяде Мише!». Начальник областного управления ГАИ полковник Слуцкий на работу едет — тоже привет.

Однажды задержал автомобилиста на «Волге». Пришлось выписать квитанцию на полтинничек.

— Под знаком стоите...

— А что, нельзя, авария будет?

— Не полагается. Правилами указано.

Тот уплатил, смотрит испытующе.

— А вы знаете, кого оштрафовали? Секретаря горкома...

— Я оштрафовал нарушителя движения.

Теперь тоже здоровается.

Бывало, звонит в ГАИ: «Где ваш дядя Миша?» — «В отпуске он. Что-нибудь случилось?» — «Когда он стоит, у горсовета порядок. А вот его нет, и машину поставить не могу!..»

Так же написали граждане из Дома контор, что на углу улиц Малышева и 8 Марта. Он там тоже стоял, до площади. Шесть лет стоял. «Куда девали нашего милиционера? Дайте нам его».

Дядя Миша на посту — никаких происшествий.

Вот только какая-то перемена в нем стала замечаться. Поздняя осень — он без шапки. Почему?

— Да что-то голове тяжело. Давление у меня, может, поэтому. А снимешь — вроде как легче.

Седьмой десяток на исходе, вот и реагирует на погоду. Видно, и вправду пришло время подаваться на пенсию. Никого это не минет, хочешь не хочешь — приходится.

«Дядя Миша покидает пост»,— сообщила городская газета (выходит, событие!). Писали о нем не раз. И теперь написали:

«Собрал дядя Миша журналистские труды в довольно толстую папку, туда же сложил и немалое число Почетных грамот — вроде бы итог подвел. И получилось: завидная судьба ему досталась.

А досталась ли? Нет, делал он ее сам, по главному своему девизу: быть всегда честным и добрым. И трудно бывало ему порой, и горько, а не отступал. Вот так и идет по жизни Михаил Арсентьевич Солодовников, то же внушает он и своим ученикам.

На примере старшины Солодовникова учат в областной школе милиции среднего и младшего начсостава. Его портрет, магнитофонная пленка с записью его обращения к молодежи хранятся в Музее МВД СССР. Сегодня коллеги провожают Михаила Арсентьевича на заслуженный отдых (35 лет жизни он отдал нелегкой, хлопотливой службе автонадзора). Они говорят ему теплые слова. И к ним от всей души присоединяются журналисты»,— писала журналистка Галина Брускина.

Скажем и мы: спасибо тебе, дядя Миша, добрый человек в милицейском мундире!

Пешеход, автомобиль и инспектор ГАИ

КАК ЖЕ БЫТЬ НАМ ДАЛЬШЕ, ПЕШЕХОД? Право, странно устроены люди. В этом лишний раз убеждаешься, когда смотришь, как ходят они по улицам родного города. Все шел человек нормально, спокойно, не убыстряя и не за-

медляя шаг, посматривая по сторонам, и вдруг, будто его кольнул кто, заметался туда-сюда или, наоборот, кинулся опрометью наобум, ничего не видя, не слыша, не разбирая, и ведь знает, не из медвежьего угла приехал, знает и правила уличного движения, и что означает красный глазок семафора, ан нет! — и тут же скрип тормозов, скрежет железа, как стон, а сам человек порой закричать даже не успеет.

Тревожна хроника ГАИ.

Вот... «Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. 12 сент. 1977 г. Свердловск.

6 сентября 1977 в 16 час. 30 мин. на дороге против дома № 19 по ул. Культуры автомашиной ВАЗ-2101-60 СВШ под управлением водителя Таранова был совершен наезд на велосипедиста 13 лет Зайкова А., причинивший ему сотрясение мозга.

Опрошенный Зайков Андрей пояснил, что, управляя велосипедом, стал пересекать регулируемый перекресток на зеленый сигнал светофора, производить левый поворот и допустил столкновение. Госпитализирован.

Водитель Таранов пояснил, что, управляя указанной автомашиной, двигался по улице 40 лет Октября от ул. Машиностроителей в сторону ул. Культуры со скоростью 30 км в час. Проезжая регулируемый перекресток на зеленый сигнал светофора, внезапно увидел, как двигавшийся справа велосипедист, не глядя влево и не показывая сигналов поворота, стал производить левый поворот, в результате чего произошло столкновение, от чего Зайков А. получил указанную травму. Объяснения водителя подтверждает очевидец Севанькаев.

Причиной дорожно-транспортного происшествия явилось нарушение требований Правил дорожного движения со стороны Зайкова Андрея, который, не имея разрешения на право управления велосипедом по дорогам, стал производить левый поворот из левого ряда и был сбит автомашиной».

Что за разрешение? Надо знать: ребята до 14 лет не имеют права появляться на шумных улицах города на велосипеде. Так что разрешения не было и не могло быть, и почему тринадцатилетний Андрей Зайков объявился там — кто ответит на этот вопрос? Кто истинный виновник этого грустного происшествия?

Машина — чудесная вещь; но она может и мстить за халатное небрежение, нарушение элементарных правил обращения с нею. Мстит и велосипед, казалось бы, невинная вещь...

Почему ученик 3-го класса школы № 51 Юра Фефелов попал в больницу? Заключение врачей: сотрясение головного мозга, перелом таза, сдавление правой стопы.

Техническая комиссия свидетельствует: на машине вмятина.

Объясняет шофер Насибов: «27 сентября в 7 ч. 45 м. я,

управляя технически исправным автобусом КАВЗ-685 44-49 СФА, двигался по улице Блюхера. Впереди меня двигалась автомашина «Жигули». Когда мы подъехали к пересечению улиц Блюхера и Студенческой, регулируемых светофором, то я увидел, что там горит зеленый сигнал, и мы продолжали движение. Проезжая мимо трамвайной остановки, я увидел, что справа по ходу выбежал мальчик и побежал рядом с ограничением, а затем стал перебегать дорогу перед моей автомашиной. Я двигался за автомашиной «Жигули» на расстоянии 3—4 метров, и мальчик стал перебегать между машинами. Я, пытаясь избежать наезда, применил торможение и отвернул налево, но избежать наезда не смог и передней частью сбил мальчика».

Свидетельствуют пассажиры: «Автобус сразу остановился, водитель выскочил и вытащил мальчика из-под автобуса; рядом остановилась легковая машина. Люди помогли водителю перенести мальчика в машину; в сопровождении пассажирки Кати Сергийчук отправили в больницу. Шофер не виноват...»

Водитель Джаган Магомед-оглы Насибов, по национальности азербайджанец, добросовестный работник, награжден значком «За работу без аварий». Занесен на Доску почета Мостостроительного треста № 4. В коллективе пользуется уважением. Характеристики самые наилучшие, что не раз отмечалось в приказах. За какие только грехи ему это испытание? За что и по чьей вине испортили послужной список хорошему шоферу?

«Спешил», «торопился» — обычные ответы. Некоторые пускаются в спор. «Я нахожусь на работе, вам это понятно? — отвечал лейтенант.— И между прочим, это не для меня делается, а для вас же, вашей пользы».

Вот уж истинно, моя милиция меня бережет, даже от собственной неосмотрительности, грозящей иной раз здоровью и жизни.

Рыженький мальчуган лет десяти-одиннадцати, размахивая пустой сумкой, деловито вышагивал по середине улицы. Его пригласили в машину. Павлик шел в булочную.

— Почему ходим по проезжей части?

— Извините.

Отпустили без штрафа, но адресок записали.

«Тетю с тортом на днях взяли, шпарит по середине улицы! Так же вот и по газону ходят, другого пути нету?!»

Действительно, странно. Привыкли к русским просторам? Широкая душа, не может примириться с тем, чтоб кто-то ограничивал?

Вот так и повторяется без конца в протоколах и актах: «шла на красный свет», «переходила в недопустимом месте», «переходил в неустановленном месте», «переходил на красный свет в потоке транспорта, что могло повлечь наезд», «перед близко идущим транспортом» и т. д. и т. д. А ведь

согласно Указу Президиума Верховного Совета РСФСР от 19.V.1968 г. «пешеходы, пассажиры, велосипедисты, возчики и другие лица, пользующиеся дорогами... за грубое нарушение правил уличного движения» подлежат наказанию. Даже когда не произошло несчастья, но пешеход виновен, положен штраф на месте 1 рубль. Или протокол — тогда могут штраф повысить до 10 рублей.

Угрожающая статистика: за восемь месяцев одного года в Свердловске произошло дорожно-транспортных происшествий — 861 (81 человек погиб и 912 получили травмы). За 27 дней сентября — 129 происшествий, 14 человек погибли, 140 травмированы.

Обширная категория нарушителей — любители быстрой езды.

На мопеде пристроились двое, тарахтят по улице Первомайской. Слесаря, молодые ребята. Они тоже не минули зоркого глаза лейтенанта. «Знаете, что нельзя ехать вдвоем?» — «Знаем... хотели прокатиться. Мы тихонько...»

— Что с ними делать? — морщится лейтенант.— Ведь знают! Только и остается свинтить золотники да выпустить воздух из камер... а то ведь мы уедем, они опять сядут и поедут!..

Да эти еще что! Бывает и хуже. Отец с десятилетним сыном на мопеде. Пьяный везет ребенка! Увидел ГАИ — удирать. Выехал на пешеходную часть, чудо, как не перекувыркнулся на поребрике. Убил бы сынишку. Задержали его. Встал с мопеда, шатается.

Наложили штраф 30 рублей. А он еще задирает, отвечает с гонором. «Хватит мне ваш штраф заплатить!» Богач, видите ли, выискался. Плевать ему на наши штрафы.

Но как же все-таки быть с пешеходами? Как ни старайся государственная автоинспекция, как ни наказывай, выявляй, штрафуй, без сознательного отношения со стороны жителей успеха не добиться, тревожная хроника не будет уменьшаться. Ведь транспорта прибывает, завтра его будет еще больше.

Созданы комиссии по безопасности движения, а травматизм на дорогах не уменьшается. Часты звонки в ГАИ: «Вышлите нам пропагандиста», но этим же должны заниматься сами профсоюзы!

Особенно удручают несчастья с детьми. И, как ни горько это признать, главная причина здесь — родители.

Дежурство завершается задержанием таксиста на неисправной машине (уж вовсе позор!).

На талоне предупреждений уже две просечки. Стоял, где машинам стоять запрещено, чем сразу и обратил на себя внимание. Шофер первого класса — и такая небрежность: в машине не закрывается дверь.

— Я на чужой машине,— пытается объяснить он.— Предложили выехать... Я и так стараюсь тише ездить...

Возмущается! Но лейтенант неумолим. А если бы из машины на полном ходу на вираже вывалился пассажир?

— Снимаю машину с эксплуатации. Снимаю номер... Все. Пожалуйста, в гараж.

Мне нравится такая работа. Вежлив, сдержан, тверд.

Это также забота о вас, мои сограждане. Но когда вы сами возьметесь за ум и по-настоящему начнете думать о себе?

НЕ НАДО БЕЖАТЬ, МАЛЫШ!.. Каждое утро я слышу одно и то же: «Зарядку сделали? Живее умываться и за стол! Живее, энергичнее...» Слушая мать, можно прийти к выводу, что ребята тихони и рохли, поднимаются с постели нехотя, одеваются и проделывают все утренние процедуры еле-еле, из-под палки, но это не так, парни как парни, конечно, могут и проспать, если их не поднять вовремя, привыкли, что их будят, а сон в юности — известно: хоть из пушек пали, не услышат. Однако ж, в общем, к распорядку приучены, и — слава, слава! — еще не было случая, чтоб опоздали в школу или институт. Другие грехи случались, но этого — нет.

Иногда я пытаюсь остановить жену: наверное, все-таки хватит, уж большие, сами должны знать, к чему эта мелочная опека; но, с другой стороны, думаю: наверное, вот так и вырабатывается автоматизм, привычка к установленному порядку, режим, без которого, право же, человек превращается в нечто аморфное и беспомощное, как говорится, ни богу свечка, ни черту кочерга, вечно торопится, всюду не поспевает, времени не хватает на самые простейшие дела и потребности, о которых и говорить-то вроде неудобно.

Примерно минут через десять — двенадцать, когда в доме воцарится тишина, все ушли, внезапно взлает пес, из-за дверей донесется торопливый топот сбегающих по лестнице ног, хлопнет входная дверь внизу так, что посуда задребезжит в шкафу... Выгляну в окно: так и есть, Николай, сосед. Ровесник моего старшего. Как всегда, опаздывает и бежит без оглядки. Поел наспех, сунул руки в рукава, сумку через плечо и — айда. Сейчас он помчится так без роздыха до самой школы, будет перебегать... одна, две, считаю я... пять улиц, из них две с большим движением транспорта и людей.

Мы называем наш век стремительным. Но вот что я замечаю: тот, кто бегает вот так, вечно опаздывает, вечно торопясь куда-то, успевает сделать не больше, а меньше. Да, это я уже о взрослых. Но закладывается это с детства.

Есть, правда, еще одна категория: копуны. Они никуда не бегают, не спешат, все движения их замедленны, но, как ни странно, с ними разные неприятности случаются даже чаще.

Тысячу раз правы ученые, заявляя, что главная беда — отсутствие защитного навыка, ситуационная неопытность, неумение предвидеть возможную опасность.

Человек оказался безоружным в той среде, в которой ему приходится ныне жить. Он оказался не готов к тому потоку машин, который разлился по дорогам, заполонил наши города и, в сущности, диктует нам свою волю. **Мы не создаем у своих детей защитных барьеров поведения.**

Почему ребенок, увидев лошадь, поостережется, дабы она не лягнула его, хотя лошадей он видит теперь куда реже; он не полезет к лающей на него собаке; его даже принудительно не заставишь войти в воду, если у берега глубоко; разбежавшись и видя — впереди навес, он совершенно автоматически наклонит голову, чтобы не расшибить лоб. А почему такой же автоматизм начисто отсутствует в критических ситуациях на улице?

Комплекс известной неприспособленности? Рефлекс? Или, точнее, вековой инстинкт, которому давно пора стать другим... А в результате сколько трагических историй.

Мальчишки попадают под машины из-за своей быстроты. Мальчишки всегда спешат, им надо обязательно скорее, скорее. Не смотрят под ноги, не смотрят по сторонам. Мяч под машину — и он под машину. Столько своих мыслей, что про это не помнит. Торопился к товарищу, бежал за сестренкой (забыла варежки). Стреляют из рогатки, и сами как из рогатки выстреленные. За шайбой часто летят, куда — и сами не видят.

Многие дети отданы на воспитание бабушкам и дедушкам, которые фактически никаким правилам движения не обучались и не умудрены. Бабушка туда-сюда крутит головой, внук тоже крутит головой, семенит, а скорость прибывает плохо. Попадают вместе с бабушками и дедушками. Это подтверждается статистикой дорожных происшествий и несчастных случаев. Думает — успеет, а не успела или не успел. Не умеет оценить обстановку.

...Общие проблемы современной городской жизни. Их много. Но едва ли не самая жесточайшая и болезненная проблема — Автомобиль и Человек, нормальные взаимоотношения между ними.

Как говорится в одном фильме, в этом городе слишком много людей, слишком много машин; но... я люблю этот город, это — мой город. А завтра город может вырасти еще; и уж безусловно, в нем прибудет машин, а следовательно, вырастет и вероятность несчастного случая — попадания под машину. Надо из будущего взглянуть на сегодняшнее. Этой задаче подчинена, в частности, служба ГАИ и всех ее подразделений: сегодня, сейчас готовить к завтрашнему дню.

Выскажу сугубо личную точку зрения: рано или поздно развитие личного транспорта будет ограничено (земля не растягивается!) и передвижение его будет строго регламентировано (в некоторых странах так уже делается). Наконец останется необходимый общественный транспорт.

Автомобиль на дорогах Америки убил людей больше, чем Соединенные Штаты потеряли во всех войнах за всю свою историю. Вот некоторые цифры. В двух мировых войнах Америка потеряла около полумиллиона человек. А только за последние двадцать лет в США погибло в автокатастрофах 1081612 человек, ранено и изувечено 50 миллионов... «Каждые одиннадцать секунд где-то происходит катастрофа. Каждые двенадцать минут кто-то убит»,— пишет Борис Стрельников (см.: «Тысяча миль в поисках души»).

Нужны ли такие рекорды нам?

Отсюда высказывание-мнение на страницах ЛГ начальника управления ГАИ Москвы генерал-майора милиции А. П. Ноздрякова о поведении пешехода:

«Поведение пешехода, его нервозность вызваны, очевидно, не только дорожной безграмотностью, но и неуверенностью в том, что водители будут неукоснительно соблюдать Правила движения».

БУКЕТ УЧАСТКОВОМУ. Они вошли в автобус, держась за руки, женщина и маленький мальчик, совсем еще юная мать с кокетливо взбитыми русыми локонами над висками и насурьмленными ресницами и ее сынишка Саша. Сегодня первое сентября, и Саша впервые направлялся в школу, мама сопровождала его. Первый раз в первый класс! За спиной у Саши ранец, в руке — букет цветов, ярко-красные свежие гвоздики. Это — для учительницы. Саша — беленький, чистенький, в новой отутюженной школьной форме, лишь вчера принесенной из магазина,— сиял, он не мог сдержать своей радости и гордости и, переходя от одного пассажира к другому, давал каждому понюхать свой букет. Велико ли дело — дать понюхать цветы, но от этого, казалось, весь автобус наполнился ощущением чистоты и счастья.

Последним поднялся в автобус пожилой мужчина в милицейской форме. Старшина, участковый. Саша подошел и к нему и тоже дал понюхать гвоздики. Старшина улыбнулся одними глазами; мальчик ответил ему тоже улыбкой. Они знали друг друга: однажды, когда Саша был еще совсем маленький, он, заигравшись на улице, потерял дорогу к дому, плачущего малыша увидел старшина и привел к матери. С того дня при встрече, здороваясь, они всегда обменивались улыбками.

Автобус весело катил по улице. Саша вернулся к матери. Скоро и школа. Но что это? Автобус проехал остановку, не остановился, его начало бросать из стороны в сторону. Пассажиры повскакивали с мест, принялись стучать в кабину. Водитель — пьян он, что ли? И вдруг все увидели: упав головой на баранку, шофер безвольно раскачивается из стороны в сторону, глаза его полузакрыты, руки бессильно опустились, висят.

Шоферу плохо! Обморок! Он болен... Проскочили красный

свет, чудо, что не врезались во встречный поток машин, пересекавший улицу. Тряхнуло, автобус выскочил на тротуар (к счастью, никого не задавил!) и тут же соскользнул обратно на мостовую, шваркнув колесами о поребрик... Ой, да что же делать-то! Выпрыгивать из машины? Но двери закрыты... Мама с ужасом прижала Сашу к себе, растерянная, готовая кричать...

Что может быть страшнее: на улицах полно людей, а тут неуправляемая машина с обеспамятевшим водителем...

Не медлил, не раздумывал долго старшина. Протиснувшись вперед, он попытался открыть окно в кабину. Не сразу, но оно подалось. Еще, еще немного, руки дотянулись до баранки, крепко вцепились в нее, сумасшедший бег автобуса сразу выправился, его уже не кидало туда-сюда. Как уж старшина сумел весь протиснуться в водительскую кабину, известно только ему; но он влез туда, не выпуская баранки из рук; по крыше зашелестели ветки, посыпались листья, но самое страшное уже осталось позади. Выключено зажигание, заскрипели тормоза — все! Автобус дернулся последний раз и затих под кронами деревьев сквера. Никто не слышал, как облегченно вздохнул старшина; и только тут сам он почувствовал — по телу разлилась слабость. Его била дрожь.

Не за себя, нет, за себя он не испугался, он просто не успел это сделать,— испугался за людей, за прохожих, чтоб не погибли они, не разбились, не покалечились маленький Саша с мамой и с его трогательным букетиком свежих гвоздик...

Примчалась, яростно сигналя, машина «скорой помощи», бесчувственного водителя автобуса (у него был сердечный приступ) отправили в больницу. Толпа зевак, окруживших автобус, стала редеть. Старшина платком отер пот со лба и, попробовав для чего-то, хорошо ли закрыта автобусная дверца, направился в свою сторону. Надо было еще позвонить по телефону, чтоб поскорей из парка прислали запасного водителя. Кто-то тронул его за плечо. Старшина обернулся — под его погоном алели гвоздики...

А вы знаете, это не единственный случай подобного рода. Вот только букеты герою достаются не всякий раз...

Дети — самая большая забота

ОЛЯ ИЩЕТ ДОМ. Это путешествие началось в Верхней Пышме, а окончилось... Впрочем, можно ли сказать с уверенностью, что оно окончилось? Боюсь, что оно все еще впереди...

Лейтенант милиции Евгения Кудрина, сотрудница инспекции по делам несовершеннолетних, придя утром, как обычно, на работу в свой Орджоникидзевский райотдел УВД Сверд-

ловска, обнаружила там незнакомую девочку. Малютка спала на диване, сжавшись в комочек, как умеют спать только дети и котята.

— Ребенок потерявшийся, займитесь,— сказал дежурный.

Оказалось, девочку привела в милицию женщина. Она встретила ее в три часа ночи на шоссе в районе первого километра. Та шла одна-одинешенька в сторону Свердловска. Девочке пять лет. На шоссе, ночью, одна... Что заставило маленького ребенка предпринять такое путешествие, на которое и не всякий взрослый-то отважится?

Когда девочка проснулась, взяла ее к себе в кабинет. Надо доставить ее домой. А куда? Девочка не похожа на тех, которые убегают из дому, чтоб жить где-нибудь на чердаке. Одета легковато; в летнем платьице, в коротенькой курточке, а на дворе — апрель, еще прохладно.

— Как тебя зовут?

— Оля...— Отвечает охотно. Назвала свою фамилию, сказала, что родители живут в Верхней Пышме, а она пришла к тете, у которой не раз была. Вот только где живет тетя, ее адрес сказать толком не могла, но не растерялась.

— Я найти могу, я знаю. Вы меня отпустите, я найду,— повторяла она настойчиво, уставив на незнакомых тетенек голубые, широко раскрытые, просящие глаза.

Позвонили в Пышму, выяснили по фамилии. Да, есть, но на розыск родители не подавали. Не волнует, тут дочь или нет....

Поняли: нечего туда везти. Девчушка пояснила: родители пьют, ее бьют, особенно отец, она туда никогда не вернется,— заявила твердо. Поэтому и пошла к тете.

— Почему шла пешком?

— Если б я зашла в автобус, меня бы выгнали. У меня не на что купить билет.

— Поехали к родителям. Я тебя к маме в садик отвезу. (Выяснилось, что мать работает в детском садике.)

Рыдает. Нет, нет!

К тете — да, согласилась сразу же, охотно.

Пошли с нею искать тетю. Шли по маршру́ту автобуса № 103, со стороны Верхней Пышмы — может быть, что-нибудь напомнит. Вышли к кинотеатру «Заря», что стоит на перекрестке.

— Вот туда,— показала Оля в сторону вокзала.

До вокзала доехали в трамвае. Куда дальше?

— Около дома тети фонтан и кино,— принялась рассказывать Оля.

Где же это? Евгения думала: напротив обкома. Повела туда. От вокзала пошли пешком. Мимо «Космоса». Может, тут? Нет... Дошли до улицы Ленина.

У киоска горсправки Оля оживилась.

— Вот фонтан! — закричала она, показывая на бьющие водяные струйки около памятника изобретателю радио Попову.

— А где кино?

— Кино — надо идти дальше...

Дошли до площади 1905 года, свернули на улицу 8 Марта, в сторону улицы Малышева. Прошли дендрарий, впереди открылся цирк, высокий ажурный шатер...

— Вот кино! Осталось немножко...

У Евгении у самой дочка — Ника, такого же возраста, что и Оля. Молодая мать помыслить не могла, чтоб ее дитя да вот так, среди ночи, оказалось одно на пустынном шоссе, по которому лишь проносились запоздалые автомашины, а потом с незнакомым человеком искало себе пристанище в другом городе... Сжималось сердце. Что это за родители, от которых ребенок (пятилетний!) уходит к какой-то тете, куда угодно, только не домой, не к ставшим ненавистными пьяным отцу, матери!

И все же они нашли искомое. Потребовалось пройти еще квартал-другой, и после улицы Декабристов, в переулке, Оля вдруг запрыгала и захлопала радостно в ладоши, увидев желтый пятиэтажный дом:

— Вот здесь! Вот здесь! Здесь живет тетя!

Тетя, без всяких предисловий, накинулась:

— Я девочку себе оставлю! Я ее возьму, никому не отдам! Куда вы ее хотели? Не дам!

Потом пригласила к себе.

В квартире прибрано, чисто. У Оли сияли глазенки: нашла ведь, нашла! Говорила же, что знает, где живет тетя!..

Простились с Олей, как родные. Много ли времени прошло — один день, а как будто знали друг друга всегда, и, конечно, теперь Оля всегда будет в памяти у лейтенанта Кудриной.

Вернувшись к себе в отдел, Евгения позвонила в инспекцию по делам несовершеннолетних в Верхней Пышме. Там ответили, что они уже возбудили дело о лишении родительских прав четы Горбуновых. Но есть ли это конец истории об Оле, которая ушла из дому, чтоб найти **свой** дом?

В ПОИСКАХ СИНЕЙ ПТИЦЫ. На дорогах, ведущих к фронту, видел я не раз такую картину: идут бесконечной чередой в сторону тыла эшелоны с искореженными немецкими танками, самолетами, с разбитой вражеской техникой, и вдруг где-нибудь на небольшом полустанке, где поезд на минуту замедлит бег, среди груды мертвого бесформенного металла мелькнет мальчишеская голова в рваной ушанке, мелькнет и скроется, будто воробей в дупле дерева. Какой-нибудь чумазый хлопчик едет за тысячу верст в башне разбитого фашистского танка, едет прочь от фронта, подальше от войны: война разорила дом, гитлеровцы сожгли деревню, убили отца, мать — и вот отправился мальчишка искать счастья по свету, нет, даже не счастья, а хотя бы какого-то временного при-

станища, где он обогреется, оттает, снова почувствует себя человеком...

На городских рынках их тогда появилось немало. Случалось, за один день снимали с чердаков, приводили с вокзалов, из глухих темных по ночам переулков по двести ребят в день. Помнится пункт сбора беспризорных — Дворец пионеров. В ту пору в Свердловске было открыто около двадцати детских домов, появились так называемые дневные детдома, для тех, у кого неблагополучно в семье. Утром ребята приходили сюда, вечером возвращались под родительский кров, иногда к бабушке или дедушке...

Все это припомнилось при посещении приемника-распределителя № 1 управления внутренних дел Свердловского облисполкома. Расположен он на окраине Свердловска, в той его части, что зовется Сортировкой (Железнодорожный район). Это, в сущности, миниатюрный комбинат со своими общежитиями, баней, столовой, амбулаторией, прачечной, клубом, собственным водопроводом и даже, если можно так сказать, появившимся в последний период подсобным хозяйством. За высоким забором день и ночь слышны шипение пара, гудки паровозов и электровозов, стук колес и протяжный, перекатывающийся скрежет составов: рядом железнодорожная станция. Эта близость не случайна: именно железная дорога поставляет детприемнику больше всего ребятишек.

С начальником приемника Николаем Александровичем Сокольским судьба свела нас в первом послевоенном году. Тогда еще остро стоял вопрос ликвидации последствий военного периода, общественность, печать живо интересовались, что предпринимается для борьбы с сиротством, беспризорничеством и безнадзорностью. Так автор однажды очутился в приемнике.

Есть в биографии Н. А. Сокольского один характерный штрих: в годы Великой Отечественной из пяти членов его семьи на фронт ушли пятеро. Пятеро из пяти. Все! Жена не вернулась; сам был не однажды ранен. Навидался людского горя, крови. И может, поэтому детприемник стал для него делом его жизни. Он отдался ему со всем пылом семьянина, истосковавшегося по семье, по близким людям, по теплу родного дома. Приемнику он отдал все силы души и сердца, все, что еще оставалось после войны, что не успела взять година испытаний.

Приветливый, отзывчивый, готовый прийти на помощь в любую минуту... Право, как-то не сообразуется со всем его обликом скучное слово «начальник», как и вообще оно кажется чужеродным здесь. Начальник? Нет, друг, опекун, защитник, наставник, руководитель, охранитель...

Запомнился разговор, который он вел с родителями одного паренька. Не ладилось у них с Володей. Николай Александрович выспрашивал долго, что да как, выясняя, казалось бы, самые незначительные детали, а потом, зацепившись за

одну, сказал: «Вот-вот, именно вот тут, с этого момента вы и упустили своего сына. Ну, ничего. Исправить, конечно, нелегко, но пока еще можно». Самое главное, не упустить! Переживая за судьбы ребят, он не просто устраивает их в детские дома, ГПТУ или возвращает родителям, а старается найти лучший вариант. Самое важное, конечно, вернуть ребенка в семью, но вернуть не просто физически (проще всего спихнуть с рук, а что потом?), а так, чтобы он больше не захотел уйти оттуда, чтоб улица потеряла над ним свою власть, свое притяжение. Этой задаче подчинена вся деятельность приемника.

Приемник открылся в 1925 году. В 1935-м по путевке ЦК комсомола пришла сюда Екатерина Дмитриевна Семина, заведующая учебно-воспитательной частью. Ну, уж ее-то, низенькую, скромно одетую, всегда спокойно-доброжелательную, хотя одновременно и требовательную, умеющую расположить к себе буквально с первого слова, запомнил каждый, кому однажды пришлось прогуляться с милиционером до приемника. Это истинный знаток детских сердец: от нее не скроешь ничего — все равно доберется до истины. Сама воспитывалась в детдоме, может, потому так и умеет разбираться в этом беспокойном, бегучем и шаловливом, а в общем неплохом народе.

В детском доме выросла и Маргарита Александровна Казанцева, воспитатель младшей группы. Сама была лишена родительской ласки. И Николай Александрович, Екатерина Дмитриевна для нее истинно родные, близкие люди. С их помощью она нашла свое место в жизни. И кто, как не она, поймет осиротевшего ребенка, сумеет заглянуть в душу мальчишки или девчонки...

Без малого сорок лет работает в детприемнике Нина Григорьевна Грибанова. Более двадцати лет — Валентина Михайловна Сергеева. Изрядный стаж у Александра Андреевича Поповкина, секретаря партийной организации детприемника. Не хотелось бы расточать в адрес этих людей много похвал, дабы не обесценивать похвалы,— но если люди стоят того?

О постановке дела в приемнике лучше всего свидетельствуют такие факты: случается, направят паренька в училище, не понравилось ему там, он и сбежит. Куда? Обратно, в приемник.

У приемника свой сад, огород, теплицы, парники. И надо сказать, ребята трудятся там с превеликой охотой, получая от копания в земле не просто удовольствие, а нечто большее, то, что, вероятно, и возвысило человека над остальным миром природы. Ребенку нужен добрый пример; что ж, за примерами не надо ходить далеко: воспитательница Валентина Платоновна Панкратова и сама завзятый овощевод, Маргарита Александровна Казанцева — увлечена садоводством... И так все. Здесь избегают скучных занятий, а вот сельскохозяйственные работы уже стали традицией приемни-

ка. И наверное, это правильно. Ведь природа сама лучший воспитатель.

Верно отмечают все побывавшие в приемнике, хотя бы раз понаблюдавшие за его деятельностью: здесь больше, чем где бы то ни было, чем в обычной школе, требуется терпения и мужества. Да, и мужества. И тепла тоже. Зато — и результаты.

Но как же все-таки быть с родителями?

Как решить проблему «трудных» подростков?

Маргарита Александровна говорит, хмуря брови:

— В войну дети скитались по городам в поисках родных и близких, их гнали голод, нужда. Тогда все было понятно. А теперь? Сейчас-то ведь нет таких веских причин. Так в чем же дело? К нам сюда попадают по разным причинам. Есть «транзитники», или, как мы еще их называем, «запад — восток», любители путешествий. С ними легче, хлопот и забот меньше. Разыщем родителей, дадим наставление на прощание и отпустим. Езжай домой. Там тебя ждут, волнуются. Побродяжничал, покатался — хватит. Ну а другие? Злостные? Которые не хотят домой? И как вывод — за родителей надо бороться, за родителей!..

В детприемнике и по сей день вспоминают историю Васи Ручкина. Война осиротила парнишку, лишила отцовского крова и материнского тепла, сделала воришкой: захотел есть, так захотел — стащил в вагоне у спящего соседа сумку с хлебом. Куда бы ни попадал, нигде не задерживался — отовсюду сбегал. Однажды оказался здесь, в детприемнике на Сортировке. Как отсюда не утек, сам не может объяснить.

Николай Александрович Сокольский тогда только-только снял армейские погоны, еще донашивал гимнастерку. Что он сделал? Дали парню отдышаться, забыться немного, а потом устроили на работу, на железную дорогу.

Ныне Василий Федорович Ручкин — один из лучших составителей поездов, Герой Социалистического Труда. Частенько заглядывает в приемник. Сокольского зовет отцом. Впрямь отец: поднял, наставил на ум мальчишку, сделал из него человека.

Трогательным воспоминанием делится Нина Григорьевна Грибанова. Как-то распекала она мальца: бегает из дому, где уж не побывал,— «бегун на дальние дистанции», «заяц со стажем». После, глядь, ходит зареванный, как девчонка, глаза красные.

— Ты чего?

— Стыдно. Сколько всяких глупостей натворил, а теперь стыдно...

Дорого стоит такое признание.

Нет ныне среди живых Екатерины Дмитриевны Семиной. Ушел на покой (года!) Николай Александрович Сокольский,

душа человек. Но детприемник работает по-прежнему. По-прежнему пестует людей из сорванцов-огольцов. Благородное, великой важности дело продолжают другие, названные здесь и не названные.

Из милицейской практики

КОНЕЦ И НАЧАЛО. ...Это было первое самостоятельное дежурство.

Но может быть, сперва рассказать о нем, так сказать, познакомить — кто он?

Тогда он был младший лейтенант (а ныне уже старший лейтенант), оперуполномоченный (сейчас называется инспектор уголовного розыска). А скажи ему годиков десять — пятнадцать назад, что он будет сотрудником органов внутренних дел, право, поднял бы, наверное, такого на смех! Никогда не думал, не предполагал! Почему не думал? Да потому, что в сибирской деревне Алексеевке, откуда он родом, милиционеров сроду никто не видывал, и, естественно, о такой профессии парни не помышляли. Остались они сиротами — брат, он и две сестры: отец погиб в сорок втором на фронте, мать поехала за продуктами, сильно перемерзла, простудилась, заболела и померла. Ему, Володе Смурыгину, было тогда ровно год. Ну, однако, выросли все, никто не погиб: помогли люди на родной земле, а привычку к труду передали им родители. После сходил в армию, а из нее сразу завербовался рабочим-строителем в Нижний Тагил. Таким манером и попал на Урал. Здесь доучивался, оканчивал школу-десятилетку, здесь и женился. Стал столяр-мебельщик, мастер производственного обучения в ГПТУ № 36. Там получил рекомендацию в партию, оттуда его и направили в органы... Почему? Требовались люди, он, видимо, подошел. Круглолицый, коренастый, крепкий. В милиции нужны крепкие люди. Ну, а ему вроде здоровья и силы не занимать. Вот и пригодился...

Пришел однажды в Тагилстроевский ОВД по делам своих воспитанников-пэтэушников, да так там и остался. Вот как бывает. Нет, каждого там не берут, выбирают с прицелом. Особенно, сказали потом, ценят, у кого есть педагогический опыт. Так что училище явилось для него как бы трамплином.

Правда и то, что согласился перейти туда не сразу. Может быть, подтолкнуло то, что последнее время работал с тяжелыми ребятами. Безотцовщина. А кто с родителями не поладил — сбежал из дому; у кого уже и приводы в милицию. Публика ершистая, палец в рот не клади — откусят, с норовом, а в общем-то все несчастные и беззащитные, каждый по-своему. Общение с ними породило в нем особое чув-

ство заинтересованности в жизни, заставило почувствовать свою ответственность. Учился, конечно.

И вот первое самостоятельное дежурство...

Ну и, конечно, звонок (ждать долго не заставил) — кража в общежитии. Похищено 110 рублей.

Вскочить из-за стола, надеть шинель и шапку, выбежать на улицу, где уже ждет машина, заняло считанные минуты. Но какие это длинные минуты, когда тебя ждут где-то...

Следов, разумеется, никаких... Надо сосредоточиться, сконцентрировать все свои способности и внимание на обстоятельствах дела, а в голову лезет: говорили старшие товарищи, наставники, самое сложное — за короткое время учебы овладеть огромным багажом знаний и сведений, что необходимы в сложной профессии сотрудника уголовного розыска. И еще: одно дело теория, совсем другое практика. А главное, поучал Александр Иванович Климкин, у которого он проходил стажировку, нужна особая интуиция, в любых условиях уметь сосредоточиться. Без интуиции ты не следователь, не сыщик. И конечно, прав оказался замполит отделения Степан Алексеевич Зашихин, предупреждавший, что это только в детективных романах со счастливыми концами преступники непременно оставляют на месте преступления какую-нибудь часть своего туалета, на худой конец пуговицу редкой формы... Здесь ни пуговицы, вообще ничего. Интуиция... А с чем ее едят, эту интуицию, с хлебом-солью, приперчив крепенько, или еще как?

Общежитие треста Тагилстрой по улице Мира заселено девушками. (В сердцах мысленно он обозвал себя обидным словом за то, что не удосужился раньше побывать здесь. На участке у него несколько общежитий, в других был, в этом нет, как нарочно.) Девчонки растерялись, стоят смущенные, смотрят на него как на бога: вот сейчас скажет слово или сделает жест — и все сбудется, деньги окажутся на месте, где лежали, там и лежат, никто их не брал (бывают ведь ложные заявления).

Но чуда не произошло. Получается, надо расследовать, искать. Заглянул в тумбочку, а сам краем глаза рассматривал жилиц. Вроде все порядочные, славные, и в комнате чистота, прибрано, кровати опрятно заправлены, никакого беспорядка. Пострадавшие — две студентки из Свердловска, из торгового техникума. Приехали сюда на практику, работают продавщицами. Исчезнувшие 110 рублей состояли из двух купюр: одна бумажка 100 и одна 10 рублей. Сотня — угол надорван — лежала прямо в чемодане, сверху на белье, а десятка в тумбочке. Взлома не было. Из вещей ничего не взято.

Когда стали спрашивать, кто же вас посещал? — насчитали человек пятнадцать. Дальше — больше. Дней за десять до пропажи была гулянка... можно назвать так... нет, не у них, а в общежитии, но заходили и к ним. (Поругал себя еще раз: плохо смотрел, знать надо такие вещи — больше

шансов на успех.) С выпивкой, конечно? Да, немного, засмущались девушки. Но пьяных не было, нет, нет. Пили легкое, всего по стаканчику, не больше.

Кто были эти люди? Пожимают плечами. Разные, всех они не знают. Собрали, кто в ту пору оказался в общежитии, стали выяснять, кто когда уходил, где сидел. Никому обвинения не предъявлялось: обидеть легко необоснованным подозрением, а потом что — извиняться? За такие вещи не прощают.

Из разговора стало известно, что с ними жила еще одна девушка, но теперь уже не живет — вышла замуж; но ключ от комнаты остался у нее (впоследствии выяснилось).

Узнав адрес, прямо из общежития поехали туда, куда, похоже, вела цепочка событий. Подъехали к дому и заколебались: час уже поздний, все спят, можно ли тревожить среди ночи? А вдруг зря? Вернулись в отделение.

Подсчитывал: дежурство началось в шесть вечера, окончится в девять утра. Хватит ли пятнадцати часов, чтоб довести дело до конца и с уверенностью сказать, кто взял деньги?

Интуиция, помоги!

Вторично приехали рано поутру. Их встретила молодая женщина высокого роста, 21—22 года, не больше. Когда приехали, была одна. Мужа нет, на работе, хозяева в гостях на свадьбе, дома будут к вечеру, не раньше. Сначала она держалась уверенно, даже вызывающе. Удивилась, зачем пожаловали ранние гости.

Он сказал как можно тверже и увереннее:

— Я приехал за деньгами.

— За какими?!

— Которые вы в общежитии взяли. (Подозрение к этому времени у него перешло уже в твердую уверенность. А почему? Может, интуиция та самая?)

— Я не брала...— Голос ее оборвался, и вся она вдруг сникла, сжалась испуганно, что-то неуловимо жалкое, какая-то неуверенность проглянули во всем облике.

Забрали ее с собой в отделение. Когда попросили восстановить обстановку пиршества, расплакалась и призналась: видела во время застолья, что деньги в чемодане. Девчонки только приехали, еще не обжились и за всякой мелочью лазали в чемодан...

— Первый и последний раз! — повторяла она сквозь рыдания.— Я деньги верну, но не все, потом все... Издержала часть — рубашку мужу купила... Простите! Пожалуйста!..

Хотелось сделать подарок мужу, а денег не было — вот что толкнуло ее на преступление. Да такой подарок разве может кому-нибудь быть в радость? О том не подумала?

— Дура, дура! Что теперь будет? — И вдруг: — Я ребенка жду! — вырвался крик души.

Теперь пришло время растеряться ему, младшему лейтенанту Смурыгину. А он только что был горд собой: все про-

вел так успешно. Чего-чего, а этого он не ожидал. Виновная беременна. Хм... Неожиданный поворот.

Через час снова были в том же дворе, где они с мужем снимали квартиру в частном доме, из-под бетонной строительной плиты — сама же и указала — извлекли спрятанные деньги. Правда, не 110 рублей, а меньше, как она и говорила.

Все вышло гораздо проще и быстрее, чем он ожидал. В 8.30 все расследование было закончено, в 9.00 он сдал дежурство. Товарищи поздравляли его. Как же: первое дело!

После, возвращаясь мысленно к тем памятным часам, он всякий раз приходил к выводу: она еще не была испорченной, потому так все и обернулось. Как же важно пресечь проявление дурных инстинктов в самом зародыше! Поучительная история. А виновную в связи с беременностью к уголовной ответственности не привлекли. «Дали условно».

Вот так и прошло его первое дежурство...

Случается, встретившись на улице, они еще издали улыбаются друг другу. Благодарна она ему. Спас он ее. За то и благодарна, и не скрывает этого.

КТО УНЕС КНИГИ? Чем только не приходится заниматься милиции и уголовному розыску! Две небольшие истории вполне в этом духе.

...Что-то зачастил в магазин буккниги пожилой, представительный и вежливый мужчина. «Буккнига» — значит букинистическая книга, то есть старая, подержанная, а часто редкая, а отсюда иногда очень ценная, какую порой и за большие деньги не купишь. Да, так вот, почему-то гражданин стал сильно интересоваться книгами. И его, что ли, коснулась нынешняя мода скупать все, что есть, а потом набивать шкафы и любоваться корешками? Да нет, вроде не таков, и интересует его что-то другое, не как всех прочих. Придет, предъявит служебное удостоверение-книжечку и попросит показать ему корешки квитанций на купленные за последнее время у населения книги. После долго сидит, тщательно изучает каждую квитанцию, что-то выписывает оттуда себе на память. Когда покупается книга, обычно продающий называет свою фамилию и показывает удостоверение личности — паспорт. Придя в первый раз, мужчина о чем-то долго говорил с директором магазина в его кабинете...

Пропали книги. Ценные, дорогие, редкие книги. Вышло так. Владельцы великолепной личной библиотеки, которую начал собирать еще дед, уехали на юг в отпуск, домовничать оставили знакомую — женщину вполне надежную, порядочную. Она уже не раз оставалась у них за домовницу, когда-то вместе с маленьким сынишкой Колей, а теперь Коля уже вырос, превратился в рослого парня с усиками.

Отсутствовали отпускники месяц. Вернулись — хвать, одной книги нет в шкафу, другой... Спервоначалу-то и не приметили, а тут, оказывается, кто-то поработал основательно,

понимающий: взяты ценные книги — «Медицинская энциклопедия», из серии «Памятники мировой литературы», все в хороших переплетах, издания Академии наук СССР.

Домовница в слезы: я не брала, даже не прикасалась, да провалиться мне на этом месте, если вру. Да как можно! И не совестно ли так худо думать о ней, подозревать...

И впрямь, никогда ничего подобного не было. Но факт налицо — нет книг. Может, кто-нибудь проник в квартиру в ее отсутствие? Подделал ключ? (Взлома нет, двери целы.) Наверное, могли бы гадать таким образом до бесконечности, если бы не... тот самый товарищ, что повадился ходить в «Буккнигу» да изучать корешки на покупку-продажу книг.

Оказалось — сынок. Коля. Он все сработал. А его приятель подбил. Сделали запасной ключ и, когда мать отлучилась ненадолго (в магазин за хлебом надо сходить), шарили по полкам. Думали, что книжек много, не заметят...

Таскал и сбывал. Кому? «Друзьям» в кавычках, знакомым и незнакомым, в «Буккнигу». После приемщицу-товароведа магазина букинистической книги возили в отделение милиции опознавать его: он или не он сдавал. Он...

К слову сказать, виновник — этакий ухоженный, розовенький, противник всякой «черной» работы (чего захотели! есть мама, рубашку постирает она, пол помоет тоже она, а ему зачем пачкаться?) — даже не очень сокрушался, что его «застукали». Подумаешь, книги. Ведь не шапки сдирал на улице с прохожих. В чужую квартиру ночью тоже не лез...

Бесстыдство — опасная заразная болезнь, она может передаваться, как чума, оспа, холера, если вовремя не сделать профилактической прививки.

Фамилии не называем, чтоб не позорить мать, которую так бессовестно обманул родной сын. Хотя, если вдуматься, с нее тоже спрос: проглядела сыновьи замашки, вовремя не наставила на ум, когда он, подросши, без конца начал канючить у нее то заморские джинсы, то импортный магнитофон...

Вторая история короче, хотя по времени длилась дольше. Пропадали книги в библиотеке коллектора. Коллектор комплектует библиотеки города и района. И вот, как очередной привоз книг, так кража. Ночью выставят стекло в окне склада, заберут самое ценное и увезут. Не унесут, а именно увезут, потому как в руках не унесешь столько; да вот и след автомашины. Но по следам, увы, не установишь, чей «Москвич».

Заметим, что сторожа в ту пору на складе не было, а склад находился на первом этаже. Правда, решетки на окнах; но пролезал кто-то маленький, видать, мальчишка, а руководили всей операцией взрослые. Что без ребят не обошлось, подтверждалось, в частности, и тем, что на складе набросаны конфетные бумажки; а снаружи у окна окурки.

Примечательно, что кражи повторялись всякий раз, когда на складе оказывался новый большой запас книг: кто-то осведомлял. А выбирали самый-самый «дефицит»: «Королева Марго», рассказы о Шерлоке Холмсе, Агата Кристи и Эдгар По...

Пришлось крепко поработать и ОБХСС, и уголовному розыску. Преступники найдены. Хищения прекратились. Склад поставили на «автоматического сторожа». Этот не проспит и не загуляет.

Здесь слово трем специалистам — следователю, товарищу, занимающему видный пост в Министерстве внутренних дел, участковому инспектору. Они делятся своими раздумьями о многотрудной и подчас опасной работе органов правопорядка.

«Почему-то считается,— говорит следователь,— что для воспитания молодежи очень полезно возбуждать в ней интерес к романтике следственной работы. Меня, старого следователя, признаться, несколько коробит, когда я слышу о такой романтике... И если уж писать на судебные, уголовные темы, не столько надо смаковать подробности следственной «охоты», сколько яркими, сильными художественными средствами показывать весь ужас преступления, всю его мерзость, страдания людей, ставших его жертвами или пусть даже участниками... Юный читатель, и не только юный, должен почувствовать, убедиться: преступление — грязь, стыд, зло!»

«Ведь что такое преступность? — говорит **второй**.— Какая это сложная гамма противоречивых проблем! И зверский удар по голове, оставляющий сиротами малолетних детей, и внутренний цинизм, распад души, скрытая, расчетливая хитрость и подлость, и бегающие воровские глаза, и потупленные в землю очи, сознание своей вины — иной раз совершенно случайной, мимолетной вины, и поиски объяснений и оправданий, и протест против сложившихся обстоятельств жизни, ее сложностей, и протест против себя, против собственной слабости, низости и бессилия, и протест против труда, против режима, его обязательности, и стыд перед людьми, и стыд перед собой, и беспардонная наглость, отсутствие всякого стыда и всякой совести, и жалость к себе, и тоска по родным, по любимым, и, конечно, прежде всего тоска по воле и по утерянной, навеки утерянной чести, и злость, и отчаяние, и решимость, и рождающаяся твердость, и стойкость — вот какой клубок нравственных и других проблем, которые нужно распутывать и распутывать, чтобы успешно бороться с преступностью...»

Участковый инспектор (по званию капитан):

«Деятельность советской милиции ныне неизмеримо услож-

нилась. Неустанно бороться со злом, вызывать к жизни лучшие человеческие качества, охранять и оберегать людей от дурного вовне и внутри самого человека — вот задача, отнюдь не столько розыскная, сколько нравственная...

Можно без конца рассказывать о героических поступках постовых милиционеров, о достижениях и победах сотрудников уголовного розыска, их отваге и мужестве, проявляемом каждодневно, о сложнейшем труде, требующем также подчас точного психологического анализа, службы БХСС, об инспекторах ГАИ, берегущих нашу жизнь на улицах... Милицейский протокол пишется не шибко стильно, но каждый раз в его скупых, суховатых строчках заключена человеческая судьба! Все начинается с малого, подчас вроде бы невинного, и первой жертвой становится сам преступник. Самое дерзкое и жестокое преступление частенько начинается с обыкновенного «распития спиртных напитков»...

Профилактика правонарушений — главное, программное партийное требование. Не ослабляя борьбы за стопроцентное раскрытие преступлений, их полное и объективное расследование, органы внутренних дел все больше усилий сосредоточивают на том, чтобы предотвратить конфликт с законом. Эта линия берет начало в гуманистической сущности Советского государства, освещена нашей коммунистической моралью [1].

Быль о человеке
в милицейской шинели

МГНОВЕНИЯ, РАВНЫЕ ЖИЗНИ. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 мая 1970 года за мужество и отвагу, проявленные при задержании опасного преступника, младший лейтенант милиции Дворников Виталий Иванович награжден орденом Красной Звезды.

«Произошло это в декабре в поселке Калья города Североуральска Свердловской области. Проходчик шахты треста Бокситстрой Симаков, будучи в нетрезвом состоянии, учинил в семье скандал. Затем схватил охотничье ружье и несколько раз выстрелил из него в жену и ребенка.

Симакова выпрыгнула с ребенком через окно на улицу и позвала на помощь участкового инспектора милиции Дворникова. Инспектору-комсомольцу не раз приходилось обезвреживать опасных преступников. Пренебрегая опасностью, Дворников вступил в поединок с вооруженным бандитом. В завязавшейся схватке офицер милиции выстрелом из ружья был тяжело ранен в голову. Но свой долг он выполнил с честью: Симаков задержан и привлечен к уголовной ответственности». (ТАСС)

Всего несколько строк, изложенных почти телеграфным стилем. А за ними — целая жизнь, пусть не очень долгая, но жизнь.

...В милицию он пришел, отслужив действительную в армии, охранял границы Советского государства. Пограничник. В характеристике уходящего в запас военнообязанного отмечалось: «Сержант Дворников лично всегда дисциплинирован, по характеру спокоен, принципиален. Среди личного состава пользовался деловым авторитетом. Имеет несколько случаев задержания нарушителей пограничного режима, награжден всеми знаками солдатской доблести».

Еще до демобилизации твердо решил — работать пойдет только в милицию. Почему в милицию, а не в пожарные, скажем, или еще куда, пожалуй, и сам не смог бы ответить; но что задумал, то — решено и подписано. Железно. Парень с характером, упорный, от своего не отступится. Вернулся домой, в Гари; оттуда направили на учебный пункт областного управления внутренних дел; после в Калью, на север Свердловской области.

Много времени спустя узнал, что до него должность участкового в поселке пустовала уже более полугода, и это было не случайно. Работа не сахар, понял. Но это лишь прибавило ему решимости, отступать было не в его характере.

Калья — поселок рабочий, на славе; однако ж в каком дому не бывает прорухи. Помнит, в первый же вечер пришел в Дом культуры — мусор, плевки, окурки, неприятно. В фойе в вызывающей развязной позе в окружении дружков-приятелей сидел здоровый парень в треухе, зорко и одновременно расплывчато-мутно поглядывал на проходящих, щелкал семечки и шелуху сплевывал на пол. Позднее Виталию стало известно, что парня зовут Вожак и за ним давно уже закрепилась слава первого хулигана.

— Подберите мусор,— сказал Виталий, остановившись перед парнем, ладный, подтянутый. Сказал без вызова, вежливо, хотя и твердо, но тот понял по-своему, потому что, окинув фигуру младшего лейтенанта презрительным взглядом (новичок, не знает, с кем связался), сквозь зубы процедил:

— Поговорить желаешь? Можем уважить. Давай выйдем.

Виталий, соглашаясь, наклонил голову: давай.

Дружки поднялись и двинулись за ними.

Вожак внутренне был поражен, что участковый продолжает оставаться дружелюбным, не кинулся читать нотацию и без тени смущения принял предложенную ему опасную игру. Лейтенант был невозмутим. Сказалась пограничная выучка.

---

[1] Интервью печатались в центральной прессе — в «ЛГ», «Неделе» — ко Дню советской милиции, отмечаемому 10 ноября каждого года.

Все дальнейшее не отняло много времени и вышло совсем не так, как представлял Вожак. Уже через минуту, прижатый к земле, он вынужден был признать себя побежденным. Сбили спесь. Дружки при виде такой картины притихли и быстро испарились.

После состоялся разговор с ребятами. Оказались вовсе не такие уж плохие парни, хотя до этого им ничего не стоило обидеть девушку, безобразно выругаться, показывая свою силу да независимость, покуражиться над кем-нибудь слабее себя. Мусор и шелуху в тот вечер в фойе убрали, не потребовалась техничка со шваброй.

Так началась служба в Калье; потом об этом даже напишут в газетах, когда будут славить героя. А однажды, когда на участкового полез пьяный с кулаками, его привели в чувство свои же товарищи, подхватили под руки и увели, а один из них, уходя, шепнул Дворникову: «В случае чего, ты только кликни нас... поможем, не сомневайся...»

ЕГО ПРИЗНАЛИ. Нет, порядок все-таки побеждает, добро сильнее зла, нужна только твердость да, как утверждают юристы, **неизбежность наказуемости**, кары за содеянное, выражаясь высоким языком, если уж дошло до того...

Нет, не все было тишь да гладь да божья благодать. Бывало, к дверям и анонимки с угрозами подкидывали. Раз даже предложили встретиться в ночь-полночь в безлюдном месте на окраине поселка; думали, испугается, а он не испугался, пришел, готовый ко всему. А там никого нет — выходит, так, зря грозили, хотели проверить, не струсит ли. Не струсил! Получилось — вроде выдержал испытательный срок. Вскоре по поселку пошла молва, что новый участковый — парень крепкий, его на пушку не возьмешь, взялся наводить порядок по-настоящему. Прибывали помощники, причем самые энергичные как раз из числа тех, кто сам недавно причинял неприятности. Все реже случались хулиганские выходки, и уж совсем редкими стали дебоши, грабежи с угрозой применения оружия.

В тот роковой вечер и дежурство-то было не его. Но Виталий, как всегда, оказался там, на привычном месте: дня не мог прожить без дела. Часы показывали одиннадцать, когда в дверь вбежала испуганная, заплаканная женщина, прижимающая к себе ребенка. Виталий сразу узнал ее: Симакова. «Наверное, опять муж дебоширит». Мужа ее, проходчика шахты треста Бокситстрой В. Симакова, он знал хорошо, слишком хорошо: пьет, хулиганит, пьяный не раз грозился расправиться с женой. А нынче и вовсе осатанел: стрелял в жену и ребенка! Чудом не убил.

Еще одна негативная сторона отвратительной тяги к выпивке — разрушение семьи, распад личности и атрофия чувств, казалось бы, даже таких крепких, как родственные чувства,

любовь к близкому человеку, с которым прожит не один год, к собственному дитя.

Медлить нельзя, каждую минуту может произойти несчастье. Оружие в руках захмелевшего и потерявшего над собой контроль человека — это почти всегда убийство, беда...

Мечтал Виталий Дворников пойти по юридической стезе, потихоньку в свободную пору готовился к экзаменам для поступления в юридический институт. Вот и сегодня думал перед сном часок-другой посидеть за учебником. Вместо этого пришлось усмирять озверевшего громилу.

Незадолго до того Дворникову пришлось изъять у Симакова незарегистрированную и незаконно хранившуюся малокалиберную винтовку. Так что уже встречались. И когда младший лейтенант появился в проеме двери симаковской квартиры, тот сразу направил на него ружье. Виталий еще успел крикнуть: «Брось!» — и оба ствола в упор дохнули ему огнем прямо в лицо.

Весть, что выстрелами из двухстволки тяжко ранен младший лейтенант милиции Дворников, вмиг разнеслась по поселку. «Жив хоть?» — справлялись сочувственно. «Жив, говорят, но...» Когда раненого увозили в Свердловск для операции и лечения, многие пришли на вокзал, провожать. Полюбился он жителям. Для многих, тех, что постарше, стал как сын родной.

Теперь все сосредоточилось в руках медиков.

Первое, что он спросил, когда пришел в себя:

— Как там на моем участке?

— Все в порядке, не беспокойся.

— Симакова задержали?

— Задержали. Скоро будут судить.

Тяжелой была борьба за жизнь Виталия Дворникова. Сделали все, чтоб спасти его. А было ему в ту пору всего двадцать четыре года...

В школе № 8 по улице Куйбышева в Свердловске действует «Республика военных следопытов». У «Республики» есть свои президенты, вице-президенты, форма, члены ее ездят в Киев, в другие города — милиция приглашает в гости, летом работают в совхозе. Над ними шефствует управление внутренних дел. Когда Дворникова привезли в Свердловск, им сообщили. Ребята стали ходить в санчасть, что напротив стадиона, носили раненому герою подарки, книги читали.

Общая любовь окружала его. Может, она, человеческая забота да внимание и помогли ему. Выжил он. Оправился после тяжелого, почти смертельного ранения. Выходили врачи, медицинские сестры, нянечки.

По областному управлению был обнародован приказ: Дворникова Виталия Ивановича за проявленные мужество и решимость занести в Книгу почета и присвоить внеочередное звание капитана милиции. Исполком Североуральского город-

ского Совета народных депутатов единогласно постановил — ходатайствовать о представлении отважного к правительственной награде...

Но никогда больше он не увидит голубого неба, ясного солнца, лица родных и друзей, чистых красок жизни: бандитский выстрел лишил его зрения.

«...Я БУДУ ДОБРОСОВЕСТНО ВЫПОЛНЯТЬ ВСЕ ВОЗЛОЖЕННЫЕ НА МЕНЯ ОБЯЗАННОСТИ, НЕ ЩАДЯ СВОИХ СИЛ. А В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ И СВОЕЙ ЖИЗНИ».

(Из Присяги работника милиции.)

Еще интервью.

Говорят милиционеры... Милиционеры — значит работники органов внутренних дел. Это может быть инспектор ГАИ, оперативный работник уголовного розыска, инспектор по делам несовершеннолетних, проводник служебной собаки-ищейки, постовой на людном перекрестке, участковый,— в народе все «милиционер»... Забота — одна. Форма — одна.

Несколько небольших интервью:

— Почему пошли служить в милицию? Что находите в своей службе?

Говорит **первый:**

— Почему я пошел служить в милицию? Не терплю несправедливости и обмана, всякого бесчестия, хулиганства, бескультурности. Не могу спокойно смотреть, когда обиду чинят честным людям. Душа переворачивается, когда вижу... Быть справедливым и гуманным — главное в нашей профессии. Ну, работка, конечно, беспокойная, что верно, то верно. Пришлось и в потасовках участвовать, и угроз наслышался в свой адрес. А как без того!

Второй:

— Попробуйте наденьте-ка милицейскую шинель и выйдите к людям, на улицу. Да это же сильнейшее психологическое испытание! Все на тебя смотрят, все словно ждут от тебя чего-то... А если еще обратятся за помощью? Должен ты оправдать доверие людей, их надежду, а?

Третий:

— Зачем я пришел в ГАИ? Когда нас готовили, учили, запомнилось: вот идут люди, прохожие, а рядом мчатся машины, современная техника, непременный спутник нашей жизни. Кажется, все обычно. Ан нет. Тротуары и мостовая — одно и то же? Оптический обман. Это две совершенно разные по свойствам, хотя и расположенные рядышком, в тесной близости, среды обитания: бытовая — тротуар и транспортная — дорога. Человек по природе своей расположен к первой, к естественной: двор, дом, лес, тропинка, переход... Твоя забота — приучить его к другой, технической, искусственно созданной, и тем привести все в необходимое равновесие. Задача из задач! Значит, мы влияем и на будущее человечества...

Четвертый:

— Я читал: кажется, в Японии сконструировали такое устройство к автомобилю, которое человеческим голосом предупреждает — подает сигнал, если с машиной что-нибудь неладно или водитель действует не по правилам. Словом, призывает его к соблюдению порядка, спасает от беды...

Снова **первый**:

— А не вся ли наша служба такая: чтоб человек постоянно слышал голос рассудка, предупреждающий об опасности?.. Наверное, вот это и есть самое главное.

КОГДА БЬЕТ ЧАС МУЖЕСТВА. С чего начать, чтоб рассказать о человеке? С поступка, которым он утвердил себя в живой истории наших дней? Или с биографии, с описания того, как он шел к своему поступку?

...Я сижу за столом, где сидел Николай Петрович Талапов, в его квартире в Свердловске, в доме по улице Розы Люксембург, 16, в комнате, которая служила одновременно и рабочим кабинетом, и спальней. Дом старый, деревянный, с высокими потолками, с печным отоплением, окошки выходят во двор (все ждали с Гелей, когда получат квартиру в новом доме). Здесь он занимался, читал, писал.

В октябре 1969-го они вместе отправились в туристское путешествие.

Египет — страна пирамид и древних папирусов. В Каире — 300 мечетей и... зной палимый. Пестрая шумная толпа, машины уступают дорогу осликам, верблюдам.

Шло к концу пребывание на земле страны, рожденной благословенным Нилом. Оставалось два дня до отъезда. 23 октября (эту дату Геля запомнила навсегда) под вечер поехали в Александрию. Утром после завтрака направились всей группой — сорок туристов из РСФСР, из Молдавии, с Украины — на пляж. Искупались. Мужчины принялись играть в волейбол.

Времени было уже около двенадцати, стали собираться идти обедать. Внезапно по морю побежали белые барашки, заходили волны, тяжелые водяные валы накатывали на песчаный низменный берег, ветер крепчал с каждой минутой.

Средиземное море коварное, такую характеристику они слышали не раз, за несколько минут может из тихого превратиться в штормующее и наоборот. Сейчас оно доказывало, что говорили не зря. Совсем чистая даль, на горизонте ни тучки, ни облачка, а волнение все нарастало, стало как-то неспокойно, тревожно... С поверхности моря мгновенно исчезли все лодки, шлюпки.

Кто-то закричал, что люди — купальщики — далеко заплыли, надо помочь. Кто-то кинулся куда-то опрометью, кто-то растерянно озирался по сторонам. Коля, до этого напряженно всматривавшийся в морскую даль, сбросил костюм и в плав-

ках, загорелый, тонконогий, отчаянный, устремился навстречу волнам...

Совершенно отчетливо Геля помнит, как волны накрыли его с головой, но он тут же выплыл, энергично работая руками и отдуваясь; и снова они накрыли его...

Коля... Он всегда был такой. Это была его особенность, главная примета, если хотите: взрывной характер, постоянная готовность к действию и — полное отсутствие страха.

Коренной уралец, он родился в Сысерти, в знаменитых бажовских местах; там и школу окончил, сперва семь классов, как все, в нормальной школе, потом три в вечерней. Из рабочей семьи. Работал слесарем на Гидромаше. Служил на Тихоокеанском флоте. После решил служить в милиции.

Инспектор наружной службы УВД, лейтенант милиции Николай Петрович Талапов.

Посоветовали учиться — стал учиться. Специалист-связист. Окончил техникум в Свердловске, совершенствовался по радиотехнике (сотруднику УВД в оперативной работе она во как нужна!). Взялся — значит, делает. Успешно сдал экзамены. В отделе попал, как любил говорить, в «купе для некурящих» (шутку любил). Бросил курить. Представляете, не курит ни один,— просто здорово! Он всегда был такой: раз надо, значит, надо. Будет сделано. Не сомневайтесь.

Перевели перед поездкой в уголовный розыск — «на передовой край борьбы с преступностью». Его рекомендовали, заслужил. Только зачислили, там еще ничем не показал себя. Показал здесь, на Средиземноморье, среди незнакомых смуглых людей...

Женился в 1962-м, когда вернулся с флота. Жили дружно, никогда не ссорились. Много путешествовали. Любили ездить. Ездили по Союзу, и по Уралу, и по югу, на Кавказе были, каждый год ездили. Собирались поехать еще...

Азарт, жажда риска были у него в крови. Будучи моряком, прыгал с «коробки» (корабли называли коробками), с большой высоты, в море или на пирс. Многосторонне развитый спортсмен: прыжки, бег, стрельба, легкая атлетика, городки, шахматы — по всем видам разряд не ниже второго. Отменный пловец, быстрый, выносливый, кого хочешь за пояс заткнет.

Мужественный — тренировал тело и волю. Твердый, решительный (даже слишком, может быть). Хоть в огонь прыгнул бы, если надо кого-то спасать. Геля даже побаивалась его решительности. «Да ты пойми, Гелка,— говорил жене, когда та пробовала увещевать его,— ты пойми, я же не могу иначе... Да ты не бойся, ничего не случится! Где наша не пропадала, слыхала, Гелка-Белка ты моя!..» — И, схватив, принимался кружить ее по комнате. Ну до чего отчаянный!

Среднего роста, светло-русый, серо-голубые глаза... вот

он, такой же на портрете: губы упрямо сжаты, нижняя чуть выдалась — признак упорства и настойчивости.

Много можно было бы рассказать о нем. О том, как — всегда веселый, компанейский, хороший товарищ — ездил в командировки с сослуживцами и как-то незаметно, будто так и должно, брал на себя самую тяжелую, самую сложную и неприятную часть работы; как шутил, смеялся в трудную минуту, даря свой оптимизм другим; как, еще в призывном возрасте, просил «бабоньку» сходить в военкомат и похлопотать за него, чтоб взяли, пока не добился своего (а не брали потому, что в ту пору он был единственным кормильцем престарелой женщины); как читал ночи напролет и, не сомкнувши глаз ни на час, утром, как обычно, свежий, бодрый, энергичный, готовый к действию, отправлялся на службу... Что за человек! Все бы такие! Все делал играючи, и на все хватало терпения и времени. Был в сборной УВД — и там был примером. Тренировался всегда как-то яростно, исступленно, будто знал, что это понадобится не только ему.

Две мечты было у него — вступить в партию и окончить юридический институт. В институт поступил в 1968 году. Майор Михаил Гаврилович Сосунов, старший инспектор, его начальник, собирался давать рекомендацию в партию...

— Я стараюсь сейчас понять, что же все-таки в нем было главное. Самозабвенная храбрость? Отчаянность? Чувство долга? — говорит Михаил Гаврилович.— В Крыму... мы вместе ездили туда дважды... в Судаке, где Генуэзская крепость, знаете? заберется на скалу и прыгает. Смотреть страшно, скалы острые, вода внизу далеко, глубина, а он с любой кручи — ласточкой... И не удержишь! Все проверить себя хотел, говорил, что страх унижает человека...

Мы не сказали об его детстве. Родителей не помнил, лишился их рано. Мать умерла, простудившись, когда ему было два месяца от роду. Сироту взяла на воспитание бабушка Татьяна Степановна Наумова. Рос у нее. Тоже жила в Сысерти, после ее перевезли в Свердловск. Все заботилась о нем, даже когда он уже был большой. Как увидятся: «Коля, у тебя чесанки-то есть?» Чтоб не простудился, значит. И он был очень внимателен к ней, «бабоньке», почетное место за столом, сам посадит ее.

...Вокруг опять кричали. «Вон, вон! Скорее!» И не по-русски. Из воды показалась голова Николая. Он греб одной рукой, другой тянул за собой женщину. Арабы, служители пляжа, бросили спасательный круг, он дотянул ее до круга, она была без сознания — наглоталась воды, но еще жива. Ее вытащили на песок, стали отваживаться, а он бросился за второй, и сразу исчез за волнами. Его потеряли. Нет Коли... На мгновение над гребнем волны показалась рука, это было последнее, что видела Геля. В это время вытащили вторую бесчувственную женщину; потом узнают, что ее прибук-

сировал к берегу тоже он. Еще одному туристу помогли выплыть, тоже наш, из Молдавии; об этом она узнала потом, а сейчас все чувства, внимание были с Колей. «Смотрю, Коли нет. А перед глазами все его рука... как будто прощался со мной». Подняли тревогу. Служители александрийского пляжа, преодолевая сопротивление волн, поплыли на шлюпке и нашли, вытащили и привезли его мертвого.

Нет, сперва думали, что, как и другие, он наглотался воды и придет в себя. Стали откачивать, он не подавал признаков жизни. Приехала «скорая», забрала, простыней закрыли, увезли. Люди расходились с пляжа, а море злилось...

Соленая вода попала в горло, перекрыла дыхание, средиземноморская вода очень соленая, даже ест глаза. Врач написал заключение: «Причиной смерти послужила спазма дыхательных путей при спасении утопающего в море».

Назавтра все уехали — пора было возвращаться домой, только она, Ангелина, осталась. Казалось, все еще ждала чего-то, все на что-то надеялась. Неотступно думала о нем, каким он был: сам любил жизнь и в других ценил ее. Все учился, все торопился жить. И вот...

30 ноября 1969 года ему исполнилось бы 32 года.

А море опять было такое ласковое, чуть плескалось лениво. Песок горячий. Солнце в зените, раскаленное, яркое. Нежились обнаженные люди на пляже, а его не было. Придут другие, а его не будет, не будет, не будет. Не будет никогда. Вот в чем ужас смерти.

Их спас, сам погиб.

«Безумству храбрых поем мы песню...»

В вестибюле Свердловского УВД висит на стене большая мраморная доска, на ней — его фамилия: ТАЛАПОВ.

Доска почета и славы. Память о тех, кто ушел навсегда, но всегда в строю, став Гордостью и Примером. После него на ней прибавился ряд фамилий — погибших, отвращая беду от кого-то...

Безумству храбрых поем мы песню,
Безумство храбрых —
вот мудрость жизни...

Содержание

Дни тревог: Повести, рассказы, очерки о людях
Д54 милиции/Колл. авторов (Сост.: Б. С. Рябинин, А. И. Трофимов).— Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983.— 336 с.

В пер.: 1 р. 60 к. 50 000 экз.

Произведения, представленные в сборнике, в документальной и художественной форме рассказывают о многоплановой работе, о конкретных людях Свердловской милиции от ее истоков до наших дней.

Д $\frac{4702010200-061}{М158(03)-83}$ 52-83

ББК 84Р7

ИБ № 1064

ДНИ ТРЕВОГ

Редактор
Н. И. ТРУБНИКОВА
Художник
Е. А. БОРТНИКОВ
Художественный редактор
В. С. СОЛДАТОВ
Технический редактор
Т. Н. ЧЕРЕПАНОВА
Корректор
И. Ш. ТРУШНИКОВА

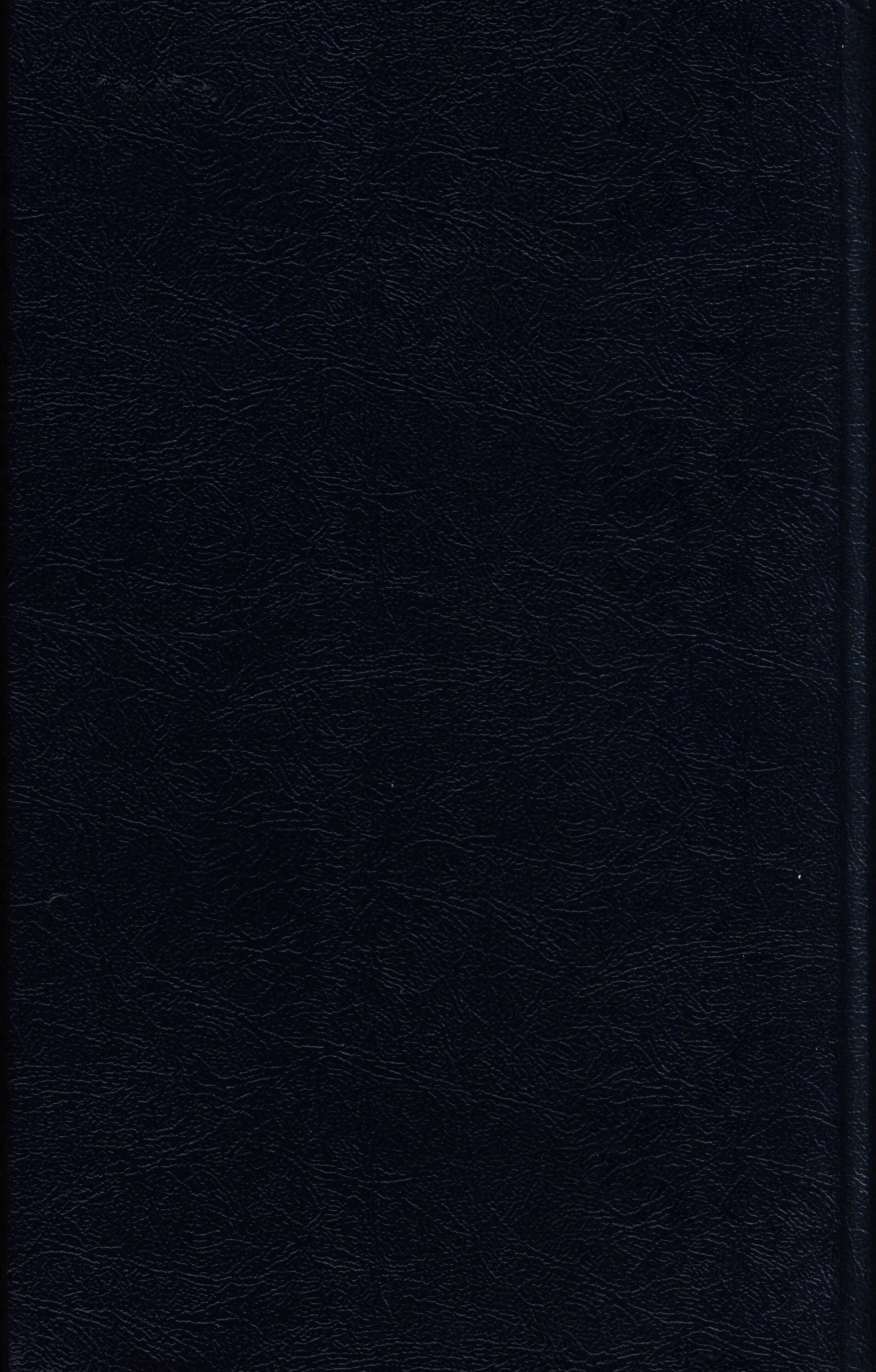
Сдано в набор 29.10.82. Подписано в печать 13.04.83. НС 12083. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типогр. № 2. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,6. Усл. кр.-отт. 17,64. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 50 000. Заказ 540. Цена 1 руб. 60 коп.

Средне-Уральское книжное издательство, 620219, Свердловск, ГСП-351, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», 620151, Свердловск, пр. Ленина, 49.

ях
ин,
кн.

и
он-
ей.

Р7

ДНИ
Т.ЕВОГ